

THE MILLION-COPY BESTSELLING AUTHOR

JODI ELLEN MALPAS

Bestselling
Author of the
**THIS
MAN**
Series

Artful *Lies*

Совершенно новый неотразимый и страстный роман от автора бестселлеров Sunday Times и New York Times из серии This Man. Непреодолимая связь, желание, которое не отпускает.... Когда начинающей продавщице антиквариата Элеоноре Коул предоставляется шанс на всю жизнь поработать в Hunt Corporation, известных торговцах антиквариатом, она не думает дважды. Только для того, чтобы обнаружить, что она будет тесно сотрудничать с печально известным и безумно неотразимым Беккером Хантом. Он известен тем, что получает то, что хочет, а Беккер хочет Элеонору. Но когда Беккер втягивает ее глубже в свой мир, она обнаруживает, что в нем есть нечто большее, чем кажется на первый взгляд. А влюбленность в Беккера превращается из глупости в опасную ...

•

Глава 1

Я никогда не думала, что действительно сделаю это. Я никогда не осмеливалась оставить маму в нашей маленькой деревушке Хелстон, но после многих лет борьбы с чувством вины и горем я наконец добралась сюда, в Лондон, где я всегда хотел быть. Может быть, на несколько лет позже и определенно при дерьмовых обстоятельствах, но я справилась.

Мама будет в порядке. Это то, что я неоднократно говорила себе с тех пор, как села в поезд. Ее яркая улыбка казалась натянутой, ее волна казалась неуверенной, и ее голос дрожал от эмоций, когда она крепко обняла меня и велела показать Лондону, из чего я сделана. Но я не уверена, из чего я сделана. Мне еще предстоит выяснить.

Мама будет в порядке. Мама будет в порядке. Мама будет в порядке.

Я, наверное, была бы увереннее, если бы с ней был папа.

Мой отец был очень традиционным человеком. У него был небольшой магазин антиквариата, большая часть которого стоила копейки. Он имел обыкновение говорить, что денежная стоимость не имеет большого значения - что более роскошные предметы искусства и антиквариат приносят больше хлопот, чем они того стоят. Я не был согласен с ним, хотя с годами научился не вступать в споры по этому поводу. Многие называли моего отца чудачком. Они были правы. Он определенно был персонажем, проводившим все свое время потерянным в горах хлама, которые он называл своим сокровищем, его очки упирались в кончик носа, пока он осматривал, полировал или реставрировал то, что недавно приобрел. Мама называла его магазин Steptoe's Yard. Я называл это офисом.

Я определенно унаследовала от отца увлечение всем старым, хотя меня всегда тянуло к более богатой и исторической части спектра искусства и антиквариата. Более редкие и желанные штуки. Настоящие сокровища этого мира, а не ветхое барахло, которое, казалось, нашел мой отец. Я успешно справился мои уровни А, плыл через историю степени в университете, и все было готово, чтобы преследовать свою мечту. . . а потом скончался отец. Через неделю диагностировали опухоль головного мозга, на следующей его не стало. Ничего не поделаешь. Также не было времени смириться с этим, пока он не

оказался прикован к постели, где его состояние быстро превратилось в ничто. Он был кожа да кости. Половина человека, которого мы знали. Мама была в отчаянии. Я был в шоке. Папы не стало.

Так и было. Мое будущее было предрешено. Я пожертвовала своей мечтой отправиться в большой, широкий мир, чтобы сохранить память об отце и его драгоценный магазин открытым. Я думаю, это можно назвать естественным развитием. Мне это казалось не очень естественным. В то время как сокровище отца питало в моем сердце определенную нежность, это был не тот уровень истории, который я мечтал исследовать. Но мама нуждалась во мне.

Теперь его нет пять лет. Большую часть своих двадцатилетних я провел в пыли и боролся за то, чтобы бизнес моего отца держался на плаву, мечтая об истории, выходящей за рамки семейного наследия. Мне нравится Сотбис и прекрасный антиквариат. Нравится аукционным домам и историческим мастерам искусства. Как тонны книг о сокровищах, в которые я погрузился. Все это внезапно стало недостижимым. Вина, горе и тяжелое чувство ответственности удерживали меня в Хелстоне. Я задыхалась. Невыполнимо. Отцовский бизнес с каждым днем становился все труднее, и мое чувство цели рушилось. А потом наступил переломный момент. Момент, когда я понял, что стою больше, чем ожидал - как в профессиональном, так и в личном плане. Это был момент, когда я увидела своего парня и лучшую подругу срывающие друг с друга одежду.

Я не кричала. Я не упала на колени в отчаянии. Моему сердцу просто не хватало сил биться быстрее. Я повернулась и пошла прочь, мои мысли были сосредоточены на моем следующем шаге, когда Дэвид погнался за мной, а Эми тихонько двинулась вниз. Мой следующий ход не касался ни одного из них. В тот момент я осознала, что должна преследовать свои мечты ради себя, и с благословения и поддержки мамы я была готова сделать именно это.

Итак, я нахожусь в Лондоне, самом оживленном и величественном городе в пределах моей досягаемости. Я не могу позволить себе вернуться в университет, чтобы получить степень, но я готова начать с самого низа и продвигаться вверх. Мне нужно заработать немного денег и продолжить с того места, на котором я остановилась много лет назад.

Я могу это сделать.

Я там, где должна быть.

Я смотрю на фотографию в руке, которую всегда ношу с собой. Это я и папе. Его рука свободно обнимает меня за плечи, мои длинные рыжие волосы спутаны в его пальцах, и мое лицо скривилось от смеха, вызванного его яростной хваткой. Ему никогда не нравилось отпускать меня. «Я в большом, страшном Лондоне, папа», - говорю я фотографии. 'Пожелай мне удачи.' Я убираю ее в сумочку и глубоко вздыхаю.

Солнце согревает мне лицо, и я улыбаюсь, когда бегу вместе с другими лондонцами по Риджент-стрит. У меня самая шикарная одежда, которую я могу найти в своем гардеробе - черная юбка, которая, боюсь, будет короткой для интервью, но это обязательно, белая блузка с милым черно-белым шарфом в горошек и черный макинтош. Мои пальцы ног защемлены в туфлях на высоких каблуках, но мне все равно. Я без работы, без друзей, и у меня ограниченная сумма денег. Удивительно, но ни одна из этих вещей не вызывает у меня стресса, но это означает, что сегодняшнее собеседование необходимо. Рынок вакансий немногочислен. В лучшие времена в мире искусства и антиквариата никогда не бывает

много вакансий, но сейчас рынок особенно сухой. Мой единственный вариант еще даже не вариант - пока агентство не подтвердит, что слухи верны. Ходят слухи, что на рынке появится очень привлекательная позиция, но пока эти слухи не подтвердятся, агентство не может мне больше ничего сказать. Так что мне действительно нужно закрепить сегодняшнее интервью. Я не могу полагаться на вариант, который может даже не подходить. Я проживу всего месяц до того, как начнут платить за мою квартиру на юге Лондона. Квартира? Я улыбаюсь про себя. Две комнаты вряд ли можно считать квартирой. Все - спальня, кухня, гостиная, столовая - в одной комнате. Другая комната - убогая ванная. Но это мое. Это начало.

Я дохожу до конца улицы и стою у обочины дороги, оглядываясь по сторонам, прежде чем смотреть на часы. У меня есть пятнадцать минут, чтобы найти дорогу по адресу, который я записала, и я не знаю, в каком направлении мне следует двигаться. Я получаю направления, которые мне отправили, но они не имеют никакого смысла, поэтому я беру мой телефон и откройте Google Карты . Вот только у меня нет подключения к Интернету, и все, что я могу сделать, это не швырнуть эту чертову штуку в стену, когда я пойму почему. У меня не останется данных.

«Черт», - проклиная я про себя, ныряя перед бизнесменом. «Простите, не могли бы вы сказать мне, где это находится» Я отступаю в сторону на разочарованный хмуриться без слова извинений , как он парит мимо меня. «Хорошо», - бормочу я, выпрямляясь. - О, не могли бы вы мне помочь, пожалуйста? Я перехватываю нарядно одетую женщину, но она просто машет мобильным телефоном мне в лицо, прежде чем поднести его к уху и поспешить прочь. 'Большое.' Я оцениваю многих людей, уклоняющихся от моего неподвижного состояния, когда стою посреди тротуара, как клоун. «Добро пожаловать в Лондон», - вздыхаю я, опуская плечи.

Я перехожу дорогу и радуюсь, когда вижу карту на углу. Мне нужно несколько секунд, чтобы понять, где я нахожусь, еще несколько секунд, чтобы найти пункт назначения, и всего наносекунду, чтобы понять, что мне потребуется больше пятнадцати минут, чтобы пройти его. Или хромать. В ногах пульсирует. Сегодняшнее интервью на потрясающую должность - личный помощник куратора аукционного дома . Это идеально. Я не могу опоздать.

Я ныряю на дорогу и машу рукой в воздухе, как сумасшедшая, в поисках свободного такси среди моря черных машин . Индикатор одного из них начинает мигать, и он пересекает движение, подъезжая к обочине рядом со мной.

Ступая с тротуара, я беру дверную ручку , но это все, что мне нужно. «О,» Я лечу, что - то движется в мою сторону, сбивая меня с баланса . Я шатаюсь, теряя равновесие на краю обочины, проклятые каблуки, которые искалечили меня все утро, диктовали мою судьбу. Земля приближается к моему лицу слишком быстро, чтобы мой мозг мог догнать и передать любые инструкции моим рукам, которые отказываются прийти и спасти меня. Проклятье.

Принимая неизбежное, я зажмуриваюсь и жду, пока тротуарная плитка встретится с моим лицом.

Но это не так.

Нет ни звука, ни боли, ни визга.

Меня окутывает тепло, собирая в надежный узелок и осторожно поднимают, спасая от неминуемого падения. Слышен глухой удар, но приземление мягкое, и я все еще вертикально. Мои руки собраны передо мной, зажаты между грудью и чем-то твердым. И

запах. О боже, запах. По своей сути мужской запах, кожа, пряности и что-то лимонное. Это пропитывает мой нос, у меня кружится голова.

«Осторожно», - шепчет мужчина, мягко усаживая меня.

Мои глаза не отрываются от его горла - горла, покрытого ровной темной щетиной. Я должна поблагодарить его. Я должна поправиться. Я должен сесть в это такси, пока не опоздаю на собеседование. Но как бы я ни кричала на себя изнутри, чтобы вырваться из него, снаружи ничего не работает. Рев Лондона вокруг меня - не что иное, как приглушенный белый шум.

Я прижимаю сумку к груди, как защитный щит, и смотрю вверх. Волосы у него темно-коричневые, аккуратно подстрижены и прилегают к голове по бокам, но длиннее на макушке и покрыты, как я знаю, грубой массой покрытых воском пальцев. Карие глаза с зелеными крапинками сияют на меня из-за очков в толстой оправе, которые идеально подходят к его идеальному носу. Его глаза, обрамленные длинными ресницами, тяжелые и ангельские, почти женственные, и смотрят на меня ленивым, почти веселым взглядом. Господи, это все, что я могу сделать, чтобы не подходить ближе и изучать их. Он выглядит знакомым, и я наклоняю голову, гадая, где я могла его раньше видеть. Я глупая. Я была заперт в Хелстоне большую часть своей жизни. Я не могу его знать.

Мои глаза падают, как камни, когда я понимаю, что пялюсь, приземляясь глазами на какие-то шикарные серые брюки. Его позиция расширяется, как будто он осознает что за ним наблюдают и решил продемонстрировать себя в лучшем свете. Материал немного натягивает его бедра из рук, набивающих карманы. У него крепкие бедра. Крепкие бедра. Бедра регбиста.

Я откашляюсь от горла. - Простите, - говорю я, хватаясь за ручку двери кабины. Но он движется быстро, проносится мимо меня и прыгает в такси. Мое такси. - Эй, - возмущенно говорю я, моя рука трясется, когда я теряю хватку за ручку, когда он закрывает за собой дверь. Я в шоке отступаю. Он даже не смотрит на меня, даже не признает, что оставил меня на обочине. Но что я вижу, так это широкую спину под серым пиджаком и темно-синий шарф, свободно обернутый вокруг его шеи. А потом, когда он устраивается на сиденье, я вижу его профиль. Я снова стала жалкой на секунду. У него самый идеальный профиль из всех мужчин, которых я когда-либо видела.

Я отряхиваюсь от своих неуместных наблюдений. Этот мерзавец только что украл мою машину - мерзкий ход, который сводит на нет тот факт, что он спас меня от падения. Или что он великолепный сукин сын. Я прошу его взглянуть на меня, чтобы я мог бросить на него злобный взгляд, но убудок уклоняется от моих взглядов, и такси уезжает, прежде чем я успеваю распахнуть дверь и бросить в него оскорбления.

Ошеломленная и раздраженная, я стою на обочине с открытым ртом и смотрю на уезжающую машину сзади. Он медленно поворачивает голову и смотрит в заднее окно. Такси может быть уже в пятидесяти футах от меня, но я определенно вижу, как медленно формируется самодовольная улыбка.

«Ты придурок», - выдыхаю я и слишком долго смотрю, пока такси не затеряется среди других машин. 'Дерьмо.' Я беру себя в руки.

Мои глаза метаются через дорогу, моя рука снова взлетает в воздух, но мне снова не везет. Каждое такси проплывает мимо.

Принимая глубокий вдох, я качаю головой, я достигаю вниз и удалить мои пятки. У меня нет времени или свободы, чтобы беспокоиться о том, что я собираюсь

сделать. «Извините», - пою я, бегая босиком по улице, уворачиваясь от всех на своем пути.

Мои ноги работают быстро, и, несмотря на то, что пешеходы, прыгающие с моей дороги, хмурятся, я стараюсь успеть на собеседование вовремя.

Но я не успеваю.

Я приземляюсь возле грандиозного здания в четверть одиннадцатого после того, как слишком много раз поворачивала не туда на поворотах. Мое лицо влажное, длинные рыжие волосы падают на глаза, а щеки, наверное, розовее, чем обычно. Я должно быть выгляжу ужасно.

Держась за край стены, я надеваю туфли и с опасностью смотрю на свое отражение в окне. «Чепуха». Мои опасения подтверждаются. Я выгляжу так, будто меня протащили через изгородь задом наперед. Мои карие глаза слезятся, тушь течет. Вряд ли подхожу для элитного аукционного дома.

Следующие пять минут я провожу, выпрямляясь, и теперь опаздываю на целых двадцать минут. Если бы я не так отчаянно нуждалась в работе, я не была бы настолько дерзкой, чтобы появиться на стойке регистрации и извиняться. Но я в отчаянии. Мне очень нужна эта работа. И я очень, очень хочу этого. Именно этот лондонский аукционный дом - Parsonson's - известен тем, что торгует только самыми известными и коллекционными предметами. Это все, о чем я когда-либо мечтал.

Хорошо, Элеонора. Ты можешь это изменить. Улыбка. Стой прямо. Давай сделаем это.

Мой телефон начинает звонить, и я разочарованно рычу, ныряя в сумку. Имя моего бывшего парня на экране добавляет мне уже измученных нервов. «Уходи, Дэвид», - бормочу я, отклоняя звонок, прежде чем выключить телефон. Я все сказала, что хотел сказать, пока он гнался за мной, натягивая свои боксеры. Что было обычным делом. Он еще не получил сообщение?

Выбросив Дэвида из головы, я сосредоточилась на текущей задаче: найти себе работу. Сняв свой макинтош и расправив плечи, я пробиваюсь через вращающуюся стеклянную дверь в приемную. Я сразу чувствую себя не на своем месте. Это клинически, с только изогнутым белым столом, который сливается с белым полом и стенами, и четырьмя белыми кожаными диванами, расположенными в форме квадрата. Там тоже тихо, но мои осторожные шаги, громко щелкающие по мраморному полу, вскоре нарушают тишину, привлекая внимание нетронутой женщины за столом.

Она смотрит на меня поверх очков и улыбается, согревая прохладную атмосферу. «Доброе утро», - приветствует она, вставая со стула.

'Здравствуй.' Я украдкой натягиваю блузку, понимая, что моя одежда слишком тусклая, а это место совсем не такое. «У меня интервью. Мне сказали спросить Шелли Питерс.

- А, секретарь мистера Тиммса. Вы?'

«Элеонора Коул».

«Да, вы в нашей системе». Она тянется за планшетом и протягивает его через высокий стол, и я немного расслабляюсь, радуясь тому, что она не упомянула о моем опоздании. «Войдите здесь, пожалуйста».

Я беру ручку и записываю свое имя, прежде чем толкнуть ее обратно через стол. 'Спасибо.'

'Пожалуйста. Поднимитесь на лифте на седьмой этаж.

Улыбаюсь с благодарностью, я следую к лифтам, нажмите кнопку вызова, есть время пока я жду, чтобы восстановить свое равновесие. Когда двери открываются, я захожу внутрь

и поднимаюсь на седьмой этаж, где обнаруживаю, что минималистичная тема едина во всем здании. За исключением нескольких растений, здесь так же мало и холодно. «Привет», - говорю я, когда подхожу к стойке администратора.

Дама смотрит вверх, на ее острых чертах нет ни намека на дружелюбие. «Я предполагаю, что вы Элеонора Коул», - резко бросает она, бросая файл в сторону своего стола.

Я напрягаюсь под ее надменным взглядом и поправляю свое веселое лицо. 'Да.' У меня такое чувство, что даже если бы я сказал этой женщине, что меня сбили, и я вытащил себя из больницы, чтобы добраться сюда, ее это не коснется, не говоря уже о том, что какой-нибудь грубый придурок украл мою машину. 'Я извиняюсь за-'

«Давайте не будем больше тратить время друг на друга. Мистер Тиммс - очень пунктуальный человек. Вы опоздали более чем на двадцать минут».

'Это просто-'

- Собаку сбила? Ваш поезд сошел с рельсов ?

'Нет, это-'

«Г-н Тиммс перешел к следующему кандидату , который, кстати, имеет квалификацию».

«Но я считаю, что у меня есть рабочие практические знания, чтобы соперничать с любым другим кандидатом» , - возражаю я. Мое резюме было чем-то, чем можно было гордиться, когда я его закончил, даже если в нем не хватало некоторых важных вещей. . . вроде квалификации. Поскольку их не хватало, мне приходилось проявлять творческий подход . я написал страницы и страницы слов, затрагивающие все, что я знаю. А это много. Должно быть, это привлекло внимание моего потенциального работодателя, раз уж я получил это интервью. Или было.

«Теперь это не имеет значения», - бормочет она. 'Спасибо за ваше время. Прощай.' Ухоженная рука берет трубку. «Доброе утро, Парсонсон».

Я отхожу от стола, прекрасно понимая, что не смогу бросить ей вызов. И вообще, я уверен, что не хотел бы здесь работать, даже если бы и была в нужде.

Медленно идя к лифту, я игнорирую тот холодный факт, что я в значительной степени бедна, и эта работа может быть разницей между сохранением моего нового дома и осуществлением своей мечты или возвращением в Хелстон неудачницей. Моя реальность внезапно становится слишком реальной, когда я вхожу в лифт и падаю вместе с ним на землю. Ублюдок-вор.

Нежно улыбнувшись более милой секретарше, я прохожу мимо ее стола, вхожу в вращающуюся дверь и использую свои убывающие силы, чтобы толкнуть ее. Я чувствую себя немного потеряннм и побежденной, иду, не понимая, куда я направляюсь.

Что мне теперь делать? Думаю, вернутся к квадрату - дверь коробится, и я врезаюсь прямо в нее, отскакивая от стекла всемогущим ударом и роняя сумку. 'Проклятье.' Я моргаю, ясно видя, кладу руку на колено и стираю укол боли, прежде чем сесть на корточки и начать собирать содержимое сумки. Может ли этот день стать хуже?

Я все еще приседаю, когда смотрю налево, затем направо и вижу, что с обеих сторон я заключен в плен за стеклом. Я замечаю его, только когда встаю и убираю с лица рыжую гриву.

Мужчина.

Мужчина в сером пиджаке, застрявший по ту сторону вращающейся двери. Я поднимаю

глаза и вижу безумно красивое лицо, когда он тянется к своей шее и что-то тянет.

Шарф.

Темно-синий шарф.

Осознание бьет меня по лицу.

Его серый пиджак, шарф, до смешного красивая внешность и его сияющие карие глаза.

Где очки в толстой оправе? Как будто он прочитал мои мысли, они появляются, медленно поднимаясь к его лицу, но он их не надевает. Он подносит очки ко рту и засовывает их между зубами, и мои глаза все время следят за ними.

Вор такси.

И теперь вор работы тоже.

Я задыхаюсь, и стекло передо мной поднимается, мои глаза смотрят в его глаза. Его рот растягивается в ухмылке, его ленивые глаза блестят. Он меня помнит. Я хочу высказать ему свое мнение, но вместо этого ловлю себя на том, что замолкаю. Он причина того, что я ухожу отсюда в унынии. Или чувствую себя подавленной. Теперь я не знаю, что чувствую. Трепет? Он, должно быть, волшебник или что-то такое же волшебное, потому что я чувствую, что нахожусь под чарами. В моей голове множество инструкций, но они исчезают, прежде чем я смогу действовать в соответствии с ними. 'Вы.' Мое жалкое обвинение слетает с моих губ простым шепотом.

«Я», - подтверждает он, наклоняя голову и оглядывая на меня с головы до ног, надевая свои очки Ray-Ban в толстой оправе. - Хорошо?

'Да.' Мой ответ исходит от легкого дуновения воздуха, и когда мне, вероятно, следовало бы выбраться из вращающейся двери, я обнаружила, что вместо этого смотрю на его поразительное лицо.

- Ты собираешься остаться там на весь день? - спрашивает он с намеком на юмор. Он засовывает руки в карманы и устраивается в положении стоя. Он безупречный, даже если он грубый придурок. 'Что ж?' - спрашивает он, когда я прикусываю нижнюю губу, моя рука неуверенно поднимается к стеклу двери, пока я роюсь в голове в поисках слов.

И вдруг у меня есть одно.

«Черт», - бормочу я, чувствуя, как трепет покидает меня, а раздражение находит меня. «Благодаря тебе я пропустил...» Что-то ударило меня о спину, и я внезапно двинулся вперед. 'Привет.' Я упираюсь пятками, откидываюсь назад, пытаюсь не дать ему повернуть дверь. Я не ровня ему. Я прищуриваюсь, глядя на него, пока он продолжает толкать. 'Веселишься?' Я спрашиваю.

Он одарил меня легкой, но волчьей ухмылкой. 'Конечно.'

Меня выплюнули из вращающейся двери, но не на улицу. Я снова в приемной аукционного дома. Нахмурившись, я поворачиваюсь и смотрю за стекло на улицу. Он стоит там, его ухмылка исчезла, его глаза низкие

его рука поднимается ко мне, и мои глаза, наконец, перестают фокусироваться на его потрясающем лице. Он тянет за то, что застряло в двери.

Что-то черное в белый горошек.

Я задыхаюсь и тянусь к шее, чтобы нащупать свой шарф. Его там нет. Я снова смотрю на него, обнаруживая новые искры озорства, когда он медленно наматывает ткань моего шарфа в горошек на свой кулак. О боже, у него есть что-то от меня, а это значит, что мне нужно заставить мои ноги двигаться, чтобы получить это от него.

Черт, это смешно.

Я едва отрываю ногу от пола, как прекращается мое намерение вернуть свой шарф. Он подносит его к носу и смотрит на меня, глубоко вдыхая. Мышцы между моими бедрами сжимаются в спазме. Я стораю. Я не могу пошевелиться. Но я могу говорить. Только. «Мой шарф, пожалуйста».

Он начинает делать медленные шаги назад, удерживая мой шарф на месте на несколько мгновений, прежде чем медленно его опустить, обнажая улыбку, которая могла бы охватить каждую женщину в радиусе десяти миль. «Плата за ваше спасение».

Что? Спасение меня? Я безработная из-за него. Мужчина заблуждается. И слишком чертовски горячий для его же пользы. Я сглатываю и закрываю глаза, пытаюсь набраться терпения. Это займет гораздо больше времени, чем мне бы хотелось, и когда я наконец открываю их, готовый сразиться с этим надоедливым идиотом, он ушел.

Воздух попадает в мои легкие и обжигает их, и моя рука тянется к груди, когда внезапно регистрируется частота сердечных сокращений. Это безумная, дикая борьба в пределах моей груди.

Что, это черт возьми?

Я прохожу мимо двери и приземляюсь на улице. Его нигде не видно. Моя рука снова тянется к шее, просто чтобы проверить, нет ли моего шарфа, просто чтобы убедиться, что я не представляю, что только что произошло. Моя шея обнажена. Если бы мой пульс не стучал в моих венах, я бы подумал, что мне приснилось это.

Плата за ваше спасение.

Я смеюсь себе под нос и начинаю медленно, неуверенно идти к главной дороге.

Нет, придурок, ты меня не спас. Ты испортил мне гребаный день.

Глава 2

Я вошла в общую дверь своего дома, вешая трубку прекращая разговор с мамой. Она казалась здоровой - вообще-то позитивной. Было приятно слышать, но трудно сопоставить. Я накормила ее хламом, сказала, что мое первое интервью прошло отлично, и я ожидаю ответа от них. Я не мог сказать ей правду.

Я медленно поднимаюсь по лестнице в свою квартиру на первом этаже, чувствуя себя немного уставшей, но мне нравится чувство принадлежности, которое растет по мере приближения к моей входной двери, несмотря на ограниченность мебели и личных вещей. Я постепенно сформировала дом, который был близок к уюту - и он действительно уютный.

Вставляя ключ в замок, я толкаю дверь и бросаю свои сумки, прежде чем со вздохом оттолкнуться. Та часть меня, которая знает, что мой отец не слишком любил, когда я отправляюсь в устрашающий мир антикварного бизнеса, глупо задается вопросом, влияет ли он на все эти невезения. Пытается вернуть меня в Хелстон, чтобы я открыла его магазин барахла. Я вздрагиваю. «Я не это имела в виду, папа».

У меня звонит мобильный телефон, и я достаю его из сумки, стоя, когда вижу номер агента по недвижимости, которого я наняла, чтобы продать магазин моего отца. 'Здравствуйте.' Я опускаюсь на диван.

«Мисс Коул, Эдвин Смит из «Смит и партнеры».

«Привет, Эдвин. Есть новости для меня?»

«Ну, видите ли, у нас было много людей, но, честно говоря, мисс Коул, потенциальные покупатели из всех сил пытаются заглянуть за хлам, сваленный под потолком».

Моя кровь нагревается, его заявление режет меня глубоко. «Хлам?» - спрашиваю я, не пытаясь укротить оскорбление в своем тоне и игнорируя тот факт, что я постоянно называю сокровища отца хламом.

После небольшой паузы он снова заговорит. «Акции», - дипломатично говорит он. «Я думаю, что всем будет на пользу, если его уберут из магазина. Покупатели увидят удивительный потенциал без него. . . акции загромождают щедрое пространство. И вы получите свою продажу намного быстрее. Я работаю в ваших интересах, мисс Коул, - добавляет Эдвин. «Он находится на рынке больше месяца и не движется. В качестве альтернативы мы можем пересмотреть запрашиваемую цену».

«Не вариант», - сказала я ответить без колебаний. То, что мы получим за папин магазин, едва покроет ипотеку. Маме нужно снять финансовое напряжение.

Я вздыхаю. «Я приму меры, чтобы очистить магазин», - заверяю я его, зная в глубине души, что он прав. Магазин выглядит как свалка, в лучшем случае, но мысли о том, жестоко просеивания через много эклектичных вещей мой отец копили в течение многих лет наполняет меня ужасом. Моя вина за то, что я бросила его бизнес в погоне за своей мечтой, все еще сохраняется. Это ежедневная борьба за то, чтобы не дать ему подавить мои попытки двигаться дальше. Возвращение в Хелстон, чтобы снова встретиться с его магазином, только усложнит эту битву. Я немного рассмеялась. Да, потому что здесь, в Лондоне, все идет хорошо.

«Спасибо, мисс Коул». Эдвин вешает трубку, и я кладу голову на руки на несколько мгновений уныния, прежде чем легкий стук в дверь снова привлек мое внимание. Я хмурюсь, подхожу к двери и открываю ее.

'Здравствуй.' Голос ударяет меня прежде, чем я вижу, кто стоит в коридоре. Женщина. Она ярко улыбается, ее светлый боб идеально уложен.

'Здравствуйте.' Я вопросительно поднимаю голову.

- Я слышал, вы вошли. Думал, я представляюсь. Я Люси. Ее рука идет ко мне. - Люси Бейсон. Я переехал за неделю до тебя. Я живу через холл».

Я беру ее за руку. «Я Элеонора».

Трудно не улыбнуться от игривого присутствия моей новой соседки. – Ты откуда здесь? она спрашивает.

«Нет». Я качаю головой, думая, что чувствую себя рыбой, выброшенной из воды, и, вероятно, я тоже на нее похожа. «Я приехала из Запада страны».

- Ой, - радостно поет она. «Я тоже новенькая в городе».

"Как вы его находишь?"

Она закатывает глаза. Это небольшой жест, но ее усталое выражение заставляет меня чувствовать себя лучше. Похоже, она тоже борется.

«Тяжело», - признает она, усиливая мое облегчение. По крайней мере, я не единственная. «Но сегодня я устроилась на работу в бухгалтерскую фирму, так что, думаю, все не так уж плохо».

Мое облегчение охвачено пламенем. У нее есть работа. Это больше, чем у меня. «Поздравляю».

'Благодарю.' Она улыбается, но быстро хмурится. 'Ты в порядке?'

Я вздыхаю, отказываясь от веселого выступления. Сегодня был вызов. «У меня было интервью. Это был полный провал». Я избегаю почему, не в силах собраться с силами, чтобы вдаваться в подробности.

'Ой.' Люси сдувается вместе со мной. 'Это очень плохо.'

'Это замечательно.' Я снисходительно машу рукой. «Эта работа была не для меня». Ложь. Это было прямо на моей улице, и мне от это немного горько. «Возможно, скоро появится еще одна позиция. Скрестим пальцы.'

«То, что предназначено для вас, не пройдет мимо вас».

Я улыбаюсь, отступая и открывая дверь пошире. «Извини, ты не хочешь войти?»

'Конечно.' Она ярко улыбается, вытягивая и у меня тоже одну, и врывается в мою квартиру.

'Могу я предложить тебе напиток?' Я спрашиваю. «У меня есть вино».

«Ооо, я бы хотела стаканчик». Она прыгает через комнату и роняет свою тощую задницу на кушетку. Она такая стройная. Я заглядываю через плечо на свою фигуристую задницу и хмурится. Никакие упражнения не могут ее уменьшить.

Я наливаю два стакана и передаю один Люси, усаживаясь рядом с ней. 'Рада встрече.' Я поджариваю тосты, и Люси смеется, следуя их примеру, прежде чем мы оба сделаем глоток и коллективно вздыхаем, смеясь и падая обратно на диван. «Почему кажется, что у тебя был такой же день, как у меня?» Я спрашиваю. Она нашла работу. Конечно, она в восторге.

Люси фыркает. «Мое утро было восхитительным. Я устроился на работу и пошла по магазинам, чтобы отпраздновать.

'Зачем?'

«Приехали оба моих родителя».

'Это плохо?' Я бы хотел, чтобы оба моих родителя просто приехали. Меня охватывает печаль, и я провожу слишком много мгновений, принимая, что этого никогда не произойдет. Папы, конечно, больше нет с нами, и я была бы удивлена, если бы мне удалось когда-нибудь заставить маму покинуть душные пределы Хелстона и приехать ко мне.

Люси склоняет голову набок и устало смотрит на меня. «Это плохо когда они пытаются затащить меня обратно к палкам».

- Палкам?

'Сторона запредельного. Самые глубокие глубины английской сельской местности, где моими единственными друзьями были свиньи и гребаные коровы».

Я смеюсь. «Почему они хотят тащить тебя домой?»

«Естественное развитие». Она вздыхает, делая еще один глоток вина. 'Мне суждено взять на себя семейный бизнес, но я бы предпочла засунуть гвозди себе в глаза ».

«Я поняла», - тихо отвечаю я, задумчиво прихлебывая. Она чувствует себя в ловушке, и я полностью понимаю это.

«Там большой страшный мир, - продолжает она, - и я хочу в него войти».

Я улыбаюсь, думая, что мы с Люси могли бы стать хорошими друзьями. Ее обстоятельства могут быть разными, но в нашей ситуации мы так похожи.

'Как насчет тебя? Что привело тебя в Лондон?

«Бывший парень, которого я больше не хочу видеть». Я натянуто улыбаюсь, когда она съеживается, вероятно, читая между строк и придя к правильному выводу. «Но прежде всего, как и ты, я хочу попасть в этот большой страшный мир, полный возможностей».

'Повезло тебе.' Она звенит мой стакан. «Как твои родители отреагировали на то, что ты улетаешь из гнезда?»

«Мой отец скончался». Лицо Люси опускается, но я улыбаюсь, пытаюсь облегчить ее очевидный дискомфорт. - Я понимаю, что это естественный прогресс. Я вела его бизнес

после того, как он умер. Небольшой антикварный магазин . Я свободно использую слово «антиквариат». Я смеюсь, видя его лицо в своей голове, концентрируюсь, пока он рассказывал мне, что он делал со старыми часами, когда я была маленькой девочкой. Тогда у меня не было желания уезжать далеко от родителей или крошечного антикварного магазина он казался огромным, когда я была ребенком. Только когда я начала изучать историю, потерялась в сотнях книг в моей библиотеке и получила более широкие познания в словах «антиквариат» и «искусство», что я увидела за пределами представления отца об истории. Теперь часы, дни, месяцы и годы чтения, учебы и мечтаний кажутся глупой тратой моего времени. «Я люблю историю», - тихо говорю я. «Просто вещи с немного большей историей, чем удалось найти папе».

Люси грустно улыбается. "Как он умер?"

'Опухоль головного мозга. К тому времени, когда они поставили диагноз, было уже слишком поздно ».

«О, Элеонора, это ужасно».

Я киваю в молчаливом согласии. Я утонула в сочувствии, вызванном внезапной смертью отца. Не прошло и дня, чтобы кто-нибудь в моей маленькой деревне не выразил свои соболезнования, пока я не убедилась, что не осталось никого, кто нас жалел. Я была права. Взгляды, шепот, неловкое молчание, которое наступало всякий раз, когда я входила в магазин, и люди следили за мной. Все стало слишком. Это усиливало желание бежать из Хелстона, но чувство вины было столь же сильным. Я не могла оставить маму. Я не могла выйти из магазина. Я не могла бросить своего парня.

- А парень? - неуверенно спрашивает Люси.

Я вскакиваю с дивана, чтобы положить конец этому разговору. «Он отодвинулся от меня и приблизился к моей лучшей подруге», - прямо говорю я, совершенно не проявляя никаких эмоций, когда иду на кухню. Горе ослепляет. И почему-то, хотя Эми «ничего не значила», они с Дэвидом все еще вместе на орбите. Я знаю, потому что моя мать упомянула, что видела их вместе в городе. Так какого хрена этот ублюдок все еще зовет меня?

Взяв вино, я доливаю себе стакан. 'Еще?' Я спрашиваю.

Опустив остаток стакана, Люси протягивает мне его. «Наливай, - приказывает она, заставляя меня улыбаться.

Отлично. Я переливаю оставшееся содержимое бутылки в ее стакан.

Через несколько часов мы смотрим на три пустые бутылки. Сносив первую бутылку вина за считанные минуты, Люси быстрым шагом потащила ее через холл к своей квартире и схватила все алкогольное - это оказалась бутылка красного и несколько дешевых игристых напитков. Мы действительно все перепутали, и наше пьянство тому свидетельство. Я не ела и не принимала душ, а мои рыжие волосы беспорядочно собраны в огромный узел на голове.

Мы говорили об Англию. Мы рассмотрели все мыслимые темы, привели мир в порядок и смеялись над всем этим. Люси и я теперь твердые друзья. Мы также носились по моей квартире под песню Уитни Хьюстон «Я каждая женщина», как пара возбужденных, слегка грустных одиноких психов.

«Мы должны пойти куда-нибудь в эти выходные», - поет Люси. «Боже мой, мы должны полностью покрасить город в красный цвет». Она падает на диван и пытается сесть, держа наполовину полный стакан, чтобы не пролить его. И не получается. "Упс". Она смеется, решая вытянуть шею, прежде чем скатиться с дивана на пол. «Думаю, я немного зол». Она икает и вскакивает на ноги, раскачиваясь на месте. «Ты, Элеонора Коул, - она показывает на

меня стаканом, снова икнув, - плохо влияешь на меня ».

Икк. Она вытирает рот тыльной стороной ладони и некоторое время пытается сосредоточиться на мне. «Я чувствую себя немного больной». Она начинает кружить ладонью по животу, ее лицо немного зеленеет.

«О нет, ты ведь не собираешься рвать?» Я протрезвела через секунду, мысль о том, что мой новый коврик украшен рвотой Люси, помогла мне. Я беру ее за локоть и веду в ванную. «Положи голову на унитаз».

Она падает перед туалетом, ее голова безжизненно болтается, и она стонет. «Ооооо, я собираюсь. . . ' Она дергается и рвет, хватаясь за сиденье унитаза, а я пытаюсь удержать ее волосы. Мое лицо морщится от отвращения, когда запах распространяется и загрязняет воздух.

'Все в порядке?' - спрашиваю я, перекидывая ее светлые волосы одной рукой, чтобы другой зажать нос. 'Воды?'

«Черт, я не рвала алкоголем со времен университета», - бормочет она, неуклюже падая задницей на пол. Она трет ладонями щеки. «Да, пожалуйста, воды».

«Я принесу немного», - говорю я ей, бросаясь на кухню. Я вернулась через несколько секунд, улыбаюсь, когда она падает обратно, задыхаясь, прежде чем рухнуть на спину, уронив стакан на пол.

'Давай. Поднимайся.

«Просто оставь меня», - ругается она. «Мне здесь будет хорошо».

«Ты можешь лечь в мою кровать». Я использую все свои силы, чтобы поднять ее, глядя в дверь ванной, чтобы точно оценить, как далеко мне нужно ее затащить. Я считаю примерно восемь метров. Выполнимо. «Только не рви в мою кровать», - умоляю я, съеживаясь от сильного запаха больной Люси, крадущейся из ванной позади меня.

Я практически несу ее через свою квартиру и позволяю ей рухнуть на мою кровать, как мешок с окунями. Мне не нужно беспокоиться о том, чтобы ее уложить. Она хватается мое одеяло и переворачивается, забирая его с собой.

«Прекрасно», - вздыхаю я, отступая и оглядываясь вокруг своего нового дома, гадая, где, черт возьми, я собираюсь спать. «Это ты и я», - говорю я дивану, снимая накидку из искусственного меха с изножья кровати.

Промыв унитаз, брызнув в него почти всю бутылку отбеливателя и опустошив банку освежителя воздуха, я плюхаюсь на диван и прижимаюсь к нему. И когда я слышу милое бормотание и несколько фырканья, я не могу не улыбнуться в потолок. Я могу быть безработным, но, похоже, у меня теперь есть друзья.

Добро пожаловать в Лондон.

Глава 3

Одна из вещей, которые мне больше всего нравятся в Лондоне, - это доступный кофе. Дома не было шумных кофеен. Но здесь каждый угол, за которым я поворачиваюсь, дает возможность получить такую возможность, и я собираюсь ею насладиться.

На следующий день, пробиваясь через дверь кофейни, я обнаруживаю, что она гудит от активности, и вдыхаю насыщенный запах кофейных зерен, позволяя воздуху выходить вместе с моим заказом. «Средний плоский белый, пожалуйста».

'Выпить?'

'Выиграть.' Я жонглирую своим телефоном и сумочкой, чтобы получить пятерку, провожу ее по прилавку, проверяя электронную почту после получения дополнительных

данных сегодня утром, надеясь, что агентство по трудоустройству отправило несколько потенциальных вакансий. Это все, что я могу сделать, чтобы не визжать от восторга, когда вижу электронное письмо о редкой и захватывающей возможности. Шепот был правдой. «Боже мой, - выдыхаю я, лихорадочно просматривая информацию. Мне предлагают интервью сегодня в три часа. Это всего в часе езды. «Нет ничего лучше небольшого уведомления». Но потом я хмуро смотрю на свой экран. В настоящее время они не могут раскрыть название компании? 'Как?' Я сомневаюсь в своем телефоне. Зачем? Значит, я понятия не имею, с кем имею дело? Я продолжаю читать, и мне посоветовали искать табличку с надписью «Убежище», как только я приду по указанному адресу, прежде чем он даст мне краткое изложение должности, в то же время сообщив мне, что эта фирма известна и известна в области искусства и антиквариата. «Тогда скажи мне проклятое название компании», - бормочу я, набирая ответ, в любом случае принимая интервью. Не то чтобы у меня была роскошь выбора. Нет компаний, бросающих мне в ноги предложения о работе.

Я набираю номер своей маме, чтобы услышать ее голос, хотя я не могу сказать ей, как все ужасно идет.

«Элеонора», - говорит она, рада моему звонку. Мое уныние немного утихает, и, схватив кофе, я разворачиваюсь, собираюсь пойти и поговорить, но, поворачиваясь, я встречаюсь с чем-то, с чем я была слишком хорошо знакома вчера.

Что-то темно-синее свободно обвивало взлохмаченное горло.

Какого черта?

Моя кофейная чашка начинает трястись, как будто легкое трепетание моего сердца переместилось от моей руки, заставив ее завибрировать, и мой телефон безвольно сидит у моего уха, когда мама несколько раз повторяет свое приветствие.

Он.

Вор такси.

Вор шарфа.

Вор работы.

Великолепный экземпляр с глазами ангела.

«Я перезвоню тебе, мам», - пишу я, позволяя телефону скользнуть по щеке. Я слабо слышу ее «хорошо», прежде чем закончить разговор и сунуть телефон в карман. И это все, что я могу достичь в ставках движения прямо сейчас. Что с этим парнем? Три встречи за два дня? Лондон огромен. Мой взгляд поднимается вверх без всяких инструкций, пока я не обнаруживаю его прекрасные ореховые глаза и не останавливаюсь на них.

На его красивом лице появляется ухмылка. «Тебе не следовало прерывать звонок из-за меня».

«Я этого не делала», - бормочу я, отрывая взгляд от него, прежде чем они уловили меня его чарами.

«Мы должны прекратить такие встречи». Он тянется через мое плечо и протягивает бариста записку. Его голос. Боже мой, его голос. Это глупо, но единственный способ, которым я могу действовать наполовину в присутствии этого человека, - это не смотреть на него.

Я так и делаю, осматривая кофейню. 'Ты следишь за мной?' - спрашиваю я, перекладывая кофе в другую руку в надежде, что движение уменьшит мою дрожь.

«Не обольщайся, принцесса. Я просто пью кофе».

Принцесса? «Я не принцесса. И где мой шарф?»

«Какой шарф?»

Его вопрос смягчает мою дерзость, и я втягиваю воздух, глядя на него. Я не уверена, что это из-за шока, или они просто жаждут большего от него. Он ухмыляется. «Тот, который ты украл у меня», - напоминаю я ему, наклоняя голову, пытаюсь прочесть его. Он самодовольный.

Покачивая головой и смущенно взглянув, он смотрит в небо. «Я не помню».

Я саркастически смеюсь. Я не в настроении для его игр. Не сегодня. Вчера он испортил мне день, лишил меня шансов получить работу своей мечты, и я не позволяю событиям повториться сегодня. «Хорошего дня», - твердо говорю я, поворачиваясь и ухожу.

'Что ты читаешь?' - спрашивает он, заставляя меня остановиться. Я смотрю на свою сумку и вижу книгу, которую сейчас пытаюсь вытащить. «Энциклопедия антиквариата Миллера».

Он одобрительно кивает. - Библия мира антиквариата?

'Да.' Я хмурюсь, изучая его, думая, как он снова знаком. «Я тебя знаю?»

'А ты хочешь?'

О, дерзкий ублюдок. Я собираюсь поправить его, но он подходит ко мне, подавляя мое намерение своей близостью. Мое тело застревает, я теряю всякую разумную мысль, и мои слова покидают меня. Он берет свой кофе и подходит ко мне. Я бы двинулась, но я слишком занята, пытаюсь сохранить самообладание. Он прижимается губами к моему уху, и мои глаза сжимаются, мои легкие становятся тяжелыми, затрудняя мое дыхание. «Я бы пригласил тебя на ужин», - провокационно шепчет он, явно стремясь выглядеть чертовски сексуально. Оно работает. Несмотря на мое раздражение по поводу этого человека, я дрожу в пятках, пульсирую внизу, и меня это действительно очень раздражает. «Но я склонен избегать женщин со склонностью к преследованию». Он вырывается, поворачивается и неторопливо уходит, оставив меня с открытым ртом.

«Я не...» Мой разум пустеет, отвлеченный его достойной наградой - задницей, когда он уходит.

Я выдыхаю с потоком воздуха, облегчая горящие легкие. И прежде чем я узнаю это, я иду за ним, не готова снова оказаться в замешательстве. О нет. Он уже сделал это со мной дважды. Не в этот раз. И кроме того, кто сказал, что я все равно приму его приглашение?

«Эй!» - кричу я, кидаясь через кофейню, чуть не вытащив на своем пути пенсионера. «Извините», - говорю я, вырываясь на свежий воздух. Я вижу его спину вдалеке и марширую за ним. «Давай проясним одну вещь». Я иду за ним по пятам, мои ноги работают быстро, чтобы не отставать от его длинных шагов. «Я не преследую тебя. Я бы сказал, это больше ты меня преследуешь».

«Если тебе станет легче, принцесса». Он бросает слова через плечо в самой раздражающе крутой манере.

Что черт возьми, он так думает?

«И для протокола, я бы не стала с тобой ужинать».

'Тогда ладно.' Он уходит, но я держу его за хвост, раздраженно хмурясь.

«Ты не в моем вкусе», - говорю я, и он смеется, хотя не останавливается и не оглядывается.

«Я во вкусе каждой женщины».

Мое лицо искажается. Я не могу с этим поспорить. Даже сейчас, когда я трогательно гоняюсь за ним по улице, чтобы доказать свою неприкосновенность по отношению к нему,

женщины на каждом шагу пялились на него. «Не в моем», - говорю я, хотя бы для того, чтобы вернуть себе достоинство.

'Ладно. Не в твоём.' Он делает глоток кофе, улыбаясь чашке.

Боже мой, он бесит. «Не уходи от меня». Я хватаю его за руку, заставляя остановиться. Ощущение его на мгновение делает меня глупым, и я катапультируюсь назад во вчерашний день, когда он спас меня от падения и заключил в свои руки.

Я отпускаю его, как будто он загорелся, и мое сердце пронзил электрический ток. Боже мой. Он медленно поворачивается, показывая лицо, обрамленное высокими удивленными бровями. Он это почувствовал? Он смотрит на свою руку, изучая место, которого я только что коснулся, прежде чем снова взглянуть на меня. Я опускаю взгляд на землю, как будто могу спрятаться от него или что-то в этом роде. Я больше не могу смотреть в глаза. Я чувствую, что он читает мои мысли. Последствия нашего контакта все еще жгут меня. Я понимаю, что это неуместные мысли, учитывая, что мужчина совершенно незнакомец, но невозможно ясно мыслить, когда он так близко. Господи, держу пари, что он животное в постели. Все мне так говорит. Мощные ноги, сильные руки, высокое телосложение. Он тренируется, и, держу пари, он время от времени дает хорошую тренировку многим женщинам. И он уверен в себе. Определенно слишком уверенно. Тот факт, что я думаю обо всем этом - а не о том, что он трижды появлялся из ниоткуда - должен вызывать беспокойство. Возможно, меня держали в плену в моем родном городе из-за вины за свою взрослую жизнь, но я узнаю плохого парня, когда вижу его. У этого мужчины на великолепном лице написано бабник. Толстым черным маркером.

Мой взгляд устремлен на его бедра, мои зубы покусывают внутреннюю часть моего рта, когда я позволяю своему разуму блуждать по опасным местам. А потом я хмурился, когда я считаю, что я предположить, чтобы они были опасными местами. Почему не дикий и захватывающий? Я смеюсь внутри, проклиная свою подавленную жизнь. Опасность мне точно не нужна. Но, возможно, мне действительно нужно развлечение.

Мои глаза снова находят его. Он внимательно за мной наблюдает. Очень близко. И его дерзкой улыбки нигде не видно. Это дает мне несколько минут, чтобы обдумать мою предыдущую мысль.

Опасно.

«На что ты смотришь?» - спрашиваю я, поеживаясь под его тяжелым взглядом.

«Я думаю, что могу изменить свои привычки и все-таки пригласить сталкера на ужин».

Я снова смеюсь, и на этот раз искренне. «Ты самый дерзкий человек, которого я когда-либо встречала».

«И у тебя самые красивые рыжие волосы, которые я когда-либо видел». Он тянется к моим волосам и играет с прядью, в то время как я остаюсь неподвижной, мое дыхание резко ухудшается. Его глаза переводятся на мои. «Мы, очевидно, брак, заключенный на небесах».

'Успокойся.' Я убираю его руку, чувствуя, как мои щеки вспыхивают, и мой разум отвлекается, снова задаваясь вопросом о его навыках в спальне. Черт, я обделена. 'Мне надо идти.' Я мило улыбаюсь. - Я бы сказал, это было приятно, но...

«Ты не знаешь». Он подмигивает. - Но если ты когда-нибудь захочешь узнать. . . '

«Я действительно не знаю». Это самая большая ложь, которую я когда-либо говорил. 'Прощай.'

«Разве мы не должны пожать друг другу руки?» Он бросает свою чашку кофе в

ближайший мусорный бак и протягивает руку, и я осторожно смотрю на нее, пытаюсь собраться с силами, чтобы вступить в контакт. Это требует большей психологической подготовки, чем следовало бы.

Я кладу свою руку на его руку и сразу чувствую, как в моих жилах вспыхивает огонь. 'Рад встрече.'

«Разве это не было просто?» - говорит он с прямым лицом.

Я отдернул руку и проскользнул мимо него, мое движение было стремительным и неуклюжим, заставив меня стукнуть его по руке.

Больше огня. Бля, действительно добро пожаловать в Лондон. Я глубоко вдыхаю, пытаюсь успокоиться.

Не знаю, что будет дальше.

Я двигаюсь слишком быстро, чтобы понять это. 'Ой.' Я несколько раз моргаю, когда меня толкают во что-то грубое.

Кирпичная стена.

И что-то сильно прижалось ко мне спереди.

Тело.

Его тело.

Мое дыхание участилось и стало тяжело дышать.

Его лицо близко к моему. Нос к носу. Я напряжена, неподвижна, пригвождена к стене позади меня, его ладони прижаты к стене по обе стороны от моей головы. Его глаза блуждают по всему моему лицу, и я отталкиваюсь от кирпичей в тщетной попытке спастись от жара его тела.

Но он подходит ближе, не удерживая меня против моей воли, но делая почти невозможным побег. Мое сердце так сильно бьется, что он должен это чувствовать. Но причиной моей неподвижности и вздымающейся груди является не испуг. Это что-то другое - то, что мне не очень удобно. 'Что ты делаешь?' Шепчу я. Я никогда не чувствовала вожделения такой сильной или смелой, и это лишает меня всякого смысла.

Он немного хмурится, отступая. «Я считаю, что это может быть прелюдия».

Черт возьми.

Мои губы приоткрываются, чтобы воздух попал в мои горящие легкие. Что, черт возьми, мне на это сказать? «Или это можно рассматривать как нападение», - возражаю я, кидая свою чашку в мусорное ведро. 'Зависит от того, как ты смотришь на это.' Нападение? Что за смех. У меня везде болит, но я не собираюсь признаваться в этом этой дерзкой заднице. Я держу пари, женщины падают на ноги ежедневно. Я не собираюсь быть одной из них.

Я упираюсь ногами в бетон, просто чтобы убедиться, что я все еще стою, а он смотрит мне в глаза, его лоб - это карта линий. Он снова медленно приближается к нему, его рот приближается к моему, его дыхание щекочет мою кожу. Я чувствую, что падаю под его чары, но прежде, чем я поддаюсь притяжению губ, которыми он размахивает, я пришел в себя и хлопнул его руками по груди, отталкивая его. «Извините, но у меня нет времени на более святы пизды», - возмущенно возражаю я.

«Ой». Он немного смеется, подтягивая лацканы пиджака, но хмурый взгляд все еще сохраняется. - Тогда как насчет того, чтобы перестать преследовать меня?

«Я не слежу за тобой, черт возьми», - раздраженно выдыхаю я.

«Конечно, нет». Он включает свои дорогие броги и уходит. «Увидимся, принцесса».

«Надеюсь, что нет», - кричу я ему в спину. Эта задница. Она вызывает у меня слезы. Ублюдок.

Я чувствую себя озадаченной, горячей, похотливой, смущенной, озадаченной. . . раздраженной. «Какая чушь», - говорю я себе, быстро проверяя время. 'Дерьмо.'

Мои мысли перестраиваются в одно мгновение. Если он тоже заставил меня опоздать и на это интервью, я определенно буду его преследовать. . . так что я могу свернуть ему гребаную шею.

Я мчусь в противоположном направлении, отчаянно махая рукой, требуя такси. По крайней мере, я знаю, Мистер Я считаю, что это может быть прелюдия, я не возьму такси.

Я никогда не встречала такого тщеславного придурка.

Глава 4

Первые впечатления . Оно действительно имеют значение, и то, на что я сейчас смотрю, не сулит ничего хорошего для моего интервью. Переулок. Вход охраняется железной дверью со старой металлической вывеской с надписью «Убежище» над ней.

Убежище? «Вряд ли, - тихо говорю я. Но нищим выбирать не приходится.

Я звоню в зуммер на клавиатуре рядом с дверью и жду.

И жду.

И жду.

Я звоню еще раз, на этот раз удерживая ее в течение нескольких секунд, так что раздражающий пронзительный крик растягивается, заставляя меня вздрагивать. Слышно немного потрескивания, а затем вздох неудовольствия. «Терпение - это добродетель», - обрывается женский голос, заставляя меня отступить. 'Чем я могу помочь?'

Я ступаю вперед, поставив свой рот ближе к домофону. «Привет, я ищу Убежище».

«Вы нашли его».

«У меня сегодня интервью. Организовано через агентство ».

'Ваше имя?'

«Элеонора Коул».

'Толкни дверь.'

'Прошу прощения?'

- Дверь, дорогая. Толкни ее».

Я смотрю на домофон. Никогда я не слышал, чтобы слово «дорогая» было произнесено с такой язвительностью. Я почти слышу, как закатываются ее глаза. Сдвиг металла переключает мое внимание с домофона на дверь, и я осторожно протягиваю руку и слегка толкаю ее. Он открывается, открывая переулок, который, кажется, не имеет конца. Или света. Несмотря на то, что я немного насторожена, я переступаю порог, пытаюсь приспособиться к темноте. Пахнет влажными кирпичными стенами, от отвращения морщусь нос. Это напоминает мне отцовскую мастерскую - старую и заброшенную. Знакомый запах разносит мой энтузиазм, когда я медленно продвигаюсь вперед. Я не знаю, куда я направляюсь и что найду, когда доберусь туда. Если я доберусь туда. Я прошла пять шагов и все еще не вижу никаких признаков жизни в конце. Это устрашающе тихо.

Взрыв!

'Дерьмо.' Я летаю, пораженный, мой пульс участился, звук захлопнувшейся двери эхом разносился вокруг меня, заманивая меня в ловушку в пределах кирпичного туннеля. Мои руки начинают цепляться за стену, ощупывая кирпичи, пытаюсь вернуть меня к двери. Земля

под каблуками каменная, обувь не справляется с неровностями, заставляя меня спотыкаться .

Эти несколько безумных моментов, но я, наконец, возвращаюсь к двери, и мне нужно всего два сильных рывка за ручку, чтобы сделать вывод, что я никуда не пойду, кроме как дальше в черную дыру. «Сказочно». У меня есть два варианта. Я могу стоять здесь в темноте и гнить, потому что мне не кажется, что кто-то спешит меня приветствовать. Или я могу рискнуть сломать лодыжку, пытаясь добраться до конца этой черной дыры в никуда, потому что, похоже, единственный способ выбраться отсюда - это найти того, кто меня выпустит.

Я снова нащупываю путь по переулку, осторожно опуская каждую ногу, прежде чем опираться на нее всем своим весом. Это смешно. Каждый кандидат на собеседование выдерживал эти условия ? «Некоторый свет был бы кстати», - ворчу я, слыша повторение своих слов, когда эхо уходит в темную даль передо мной. 'Телефон!' - выпаливаю я, слепо ища в сумке. Почему я не подумал об этом раньше?

Но как только я кладу руку на свой мобильный телефон, свет заливает бездну тьмы. Мои руки инстинктивно поднимаются, чтобы защитить глаза от внезапного яркого света.

«Вот ты где, дорогая». Это снова тот голос, только на этот раз без следа раздражения, только тепло.

Я несколько раз моргаю, пытаюсь сфокусироваться, и когда черные пятна наконец растворяются в моем видении, я вижу лицо, которое идеально соответствует голосу. Голос принадлежит невысокой круглой женщине в возрасте не менее семидесяти лет, а короткие кудри на ее голове фиолетового цвета. Как только я смогла заставить себя оторвать взгляд от ее ярких волос, я позволил своему взгляду упасть и обнаружить, что она одета именно так, как я предполагал. Юбка средней длины, блузка из двух частей и кардиган в тон, и, чтобы завершить образ, нитка жемчуга, обернутая вокруг ее шеи.

«Здравствуйте, - осторожно говорю я. Она бросает вызов нервирующим обстоятельствам и окружающей среде, в которой я оказался. Она такая милая и приятная. Это место совсем не такое.

«Ты сделал полпути, дорогая», - говорит она мне. «Я буду сопровождать тебя на оставшемся расстоянии». Она слегка покачивает мне головой, показывая мне следовать за ней, прежде чем повернуться и направиться вперед. Я спешу ее догнать, пока иду, наблюдая за своими ногами по неровной мостовой. - Меня зовут миссис Поттс, дорогая. Она идет дальше, и я улыбаюсь про себя при подходящем имени. « Поговорим за чашкой чая» .

'Беседа?'

'Ой.' Она смеется, равнодушно махая рукой. 'Мне жаль. Мы должны называть это интервью, не так ли? На мой вкус, немного формально.

"Формально?"

'Да.'

'Сколько вы здесь работаете?'

«Сорок три года, дорогой».

Мои глаза расширяются, а сердце резко падает. Пока все говорит о том, что я иду на собеседование по поводу работы, которая будет не более полезной для карьеры моей мечты, чем управление мертвым бизнесом моего покойного отца. Я вздрагиваю от своих заблудших мыслей. «Это много», - бормочу я.

«Я часть мебели». Она резко поворачивает направо, и я следую за ней, оглядываясь по сторонам, несмотря на то, что меня закрывают только кирпичные стены . «Ему понадобится

гаечный ключ, чтобы вытащить меня».

'Он?' Я спрашиваю.

«Да, дорогая. Босс.'

Мои брови приподнимаются, мое лицо искажается, и я могу только вообразить, что такое недоумение. Если ей семьдесят с лишним лет, и она проработала здесь сорок три года, сколько лет боссу? - Как называется компания, если вы не возражаете, если я спрошу?

Она резко останавливается и оборачивается, с интересом разглядывая меня. Это заставляет меня слегка отступить. Ее голова наклоняется в сторону. Это заставляет меня нервничать по причинам, которые я не могу понять. Она пожилая женщина. Она кажется совершенно безобидной. «Это будет раскрыто победившему кандидату» .

Мои губы сжимаются, я отчаянно ищу в своем мозгу подходящий ответ. Я не могу найти ни одного. 'Ой.' Что это, магический круг? Каждая секунда, которую я провожу в этом холодном сыром переулке с этой неожиданной старушкой, увеличивает мое беспокойство и, должна признать, мое любопытство.

Она поворачивается и уходит, и я оглядываюсь мое плечо, интересно, должен ли я уйти. - У тебя нервный характер, дорогая?

Я оборачиваюсь и вижу, что она снова остановилась и внимательно наблюдает за мной. 'Почему?'

«Похоже, вы готовы к бегству».

«Вовсе нет», - вру я сквозь зубы.

'Это хорошо.' Она снова уходит, а я за ней. - Потому что, видите ли, босс он немного. . . ' Она делает паузу. Я не вижу ее лица, но по легкому наклону ее головы могу сказать, что она думает, как лучше выразить это словами. «Трудный», - заканчивает она, заставляя меня беспокоиться еще больше. Трудный? 'Мы здесь.' Она проводит карточкой через металлическую клавиатуру на стене. Безопасность? Хорошо, это шаг вперед от магазина моего отца . Приложив немного веса за спину, она толкает дверь.

И я чуть не упал. «Черт побери», - бормочу я, потрясенно оглядываясь.

«А теперь, дорогая». Она неодобрительно смотрит на меня. «Действительно ли нужен такой язык?»

'Мне жаль. Просто небольшой сюрприз, вот и все. Я шагнул в другое измерение. Позади меня остались сырые кирпичные стены и затхлый запах. Так вот, я могла бы стоять в Эдемском саду. Мы находимся в вымощенном булыжником дворе, окруженном кирпичным зданием в форме подковы, и каменным фонтаном, расположенным по центру, с умиротворяющим звуком струй воды по краям. Железные перила образуют балконы на первом уровне каждой из трех стен, а пышная зелень поднимается по кирпичной кладке.. Это красиво и так неожиданно. Не похоже, что отсюда ведется какой-либо бизнес. Я хочу здесь жить. Я хочу распахнуть эти балконные двери по утрам и выпить свежего воздуха, позволить вуали развеяться вокруг меня, пока я растягиваюсь и позволяю солнцу согреть мое лишенное витамина D лицо. Вы бы никогда не узнали, что безумие Лондона существовало за стенами этого идиллического места.

«Добро пожаловать в Хейвен, дорогая. Сюда.' Миссис Поттс, кажется, не обращает внимания на мой трепет. «Мы поговорим...» Ее губы сжимаются, когда она проталкивается через одну сторону гигантской деревянной двойной двери. «Мы будем проводить интервью здесь.

Я вхожу в огромную комнату, еще раз пытаюсь удержать свое удивление. Я терплю

неудачу . 'Вау.' Я бесцельно иду в центр помещения, глядя на потолок, который простирается как минимум на два этажа. Гобелены каскадом вниз голые кирпичные стены, и самые красивые части мебели благодати колоссального пространства. Комоды, столы, стулья, шкафы. . .

Все это случайно. В комнате нет единообразия или организации. Шкафы с вазами, лампами и декоративными элементами разбросаны по полу, а картины подпирают каждое доступное пространство, покрытые защитной пленкой. Это организованный хаос. Это сундук с сокровищами: пещера Аладдина. Ящик Пандоры. . .

Ничего похожего на магазин моего отца .

«Боже мой», - я отрываю свои восхищенные глаза от бесконечных прекрасных кусочков и позволяю им остановиться на миссис Поттс.

Она улыбается моему удивлению и направляется к двери, оставляя меня снова медленно поворачиваться и пить в пространстве. - Я поставлю чайник. Один момента.

Я начинаю бродить по тропинкам между бесконечными предметами мебели, впитывая чистую красоту всего этого. Кончики моих пальцев легко скользят по различным поверхностям, когда я прохожу мимо них. Я тоже улыбаюсь. История в этой комнате почти живая. Странно это признать, но я будто почти слышу антиквариат. Как будто все они разговаривают со мной, желая, чтобы я сосредоточил свое внимание на каждом из них и позволил им поразить меня своими историями. Проблема в том, что я не знаю, с чего начать. Есть вещи, которые я узнаю, вещи, которые я изучала. Знаменитые произведения. Я останавливаюсь посреди комнаты и глубоко вдыхаю, позволяя воздуху из легких уйти на счастливом выдохе. Это больше похоже на него. Это то, что я представляла, когда смотрела, как мой отец вкладывает свою энергию в восстановление бесполезных кусков хлама, когда я терялась в книгах. Я удивленно качаю головой. «Но где я?» - тихо спрашиваю я, когда мои глаза берут еще один жадный круг по комнате, слегка приподнимаясь, когда я повернулся на полные три-шестьдесят градусов.

Когда я смотрю вверх, я шагаю вперед, пытаюсь сосредоточиться . В глубине гигантского пространства он разделяется на два уровня: стеклянная стена падает со сводчатого потолка и переходит в антресольный этаж. Это похоже на гигантский стеклянный ящик наблюдая за большой комнатой.

Мои глаза путешествуют по ширине стекла, очарованные чистыми линиями в такой старой, мирской, роскошной комнате. Но поток моего скользящего взгляда прерывается, когда что-то бросается в глаза, и я прищуриваюсь, пытаюсь уйти в темноту за стеклом.

По коже пробегает холодок. Кто-то наблюдает за мной, я ясно вижу очертания тела. Я шагаю вперед, притягиваемый тенью, но затем силуэт медленно превращается в ничто, рассеиваясь, как клуб пара, как будто его никогда не было. Нахмурившись, я задумчиво поднимаю голову, глядя в темноту.

«Чай», - говорит миссис Поттс сзади, поражая меня. Я оборачиваюсь и вижу, что она идет ко мне с подносом в руке, наполненным чайником и фарфоровыми чашками, украшенными цветочным узором.

Она указывает на пару больших кожаных стульев капитанского стиля, ставит поднос на боковой столик и садится, стул скрипит от напряжения ее круглого тела. «Это не работает», - говорит она с легкой улыбкой на лице. «В наши дни такую мебель не делают». Она хлопает по подходящему стулу рядом со своим. «Присаживайся».

Я осторожно опускаюсь на стул, поправляя юбку. Я чувствую себя неряшливым и

неуместным среди таких ценных сокровищ.

Миссис Поттс радостно мычит, подавая чай, подавая мне традиционную чашку с блюдцем. Я принимаю и улыбаюсь свою благодарность. «Выпей, дорогая».

Я так и делаю, чувствуя себя неловко под ее внимательными глазами, путешествуя взад и вперед с чашкой, пока она движется к моему рту и обратно. Я неловко допиваю половину своего чая, прежде чем мягко поставить фарфоровую чашку на подходящее блюдце.

'Замечательно.' Она выглядит искренне обрадованной, когда берет из моих рук прекрасный фарфор и откладывает его в сторону. «Покажи мне свои руки».

Я колеблюсь, хмурясь, но она тепло улыбается, чтобы ободрить меня, и я медленно протягиваю руки, наблюдая, как она внимательно смотрит на мои руки. «Очень устойчивы», - размышляет она, нежно обнимая. «Без тряски».

Я нервно улыбаюсь. Она собирается читать мою ладонь или что-то в этом роде? Или производить карты Таро ? «Зачем мне трястись?» Я спрашиваю.

«Нервы», - подтверждает она. «У нас не должно быть никаких проблем со всеми этими прекрасными предметами».

'Я могу представить.'

«Мы торгуем только лучшим, дорогая».

«У вас много прекрасного». Это в миллионе миль от того, к чему я привык, и я живу в потенциале работы с этим замечательным антиквариатом. Я хочу здесь работать. Если бы я увидела вора такси сейчас, я могла бы поцеловать его вместо того, чтобы дать ему пощечину. Я вижу себя потерянной среди этих ценных артефактов истории. Я вдруг загудел от энтузиазма. Я должна это исправить.

Миссис Поттс отпускает мои руки и гордым взглядом оглядывает комнату. «Что мы делаем. Каковы ваши навыки архивирования?»

- Вы имеете в виду подачу?

«В хронологическом порядке, да».

«Очень хорошо», - подтверждаю я, потому что это так. Я ожидаю, что здесь будет еще несколько файлов, чем было у моего отца, но я готова принять вызов. «Записи моего отца насчитывают десятилетия. До того, как я восстановила его файловую систему, они были в беспорядке».

Она улыбается. - Ваши телефонные манеры?

«Я очень дипломатична».

'Это хорошо. Мы работаем с ведущими аукционными домами - Sotheby's, Bonhams, не говоря уже о наших клиентах, в основном из английской аристократии. Нам нужно быть вежливыми».

Sotheby's? Bonhams? Я мог кричать от волнения. Миссис Поттс вскинула голову, и я знаю, что она думает о моей предыдущей вспышке, когда я ни черта не увидел в этом темном переулке.

«Я очень вежливая». Когда я не в ловушке черной как смоль дыры, из которой нет выхода.

'На самом деле. Насколько обширны ваши знания? Она обводит рукой комнату, и мои глаза следят за ней, снова вбирая в себя все это.

Это проверка. Мой шанс произвести впечатление. - Ну, вот карандашный портрет Франциска Лотарингского. Он был герцогом Гизом. Полагаю, Франсуа Клуэ был заказан самим герцогом. Я улыбаюсь, когда миссис Поттс кивает яркими глазами. «А это там, рядом

с ожерельем Анны Болейн, - о, черт возьми, это ее настоящее ожерелье», - это статуя короля Тутанхамона из чистого золота. Или царь Тутанхатен до того, как он изменил свою религию. Он весит шестьдесят фунтов, и я считаю, что он был утерян в истории, пока американец по имени профессор Лиммингтон не обнаружил его во время экспедиции в Каире в 1845 году. Я почти задыхаюсь, потому что эта комната действительно потрясающая. «И я знаю, что это редкий образец кресла Людовика четырнадцатого» .

«С оригинальной позолотой, - добавляет миссис Поттс. Улыбаясь.

«С оригинальной позолотой».

Она хихикает и возвращается к своему блокноту. «Организационные навыки?»

«Великолепно».

Она снова машет пухлой рукой по воздуху, смеясь. «Это сделает его счастливым».

'Его?'

«Босса, дорогая. Пойдем.» Она встает со стула и идет через комнату, мои глаза прослеживают ее путь, прежде чем взглянуть на стеклянную стену, охраняющую комнату. По моей коже пробегают колючки. Это страннейшее ощущение. «Уверенность в обращении приходит благодаря многолетнему опыту», - продолжает она, возвращая мое внимание к себе. «Но у тебя хорошая твердая рука, так что у тебя хороший старт».

«Я много лет проработал в антикварном магазине моего отца», - говорю я, избегая того факта, что сокровища моего отца никогда не сравнятся с тем, что меня окружает сейчас. Я также избегаю укола вины. Возможно, это не было сокровищем такого масштаба, но для моего отца это было сокровище.

'Как мило.' Миссис Поттс усмехается, натягивая белые перчатки, прежде чем открыть шкаф и взять вазу Мин с замысловатым узором. Затем она продолжает жонглировать им между руками, как будто это мяч. Я выпрямляю спину, нервничая при виде столь бесцеремонного обращения с такой редкой вещью. Она кладет его и поворачивает вправо, несколько секунд нежно улыбаясь, пока я смотрю. 'Сейчас.' Она подходит ко мне и протягивает мне еще одну пару перчаток. «Подними это, дорогая». Она кивает в сторону вазы Мин.

Я беру перчатки и нервно подхожу к вазе, опасаясь, что давление подорвет мою уверенность. У меня такое чувство, что забота об этих сокровищах важнее любых моих знаний в антикварном отделе. Итак, я подтягиваю свои большие девичьи трусики, надеваю перчатки и беру вазу обеими руками.

Я хочу подарить сокровище миссис Поттс. «Это потрясающе».

Она ярко улыбается. 'Конечно, так и есть. Это было сделано для императора Цяньлуна. Она наклоняет голову, будто я должен это знать.

Я не знал, но я знаю, кто такой Император Цяньлун. 'Боже мой.' Я держу что-то возрастом около трехсот лет.

«Она стоит 1.2 миллиона».

'Сколько?' Мои руки мгновенно начинают дрожать, и миссис Поттс летит ко мне со скоростью, которая бросает вызов ее круглому телу и ее возрасту.

«Я возьму это». Она вытаскивает его из моих рук, оставляя меня схватить ближайший буфет елизаветинской эпохи с большой резьбой, чтобы не упасть.

- Одна целая два десятых миллиона? - выпаливаю я, глядя, как она убирает его в шкаф. Святое дерьмо, я недооценила, насколько удалено это от бизнеса моего отца. Я думаю, что самое большое, чего он когда-либо достиг для производства, которое он два

месяца любовно реставрировал, было грандиозным. Тысяча фунтов за девять недель работы. Но 1,2 миллиона ? Да, мои познания обширны, но я не особо заботился о ценности произведений искусства, а только об истории. Я сильно недооценила ответственность и давление, связанное с ними.

«Да, дорогая». Она смотрит на меня неодобрительно. «Может быть, твои навыки управления не так хороши, в конце концов».

Я внутренне провисаю, осознавая, что, возможно, только что провалила интервью. 'Мне жаль.'

Появляется озорная ухмылка, удивившая меня, и ее уже румяные щеки становятся более красными, сталкиваясь с ее фиолетовыми локонами . «Мы можем поработать над твоими неуклюжими пальцами, дорогая».

'Мы можем?'

'Безусловно.' Она указывает на белые перчатки, я быстро снимаю их и передаю. Она бросает их на ближайший стол и снова выключается. «Сюда, дорогая».

Я следую за ней, но я гораздо осторожнее, когда ныряю в лабиринт старинных вещей. 'Куда мы идем?'

«Чтобы познакомиться с мистером Х.» Она проводит карточкой, прежде чем толкнуть огромную деревянную дверь, и скрип громко эхом разносится вокруг меня. Мистер Х. Босс? Трудно, мистер Х. «Просто сюда, дорогая».

Следуя по стопам миссис Поттс, мы проходим дверь за дверью, стены коридора увешаны картинами, которые поражают меня. Я замечаю Дали, Рафаэля, Рембрандта. «Бля», - шепчу я, широко раскрыв глаза. И тут мое внимание привлекает каменная лестница, изгибающаяся вправо. Моя голова поворачивается, когда мы проходим мимо, мой взгляд остановился на точке, где лестница исчезает за углом в темноте.

«Это запрещено», - говорит миссис Поттс, возвращая мое внимание на нее. «Никогда не рискуй таким образом».

Я хочу спросить почему. Я хочу спросить так много вещей, но она быстро указывает на большее. «В самом конце коридора - личные апартаменты мистера Х.».

- Он здесь живет?

'Да, дорогая.'

'А ты?'

«О, у меня есть хорошее бунгало на западе. Прожил там пятьдесят лет. Он слишком велик для меня, но я не могу заставить себя продать его после того, как потеряла своего Эрни десять лет назад.

«О, я сожалею о твоей потере».

«Очень мило с твоей стороны, дорогая». Мы останавливаемся у нескольких замысловатых резных двойных дверей, и миссис Поттс дергает за медный колокольчик, висящий справа. Я замечаю подробные гравюры на деревянных дверях. Первое, что я замечаю, - это два человека, оба голые. Затем я замечаю дерево и большую гравюру с яблоком. «Эдемский сад?» - спрашиваю я, делая шаг вперед, чтобы лучше рассмотреть. Это красиво, так детально и сложно.

«Потрясающе, тебе не кажется?»

'Это действительно так.' Я протягиваю руку и провожу кончиком пальца по лицу Евы. Я никогда не видел ничего подобного. «И пурпурное сердце тоже». Это общеизвестно, что вырезать из дерева сложно, поэтому создатель этого шедевра, должно быть, проявил

невероятный талант и терпение.

«Входите», - зовет хриплый голос, и я отдергиваю руку.

«После тебя, дорогая». Миссис Поттс толкает одну из дверей, и я нервно смотрю на нее. 'Продолжай.'

Я неохотно, хотя не знаю почему, и когда я медленно убеждаю свои пятки вывести меня вперед, мимо дверного проема, мой рот приоткрывается. «Черт побери», - шепчу я, прикрывая рот рукой в тот момент, когда слова срываются с моих губ.

«Говори, дорогая», - ругает миссис Поттс, толкая меня в поясницу, чтобы подтолкнуть меня вперед. Это место продолжает давать и давать. Три из четырех стен занимают книжные шкафы от пола до потолка, все они по швам ломятся от книг, все старые, судя по запаху. Это слишком, но мои глаза вбирают все больше и больше.

Два дивана честерфилд гордо стоят друг напротив друга, а в центре стоит старый сундук, а в конце комнаты - огромные эркеры с перемычкой, покрытые роскошными тяжелыми золотыми шторами, спускающимися к полу.

А между ними стол.

А что за стол. Король столов. Твердый. Крепкий. Совершенно красиво выгравированный двойной пьедестал. Моя нижняя губа проскальзывает между зубами, когда я думаю, сколько человек сидело за этим столом. Или кто сидел за этим столом. Он похож на точную копию знаменитого стола Теодора Рузвельта, который был спасен от пожара 1929 года в Белом доме.

Я так восхищена этим прекрасным произведением - его история просачивается из хорошо смазанного темного дерева - что я скучаю по тому факту, что действительно кто-то сидит за столом.

Кто-то спрятался за листом.

«Мистер Х», - поет миссис Поттс, подходя к занавескам и поправляя завязки. «Это Элеонора Коул. Вы просили о встрече с ней».

Бумага шелестит, и я, затаив дыхание, наблюдаю, как она медленно складывается у меня на глазах, открывая посетителя этого удивительного офиса.

Я улыбаюсь, опешивший. На нем зеленая рубашка с коричневым галстуком в тон твидового пиджака, а на голове - толстая серебряная копна, аккуратно зачесанная набок. Теперь он красавчик - в середине восьмидесятых? - значит, в свое время он, должно быть, был ошеломляющим. У него одно из тех теплых, дружелюбных лиц, которые заставляют вас чувствовать, что вы знаете их много лет.

«Добрый день, мисс Коул». Он смотрит на меня поверх очков и кладет газету на стол.

'Добрый день, мистер . . . Х, - вежливо отвечаю я, следуя примеру миссис Поттс. Я сопротивляюсь желанию сделать реверанс. Я чувствую, что нахожусь в компании королевской семьи, с моим окружением, его одеждой, его шикарным акцентом. Он мог быть герцогом или лордом.

«Ваше резюме было очень впечатляющим, как вы так страстно говорили об этом мире». Старик отодвигает газету в сторону стола.

Я немного краснею. 'Спасибо.' Я все еще в неведении и немного озадачена этим процессом собеседования, но я очень, очень хочу эту работу.

«Мы могли бы помочь миссис Поттс», - продолжает он. «Она не молодеет». Посмеиваясь, он откидывается на спинку капитанского кресла с широкой улыбкой на лице.

Я слышу хихиканье миссис Поттс на другом конце комнаты и вижу, как она закатывает глаза, когда идет к мистеру Х. Она отцепляет трость от вешалки для пальто сбоку от стола. Даже его приспособление для ходьбы выглядит как антиквариат, весь блестящий и золотой.

«Элеонора - нечто особенное, Дональд, - миссис - говорит Поттс. «Я думаю, она хорошо впишется». Она толкает в него его трость, и у меня внутри становится все тепло и туманно. Она думает, что я хорошо впишусь, и это здорово, потому что я тоже.

Лицо мистера - Х, сразу сгустки отвращения на трости будучи помахали у него под носом. Очевидно, что он гордый человек, и необходимость в помощи при ходьбе явно расстраивает его. Мой отец был бы таким же, если бы дожил до глубокой старости мистера Х.

«Властные сапоги», - бормочет он, принимая трость и отталкиваясь от стола на своем стуле. Я чуть не смеюсь вслух, когда он мне подмигивает. Трудно? Судя по тому, что я видела, а это, конечно, немного, он кажется замечательным. Я его уже люблю. «Считаете ли вы себя честным, верным и достойным доверия?» он спрашивает меня.

'Очень.' Я киваю.

- И как вы можете это доказать?

'Что ж . . . ' Я исчезаю , пытаюсь придумать лучший подход. «Мистер Х., я мог бы привести вам много примеров моей преданности и надежности, но вы никогда не узнаете, если бы я сказал вам то, что, как я думаю, вы хотите услышать. Я не могу предоставить рекомендации, потому что я работал на отца только в его антикварном магазине . Единственный способ завоевать ваше доверие - это проявить себя. Если позволите.

Он улыбается, ярко и счастливо. «Я согласен, Элеонора. Во всяком случае, я не верю ссылкам.

Я смотрю, как мистер Х. пытается подняться на ноги, используя трость и миссис Поттс для поддержки. «Пора принимать лекарства, старик, - говорит она, подмигивая мне.

«Да, да», - ворчит мистер Х., слегка нахмурившись, хотя я замечаю в этом игривость, и миссис Поттс, хлопнув его по руке, слегка подтверждает это. Он проверяет время на своих карманных часах - прекрасных золотых часах , которые, как я подозреваю, надежны. - Вы не отстаете от меня, Дороти. И просто помни, кто здесь хозяин ».

Она снова хлопает его по руке, и на этот раз они оба хихикают, когда миссис Поттс идет рядом с неустойчивой улыбкой мистера Х. Я, восхищаясь явной любовью между работодателем и служащим. Я помню, как миссис Поттс сказала, что работала здесь десятилетиями. Эта мысль заставляет меня нервничать. Я никогда не доживу до миссис Поттс. Она оставляет мне большие сапоги, чтобы заполнить их, и она отлично подходит. Я могу только надеяться, что смогу. Если я получу работу. Пожалуйста, позволь мне устроиться на работу.

Я начинаю следовать за ними, когда миссис Поттс оборачивается, когда они достигают двери. «Присаживайся, дорогая. Мы на минуту. Она кивает мимо меня, и я оборачиваюсь и вижу старое кожаное кресло напротив великолепного стола.

- Вы хотите, чтобы я подождал здесь? - спрашиваю я, но прежде чем я снова могу ее найти, хлопает дверь, и я одна в этом большом шикарном офисе. - Тогда я приму это как «да». Я пожимаю плечами и подхожу к стулу, упираясь ягодицей в край, не желая слишком удобно устроиться, да и вообще не могу. Моя узкая юбка этого не допустит. Я шаркаю и

дергаю за край.

Тогда жду.

И жду.

И подожду еще немного.

Прошло добрых пять минут, прежде чем я повернулся на стуле, чтобы найти дверь. Там тишина, ни звука извне, ничто не указывает на то, что мистер Х. возвращается. Сколько времени нужно, чтобы дать ему лекарства? Мои плечи слегка опускаются, когда я расслабляюсь, и я оглядываю офис, снова впитывая его богатство, прежде чем мой взгляд снова падает на дверь. Я начинаю закусывать губу, гадая, в какой момент мне идти их искать. Я не знаю, поэтому разворачиваюсь, чтобы устроиться поудобнее, готовясь подождать еще немного.

И прыгаю на милую. - Господи, - выдыхаю я, возвращаясь в кресле, когда сталкиваюсь с человеком, сидящим напротив меня. Моя рука инстинктивно прижимается к груди и надавливает, чтобы притупить внезапное сильное сердцебиение. Кожаные изделия превращаются в ад, когда я смотрю на мужчину передо мной.

Нет!

Он.

Вор такси.

Вор шарфа.

Что за хрень?

Это галлюцинация? Видит Бог, я безжалостно - и тщетно - блокировал его мысленные образы из своего разума.

'Ну, не могли бы вы Адам и Ева, согласны?' - тихо говорит он. Его брови за очками слегка приподняты, демонстрируя любопытство, смешанное с легким шоком. Он настоящий. Он определенно настоящий. Откуда, черт возьми, он взялся? Он просто сидит здесь, откинувшись на капитанском кресле мистера Х., его левая лодыжка опирается на его правое колено, когда он легко проводит указательным пальцем левой руки по верхней губе, внимательно наблюдая за мной. Я не знаю, что в нем такого, но он лишает меня способности ясно мыслить, бегло говорить, двигаться, не выглядя так, будто я дергаюсь.

Я делаю отчаянную попытку успокоиться, убирая ладонь с груди и кашляя, ерзая на стуле. Внутри я во всевозможном хаосе. Мой неистовый разум шатается. Откуда он, блядь, взялся? Кто он, черт возьми?

'Что ты здесь делаешь?' Я дышу.

«Я мог бы задать тебе тот же вопрос», - говорит он с недоверчивым смехом. «Вот я и занимаюсь своими делами в своей квартире, смотрю на свой большой зал и вижу, что ты стоите там». Он хмурится. - Могу добавить, что жонглирую одной из моих бесценных ваз Мин.

Я краснею, съеживаясь. Но кое-что, что он сказал, наконец, запоминается в моем растерянном уме. Он надувается, выглядит очаровательно, весь по-мальчишески красив. Он знает, что только что пришло мне в голову. - Ваш большой зал? - спрашиваю я, подходя еще горячее.

«Мой большой зал», - повторяет он, подтверждая мои опасения.

О, мои дни. - Ваш большой зал? Я снова сомневаюсь, потому что не могу придумать, что еще сказать. Он медленно кивает. Это его дело? Я указываю через плечо на дверь. «Но старик? Мистер Х?»

Он лукаво ухмыляется. Это самое дерзкое выражение лица, от которого у меня учащается пульс. Его ямочка. Это глубоко и переносит его тщеславие в царство восхищения. Очаровательно раздражает. 'Мой дед.'

- О, - ошеломленно шепчу я.

Он наклоняется над столом, подходит ближе, не отрывая взгляда от меня. Это заставляет меня сесть, толкаясь в кресло. «Я думаю, что Судьбы определенно пытаются нам что-то сказать». Его слова тихие, но четкие и ясные, и мои глаза скользят по его изящному лицу, впитывая каждую мелочь. Моя кожа покалывает, у меня во рту толстый язык, а в нос улавливает его уникальный кожаный лимонный аромат от его близости.

Ой . . . бля. . . ад.

«Я не верю в судьбу», - бормочу я, оставаясь неподвижной под его пристальным вниманием, несмотря на то, что становилась все горячее и горячее.

Он вызывает у меня слишком много нежелательных реакций, и раздражение является лишь одной из длинных списков более приятных, но запрещенных эффектов, которые он оказывает на меня. Я снова начинаю ерзать на стуле, глядя в сторону.

- Пытаетесь сохранить целостность? - спрашивает он, обращая мой взгляд снова на себя. Затем его взгляд упирается в мои губы, и он впадает в некоторый транс. Я смотрю на него на мгновение, очарованный его задумчивостью. «Я тоже», - в конце концов бормочет он, переводя эти прекрасные карие глаза на мои.

Он борется? С чем?

- Вы знакомы с Hunt Corporation? - небрежно спрашивает он.

'Конечно.' Я смеюсь. Все, кто хоть что-нибудь разбирается в антиквариате, знают об этой престижной фирме. Это самые известные в мире торговцы предметами искусства и антиквариата.

'Что ж . . . ' Он прочищает горло, делая из этого долгий, затяжной роман. Потом он невозмутимо. Совершенно серьезно. Его рука тянется ко мне, но я осторожно отстраняюсь. Я пожал эту руку не два часа назад. Прикоснуться к нему еще раз было бы невероятно глупо. «Приятно познакомиться», - шепотом говорит он. «Меня зовут Беккер Хант».

У меня кружится голова от осознания того, что меня ударили по лицу.

Он усмехается, видя, что пенни наконец упал. «Я буду твоим новым боссом. . . ' Его глаза впиваются в мои губы. «Возможно».

Глава 5

Мои глаза широко раскрыты, рот разинут. Не знаю, как долго я буду молчать и бесполезна перед ним, но когда его заявление, наконец, проходит мимо моего шока, я вздрагиваю, съеживаюсь, шлепаю себя по всему шикарному офису. И я делаю это, пока Беккер Хант наблюдает за мной, и на его раздражающе красивом лице отливает веселье. Корпорация Хант. Мистер Х - мистер Хант-старший, старик, которого больше не видят на публике. А Беккер? О боже, Беккер Хант, внук. Этот восхитительный ублюдок до меня руководил компанией с тех пор, как его дедушка вышел на пенсию. Я знала, что он выглядел знакомым. Я видела его в журнале за журналом, с разными женщинами, обвитыми вокруг него. Он печально известен. Плейбой. Как я, изучающий искусство и антиквариат, не понял? Я знаю почему. Я был слишком обманута сильной дозой похоти, смешанной с несколькими вспышками раздражения. Не говоря уж что фотографии, которые я видел, не воздают ему должного. Совершенно никакой справедливости. Я сижу в офисе Hunt

Corporation. У меня должна закружиться голова от возбуждения, но это не так. Я огорчена.

Моя голова откидывается назад, и я шелкаю шеей, глядя в потолок, молясь о руководстве. Я назвала директора Hunt Corporation более святым придурком. Что я сделала? Мне требуется несколько неудобных секунд, чтобы признать, что ничто не выводит меня из этой ужасной ситуации, особенно с работой, если я не унижусь. Принести извинения. Я корчусь от одной мысли.

Я закусываю губу, глядя на него. Он приподнимает бровь. И я просто знаю, что он хочет извинений.

Трудный? Миссис Поттс назвала босса трудным. Я более склонена к заносчивому, хотя считаю, что у Беккера Ханта есть игривое преимущество. Я на собственном опыте убедилась в этом остро. И дерзость. Я съезживаюсь внутри, снова слыша свои слова, когда я оттолкнул его за пределы кафе и назвала его чокнутым придурком.

Но что мне было делать? Я быстро перебираю варианты, прежде чем ныряю с извинениями, которых он не заслуживает. Мне правда нужна эта работа? Да, нет, спасибо ему за то, что вчера он украл мою машину, и больше, чем мне нужно, чтобы снять эти туфли на шпильке с моих больных ног. Неужели я хочу эту работу больше, чем хочу дать ему пощечину? Я поджимаю губы. Это спорно. Могу ли я держать язык за зубами в течение рабочего дня? Будьте профессионалом? Да . . . если я получу работу. У меня больше самообладания, чем я себе представляю. И, говоря о самообладании, перестанет ли мое проклятое тело когда-нибудь дрожать, когда он приблизится? Могу я оттолкнуть его? Продолжить работу? Я не уверена. Но главный вопрос, вопрос, который отменяет все, что было раньше, - это будет ли мне предоставлена возможность попробовать.

Черт побери. Ненавижу признавать это, но я во власти этого богоподобного человека. Мне это не нравится, ни капли, но я не собираюсь отрезать себе нос назло своему лицу. Я хочу эту работу. Мне нужна эта работа. Моя аренда скоро должна быть оплачена, а другой подобной работы нет. Кроме того, это ступенька к двери в мир, в котором я всегда мечтала оказаться, и после того, как я погрузилась в чудо всего этого, я отчаянно нуждаюсь в большем. Ради всего святого, это корпорация «Хант». Это безумно редкая возможность. Я не позволю Беккеру Ханту разрушить мою, надеюсь, процветающую карьеру. И я здесь вписываюсь. Миссис Поттс думает так, и я тоже так думаю. Впервые в жизни я чувствую, что действительно принадлежу.

Пора пресмыкаться. Пора доказать, что я девушка, которая ему нужна. Профессионально, конечно.

Я глубоко вздыхаю. «Прошу прощения», - шепчу я так тихо, что едва слышу это сам, но легкий изгиб брови говорит мне, что он слышал это идеально.

Он встает и обходит стол, садясь на стул рядом со мной. «Прошу прощения, ты сказала?»

У меня внезапно возникает непреодолимое желание ударить его по его самодовольному красивому лицу. Он собирается доить мои извинения за то, что он стоит. Давай, Хант. «Прошу прощения», - говорю я громче и улыбаюсь, пытаясь избавиться от саркастического выражения на моем лице.

Он наклоняется вперед, вторгаясь в мое личное пространство. «Приходите еще, - шепчет он. Все, что я могу сделать, это не задушить его. Или поцеловать губы, которыми он щеголяет, как сочная кость хищной собаке.

Мои глаза закрываются, и я глубоко вдыхаю. Я не должна была. Моему носу только что

напомнили его восхитительный мужской запах. «Прошу прощения за то, что назвал вас святым придурком, мистер Хант», - говорю я громко и ясно, говоря себе, что не срываюсь, если он попросит меня повторить это снова. Я напоминаю себе, что это Hunt Corporation. Элита элиты.

«Не нужно извиняться».

Мои веки приоткрываются, и я вижу, что он стоит надо мной. Затем его ладони встречаются с подлокотниками моего стула, и он опускается, наклоняясь и заключая меня в клетку. Я замираю и задерживаю дыхание, когда его лицо все ближе и ближе, пока его рот не оказывается у моего уха. Я никогда в жизни не чувствовал себя таким уязвимой. Или похотливой. Или раздраженной.

«Я действительно святее тебя», - бормочет он на моем ухе.

У меня перехватывает дыхание, и он удаляется от меня, оставляя мне кучу нужды в кожаном кресле.

«Я не особо хотел никого нанимать, но миссис Поттс нужна помощь. Вы будете помогать.' Он кивает - формально - поворачивается и собирается уходить.

Я, помогать? Я вскочила со стула. - Вы предлагаете мне работу?

Он замедляется до остановки и оборачивается, тихо глядя на меня несколько мгновений. Его рот открывается, чтобы что-то сказать, но затем снова закрывается, когда он, кажется, о чем-то тщательно обдумывает. Он кажется нехарактерно неуверенным, его прекрасные глаза танцуют по моему лицу, хмурый взгляд на месте. Я наклоняю голову немного от интереса, немного от нетерпения. 'Ты хочешь это?' он спросил.

Это должен быть глупый вопрос, учитывая, что мы обсуждаем должность в Hunt Corporation - место, где многие отдали бы работать правой рукой. Но мы также говорим о том, что я ежедневно нахожусь в непосредственной близости от этого божественного, хотя и приводящего в ярость человека. «Да», - отвечаю я, не особо задумываясь, потому что на самом деле это не требует особых размышлений. Я даже не знаю, какова зарплата, или какие-либо детали пакета.

«Тогда она твоя». Он поворачивается и уходит, когда миссис Поттс влетает в дверь. Ее встревоженное лицо принимает мою взволнованную форму, прежде чем она поворачивается к Беккеру Ханту. Я слежу за ее взглядом и обнаруживаю, что он кладет руки в карманы брюк, расслабившись в стоячей позе. Он излучает дерзость. И мужественность. И секс.

«Добрый день, Дороти», - весело говорит он.

«Ты обещал позволить мне разобраться с этим», - бурчит она, явно не боясь обрушить свой гнев на своего босса. «Беккер Хант, ты меня бесишь».

Я ошеломлен гневом миссис Поттс.

«Успокойте ваши штаны», - фыркает Беккер, его длинные ноги сокращают расстояние между ними. Он останавливается рядом с рассерженной миссис Поттс, но не смотрит на нее. «Не волнуйся, - фыркает он, поправляя очки на переносице, источая прохладу, когда он раскачивает широкие плечи, - я ее не укусил». Я обращаюсь к его идеальному профилю, когда он переворачивает взгляд на невысокую старушку. «Но все же», - добавляет он, прежде чем переступить порог и исчезнуть по коридору. «Она начнёт завтра».

Я задыхаюсь.

Миссис Поттс задыхается.

Пока что?

Ой . . . дерьмо.

«Что ж, - закричала миссис Поттс, хлопнув за ним дверь. Я смотрю, как она взъерошивается с ниткой жемчуга. «Чертов мошенник».

Я чувствую, что должен успокоить ее суетливые руки, которые сейчас отчаянно пылятся ей спереди, но я все еще бесполезен. 'Ты в порядке?' Я успеваю сказать, прежде чем понимаю, что мои пальцы вцепились в подлокотники кресла. Я отпускаю их и сгибаю, позволяя крови снова циркулировать.

«Мне очень жаль, Элеонора». Она в отчаянии качает головой и подходит ко мне. Я не могу удержаться от улыбки, когда она протягивает мне свою морщинистую старую руку, как будто подозревая, что мне нужна помощь, чтобы подняться на ноги после того, с чем я только что столкнулся. Она права. Мои ноги кажутся желе.

'Трудный?' - спрашиваю я, беру ее подношение и встаю, при этом поправляю юбку.

Она почти смеется, но я могу сказать, что ей мешает ее бурный гнев. Сделав глубокий вдох, она вздыхает. «Он просто не может с собой ничего поделаться». Она открывает дверь и жестом показывает мне выйти, что я и делаю с нервной улыбкой, гадая, получу ли я что-нибудь еще. Я знаю, что не могу спросить. Это не мое место. «Сюда, дорогая».

Мы снова проходим по изогнутой лестнице, и мои чертовски любопытные глаза скользят по каменным ступеням.

«Запрещено», - строго говорит миссис Поттс, даже не оглядываясь, чтобы посмотреть, куда я смотрю. Теперь я понимаю, почему. Это его квартира наверху, где он стоял и наблюдал за мной в своем большом зале. Я мысленно шлепаю себя за мимолетное недоумение, что он, должно быть, подумал, увидев меня здесь. 'Мы здесь.' Миссис Поттс проводит меня через другой дверной проем, и я оказываюсь в огромной, традиционно обставленной кухне со старомодной плитой, большим старым столом и огромными деревянными стульями посередине. «Я сделаю чай. Присаживайся, дорогая. Она наполняет чайник и ставит его на газовую плиту.

Я подхожу к столу и сажусь, затем наблюдаю, как миссис Поттс бродит по кухне. Я прыгаю на мило, когда что-то мокрое касается моей ноги, ударяюсь коленом о нижнюю часть стола. 'Ой. Черт возьми, что это?' Я вскакиваю и бегу обратно, до смерти испугавшись.

- Говори, дорогая, - говорит миссис Поттс, неодобрительно глядя на меня. Совершенно собранная, она подходит и приседает, заглядывая под стол и протягивая руку. «Давай, мальчик», - мягко просит она.

Я нахмурился и наклонился, чтобы заглянуть под стол, и осталось всего несколько мгновений до появления влажного носа. «Ой, смотри». Я присоединяюсь к миссис Поттс, сидящей на корточках, когда появляется большое пушистое животное.

«Знакомьтесь, Уинстон», - говорит она с гордостью в голосе.

'Он такой милый.'

«И нервный. Вы должны заслужить его доверие». Миссис Поттс грубо почесывает ему уши, и я смеюсь, когда он уткнулся носом в ее руку, глубоко ворча. «Он лучший друг Беккера».

Лучший друг? Его лучший друг - собака? - Британский бульдог?

«Да, дорогая».

Я протягиваю руку, и Уинстон неуверенно фыркает, явно не уверенный во мне. - Привет, Уинстон, - тихо говорю я, поднимая руку к его ушам. Он немного отшатнулся, неуверенно, но вскоре снова двинулся вперед. На это уходит несколько минут мягких

уговоров, но в конце концов он позволяет мне почесать ему уши, а через несколько минут он оказывается совсем близко и перекачивается на спину, поднимая лапы в воздух. Я смеюсь и потираю его живот.

'Ты ему нравишься.' Миссис Поттс кажется удивленной. «Вы привилегированны. Он не любит многих людей». Мой взгляд поднимается вместе с ней, когда она стоит. «Довольно, мальчик. Иди в свою кровать.'

Уинстон выражает свое недовольство еще несколькими ворчаниями, после чего перекачивается свое большое тело на лапы и бежит по кухне, свернувшись калачиком в постели.

Я улыбаюсь и сажусь на свое место, когда миссис Поттс возвращается к приготовлению чая. «Беккер очень разборчив в том, кто держит его сокровище. Пока это ничего не значит», - сухо заявляет миссис Поттс. «Но он знает, что у меня в баке осталось мало бензина. Кто-то нам нужен давно, но он категорически отказался. Понимаете, это его семейный бизнес. А Ханты всегда были очень конфиденциальны в своих деловых отношениях». Чайник начинает громко свистеть, и она хватается кухонное полотенце, прежде чем снимать его с плиты и наполнять фарфоровый чайник. «Я так рада, что Беккер, наконец, согласился, что нам нужна помощь. А теперь, когда он встретил вас, я полагаю, мы можем приступить к делу.

Я не думаю, что это хорошая идея рассказывать о том, что я уже имел удовольствие познакомиться с Беккером Хантом.

Миссис Поттс вздыхает. «Но я боюсь, что такая красивая девушка, как ты, может быть плохой идеей».

'Я не очень понимаю.' Он выключается прежде, чем я успеваю его остановить, звучит отчаянно.

Миссис Поттс хмурится. «Правда, Элеонора? Эти рыжие волосы и большие карие глаза - мужские магниты. Не говоря уже о том, что у тебя фигуристая задница».

Я удерживаюсь от того, чтобы смотреть через плечо на указанное дно. В конце концов, я же не видел его миллион раз в зеркале или втиснул его в десятки пар джинсов. Я получил свою задницу от матери. И ее узкая талия. Есть ли Беккер Хант как симпатизирует рыжеволосым с персиковыми задницами? Я не знаю, но мне нужно убедить миссис Поттс, что я не люблю дерзких, придурковатых мужчин. «Я слышал, что он бабник», - неуверенно заявляю я, желая, чтобы она поняла, что я знаю все о репутации Беккера Ханта. Я не хочу, чтобы она знала, что я на собственном опыте испытал его распутство. Он наводит на размышления, соблазняет и обладает силой соблазнения вплоть до изобразительного искусства. И ему удастся быть полным уколом во время процесса. То, что он оказал на меня такое влияние, не соответствует разуму, и я ненавижу его за это.

«Дональд, это старый мистер Х., дед Беккера, называет его бодрым», - задумчиво говорит миссис Поттс, делая глоток чая.

Я фыркаю. Я ничего не могу поделать, и она смотрит мне в глаза. «Извини», - говорю я. Ее губы кривые. «Беккер может быть очаровательным, когда хочет».

Я не считаю его очаровательным, ни в коей мере. Я вижу в нем высокомерную свинью. Нелюбопытный. Это должна увидеть любая женщина с клеткой мозга.

«От этого мужчины у каждой встречной женщины кружится голова от той забытой богом внешности, которую он унаследовал от деда». Миссис Поттс это подтверждает. Я не одинок. У меня тоже кружилась голова. «Он индивидуалист. Мошенник. Игрок. Соблазняет

женщин ради развлечения. Честно говоря, у него проблема. Это вредно.' Несколько мгновений она задумчиво смотрит мимо меня, прежде чем снова посмотреть на меня серьезным взглядом. - Но он лучший дилер. Он получил это от длинной череды охотников. Хотя осмелюсь сказать, что он может быть лучшим из них. Его родители будут гордиться этим ». Она делает глоток чая, и я заинтригован. Его родители. Это были заголовки новостей. Его мать трагически погибла в автокатастрофе много лет назад, а его отец был найден мертвым в Риме несколько лет спустя после того, как ограбление закончилось неудачей. Беккер Хант пережил свою долю трагедии.

Миссис Поттс резко возвращается в комнату, как и я. «В любом случае, он заверил меня, что будет вести себя хорошо и позволит вам продолжить работу», - говорит она мне. «Он знает, что мне нужна помощь, и ему нужно убедиться, что он держит свои, - ее губы сомкнулись, - под контролем. Со временем ты станешь неуязвимой ».

У меня морщины на лбу. 'Неуязвимой?' Я ставлю чашку на стол, и она протягивает руку через стол и сжимает мою руку.

« К Беккеру» , - говорит она. - Я верю, что ты сможешь сохранить профессионализм, дорогая. Так здорово иметь кого-то нового в The Haven ».

Профессиональной. Я могу это сделать. И теперь я полна решимости сопротивляться этому человеку любой ценой. Я хочу эту работу больше, чем его. Быстро перематываю. Он мне совсем не нужен. Возможно, он был самым красивым мужчиной, которого я когда-либо видел, и от него у меня участилось учащенное сердцебиение, но Беккер Хант не из тех мужчин, которым женщина должна уделять время суток. Почему так многие поступают, мне непонятно. Бог знает, какие двери мне открылись из-за работы здесь. Я думаю о работе и ни о чем другом, и я планирую так и дальше.

«Я умею вести себя профессионально», - говорю я себе, глядя на дверь, когда она открывается. Идет молодой парень, весь опрятный, с дикими шипами на голове, тащит за собой огромный портфель . Он выглядит взволнованным.

«Я здесь», - поет он.

«Ах, Перси». Миссис Поттс спешит и хватает его за щеки, сжимая его, а он усмехается. 'Ты хороший мальчик.'

Перси восхищается осыпанной ему похвалой. «Я стараюсь изо всех сил, миссис Поттс».

«Перси заботится обо всех модных технологиях в« Убежище », - говорит миссис Поттс, обращаясь ко мне. «Он собирается обеспечить вас карточкой безопасности, чтобы вы могли получить доступ ко всем комнатам».

Перси поднимает свой чемодан с пола и тянет его ко мне, ворча, когда тащит его на стол. Он смотрит на меня с легкой улыбкой на лице. - Кажется, Элеонора? - размышляет он, щелкая защелками и открывая крышку.

Я киваю, вытягивая шею, следя глазами за его тощими пальцами в футляре. Никаких документов, только масса хромированных коробок с кнопками и рычагами. Он вынимает карточку из кармана и начинает ее сканировать, прежде чем протянуть мне через стол . «Вуаля», - говорит он.

Я протягиваю руку, чтобы взять его, но миссис Поттс набрасывается и выхватывает его из руки Перси. «Я возьму это. Во всяком случае, пока ваш контракт не будет подписан.

Перси захлопывает чемодан и вынимает платок из внутреннего кармана, вытирая лоб. - Наконец-то он согласился на помощь? - спрашивает он, глядя на миссис Поттс.

'Пора.'

Перси начинает хихикать. Он полный фанат, но с этим совершенно восхищается. «Что ж, я могу понять его сопротивление. В конце концов, вы приглашаете кого бы то ни было нанять в семью Хант.

«Хм», - размышляет миссис Поттс, глядя на меня. Она улыбается, когда ловит мой взгляд. «Как сказала Элеонора, доверие можно только построить».

Я улыбаюсь в ответ, так решив завоевать их доверие. Это чудесное место, наполненное бесценными сокровищами. Это за гранью работы мечты.

Перси снимает свой чемодан со стола и кряхтит, когда тот резко опускает его плечо. Потом смотрит на меня. 'Удачи.' Он улыбается понимающей улыбкой, и я читаю между строк. Перси имеет в виду не только завоевать их доверие. Он имеет в виду грешного человека, который возглавляет Hunt Corporation.

«Мне это не понадобится». Я улыбаюсь в ответ.

К тому времени, как я вернусь домой, я вымотана. Но так чертовски счастлива. По словам миссис Поттс, план, которым я вполне довольна, состоит в том, чтобы застрять

прямо там. Так что я начну завтра. Видимо, со временем я научусь точно знать, что и когда нужно. Она сказала мне, что так она выжила, пока не стала незаменимой. Я хочу быть незаменимым. Возможно, я чувствовала себя совершенно ошеломленным, но ощущение Убежища, бесконечные великолепные артефакты, тепло, странное чувство принадлежности, охватившее меня на протяжении всего дня, заставили меня решительно заставить его работать. Я была полностью поглощена каталогами, которые миссис Поттс показывала мне в одном из офисов, все с различных выставок по всему миру, некоторые из которых были сделаны десятилетиями. Страница за страницей антиквариата с изображениями, историями, фактами и цифрами. Я узнала многие предметы и очень обрадовалась, когда смогла предсказать, что скажут в определенных отрывках информации. Она была очень впечатлена. Я была как очарованный ребенок. Желание наполнить мой разум информацией, которая стояла передо мной, было почти невыносимым, особенно с незнакомыми вещами. Я жаждала этого, читала и хранила это во всех уголках своего разума. Я была на небесах.

После душа и падения в постель я делаю что-то совершенно глупое. Я гуглилю Беккера Ханта. И я ненавижу то, что вижу. Беккер. Везде. С другой женщиной под руку на каждой фотографии. Некоторые случайные фотографии, например, как он выходит из машины или идет в ресторан, а некоторые позируют, например, на частных VIP-галах или аукционных домах. На снимках он выглядит красиво, да, но воплоти действительно есть на что посмотреть. Мое лицо морщится от отвращения к моим своенравным мыслям, и я закрываю ноутбук, лишая глаз великолепного человека, украшающего экран. Мне нужно опустить голову и изучить работу.

Позвонив маме и поделившись хорошими новостями, я прижимаюсь к подушке с довольной улыбкой. Я не только очень хочу заснуть, потому что устала, но я также хочу, чтобы завтра наступил раньше, чтобы я снова могла погрузиться в спокойствие и увлекательные дела Убежища.

Глава 6

На следующий день, после подписания моего трудового контракта с самой широкой улыбкой, я совершил грандиозный тур по Убежищу с очень гордой миссис Поттс. Клянусь, это место представляет собой бесконечный лабиринт бесценных, великолепных произведений искусства.

«Это демонстрационный зал, дорогая», - говорит она, проводя меня через старую дверь конюшни, ведущую во двор. «Здесь мы выставляем произведения для просмотра».

Я переступаю порог и улыбаюсь, глядя на чистое пространство, свободное от мебели или обоев. Все, что содержащиеся в комнате мольберт, чтобы держать картины и высокий стеклянный шкаф, где я вижу горшки, вазы или другие подобные артефакты будут помещены внутри. Это самое обнаженное пространство, которое я когда-либо видел в Убежище. Легко понять почему - когда экспонаты демонстрируются, это все, на чем можно сосредоточиться в комнате.

«А теперь я покажу вам библиотеку». Миссис Поттс идет по бульжнику, направляясь к дверному проему, ведущему в Большой зал. Я нетерпеливо слежу, и когда мы входим в зал, заваленный сокровищами всех времен, которые вы только можете себе представить, меня сразу же снова согревает - запах, вид, ощущение, которое может быть достигнуто только в комнате, полной старых мастеров и ценные предметы.

Что-то приходит ко мне, когда мы пробираемся сквозь бесценные предметы искусства и антиквариат. «Миссис Поттс, здесь должно быть сокровище на миллионы фунтов, - говорю

я, не отставая от ее шаркающего тела. «Разве безопасность не проблема?» Да, я видел защитные клавиатуры, но двери и стены, защищающие это пространство, вряд ли можно назвать Форт-Ноксом.

Миссис Поттс тихонько хихикает, как будто я рассказала анекдот. Это заставляет меня чувствовать себя глупо, хотя я не знаю почему. Совершенно разумный вопрос. «Поверь мне, дорогой. Никто не попадает в Убежище, не говоря уже о Большом зале».

Я нахмурился, думая, что корпорация «Хант» может быть немного пресыщена вопросами безопасности, но я не настаиваю, потому что огромная стеклянная стена, которая охраняет Большой зал, привлекает мое внимание. Я смотрю в полную темноту, мое воображение разгуливается. Теперь я знаю, что это он вчера скрывался в тени, наблюдая за мной. Колючки, которые пробежали по моей коже, когда я смотрел на стекло, соответствовали тому же покалыванию, которое я испытывал каждый раз, когда сталкивался с Беккер Хант. И, по сигналу, по моей спине пробегает дрожь. Он сейчас там, наблюдает за мной?

Мой разум отвлечен, когда я смутно замечаю, что миссис Поттс проводит по карте. Я ясно встряхиваю свой разум, когда иду за ней, и мы стремительно идем по коридору, проходим мимо коллекции красивых картин в рамках ...

акварель, карандашные рисунки, масло - одно из которых я узнаю сразу. - Джон Констебль, - наблюдаю я, глядя на него, пока мы проходим мимо. По легкому наклону ее головы я могу сказать, что она впечатляющая.

Мы приближаемся к этой очаровательной лестнице, и я заставляю свой взгляд вперед, не поддаваясь подавляющему искушению заглянуть в темное пространство. К счастью, миссис Поттс сбавляет скорость, пока не оказывается рядом со мной, отвлекая меня, как будто она чувствует мою внутреннюю битву. Она улыбается. «Мы храним все клиентские файлы в библиотеке. С годами они смешались».

Я возвращаю ей улыбку, благодарную за ее вмешательство. 'Много ли?'

Она смеется. 'Немного. Мы здесь.' Она указывает мне открыть ее, поэтому я смахиваю карточкой и смотрю на деревянные двери, тянущиеся до потолка.

«Готово», - говорю я, беря ручку. Двери крепкие и тяжелые, поэтому мне приходится прикладывать к ним весь свой вес, чтобы толкнуть их.

«Библиотека», - объявляет миссис Поттс.

«О, боже мой», - выдыхаю я, переступая порог, с трепетом оглядывая комнату. Я брожу в центр и провожу несколько мгновений, медленно поворачиваясь ко всему этому. В ней нет окон, поэтому все стены украшены книжными шкафами от пола до потолка, построенными из богатого темного дерева. Комната должна быть сорока футов высотой, как и Большой зал, и есть золотой балкон на полпути с лестницами, ведущими в разные секции. Пустого места нет, каждая полка забита книгами, папками, папками. И запах. Я вдыхаю историю на сотни лет с окружающих меня страниц, когда я смотрю вверх и вижу замысловатый резной карниз, обрамляющий потолок, и внутри него мозаику из миллионов кусочков битой плитки, образующую потрясающую картину. «Рай и ад», - шепчу я себе, увлеченный иллюстрацией, украшающей потолок.

«Хорошие и плохие», - отвечает миссис Поттс, терпеливо стоя рядом, позволяя мне впиваться величие комнаты. Я могла бы долго смотреть. Я заморожен.

Экстравагантность это не единственное, что дует мне в голову. Я держу пари, богатство информации, найденной на этих полках не может быть прочитан в жизни. Возможно, даже

не десять жизней.

«Более или менее каждый кусочек истории, накопленный Hunt Corporation за более чем двести лет торговли, дорогая», - нежно говорит она. «Каждый наш клиент, сделка, которую мы заключили, продажа, на которую мы согласились, предмет, который мы продали, а также сотни старинных справочников в придачу». Она улыбается моему изумленному лицу. «Не говоря уже о путеводителях, картографических справочниках и энциклопедиях».

У меня голова кружится как нельзя лучше. 'Это замечательно.'

- Я оставлю тебя осмотреться, дорогая. Мистеру Х нужны лекарства. Она выхватывает тряпку и быстро трясет золотую ручку двери. «Файлы клиентов находятся на дальней стене, дорогой. Верх и низ.' Она указывает на одну из лестниц. «Справочники там». Она указывает через комнату. «Вы скоро найдете свой путь». Миссис Поттс исчезает за дверью, оставляя меня одну в огромном тихом месте.

Я провожу добрых пять минут, осматривая комнату, прежде чем подойти к дальней стене. По мере приближения корешки книг проясняются, и вскоре я достаточно близко, чтобы читать текст. Книги рекордов. Они темно-красного цвета с золотым шрифтом и обозначены в алфавитном порядке с годами в скобках. Я тянусь вперед и выбираю одну, медленно выдвигая ее. Название гласит: К (1961–1964).

Осторожно открывая обложку, я сразу же погружаюсь в страницы, мои глаза сканируют и впитывают информацию, пока я стою у подножия высокого книжного шкафа. Для каждой сделки есть страница, каждая деталь, которую только можно вообразить, аккуратно прокручена черными чернилами. Имя клиента, адрес, интересы, даже его фотография - некоторые из них сделаны, некоторые запечатлены в мгновение ока. Все изображения тоже черно-белые, а одежда фигур указывает на дату на позвоночнике. Затем есть купленные предметы, стоимость, уплаченная цена - все цифры, которые поражают меня.

Я смотрю на страницу и вижу знакомое лицо. - JFK, - выдыхаю я, проводя пальцем по фотографии, на которой он смеется в Овальном кабинете. «Невероятно». Я заставляю себя закрыть книгу и положить ее на полку. Деловые отношения Hunt Corporation всегда были плащом и кинжалом. И вижу то, что вижу сейчас – ценности.

Посмотрев направо, я замечаю одну из золотых лестниц, ведущих на балкон, окружающий комнату. Я не могу устоять. Отбрасывая каблуки, я собираю волосы в растрепанный хвост, прежде чем стиснуть каждую сторону лестницы. Затем я медленно и осторожно взбираюсь наверх и вскоре обнаруживаю, что иду по периметру комнаты по золотому балкону. Я смотрю вниз, удивленный тем, насколько я высок. Я протягиваю руку и касаюсь корешков, продолжая, и постоянные плавные подъемы и опускания кончиков моих пальцев по книгам создают тихий, расслабляющий звук.

Я дважды обхожу комнату, прежде чем остановиться у полки в дальнем углу и взять книгу. «Сокровища династии Мин. «Ты не на той полке», - говорю я себе, трясая головой от удивления при виде картинке, украшающей обложку. Это ваза, которую я чуть не уронил во время интервью, она выглядела еще более эффектно с направленным на нее стратегическим освещением. Это другой мир, мир, о котором я даже не подозревал, будет таким удивительным - и чем дольше я провожу в нем, тем более захватывающим и интригующим он становится. Я засовываю книгу под мышку и снова опускаю лестницу, чтобы поставить ее на свое место.

Сойдя с нижней перекладины с книгой под мышкой, я снова уперся ногами в пятки и

перехожу на другой конец библиотеки, где хранится множество справочников. Вставив его на место, я пробегаю глазами по книгам, чертовски очарованный всем этим. Я прочитала сотни книг по антиквариату, как общих, так и конкретных, но видя это, я чувствую, что только поцарапал поверхность. Я протягиваю руку, чтобы вытащить учебник по римским сокровищам, но останавливаюсь, моя рука парит в воздухе, когда я чувствую, как по коже пробегают покалывание. Я пытаюсь отмахнуться от них, хмуро глядя на полки передо мной. Покалывание только усиливается. Проклятье. Я медленно выгляжу через плечо, чтобы увидеть, что я ожидал.

Беккер Хант стоит напротив библиотеки, опираясь плечом на книжный шкаф, и спокойно смотрит на меня. Я быстро отворачиваюсь, прежде чем мои глаза воспользуются возможностью выпить его, сосредотачиваясь на книге, которую я собирался просмотреть, и вытаскивая ее, листая страницы.

«Вы нашли библиотеку», - тихо говорит он.

Я держу свое внимание вперед. «Миссис Поттс оставила меня исследовать ее, пока она дает мистеру Х. его лекарства». Эти проклятые мурашки по коже не сдвинутся, как бы я их ни умоляла.

'Вам это нравится?' - спрашивает он тихим голосом.

'Я люблю это.' Я не сомневаюсь. Я в своей стихии, и если он какое-то время стояла там и наблюдал за мной - а я просто знаю, что это так, - то он увидит мой трепет так же ясно, как день. Это великолепно, и даже мое презрение к моему новому боссу не заставит меня сказать обратное. Он явно этим гордится. Он имеет полное право на существование.

«Я рад», - говорит он, заставляя мои пальцы замолчать, когда я переворачиваю страницу. Мой глаз напрягает, желая смотреть через плечо на него, но я упорно отрицать их славное зрение и продолжить просматривал справочник. Затем я слышу, как он вдыхает, и то, что он собирается сказать дальше, внезапно становится всем, о чем я могу думать. «Я чувствую, как здесь происходит много Красавицы и чудовища», - говорит он.

Мои глаза отрываются от книги, дыхание явно сбивается. Я просто надеюсь, что он этого не слышал. «Странная ссылка». Я усиливаю стабильность в своем тоне.

«Может быть», - отвечает он громче. О Боже, он идет. 'А может быть и нет.'

Инстинкт моих ног приводит их в действие и идя по окружности комнаты, мое лицо утопает в книге. - Тебе что-то нужно? Спрашиваю случайно, но внимательно. В конце концов, он мой босс.

Мои глаза непроизвольно смотрят вверх, и я сразу проклиная их к черту и обратно. Черт, как такой дерзкий придурок может выглядеть так греховно восхитительно? Он одет и в ботинках, его очки надеты на идеальный нос, его мышинные волосы в идеальном взъерошенном беспорядке. И щетина. Ага! Я заставляю глаза снова опускаться.

«Я должен лететь в Южную Америку», - говорит Беккер. «Мне нужно, чтобы вы забронировали рейсы и проживание». Он подходит и протягивает файл ко мне. «Здесь есть все подробности моей поездки, а также логин на компьютере. Дороти плохо разбирается в технологиях, отсюда и бумажная папка. Перси отправил вам электронное письмо. Свяжитесь с ним, если вам понадобится помощь».

Мне нужно больше времени, чем нужно, чтобы достать файл, и когда я это делаю, мои руки заметно дрожат. Он уезжает? Это хорошо. Очень хорошо. «Я позабочусь об этом».

«И принеси мне файлы на Антонио Элис». Его рука касается моей, когда он

отстраняется, и я сглатываю, качая головой, и мои мысли совпадают.

- Художник ?

'Верно. Я не уверена, как долго меня не будет. Просто бронируйте на время семь ночей, пока я не получу лучшее представление о том, как будет выглядеть сделка ».

'Ладно.'

- И исследуйте Мэйсона Кокса, пока вы занимаетесь этим. Я хочу все, что вы можете найти о нем ».

Я нахмурился. «Извините, это имя мне не знакомо».

'Почему нет?'

Я прихожу немного разгоряченным, сканируя свой мозг в поисках чего-нибудь, что может мне помочь. Черт, я облажалась? Я должен знать Мэйсона Кокса? Я чувствую, как мои щеки начинают подниматься, мой мозг не помогает мне.

Беккер усмехается. - Не переживай, принцесса. Он поворачивается и расхаживает прочь, и мне приходится заставлять глаза подниматься вверх, чтобы они не видели его прекрасную задницу. - Он мелкий торговец, который вынюхивает. Его никто не знает. Его данные находятся в этом файле ».

Я сжимаю челюсти. «Я сделаю это», - твердо отвечаю я, поднимая папку.

'Благодарю.' Он открывает дверь, но останавливается. - А, Элеонора?

'Да?'

Оглядываясь через плечо, его лицо застыло. «Быстрее». Он подмигивает и уходит.

Я глубоко вдыхаю и называю Беккер Ханту каждое оскорбительное имя, которое приходит на ум. - Черт, - бормочу я, открывая папку, которую он мне вручил . Надеюсь, эта сделка займет месяцы.

Глава 7

Это моя третья неделя на работе. Люси и я проводили вместе бесконечные ночи, пили вино, смотрели ромкомы и разговаривали, пока у нас не заболели языки. Она настоящая жемчужина, самый крепкий друг, который у меня когда-либо был за мои двадцать восемь лет. Поскольку мы обе работали и любили это, мы наслаждались несколькими грязными ночами в городе, а также несколькими заслуженными поездками по магазинам. Жизнь в Лондоне наконец-то становится тем, на что я всегда надеялся, мои мечты осуществились.

Я продолжала игнорировать звонки и сообщения от моего бывшего парня и бывшей подруги. Игнорировать их с каждой неделей становится все проще. Дэвид хочет меня видеть. Хочет все исправить. Какой идиот. Он далекое воспоминание. И неверный гребаный придурок.

Я взял за правило звонить маме хотя бы через день, и каждый раз она говорила лучше, рада слышать, как у меня дела. Единственное, что висит у меня над головой, - это то, что я не забираю задницу домой и не разбираюсь в отцовском магазине. Сейчас, когда здесь все налаживается, необходимость позаботиться об этом еще меньше. Я счастлива. Возвращение домой могло все это расстроить. Это могло снова разжечь мою вину за то, что я покинула любимый магазин отца . Это также могло заставить меня столкнуться с людьми, которых я больше никогда не хочу видеть. Итак, я откладывала это.

Беккера Ханта нет рядом, его сделка с Южной Америкой заняла больше времени, чем ожидалось, и я благодарена за это. Я привыкаю к распорядку Убежища без каких-либо досадно милых / раздражающих отвлекающих факторов. Наши контакты ограничивались телефонными звонками и электронными письмами, и это здорово, потому что мне не нужно

на него смотреть. Тем не менее, это не помешало ему добиться от меня одобрения наших звонков. Он невыносим, но я упорно трудился, чтобы позволить ему скользить. На самом деле, я думаю, что становлюсь невосприимчивым к нему. Его явное присутствие, даже с другой стороны мира, мощно, поэтому я сосредоточился на том, чтобы выполнить то, что от меня ожидают, быстро и с минимальным взаимодействием. Беккер Хант привлекает внимание. Я все ближе к тому, чтобы не уделять ему это внимание, не борясь постоянно за то, чтобы обуздать мое неконтролируемое, необоснованное влечение. Да, я становлюсь невосприимчивой. Даже на его постоянные намеки и острую потребность разозлить меня. Похоже, Беккер Хант очень любит меня заводить.

За время работы в Убежища я поняла, что дресс-кода не существует. Нет необходимости в офисной одежде, поэтому сегодня я выбрала бежевые капри и облегающую белую рубашку. Я не могу заставить себя отвернуться от каблуков, которые всегда украшали мои ноги, так что мои пальцы ног все еще зажимают пятки, пока я чувствую, идя по темному переулку, считая в голове. Я улыбаюсь, когда загорается свет, хотя у меня болят глаза.

Пройдя еще немного по булыжникам, я смахиваю карту и вырываюсь из переулка, попадая в тихий двор Убежища. Я ничего не могу с собой поделаться; Я вздыхаю и вдыхаю все это, закрывая глаза от удовлетворенной улыбки. Да, мне здесь нравится. Все об этом. Я относительно свободна погрузиться в историю, которую я когда-либо имела удовольствие читать. Я разговариваю с арт-дилерами по всему миру, известными аукционными домами и каждый день узнаю что-то новое. Это мой личный рай.

«Доброе утро, принцесса».

Я подпрыгиваю, мои глаза резко открываются. 'Иисус.'

К моему удивлению, идеальная бровь Беккера приподнялась.

«Не делай так», - кричу я, заставляя его отшатнуться и немного надуть. Это восхитительно надутые губы, сопровождаемые чем-то еще в его глазах. Меня беспокоит это озорство. Мой рот закрывается. Профессиональный. Будьте профессиональны. И вообще, откуда он? Я не организовал его обратный путь из Южной Америки. - Вы сами организовали путешествие? Я спрашиваю.

«Думал, что удивлю тебя. Ты скучала по мне?»

О, я чувствую, как это раздражение начинает пузыриться - я категорически игнорирую свой трепет. - Простите, - спокойно выдыхаю я, зная, как важно убежать, прежде чем мои жадные глаза получат возможность напомнить мне о его красоте, или о его прекрасном носу, или о его коротких растрепанных волосах, или о его широких плечах, или о его карих глазах, или о его карих глазах, или его . . .

Я делаю шаг вперед, не сводя глаз с ног, надеясь, что он поймет намек и уйдет с моего пути. Я жду несколько мгновений, пока я не соглашаюсь, что он не собирается этого делать, поэтому я двигаюсь влево. И он тоже.

«Мне сказали, что ты хорошо устроилась», - говорит он, но я все равно отказываюсь смотреть на него.

«Да, хорошо, спасибо», - отвечаю я, подбадривая себя за свой профессионализм. Затем двигаюсь вправо. И он тоже.

«Хорошо, - тихо говорит он. 'Очень хорошо.'

Закусив губу, отчаянно борясь с желанием быстро взглянуть на него, я снова шагаю вправо. И он тоже. 'Прошу прощения.' Во мне нужно все, чтобы поддерживать свои силы. Он как магнит для моих глаз. Ничто так потрясающе, как он, нельзя

игнорировать. Невосприимчива? Я смеюсь про себя. Я не думаю, что это возможно.

Это долго, долго, но в конце концов я вижу, как его умные брови меняются.

«Моя леди», - тихо говорит он.

Черт побери. Я могу взглянуть на него, проскользнув мимо, улавливая признаки дерзкой ухмылки. И, черт, если мои глаза не бегут по всему его лицу, когда я продолжаю проходить мимо, а затем вниз по его высокой фигуре.

«Я выгляжу лучше голым», - говорит он низко и сексуально. Это скоро прерывает мой транс, и я в ярости отшатываюсь и иду дальше.

«Я не планирую это выяснять», - бормочу я себе под нос, и он смеется, говоря, что я недостаточно тихо озвучил свое обещание. Я останавливаюсь, поворачиваясь к нему лицом. «Знаете, я почти уверен, что могу подать жалобу в HR на сексуальные домогательства».

Он усмехается. «Я HR. Какая у вас жалоба?»

Я сужаю глаза. 'Ты не смешной.'

- Тогда почему ты пытаешься сдержать ухмылку?

Будь он проклят. «Ты собираешься постоянно пытаться меня возбудить?»

'Возбудить?' Он смотрит вниз в область паха, а затем снова поднимает взгляд, его улыбка становится мягкой. 'Слишком поздно.'

Я естественно смотрю на его пах, и он хихикает, поворачиваясь и неторопливо уходит. Моя голова наклоняется от восхищения, его прекрасной задницей - мое внимание. Это действительно зрелище, его сексуальное чванство.

«Перестань смотреть на мою задницу», - кричит он через плечо.

Я съеживаюсь. Черт возьми, мне нужно найти контроль. Ради всего святого, он мой босс. «Я не делал ничего подобного».

«Делала, - звонит он, - я почти уверен, что могу подать жалобу в HR».

'В чем ваша жалоба?' - нахмурился я.

«Что ты раздеваешь меня глазами». Он не одаривает меня еще одним взглядом на свое прекрасное лицо, просто небрежно идет своим путем, исчезая через большие двери в Большой зал.

Боже мой, он невозможен.

'Доброе утро, дорогая.' Приветливый тон миссис Поттс прерывает мое раздражение, и я оборачиваюсь и вижу ее с лейкой в руке.

«Доброе утро», - щебечу я, чувствуя себя виноватым за то, что меня поймали на месте преступления - акт полной беспомощности.

Я выпрямляюсь и подхожу к ней, пока она проливает воду на клумбы цветов, окаймляющие фонтан. - Как поживаете, миссис Поттс?

Она роняет банку и счищает пыль с рук. «Тикети-бу», - тихо говорит она, пробегая подозрительными глазами по моему лицу. «Беккер дома».

Я избегаю зрительного контакта и этого заявления. «Я буду в библиотеке», - говорю я, избегая дальнейших наблюдений, которые она могла бы сделать, вроде моих наблюдений за Беккером Хант, выглядящим грешно привлекательным. «Мне нужно сделать несколько звонков и много подробностей для Christie's». Я взлетаю, поворачиваю плечи и говорю себе про причину. Работа. Сосредоточься на работе.

Мои ноги стремительно ведут меня в библиотеку, и, захлопнув дверь, я прислоняюсь к ней спиной и смотрю на изображение Рая и Ада, смеясь про себя над иронией. «Очень

хорошо», - говорю я, направляясь к дивану, чтобы бросить сумку. Я успеваю только на полпути, когда телефон на кофейном столике начинает звонить. Я меняю курс и беру звонок.

«Привет, Корпорация Хант, говорит Элеонора».

'О, привет.' Голос дамы удивлен. «Я ожидал, что Беккер ответит».

«Вы позвонили в библиотеку», - говорю я ей, глядя на телефон и видя различные кнопки, обозначенные для разных комнат в Убежище. Я замечаю, что подсвечивается тот, что называется «офис». «Кажется, он разговаривает».

«Мне очень жаль», - говорит дама. 'С кем я говорю?'

'Элеонора.'

- Новый рекрут?

'Это я.'

«О, как мило». Похоже, она удивлена. «У меня просто вопрос. Может ты сможешь помочь?»

'Я попытаюсь. Кто звонит?'

- Паула. Беккер и я... Она на мгновение замолкает. «Мы тесно сотрудничаем».

Мне сразу и совершенно необоснованно интересно, насколько близко это близко? Работа? Они на именах. Все остальные клиенты или партнеры называются по фамилии. 'Чем я могу вам помочь?' - спрашиваю я, заставляя думать о своем профессионализме, а о своих сомнениях.

- Он завтра свободен?

Я немного ошеломленно смотрю на трубку. 'Я не уверен.' Я не занимаюсь организацией его личной жизни. Подождите. Является ли часть моей работы организацией его личной жизни?

'Ладно. Пусть он мне позвонит, если не возражаете.'

Я говорю. 'Безусловно.' Это, наверное, глупый вопрос, но я должен задать его буквально. - У него есть ваш номер?

'Конечно.'

Конечно. 'Правильно. Я попрошу его перезвонить. Прощай.' Телефонная трубка выходит из моего уха, но она продолжает, побуждая меня забрать ее обратно.

«Готов поспорить, работать с Беккером интересно» .

Что-то мне интересно подсказывает, что она имеет в виду не безумное количество великолепных произведений искусства и антиквариата, которые меня окружают, а, возможно, великолепного мужчину. Она пробует воду? Обсудить меня? «Действительно интересно». Я даю ей немного о чем подумать. Очевидно, у меня нет права, и часть меня задается вопросом, почему я веду себя довольно враждебно, даже если я говорю совершенно вежливо.

Я слышу ее гул. Это задумчивый гул. «Что ж, если бы вы могли заставить его позвонить мне, это было бы здорово».

'Безусловно.' Я кладу трубку, заметив, что офисный телефон Беккера больше не занят. Я поджимаю губы. Я ему позже расскажу. Повернувшись, я возвращаюсь к дивану, но не уйду далеко.

Потому что что-то мешает мне.

Что-то сложное.

И я иду прямо в это. Я вскрикиваю и снова моргаю. Внезапное ощущение тепла на моем

плече на мгновение заставляет меня застыть, прежде чем я быстро отбиваю его. «Я в порядке», - выпаливаю я, уклоняясь от него. «Тебе нужно перестать появляться из ниоткуда».

«Мне нравится удивлять тебя». В его словах есть юмор, говорящий мне, что очаровательная однобокая ухмылка останется неизменной, но я не поддаюсь ее соблазну, сосредотачивая свое внимание вперед.

Я собираю файлы, которые мне нужны, и паркуюсь на диване, скрещивая одну ногу с другой, сосредотачивая свое внимание на своей задаче, чтобы мне было на чем сосредоточиться, кроме него. «Ты меня не удивляешь, ты заставляешь меня прыгать», - говорю я, слыша, как его шаги приближаются.

Его длинные ноги сгибаются, облекая бедра, когда он опускается на диван рядом со мной. 'Что делаешь?'

«Собираем детали для новых лотов, которые будут выставлены на аукцион на следующей неделе».

Он смотрит на книгу в моих руках. - Ах, жемчужная брошь Куахог. Великолепно, не правда ли?

Я улыбаюсь, глядя на изображение этого потрясающего украшения. «И редко. Я имею в виду камень».

'Расскажи мне об этом.'

Я нахмурилась. 'О чем?'

'Брошь. Что ты можете мне об этом рассказать?'

Я с любопытством наклоняю голову в легкой улыбке. Неужто он все об этом знает? Он ободряюще кивает. Я пожимаю плечами. Может, он меня проверяет. «Это восходит к началу восемнадцатого века».

«Восемнадцать двадцать пять», - тихо говорит он. 'Продолжай.'

«Это редкая фиолетовая жемчужина Куахог».

От его улыбки у меня перевернулся живот. 'Единственный в своем роде?'

'Наверное.'

Он кладет руку на спинку дивана, устраиваясь поудобнее. «Определенно», - тихо отвечает он. - Диаметр пятнадцать миллиметров. Один был продан пять лет назад и имел диаметр четырнадцать миллиметров. Вот этот вот сделает запись».

«Вау», - выдыхаю я, блуждая глазами по его потустороннему лицу. Но сейчас мое внимание привлекает кое-что еще, и это больше связано с его знаниями и опытом. На этом языке - обо всем, что связано с искусством и антиквариатом - я никогда ни с кем не разговаривал. Если честно, это немного более опасная территория.

Я возвращаюсь к жизни. «Вы знаете, жемчуг в Японии очень ценится. Вам стоит подумать о продаже этого на аукционе там».

«Я счастлив, что ты это узнала». Он сглатывает и, кажется, тоже возвращается к реальности, и я быстро возвращаюсь к файлу в моих руках.

«Кто-то по имени Паула позвонила», - выпалила я, глядя на него краем глаза, оценивая его реакцию. Ничего. «Она спросила, свободен ли ты завтра».

«Я позвоню ей».

Мои зубы сжимаются. Господи, Элеонора. «Я заметил, что у Рембрандта в оправе есть растрескавшаяся волосинка. Я подумала, не хотите ли вы, чтобы я занялась этим?'

'Да. Я пришлю вам подробную информацию о реставраторе, который я использую ».

'Спасибо.' Я продолжаю перелистывать страницы файла, пока не оказываюсь почти у конца. Он молчит. Скоро у меня не останется страниц, чтобы листать.

Я снова выглядываю краем глаза и замечаю, что он пристально смотрит на меня. Он подходит ближе. - Тебе нравится здесь работать, принцесса?

«Мне это нравится», - признаю я. «Сокровища. Как такие древние вещи не утратили своей красоты. Это просто шокирует меня».

Он улыбается. Он слабый, но такой яркий. «Какие-нибудь конкретные фавориты?»

Сказать невозможно. Слишком много. «Мне нравится твой стол».

Его голова поднимается. «Это крепкий стол».

Мои глаза падают на его губы. «Крепкий», - тихо передразниваю я. «Да, выглядит очень крепким».

Он молчит мгновение, затем его губы приоткрываются, готовясь что-то сказать. «Мне очень нравится слышать, как ты говоришь о моем сокровище. Я знаю, что я твой босс и все такое, но это меня заводит как ничто другое».

- Мы снова находимся в сфере сексуальных домогательств, мистер Хант? Я дышу.

'Я не знаю. Вы чувствуете, что вас беспокоят?'

Нет. Скорее запугивают.

'Я? Зачем?'

«Ты немного сложны».

Он улыбается. Боже, пожалуйста, не улыбайся мне. Я могу нырнуть вперед и поцеловать тебя.

- Вы сами себе бросаете вызов, мисс Коул.

«Мне нравится держать тебя в напряжении».

- О, вы очень хорошо с этим справляетесь. Среди прочего.

Не спрашивай. 'Прочего?' Черт меня побери.

«Мол, - шепчет он, - постоянно обезоруживаешь меня своей нахальством». Это . . . очень привлекательно. Если бы ты не работал на меня, я не могу обещать, что ты бы сейчас не лежала на моем крепком столе».

Я стараюсь не позволять глазам округляться от шока. Я пытаюсь. И резкое падение. Что я делаю? Я не должен его поощрять. Шутить с ним. Представляю, как целуешь его.

Я сглатываю и собираюсь говорить, чтобы вежливо, но твердо поставить его на место. Но ладонь прижимается ко рту, прежде чем я успеваю произнести слова. Я замираю, его плоть накаляется на меня, и прибегаю к глубокому вдоху через нос, чтобы наполнить легкие столь необходимым воздухом. Он подходит еще ближе, держа ладонь там, где она есть. Я мог бы оттолкнуть его, если бы захотел. Но я не могу.

Наши глаза встречаются.

Мой сердечный ритм ускоряется .

И я все еще смертельно опасен.

Он останавливается, когда его идеальный нос оказывается всего на волосок от моего, его глаза темнеют, открываясь. . . что-нибудь. Жажда. Он сейчас не играет.

Вот дерьмо. Черт, дерьмо, дерьмо, дерьмо.

Положив другую ладонь на мою грудь, он немного сузил глаза, как будто мог злиться на меня. «Твое сердце соперничает с моим в скорости биения».

О Иисус, Господь Всевышний. Я не говорю, я не спорю, потому что его рука мешает мне говорить. И именно в этот момент я пересматриваю свое определение слова -

очаровательный. Я всегда считал кого-то очаровательным милым. Дружелюбный. Харизматичный. Теперь я понимаю, что вы можете добавить в этот список увлекательных, соблазнительных. Беккер Хант - все это. Его намерения могут не быть очаровательными - каковы бы ни были эти намерения - но его чистая сексуальная привлекательность, его юношеская внешность и богоподобное телосложение, которое, как я знаю, скрыто под его красивой одеждой, - все это так.

Мой босс - воплощение сексуальности.

Он знает это, и, что хуже всего, он знает, что я тоже так думаю.

Я остаюсь неподвижным, настроенный не прерывать связь. Я не слабый. Я могу сравниться с ним в отделе уверенности. Я не собираюсь быть одной из сотен пускающих слюни женщин, падающих к его ногам. Беккер Хант встретил своего соперника. Не знаю, откуда это, может быть, моя любовь к работе, которую я хочу сохранить, но я нахожу необходимые силы и сокращаю расстояние между нами, пока наши носы не соприкоснутся. Я так хорошо знаю его лицо, что если бы я мог все это видеть, у него была бы небольшая складка на лбу от его хмурого взгляда.

Я протягиваю руку и беру его руку, осторожно вынимая ее изо рта. Он меня не останавливает. Между нами кипит сексуальное напряжение, трескается и вспыхивает. Это заставляет меня сделать глубокий, сдержанный вдох, прежде чем я сдаюсь. До того, как Беккер Хант победит и докажет то, что мы оба знаем: он меня больше восхищает, чем раздражает. А что с ним? Для него это просто игра?

Мои глаза не могут не взглянуть на его рот. Его губы слегка приоткрыты. Я мог бы их поцеловать прямо сейчас. Получите ответ на свой вопрос. Но я не нападаю. Я не ломаюсь. Мне здесь нравится. Я остаюсь, и меня не будут отвлекать его попытки. . . ну отвлеките меня. Миссис Поттс права. Сосредоточьтесь на работе. Он действительно не может ничего с собой поделаться, так что мне придется ему помочь.

Я поднимаю глаза. - Если вы меня извините. Я отстраняюсь и закрываю книгу с пронзительным треском, испытывая легкий трепет, когда его плечи дергаются - то, что он пытается и не может скрыть. Я держу его глаза. - Вы мешаете мне работать, мистер Хант.

Несколько мгновений он смотрит на меня проницательным взглядом. Я не уклоняюсь. Я не должен показывать слабость. Затем он прочищает горло и отстраняется, как будто его обожгли. «У меня встреча в офисе. Принеси мне чаю на двоих. Он встает, поправляет костюм и проводит рукой по взлохмаченным волосам. Он взволнован. Ну разве это не новинка.

«Да, сэр», - быстро и четко отвечаю я, кладя книгу на ближайший журнальный столик.

«И не называйте меня сэр», - рявкает он, выходя и рывком распахивая огромную дверь, как будто она невесомая. Он хлопает им за спиной, создавая оглушительный звук, который звучит в моих ушах еще долгое время после его ухода.

'Иисусе.' Я выдыхаю, расслабляя растянутые мышцы. Это было намного сложнее, чем должно было быть. Но я сделал это. Я показал ему. Возьми это, Беккер Хант. Я не ломаюсь.

Когда я уверен, что мои ноги могут удерживать меня, что, на мой взгляд, занимает слишком много времени, я иду на кухню, чтобы принести чай для двоих, как он кратко приказал.

'Привет, дорогая.' Когда я вошла, миссис Поттс закрывает холодильник и ставит курицу на стойку. 'Как поживаешь?'

«Мистер Хант хочет чаю для его встречи».

Меня забавляет мгновенное беспокойство, которое отразилось на ее старом лице. «Я возьму его», - говорит она, пересекая кухню и снимая чайник с полки старинного деревянного шкафа.

Я присоединяюсь к ней и беру чайник из рук. «Миссис Поттс, я справлюсь».

Она недоверчиво смотрит на меня с недоверием. - Чай или Беккер? Она пытается вернуть чайник, но я вытаскиваю его и приподнимаю бровь.

'И то и другое. Он нанял меня, чтобы снять с тебя давление. Чтобы успокоить тебя.

'Да, но-'

«У меня иммунитет». Это совсем не так, но я определенно достиг грандиозного рубежа. «Миссис Поттс, я вижу, вы заняты мистером Х. Пожалуйста, позвольте мне помочь». Мне нужно доказать, что я могу это сделать, миссис Поттс и себе.

И ей не нужно много времени, чтобы смягчиться, хотя я могу сказать, что это неохотно. «Будь по-твоему, но не приходи ко мне со слезами, когда он разобьет тебе сердце». Она снова идет через кухню.

Разобьет мне сердце? «Не будем увлекаться, миссис Поттс». Я смеюсь, открывая шкафы, чтобы найти то, что мне нужно. «Мое сердце совершенно безопасно». Проблема в моих предательских чувствах. Ни одна живая, дышащая женщина не могла остаться незамеченной Беккером Хантом.

Она издевается и бросает курицу в лоток, а затем накрывает ее фольгой. 'Это то, что все они говорят.'

«Тебе не о чем беспокоиться, - уверяю я ее. Да, он раздражающе привлекателен и, вероятно, горяч в постели, но я знаю, помимо всего прочего, что Беккер Хант не из тех мужчин, в которых я могла бы влюбиться. Он слишком заиклен на себе и тщеславен. Он слишком любит себя. И я определенно слишком сильно люблю свою работу. Я знаю, что такое настоящее горе. Я почувствовал это, прощаясь с папой пять лет назад. Я это почувствовала, когда отвернулся от предательства и уехал в Лондон. Эта работа? Это все. Я начинаю любить себя, и это то, что сохранит мое сердце против Беккера Ханта.

Мой чай на двоих готов, серебряный поднос выглядит подходящим для королевской семьи. Я оставляю миссис Поттс рубить кучу картошки и иду к роскошному офису Беккера, положив поднос на ладони, спину прямо. Это требует некоторой неловкости с подносом, но я наконец балансирую его на поднятом колене и звоню в медный колокол.

'Войдите.'

Его требование ограничено. Он в ярости. Это знание наполняет меня неоправданным удовлетворением, когда я локтем толкаю ручку вниз и вхожу в комнату, слегка прикрывая дверь пяткой. Я провожу несколько мгновений, заново знакомясь с его офисом, и останавливаюсь, когда вижу новое дополнение. Удивительное нововведение в царственном пространстве в виде огромных напольных часов. Не просто огромный. Он массивный, и когда я приглядываюсь, я вижу, что циферблат - потрясающая копия часов Shepherd Gate.

'В любое время.' Саркастический комментарий Беккера уводит меня от восхищения его новым произведением.

«Чай», - объявляю я, смело глядя ему в глаза и сладко улыбаясь. - А где вам, мистер Хант?

Его хмурый взгляд пронесся по комнате, как молния, и ударил меня по лицу. «Стол», - приказывает он, прищурившись, глядя на меня, пока я медленно подхожу и ставлю поднос на стол перед ним.

- Вот, - небрежно говорю я. «Прямо на твоём крепком столе». Какого хрена я делаю? Я смотрю на него и вижу, что его рот приоткрыт. Он в шоке. Я его не виню. Я в шоке от себя. Прискорбно, что я играю с ним в его собственную игру. Но я ничего не могу поделать. Он просто нажимает на мои кнопки. Я улыбаюсь, почти извиняюсь, и его глаза ненадолго закрываются. Собирается он сам.

Я брожу по комнате и показываю на часы. «Это потрясающе».

Беккер мгновенно теряет всякое раздражение и улыбается, вставая и присоединяясь ко мне. Сделаю металлическую ноту, что когда Беккер в плохом настроении, мне просто нужно поговорить о его сокровищах. 'Не так ли?' Его рука тянется вперед, и он проводит легким кончиком пальца по лицу. 'Ты это знаешь?'

'Конечно.' Я отрываю глаза от его пальца, ласкающего часы, и улыбаюсь ему в лицо. «Это потрясающая копия».

'На самом деле.' Карие глаза Беккера стали тяжелее, ленивее, и я быстро вспоминаю, что он сказал в библиотеке. Я возбуждаю его больше, когда говорю о его сокровищах. Это может быть настоящей проблемой, поскольку Хейвен тонет в этом, и я люблю об этом говорить. Я очищаю свои мысли и отвожу взгляд. «Я оставлю вас на вашу встречу». Я прохожу мимо него, касаясь его руки, и закрываю глаза, игнорируя его тихий вдох.

Он кашляет. «Да, вы уволены».

Уволен? Требуется вся моя сила воли, чтобы не повернуться и не сковать его вокруг его красивой головы. О, я действительно попал под его кожу. Хороший. Итак, теперь он идет к простому засранцу? Потому что я ему отказал? Такой ребенок. 'Будет ли что-нибудь еще?'

«Я сказал, что вы уволены». Он отталкивает меня взмахом руки по воздуху, еще больше раздражая меня. Но я сохраняю самообладание и медленно отворачиваюсь от него, принимая что-то постыдно близкое к его сексуальному чванству, когда я ускользаю.

Слегка взявшись за ручку двери, я открываю ее и медленно поворачиваюсь, когда выхожу, и закрываю ее за собой, лишь мельком лицо Беккера Ханта, прежде чем дверь оказывается между нами. Он смотрел на мою задницу. Я хочу удовлетворенно улыбнуться, но знаю, что танцую на опасной почве. Очень опасная земля.

Я возвращаюсь в библиотеку и смахиваю карточку, чтобы войти. Я не должен подстрекать его, но с ним легче справиться когда он скорее трудный высокомерный член, чем тлеющий, соблазнительный член. Я чувствую, что получил немного контроля. Или я шучу?

Я звоню, чтобы договориться с реставратором, и удивляюсь, когда парень, который отвечает, называет меня по имени, ничего не представляя. Может быть, Беккер рассказал ему обо мне, как он, должно быть, рассказал этой Пауле, кем бы она ни была. Кто она? На этом я прекращаю свои догадки. Эта часть его бизнеса не мое.

Согласовав время забрать картину, я вешаю трубку и иду к лестнице, но снова звонит телефон на столе, и я бегу обратно через библиотеку, чтобы ответить. Я работаю в поту, все это время от времени. 'Здравствуйте.'

«Есть файл с пометкой (W) 2010–2015», - бормочет Беккер. - Третья полка на пятом ящике по часовой стрелке от двери. Принеси мне это. Он вешает трубку, оставляя меня с открытым ртом, а телефон безвольно болтается у меня в руке.

«Какая козел», - ворчу я, моя прежняя хладнокровие заглушалась его умелым поведением. Я кладу трубку и топаю на указанную полку, быстро находя нужный файл, прежде чем вернуться в его офис. Я бы хотел, чтобы он вернулся в Южную Америку.

Я использую короткое время, необходимое для того, чтобы добраться туда, чтобы охладить свой кипящий характер, и звоню в звонок только тогда, когда уверена, что все под контролем.

'Войдите.'

С нескрываемой улыбкой на лице я прохожу в его кабинет. Я мгновенно чувствую его взгляд. Горящие глаза. «Ваш файл». Я держу его на пути к нему, наблюдая за другим мужчиной, сидящим за столом Беккера спиной ко мне. «Добрый день, сэр», - вежливо приветствую я, наблюдая, как мужчина медленно поворачивается ко мне лицом.

'Здравствуйте . . . ?'

Я неуверенно шатаюсь, немного опешив. Его седые волосы напоминают мужчине средних лет, но его дружелюбное лицо и теплые карие глаза приближают его к середине тридцатилетия. Он необычно красив, с выдающимся римским носом и очень квадратной челюстью. - Элеонора, - выдыхаю я, вслепую кладя папку на стол Беккера и протягивая руку.

- Мисс Элеонора? Он улыбается и берет меня за руку.

- Элеонора Коул, - поясняю я, позволяя ему трести.

«Я Brent Уилсон. Итак, вы новый помощник Беккера?

Помощник? «Ну, я...»

- Ее судят, - вмешивается Беккер, оборачиваясь за стол, чтобы встретить нас с другой стороны. «Ее будущее в Hunt Corporation еще не определено».

Я бросаю на него шокированный взгляд. Это? Зачем? Поскольку я не даю ему того, что он хочет, он может теперь сделать мою жизнь ужасной, чтобы избавиться от меня? Он сильно ошибается. Я не позволяю ему залезть мне под кожу. А где его мораль? Он знает, что миссис Поттс будет зависеть от меня, даже если он этого не сделал. Не секрет, что Беккер не хотел нанимать стороннюю помощь. Неужели он позволит своему измученному эго помешать миссис Поттс дать передышку, в которой она нуждается?

«Что ж, - восклицает Brent, - если ты не хочешь ее, Хант, я с радостью возьму ее к себе».

Неважно, что этот парень Brent ведет себя как шовинистическая свинья, говоря обо мне, как будто меня здесь нет, или как будто я кусок мяса, за который нужно торговаться. Нет, это не имеет значения, потому что враждебность, исходящая от Беккера, отменяет любую потребность, которую я должен перепрыгивать через сексистскую задницу Brentа. И вообще, он довольно милый. Я открываю рот, чтобы поблагодарить его за предложение, но меня снова обрезают, когда Беккер берет меня за локоть и тянет прочь.

«Она выглядит многообещающей, - ворчит он.

Я смотрю на него недоверчивыми глазами, на что он полностью игнорирует. 'Я?' Я ничего не могу с собой поделать. Итак, теперь я многообещающая?

Его прекрасные губы поджимаются, когда он бросает на меня короткий осторожный взгляд. «Вы уволены», - ворчит он, физически ведя меня к двери.

Я оглядываюсь через плечо, пока мои ноги быстро работают, чтобы не отставать от Беккера, многозначительно улыбаясь Brentу. Я даже не могу найти приличия, чтобы стыдиться себя. Я пожимаю плечами Беккера и выпрямляюсь. - Могу я вам еще что-нибудь, мистер Хант? - спрашиваю я, вопросительно наклоняя голову.

Его челюсть дико тикает, кинжалы стреляют из его огненных глаз. «Нет», - шепчет он. «Только информация, которую я запрашивал ранее».

«Она будет готов к концу дня».

«Это звучит немного плащом и кинжалом». Брент смеется.

«Вы знаете Hunt Corporation», - говорит Беккер, глядя прямо на меня.

'Разве я просто не могу'- задумчиво отвечает Брент. Я тоже чувствую на себе его взгляд, когда склоняю голову и смотрю в глаза своему боссу, когда прохожу мимо него, поглаживая рукав его куртки. Это не было намеренно. Он шипит, но мне удается контролировать свою реакцию на электрический разряд, который атакует меня от нашего контакта. Или от него исходили просто гневные флюиды? Тем не менее, у меня перехватило дыхание, и я борюсь, чтобы вернуть его, когда выхожу из его офиса.

'Подождите.'

Я резко останавливаюсь и поворачиваюсь, обнаруживая приближающегося ко мне Брента. Мои глаза бегают между ним и Беккером, неподвижно стоящим у двери с широко раскрытыми глазами, и на мой лоб пробегает хмурый взгляд. 'Да?' Я говорю.

«Пожалуйста, позвольте мне как-нибудь пригласить вас на ужин», - мягко говорит Брент, залезая во внутренний карман и вытаскивая карточку. Он протягивает мне его, и я медленно поднимаю руку, чтобы взять его. Но он не отпускает. 'Позвоните мне?'

Наши руки остаются подвешенными между нашими телами, в то время как Беккер ощетиливается сбоку, вероятно, у него кружится голова от раздражения, что он абсолютно ничего не может сказать, чтобы отклонить предложение Брента. Это моя личная жизнь, и он не может ее контролировать. 'С удовольствием.' Я говорю уверенно и любезно, хотя внутри меня удивляет, почему я так легко согласился. Я не знаю этого парня, и я должен быть отвержена мужчинами.

Беккер перешел от щетины к физическим подергиваниям. Я чувствую это. Почувствуйте это.

«Отлично, - говорит Брент. «Я с нетерпением жду этого».

Наконец он выпускает карточку, и я отхожу, глядя на Беккера. Он несколько раз сглатывает, его глаза бегают по офису, пока в конце концов не остановятся на моих. Мир перестает вращаться вокруг своей оси, но моя голова дико кружится, чтобы это компенсировать.

- До свидания, - тихо говорю я, продолжая отступать, не в силах оторвать взгляд от пустого выражения лица Беккера. Он слегка дергается, и я с полной ясностью вижу, что он внезапно вернулся в комнату. Где он был? Он смотрит на Брента, затем на меня, прежде чем оживает, хватая дверь и практически хлопая ее перед моим лицом.

Я стою на другой стороне несколько мгновений, поднося карточку ко рту и задумчиво жуя угол.

Мой босс ревнует? Это откровение сеет хаос в моем все более запутанном уме.

Глава 8

Конец моего первого месяца в Hunt Corporation, но мне кажется, что я здесь уже много лет. Я провела бесконечные дни в библиотеке, погружаясь в обилие книг, украшающих полки, и познакомилась с уникальной системой хранения файлов.

Я ответил на все запросы Беккера Ханта, и он определенно требовал, от поиска файлов до звонков; от предоставления информации до перекрестных ссылок на несколько частей. Его заказы всегда короткие, резкие и краткие, и он почти не смотрел на меня с тех пор, как Брент пригласил меня на ужин на прошлой неделе. Его резкость и тот факт, что он явно избегает меня, меня вполне устраивали. Иммунитет легче при минимальном контакте.

Теперь я свернулся калачиком на одном из кожаных диванов в библиотеке Убежища

после того, как дал себе несколько минут передышки. На этой неделе было безостановочно.

Миссис Поттс просовывает голову в дверь, ее фиолетовая бомба прически ярко светится. - Прошло шесть, Элеонора. Она улыбается стопке книг, сложенных рядом со мной на диване.

'Оно бежит?' - спрашиваю я, глядя на часы.

«Время тает в Убежища, дорогая». Она тепло улыбается. «Я буду на кухне».

«Хорошо», - говорю я, когда она выскальзывает. Я вылезаю из дивана, чувствуя себя немного скованной, но быстрое движение рук над головой быстро меня успокаивает, прежде чем я кладу книги на их законные места.

У меня звонит телефон, и я отвечаю, идя на кухню. 'Здравствуйтесь?'

'Элеонора?'

Я останавливаюсь, не узнавая голоса. 'Да?'

«Брент Уилсон».

«О, Брент». Я съеживаюсь. Я никогда не звонил ему по поводу того ужина. Если честно, я бросила его визитку в сумку и особо не задумывался об этом. Кто-то еще украл мои мысли до конца дня, и я большую часть времени боролся за то, чтобы Беккер Хант оставался в безопасном месте в моем мозгу. Нравится профессиональная часть. Кроме того, я от мужчин. Еще несколько писем от моего бывшего с просьбой о встрече напомнили мне об этом. «Привет», - пискнула я.

"Я думал, что увижу вас если вы доступны на ужин в этот вечер?"

«Ну, я. . . ' Я борюсь с собой, чтобы найти разумное объяснение для отказа. Подождите. Как ты получил мой номер?»

«Если мужчина чего-то хочет, он это найдет», - мягко отвечает он. - Итак, ужин?»

«Брент, это действительно очень любезно с твоей стороны, но ' Я тут же поворачиваюсь, желая, чтобы за мной последовали еще несколько слов - слов, которые будут тактичными, а не категорическим отказом. Я действительно не заинтересован в ужине ни с ним, ни с кем-нибудь.

Когда я смотрю вверх, что-то бросается в глаза в коридоре, и я понимаю, что делаю шаг назад. Беккер стоит возле своего офиса и смотрит на меня. Он хмурится. Он слушал мой звонок? Что-то меня охватывает - что-то детское и глупое. «С удовольствием, Брент», - говорю я, не сводя глаз с Беккера. Его челюсть начинает тикать. «Я только заканчиваю работу».

'Замечательно. Я встречу с вами в «Уолсли» в восемь.

'Тогда увидимся.' Я отключаю звонок, увядая под свирепым выражением лица Беккера в течение нескольких секунд, прежде чем он отвлекается, поворачивается и снова исчезает в своем офисе. Я закусываю губу и иду назад, не отрывая глаз от гравированной двери, пока не дойду до ванной. Мне кажется, я только что вернулся на опасную почву. В какую игру я играю?

После того, как я воспользовался туалетом и собрал сумку и пальто, я отправился на кухню. 'Элеонора.' Когда я захожу, старый мистер Х. сидит за столом, а миссис Поттс подносит ему обед с ростбифом. «Подойди и расскажи мне, как дела». Он стучит по сиденью рядом с собой. - Все еще наслаждаетесь этим здесь?

'Абсолютно да.' Это преуменьшение века.

«И твоя мама. Она в порядке?»

Я нежно улыбаюсь; Я ценю то, что он спрашивает. Он делает это в большинстве случаев

с тех пор, как я сказала ему, что она вернулась домой и ужасно скучает по мне, хотя счастлив, что наконец-то делаю то, что действительно люблю. «Она в порядке, спасибо, мистер Х.»

'Супер.' Он ярко улыбается. Я хочу, чтобы он был моим дедушкой. Беккер Хант может быть непростым делом, но его дедушка, миссис Поттс и даже Уинстон, более чем компенсируют это. Я так полюбила их.

- Ешь, - требует миссис Поттс, указывая на нож и вилку мистера Х., аккуратно разложенные на столе .

«Да, да», - мрачно ворчит он, поднимая их и выжидающе глядя на меня. «Хочешь поужинать? Дороти готовит шикарное жаркое.

Я бросаю взгляд на миссис Поттс, которая закатывает глаза. «Спасибо, мистер Х., но сегодня вечером у меня свидание. Мне нужно пойти домой и приготовиться ».

- Вы говорите, свидание? Он многозначительно покачивает бровями, заставляя меня смеяться.

«Я тебя проведу», - говорит миссис Поттс.

'Спасибо. Доброго вечера, мистер Х.

Он раздвигает кусок говядины и машет им в воздухе, закатывая глаза. «Да, я буду веселиться и лечь в кровать рано утром, не волнуйся».

«Те дни прошли, Дональд». Миссис Поттс смеется , указывая в сторону.

Он делает глоток и жует. «Кто бы ни был счастливчик , я надеюсь, он обращается с тобой как с леди».

- Уверен, - говорю я, следуя за миссис Поттс из кухни. Мы делаем всего несколько шагов, когда нас поражает громкий визг, который отскакивает от стен вокруг нас. 'Что это было?' - спрашиваю я, удивленно оглядываясь.

- Лорд Всемогущий, - бормочет миссис Поттс, взяв меня за руку. 'Ничего дорогой. Пошли.

Я могу только следовать за ней, глядя через плечо, но потом я слышу это снова, на этот раз громче. «Вот», - говорю я, останавливая ее. «Вот оно снова». Это похоже на то, что кошку душат.

«Ничего подобного, Элеонора», - настаивает она, заставляя меня хмуриться.

«Для меня это не похоже на ничто».

'Это реально-'

«О, Беккер. Вы грязный мальчик. Высокий голос пронзает меня в спину, и я резко оборачиваюсь, несмотря на все попытки миссис Поттс вытащить меня. Я в ужасе от того, что вижу. Женщина, вываливающаяся из кабинета Беккера полуобнаженной, ее скромность прикрывала только атласное белье с оборками. «Пойдем, тигр».

Тигр? Мое лицо морщится. Я ненавижу ее. Почему я ее ненавижу? Я быстро отбрасываю вопрос, боясь ответа. Это женщина, от которой мне звонили? Паула?

Я знаю, что я увижу дальше, и насколько я знаю, это заставит мои глаза кровоточить, я не могу заставить свои ноги унести меня. Миссис Поттс решительно тянет меня за руку, но я остаюсь на месте, ожидая неизбежного. Наглая девка отступает, пока ее спина не встречается со стеной, затем она держит палец вверх и жестом указывает ему подойти к ней, пока она соблазнительно облизывает губы.

Я готова. Я готова. Я готова.

Он появляется.

С обнаженной грудью.

Я не готова.

Я тяжело сглатываю. Боже правый, слов нет. Он Адонис.

Мои глаза кричат на меня, когда я отталкиваю их, но вскоре я даю им то, что они хотят, и снова смотрю на него. Почему я делаю это с собой? Я начинаю ненавидеть этого человека. Он раздражает меня, заставляет мою кровь кипеть от ярости, и это должно сделать его непривлекательным. Но они этого не делают. Во всяком случае, это делает его еще более привлекательным. Я просто не понимаю. Я заканчиваю с уколами. А Беккер Хант - король придурков.

Я мучаю себя еще больше, наблюдая, как он медленно приближается, пока его твердое тело не прижимается к ее сверхтонкой фигуре, прижимая ее к стене. Он собирается поцеловать ее, и мучительная боль, которую я чувствую, полностью сбивает меня с толку. Я должен подбадривать ее, радуясь, что ему явно есть чем заняться. Мне повезло, что я избежал его так называемого обаяния.

Но мне не повезло. Меня тошнит от ревности. Откровенно говоря, я готова оторвать ее от него за волосы. Что на меня нашло? Мне нужно вырваться из этой ужасной ситуации, но как только я убедилась, что мои мертвые мускулы помогут мне в этом, я вижу, как он останавливается прямо перед тем, как его губы встречаются с ее губами. Его профиль идеален, и мне удается скрыть женщину, которая находится в нескольких шагах от его лица, и наслаждаться этим. Затем он медленно поворачивается ко мне.

И я перестаю дышать.

Его карие глаза серьезны. «Приятного свидания», - рычит он, и на его идеальных губах появляется намек на непристойную улыбку. Затем он грубо хватается за руку женщины и тащит ее к изогнутой каменной лестнице в свою квартиру.

У меня скрипят зубы и болит челюсть от того, что меня стискивают. Абсолютный, первоклассный, тотальный и полный засранец. Я должен дать ему пощечину.

Но . . .

Боже мой. Я кое-что вижу.

Что-то грандиозное, что-то, что сбilo меня с толку, больше, чем необоснованная боль, которую я чувствую. Я отвлекаюсь от своих необоснованных обиженных чувств самой большой татуировкой, которую я когда-либо видел, которая покрывает спину Беккера.

Я шагаю вперед, чтобы лучше рассмотреть, но не могу разобрать, не могу понять дизайн; он слишком далеко. Это просто тени серых чернил, но они живые и опухшие на его широкой спине. Заклепаный. Я совершенно очарована этим откровением. Татуировка. Не просто тату, а огромное произведение искусства.

Добравшись до подножия лестницы, он толкает Тигровую Птицу и оглядывается на меня. Моя губа непроизвольно скручивается. Затем он исчезает вверх по лестнице, и последнее, что я слышу перед тем, как хлопнет дверь, - это звук возбужденного крика. Потом тишина. Затем боль пронизывает меня, как ураган. Все это было мне на пользу. И это чертовски ужалит.

«О боже», - тихо говорит миссис Поттс, возвращая меня в «здесь и сейчас». «О, дорогая, дорогая».

Я качаю головой от недоверчивого тихого смеха и собираю все свои силы, чтобы встретиться с миссис Поттс и выглядеть прекрасно, когда я далека от этого. Он унижил меня. Я его ненавижу. «Спокойной ночи, миссис Поттс». Я быстро прохожу мимо нее,

прежде чем подтвердить, что я знаю, что она думает, если я еще не сделала этого.

Свежий воздух бьет меня кирпичом, когда я выхожу во двор, и хотя переулок прекрасно освещен, я слепо иду по тропе, которая приведет меня во внешний мир - мир, который сейчас намного привлекательнее чем злоба, чем обитает в Убежище. У меня нет настроения на свидание, но альтернатива - сидеть дома и мучить свой разум постоянными повторениями и воспоминаниями о том, как Беккер Хант толкает ту женщину к стене. Женщина, признаюсь, я по глупости желаю быть ею. Меня никогда не привлекал и не отталкивал мужчина одновременно. Это блядь с моей головой. Все остальное идет так гладко, моя новая жизнь именно там, где я хочу. С моей стороны было бы чудовищно глупо связываться с этим сейчас.

Беккер Хант поступает со мной - вещи, с которыми я никогда раньше не сталкивался - и хотя он нанес мне пощечину пресловутой пощечиной, я знаю, что это было тактически, хотя бы для того, чтобы доказать себе, что меня это беспокоит.

И ему это удалось.

Я заблужусь, если попытаюсь убедить себя, что он не заметил боли, которую я так старался скрыть. Совершенно бредовый. Он играет грязно, потому что я его отверг. Потому что я согласился на свидание с Brentom Уилсоном. Беккер Хант не привык к отказу, и ему это явно не нравится. Я получил звонок Brenta всего десять минут назад, а затем провела несколько минут на кухне с мистером Х. и миссис Поттс. Его тигрица уже была в его офисе? Должно быть, она была.

И Боже, неужели я чувствую себя дураком?

Глава 9

Я пробиваюсь через входную дверь, когда Люси выскакивает из своей квартиры, вся одетая.

«Эй», - поет она мне, но ее бодрое лицо тускнеет, когда она замечает мое угрюмое выражение. 'Что происходит?'

«Он придурок», - плюю я, не в силах больше сдерживаться. Я неоднократно заявляла об этом себе, снова и снова, но это далеко не так приятно, как сказать это вслух кому-то еще - кому-то помимо него - и поскольку я не могу этого сделать, потому что он мой босс, то я ". Придется найти другие выходы для моего разочарования. Люси - единственный человек, которого я знаю в Лондоне, за исключением мистера Х. и миссис Поттс, и я не могу выразить перед ними свою досаду. Они думают, что я неуязвима.

Люси отступает, наморщив лоб. 'ЧТО?'

«Придурок, на которую я работаю». Я затаскиваю усталое тело в квартиру и слышу, как за мной следуют каблуки Люси. Я чувствую ее любопытство. Я сказала ей, что работа идет отлично, потому что это так. Я никогда не упоминала о греховно красивом придурке, на которого работаю, потому что он не имел отношения к делу. Теперь этот выбор молчания изменится.

Все выливается наружу. «Я никогда не говорила тебе, потому что это не имело значения», - мрачно бормочу я. «Но мой босс; он горячий. Высокий, ангельские глазки, идеально прямой нос, восхитительное тело, смертельно красивый ».

'Ой?'

«Да», - ворчу я, бросая сумку на диван. - А еще он заносчивый придурок, бабник и...

И ты выпрыгиваешь из штанов из-за него.

Я задыхаюсь от отвращения. 'Я не делаю. Он слишком себя воображает ».

Она смеется и хлопает своей задницей на диване. - Что он сделал, чтобы так тебя разозлить?

«Все», - хрюкаю я. Ей не нужно знать более тонкие детали, как я встретился с ним до того, как пошла на собеседование в Hunt Corporation, насколько сильное сексуальное влечение вызывает у меня головокружение. И ей не нужно знать о той дурацкой игре, в которую мы, кажется, играем. Или тот факт, что он заставил мои глаза кровоточить при виде его обнаженной груди и женщины, которую он приколот к стене. О Боже, ей действительно нужно все это знать. Так что все выходит. Каждая крошечная деталь, от начала до конца, и все время, пока я говорю, рот Люси открывается все шире и шире, пока ее подбородок не касается пола.

«Чёрт возьми», - выдыхает она, широко раскрыв глаза, и это именно та реакция, которую я ожидал. Затем я делаю то, что обещал больше не делать. Я беру свой ноутбук и открываю Google.

'Что ты делаешь?' она спрашивает.

Я ввожу его имя, открываю изображения и поворачиваю экран к Люси. Мне больше не нужно говорить. Та челюсть, которую она только что подняла. Он снова падает на пол. «Милый младенец Иисус». Она хватается за экран и приподнимает лицо. «Я знаю его лицо».

Я смеюсь. «Он экстраординарный плейбой».

- И он твой босс? Она недоверчиво смотрит на меня.

'Да. Ему принадлежит Hunt Corporation. Я знала, что он знаком, когда впервые столкнулся с ним ».

«Ну, я бы не прочь смотреть на это весь день».

Предатель. «Он придурок», - напоминаю я ей. 'Посмотрите.' Я показываю изображение за изображением, весь Беккер с другой женщиной под руке. Мое лицо морщится.

Люси не замечает моего беспокойства. «Трахни меня, он выглядит горячим в очках».

«Люси», - плачу я, хлопая ноутбуком. «Он играет в игру. Он не выиграет. Ему все равно, если я уйду. Он даже не хотел никого нанимать, и я почти уверен, что он нанял меня только потому, что видит во мне вызов. Он пошел меня целовать, я его отвергла, и ему это не понравилось ».

Она ныряет через диван и крепко обнимает меня. Я застигнута врасплох, но я отвечаю на ее объятия. «Ты такая сильная», - говорит она, сводя мои брови посередине. «Не могу сказать, что я сделана из того же материала».

Я вырываюсь и смотрю, как она виновато опускает глаза. 'ЧТО?' Я спрашиваю, наклоняя голову предупреждение, убедившись, что она знает, что я хочу каждую деталь, и будут последствия, если я ее не получу.

«Парень на работе». Она глубоко вздыхает, теребя нитку, свисающую с ее платья. - Его зовут Марк. Я подозреваю, что он игрок, и я знаю, что мне не нужно такое дерьмо, но он пригласил меня на свидание, и я сказал нет, а затем он пригласил кого-то еще, и теперь я закончил свидание под названием Роланд, глупый приступ мести ».

Я все это улавливаю, но сосредотачиваюсь только на чем-то одном. - Роланд? - смеясь, спрашиваю.

Она устало кивает. 'Я знаю. Все сказано, не так ли? Он младший бухгалтер с третьего этажа.

«О боже, кто назовет своего ребенка Роландом?»

- Эм, мать Роланда?

Я снова впадаю в истерику, представляя, как выглядит Роланд. «Скажи мне, что он крутой», - требую я, надеясь на что-то лучшее.

«Не так жарко, как Марк».

Я расправляю губы, мой смех исчезает, когда я думаю о том, что мы находимся в одной лодке. Мы оба собираемся обедать с мужчинами, чтобы доказать свою правоту другим мужчинам. И в чем именно смысл? Что мы идиотки? «Как вы думаете, почему Марк игрок?»

«По офису ходят слухи. Что-то о нем и девушке с восемнадцатого этажа, занимались этим в типографии».

'Ой . . .' Я поджимаю губы, и Люси кивает, закатывая глаза.

- Ты спросила его, правда ли это?

'Ни за что. Он подумает, что мне не все равно».

«Да», - говорю я со смехом.

«Ему не нужно этого знать».

Я улыбаюсь про себя. Она такая классная. «Ну, я тоже пойду ужинать сегодня вечером». Я направляюсь к своему гардеробу, до которого, к сожалению, добрался всего за три шага. «Помогите мне решить, что надеть».

- Ужин с кем? Она присоединяется ко мне, с сомнением разглядывая мой гардероб.

«Брент. Он клиент моего придурка босса. Я хмурюсь про себя. «По крайней мере, я так полагаю». Фактически никогда не упоминалось, что их связывает».

- Кто такой Брент?

'Я не знаю.' Я проникаю в глубину своего разума. «Уилсон».

- Брент Уилсон? Люси визжит, заставляя меня подпрыгивать. - Брент Уилсон?

Я хмурюсь. 'Я не знаю. Кто такой Брент Уилсон?

«Серебряная лисица, лет тридцати, вроде с большим носом, но все же довольно симпатичная?»

'Да уж.'

«Черт возьми, Элеонора. Где вы была? Пряталась под камнем? Она залезает в мой гардероб и вытаскивает обнаженное платье. «Он миллионер. Чертовски упакован. Дома здесь, Нью-Йорк, Париж, Мали-блять-бу. Черт возьми, ты могла бы быть содержанкой». Она с отвращением фыркает и сует платье обратно в мой шкаф, а затем перебирает остальные вешалки. - Полагаю, это может сработать».

Я беру темно-синее облегающее платье с длинными рукавами и прижимаю его к себе, не выдержав волнения Люси. Итак, он вонючий богач. Ясно, что это должно меня взволновать, но разумная часть моего мозга напоминает мне, что я иду на свидание из принципа. – Ты уверена?

«Ну, мы украсим его какими-нибудь массивными украшениями». Она усмехается. «Держу пари, этот засранец был в восторге».

Я пожимаю плечами. «Насколько я была бы глупа, если бы связывался с моим боссом?» Не могу поверить, что спросил об этом вслух. Мне это не нужно подтверждать.

«Я думаю, что можно сделать исключения, когда ваш босс так выглядит». Она указывает на мой ноутбук.

Я хлопаю ее по руке. «Это был риторический вопрос, Люси».

«Где вы встречаетесь с Brentом?»

«Уолсли в восемь».

Она усмехается. - «Уолсли», а?

Я закатываю глаза и иду в душ. «Я так понимаю, Уолсли шикарный».

'Ага. Я направляюсь туда, но в гораздо менее желанное место на Лестер-сквер. Мое свидание - скряга. Я буду ждать тебя.'

Я захожу в ванную и включаю душ. - Итак, что делает Brent Уилсон? - спрашиваю я, раздеваясь.

«Гостиницы», - говорит Люси. - Их куча в каждом крупном городе. Статоны.

'Блядь.' Я просовываю голову в дверь. 'Я знаю их.'

«А кто нет?» Люси обеспокоенно смотрит на меня. 'Ты выглядишь усталым.'

«Тяжелый день на работе», - признаю я, заходя в душ и закрывая за собой дверь.

«Трудный день, сдерживающий желание прыгнуть через задницу?»

Я хмуро смотрю на наполненный паром воздух. Я даже не удостоила ее ответом.

Я оставляю Люси на станции метро после напутственной беседы, хотя она мне и не нужна. Я знаю, что делаю, и не могу найти в себе силы, чтобы остановить себя. Не после его небольшого выступления в коридоре Убежища ранее. Мое самоуважение, кажется, растворилось в воздухе с тех пор, как я увидел очаровательного Беккера Ханта.

Входя в Уолсли, качая моей пышной задницей, как маятник Я огляделась, не позволяя нервам одолеть меня. Я видел реакцию Беккера, когда Brent немного подружился со мной в своем офисе на прошлой неделе, и я также видел его лицо, когда я отвечал на звонок Brentа и ранее принял его приглашение на ужин. Просто знание того, что Беккер знает, что я встречаюсь с Brentом, подпитывает меня, и - необоснованно - я не могу дождаться, чтобы завтра пойти на работу и напомнить ему, аккуратно вставив это в разговор. Я уже решил, что, однако, сегодня вечером - крупный провал или приятное первое свидание - Беккер получит улучшенную версию последнего. У меня будет лучшая ночь в моей жизни.

'Мадам?'

Я поднимаю глаза и встречаю взгляд дамы, стоящей перед деревянным подиумом. «Привет, я встречаюсь с мистером Уилсоном».

Все ее существо светится перед моими глазами, потом она кашляет и явно плохо справляется с самообладанием. «Конечно, мадам». Она выходит из-за своего стенда и показывает влево. «Мистер Уилсон уже прибыл. Позвольте мне показать вам ваш столик».

Я следую за ней, впитывая радостную болтовню, заполняющую огромное пространство. Ее реакция на имя Brentа только усиливает мое самодовольство. Неважно, что я пообещала себе не общаться с мужчинами. Я могу сделать исключение для миллионера. На моем лице появляется улыбка, когда я ловлю взгляд Brentа через комнату. Он соответствует моему выражению лица, вставая со стула, чтобы поприветствовать меня.

«Элеонора», - говорит он, когда я подхожу, протягивая ко мне обе руки и позволяя взгляду путешествовать вверх и вниз по моему телу. 'Ты выглядишь прекрасно.'

Я беру его за руки и позволяю поцеловать меня в щеки. 'Спасибо.'

Его губы задерживаются на короткое мгновение, его руки усиливают хватку. «Я взял на себя смелость заказать напитки». Он вырывается и выдвигает стул, жестом приглашая меня сесть.

Мне передают бокал шампанского, прежде чем Brent сядет и потребует свой шипучий напиток, подняв его с улыбкой.

«Мы празднуем?» - спрашиваю я, щелкая стенкой его стакана.

Он многозначительно приподнимает брови и подносит стакан к губам. «Я ужинаю с красивой женщиной. Я бы сказал, что это стоит отметить, не так ли? Он медленно опускает стакан, глядя, как я отворачиваюсь и немного поерзал на стуле. «Я рад, что вы согласились пообедать со мной». Заявление Брента снова привлекает мое внимание к нему, и я, наконец, позволяю себе полностью погрузиться в него. Его карие глаза кажутся теплее, а седые волосы - более серыми. Его квадратная челюсть также кажется более квадратной.

«Я тоже», - улыбаясь, отвечаю я.

«Но я не могу не задаться вопросом, было ли ваше согласие вызвано тем, что вы действительно хотели пообедать со мной, - он внимательно наблюдает за мной, и я съеживаюсь, зная, какие слова произойдут с его губ в следующий раз», или есть немного о превосходстве между вами и очаровательной Беккер Хант ».

Я съеживаюсь еще больше. Снова это слово. Очаровательно. «Мистер Уилсон, в моем боссе действительно нет ничего особенного». Я похлопываю себя по спине по двум причинам. Во-первых, потому что я выгляжу уверенно, а во-вторых, потому что я назвал высокомерную свинью своим начальником. Да будет ясно, что я вижу Беккера Ханта только так. Почти как запретный плод, которым он и является, и не только потому, что он мой босс.

Довольная улыбка на лице Брента наполняет меня удовлетворением. Он мне верит, и это хорошо, потому что я говорю только правду. «Многие не согласятся». Он делает еще один глоток шампанского.

«Значит, многие, должно быть, глупы».

Брент почти выплевывает свой напиток, его хихиканье превращается в настоящий животный смех. Он быстро откладывает стакан, когда я смотрю, ошеломленный, затем хватается салфетку и хлопает по губам. 'Я приношу извинения.'

«В этом нет необходимости», - заверяю я его, полируя свой стакан и ставя его на стол. Через секунду рядом со мной официантка, и мой стакан снова наполняется. Я улыбаюсь и благодарю.

«У вас в животе огонь, соответствующий ярко-рыжему цвету ваших прекрасных волос». Брент берет свой напиток и наклоняет его к моей голове, как будто он поджаривает мои рыжие волосы. 'Мне нравится это.' Он делает глоток, не сводя с меня глаз. «Ты мне нравишься, Элеонора. Умная. Честолюбивая.'

Вот и все. Я не могу больше сдерживаться. Я краснею, прерывая зрительный контакт и бормоча благодарность. Если мы собираемся говорить очаровательно, этот парень преуспевает. Прошло много времени с тех пор, как мужчина завел романтические отношения со мной, и я не уверена, чувствовать себя неловко или польщенной.

Я безмерно благодарен официанту, который вручает мне меню, спасая меня от огня от жара моих щек.

«Я рекомендую коктейль из лобстера», - говорит Брент. «И сорбет Pimm с морозящим шампанским просто необходим». Он тепло улыбается.

«Тогда я возьму это», - быстро отвечаю я, кладя свое меню вниз.

- А по основным?

'Твой выбор.' Я показываю на его меню. «У вас явно безупречный вкус».

Он выпускает легкий смех и кладет свое меню вниз, слегка поерзал на стуле и отворачивается. Я наблюдаю за ним, интересуюсь его реакцией на мое легкое принятие. Должен ли я отказаться и сделать свой выбор? Нравится ли ему женщина со своим умом? У меня есть собственное мнение. Я просто изо всех сил пытаюсь ясно мыслить прямо

сейчас. Он набирает обороты, и я не уверен, что к этому отношусь.

Несколько мгновений спустя я все еще мысленно оцениваю свой подход к этому свиданию, все еще наблюдая за Brentом, когда он снова переводит свой взгляд на мой. «Элеонора», - тихо говорит он. «Я желаю лучшего в жизни».

Я сажусь в кресло. 'В самом деле?'

«Да, это правда», - быстро и уверенно отвечает он, прежде чем подать знак официанту, заставляя меня гадать, что, черт возьми, это значит. Я молчу, пока он откатывает наш заказ, прося еще шампанского и давая очень конкретные инструкции о том, как ему приготовить наши стейки. Он не спрашивает, как мне нравится. Но потом я вспоминаю что сказала ему выбирать от моего имени. Итак, я позволила ему заниматься своим делом. Он крут, излучает уверенность и вызывает уважение.

Мы немного болтаем, и это действительно очень приятно. - Итак, у вас есть сеть отелей? Я спрашиваю, когда официант наливает мне шампанское. Он начинает хихикать себе под нос. - Я сказал что-нибудь смешное?

'Не за что.'

- Тогда почему ты смеешься?

'Я приношу извинения.' Взяв свой стакан, он подносит его ко рту, наблюдая за мной через край. Я делаю то же самое, соответствуя его крутой цепочке движений. «Просто мне нравится твое безразличие».

'Тебе нравится?' - спрашиваю я, не зная, как мне это интерпретировать. Неужели я должна от этого истекать и терять сознание? Это обычный протокол для его свиданий? К черту меня и мой ржавый этикет свиданий.

«Это убеждает меня, что вы не гонитесь за моими миллионами».

Мой рот открывается, когда официант что-то кладет передо мной. «Наслаждайтесь, мадам».

«Спасибо», - отвечаю я, не сводя глаз с Brentа, который опускает вилку в свой салат с лобстером. - Откуда вы знаете это наверняка? Я ничего не могу с собой поделаться. Я мог бы быть золото копатель. Его очевидная уверенность в том, что я не похожа на себя, почти заставляет меня доказать, что он неправ, как бы глупо это ни звучало.

«Я встречал много женщин, Элеонора». Он скользит вилкой по губам и медленно жует. «Мне нравится считать себя мастером в их разгадывании».

'Вы знаток, не так ли?'

«Я люблю», - отвечает он, глядя на свой салат и перемешивая его вилкой. «Например, я знаю, что вы действительно приняли мое предложение пообедать только для того, чтобы рассердить вашего босса». Он поднимает взгляд, явно ища мою реакцию на его заключение. Он не будет разочарован. Я извиваюсь по всему ресторану и кручу свой собственный салат из лобстера.

«Вовсе нет», - тихо отвечаю я, ненавидя то, что он понял эту женщину. Черт. Я могу сказать миллион вещей, что угодно, чтобы уверить его в том, что мои намерения совсем не такие, но я солгу, и он это поймет.

«Конечно», - говорит он. Но я с нетерпением жду возможности показать вам, что вы сделали правильный выбор. Ты даже не вспомнишь имя Беккера Ханта после ночи со мной».

Он внимательно за мной наблюдает. Черт возьми, он только что сказал это? «Он мой босс. Это начинается и заканчивается здесь. Помимо этого, он не фигурирует в моем

мысленном пространстве ».

'Рад слышать это.' Он ухмыляется, запихивая в рот еще один кусок омара. Он медленно жует и глотает. «Итак, расскажите мне, чем вы занимаетесь в пресловутой Hunt Corporation».

'Я. . .' Мои слова иссякают, и я на мгновение думаю. «Мистер Хант очень приватен, когда дело касается своего дела».

«Да, он известен тем, что играет в карты очень близко к груди».

Если он это знает, почему он спросил? Я прохожу тестирование? И если да, то почему? «Тогда вы должны знать, что я не буду разглашать ничего, связанного с работой, никому, кроме Hunt Corporation».

Он улыбается. - Тоже верно. Вы действительно являетесь хорошим уловом для Беккера Ханта ».

Я не знаю, как это интерпретировать. 'Я люблю свою работу. Я бы хотел это оставить. Кроме того, с моей стороны было бы не очень профессионально или законно рассказывать о компании моего босса ».

Он задумчиво кивает, глядя мне в глаза. Боже мой, он слишком внимательно за мной наблюдает. Мне нужен тайм-аут.

«Извините, пока я использую ванную». Я встаю, кладу салфетку на стол. Brent поспешил последовать его примеру, обогнув стол и вытащив мой стул. «Спасибо», - бормочу я перед тем, как пробежать через столы и спуститься по лестнице, в смущенном состоянии падая на дам. «Господи», - выдыхаю я, пробегая липкими руками под струей холодной воды, пока не заглядываю в покрасневшие щеки. Они почти совпадают с моими волосами. Я тщетно пытаюсь привести себя в порядок. Мои планы завоевать его доверие были разрушены моей жалкой тряской за столом. Я никогда не переставал думать о том, будет ли Brent спрашивать, зачем я здесь. Да, я считаю его привлекательным, но есть гораздо более глубокая и действительно довольно глупая причина, по которой я здесь. Беккер-гребаная охотник. Я прекращаю намеченное направление мысли, прежде чем она ускользает от меня, и сосредотачиваюсь на моей ситуации. Brent ясно дал понять, о его влечение. Почему я не могу просто согласиться с этим? Веселись? Выкинуть из головы моего босса?

Резко и удовлетворенно кивнув, я расправляю плечи и возвращаюсь в ресторан.

Когда я прихожу, меня ждет стейк, а Brent терпеливо сидит, потягивая свой напиток. 'хорошо?' - спрашивает он, вставая и выдвигая мой стул.

Я сажусь на свое место и глубоко вздыхаю. 'Да спасибо.' Я позволил ему положить салфетку мне на колени и занять стул, прежде чем я заберу свои столовые приборы. «Это выглядит восхитительно».

'Я рад, что вы так думаете. Пожалуйста, ты первая.

Я улыбаюсь в ответ на его джентльменские манеры и вонзаю нож в мясо. Он легко режется, и в тот момент, когда он проходит мимо моих губ, я вздыхаю, вонзая зубы в сочный стейк.

'Хороший?'

«Хм». Я медленно жую, чтобы насладиться вкусом. 'Очень хорошо.'

«Расскажи мне о себе, Элеонора».

«Я переехал в Лондон чуть больше месяца назад. Новый старт.'

'Новый старт?' Он кивает. «Нет лучшего места, чтобы начать все заново».

- Вы всю жизнь прожили в Лондоне?

'Да. Мой прадед эмигрировал из Америки в начале девятнадцатого века и вскоре после

приезда основал семейный бизнес ».

'Из Америки?' - удивился я.

Он нежно улыбается. 'Да. Он встретил мою прабабушку всего через день после того, как был в Лондоне. Любовь с первого взгляда.'

'Очень романтично.'

'Расскажи мне об этом. Год спустя у них родился мой дед, а остальное уже история. Все, что я знаю, я узнал от своего отца, он научился у моего деда и так далее. Они были очень проницательными бизнесменами ».

Были?'

«Мой дед скончался двадцать лет назад. Моего отца не уже пять лет.

«Я тоже потерял отца». Я удивляюсь своей готовности делиться, но это только кажется правильным, поскольку Brent настолько открыт. «Он тоже умер пять лет назад».

'Мне так жаль.'

Я пожимаю плечами с улыбкой. «Живи сегодняшним днем, верно?»

«Хорошо», - тихо подтверждает он, на несколько мгновений погружаясь в мечту, пока я смотрю. «Господи, я ведь не ухаживаю за тобой?» Brent смеется. «Как твой стейк?»

«Удивительно», - честно отвечаю я, сосредотачивая внимание на тарелке и делая еще плоток. Снова наступает тишина, только на этот раз она длится значительно дольше, пока мы оба едим, он явно отвлекся, а мне интересно, почему. Становится немного неловко, когда его телефон звонит, и он встает, кладя салфетку на стол. 'Мне так жаль. Пожалуйста извините меня. Мне нужно это ответить ».

Я киваю и кладу нож и вилку, наблюдая, как он идет через ресторан к ванной, держа телефон у уха.

Я отхожу, когда официант подходит, давая ему свободный доступ к моей пустой тарелке. - С едой все в порядке, мадам?

'Отлично спасибо.'

«Десертное меню?»

«О, мистер Уилсон упомянул кое-что из «Пимма» и шампанского».

Официант вздрагивает от моего грубого упоминания, вероятно, смехотворно дорогого десерта. - Шербет Пимма с морозящим шампанским, мадам?

Меня передергивает, смущенный, как мои телефонные звонки. 'Да, пожалуйста.' Вздыхая про себя, когда официант уходит, я открываю текстовое сообщение, потягивая шампанское. Это Люси.

Роланд дикий!

У меня изо рта вылетает взрыв смеха, посылая брызги шампанского. Я чувствую сарказм Люси в простом тексте и представляю, как ей скучно ее бедных разум. Взяв салфетку, я вытираю рот, отвечая.

Моя попала в каменистый участок. Икс

Я нажимаю кнопку «Отправить» и смотрю, не вернется ли Brent, пока я небрежно потягиваю шампанское. Затем я снова кашляю, только на этот раз я тоже чуть не упал со стула.

Моего ухажера нигде не видно.

Но Беккер Хант есть.

И он сидит напротив меня в кресле Brenta Уилсона.

Глава 10

Моя спина прилипает к сиденью, как суперклей. Он расслаблен, слегка держит стакан в руке, опираясь локтем на руку, и ухмыляется мне.

Все вскользь.

Все сексуально.

Все . . . чертовски раздражает.

«Добрый вечер», - говорит он, слегка наклонив голову от удовольствия. Ему смешно мое потрясение? Я должен была привыкнуть к тому, что он появился из воздуха. 'Как идет свидание?'

'Удивительный.' Мой односложный, преувеличенный ответ приходит из ниоткуда. Это заставляет его голову двигаться дальше, и я борюсь с явным ожогом на щеках .

'В самом деле?' - размышляет он, делая глоток из своего напитка и обматывая жидкость вокруг рта, прежде чем проглотить. «Потому что это не было похоже на захватывающий разговор с того места, где я стоял».

'Где ты стоял?' - спрашиваю я, оглядывая ресторан, зная, что Brent вернется.

«В баре».

Я снова смотрю на Беккера . 'Почему ты здесь?'

Он надувается и снисходительно машет рукой в воздухе. «Просто хотел сказать тебе, что ты мне нужна на работе завтра к восьми утра. У меня встреча с одним из кураторов Christie's в девять. Перед отъездом мне нужна папка с испанским гобеленом XVI века на моем столе.

Мои глаза путаются. 'Ты серьезно?' Нахальный ублюбок. 'Напиши мне. Позвони мне . Не преследуй меня на свидании ».

«Я проходил мимо».

«Конечно». Я смеюсь, еще раз заглянув в ресторан. «Как ты узнали, что мы здесь?»

«Он приводит сюда всех своих женщин».

«Верно», - разочарованно плюю я, все еще осматривая пространство вокруг себя. Я не наивна. Ясно, что Brent Уилсон наслаждался своей долей женщин. Откуда эти двое знают друг друга? Может, мне стоило спросить об этом Brentа.

«И я очень настоящий, Элеонора».

Мои глаза устремляются на Беккера, и я проклиная свой тип кожи за то, что он такой бледный, что от него даже отходит малейший румянец. Хотя сейчас это не так уж и мало. Я горю смесью гнева на его нервы и похоти, которую не могу контролировать. У меня нет времени спорить с ним, хотя я бы больше ничего не хотел сделать, кроме как сказать ему, куда засунуть его восьмичасовой старт. Мне нужно, чтобы он ушел до возвращения Brentа. - Хорошо, тогда увидимся. Прощай.'

Его брови подпрыгивают, а уголки прекрасного рта растягиваются в улыбке. - Пытайтесь от меня избавиться?

Я наклоняюсь вперед. «Да», - шиплю я, возмущенная уровнем, до которого он опускается. «Это мое личное время. Иди заставь какую-нибудь женщину закричать от восторга, тигр. Я сразу сожалею о своих словах, но уже поздно отказываться от них.

Его лицо расплывается в ослепляющей улыбке. "Ревнуешь?"

«Нет». Я сажусь в кресло, отчаянно пытаюсь избежать самодовольства этого дерзкого ублюбка.

Передо мной ставят тарелку, и я смотрю вверх и вижу официанта с невозмутимым лицом. «Ваш пимм и шампанское, мадам, - говорит он прямо.

Беккер раздражается смехом, но мне слишком неудобно, чтобы меня беспокоило сухое остроумие официанта. «Спасибо», - говорю я, наблюдая, как он ставит еще одну порцию перед Беккером, хмурясь при этом.

'Сэр?' Беккер полностью игнорирует вопрос в тоне официанта, поддвигая к себе

тарелку.

«Привет, парень». Он подмигивает мне через стол перед тем, как взять ложку, ложку Брента.

«Не смей», - шепчу-шипю я, когда он погружает его в шар шербета. - Беккер, не так ли...

Это очень поздно. Он игнорирует меня и обхватывает ложку губами, не сводя со меня смеющихся карих глаз. «Хм». Он медленно облизывает губы. 'Шампанское.'

Я закрываю глаза и плюхаюсь на стул, делая глубокий вдох, подавляя желание взять свою ложку и бить его ею по голове. «Не могу поверить, что ты только что это сделал».

«Поверь, принцесса».

«Не называй меня принцессой». Я рычу, мое терпение истощено. Он самый раздражающий человек, которого я когда-либо встречала. - И какого черта вы меня так называете?

Он ухмыляется. - Почему это тебя раздражает?

Вот так. Вот почему он называет меня таким надоедливым домашним именем. «Пожалуйста, просто уходи». У меня не хватает сил, чтобы сразиться с ним.

«Мой спутник вернется в любую минуту».

«Слишком поздно», - шепчет он, вставая и глядя мне через плечо. «Извините, это может быть немного неудобно». Он совсем не сожалеет. Все это было частью его плана, черт!

Каждый мускул моего тела напрягается, когда я смотрю, как Беккер широко улыбается и протягивает руку. «Брент, рад тебя видеть здесь». Он, конечно, саркастичен, потому что только что сказал мне, что Брент Уилсон приводит сюда всех своих женщин. Боже, о чем я думала на этом свидании? Я действительно не готова снова окунуться в мир знакомств. Последствия предательства Дэвида до сих пор жгут, и я, конечно же, никогда не хочу быть одной из многих женщин в жизни мужчины. Я была сбита с толку и ослеплена своей острой необходимостью дать отпор Беккеру Ханту. И в любом случае мой план провалился. Я зря трачу время на его глупые игры.

Я лучше этого.

Я не могу мысленно бить себя, когда рука Брента появляется в моем поле зрения. «Охота». Он не рычит, но чертовски близко. Что-то мне подсказывает, что этим двум парням едва удастся общаться в деловых целях, потому что враждебность между ними почти ощутима.

Их рукопожатие короткое, оба мужчины явно пытаются устроить шоу в мою пользу. Какая трата. Я могла бы умереть тысячей смертей, но я узнаю соперничество, когда оно пихается мне в лицо. Они презирают друг друга.

«Надеюсь, ты позаботишься о моем персонале». Акцент на моем не ускользает от внимания моего спутника.

«Я джентльмен, Хант», - с улыбкой говорит Брент, как бы тонко заявляя, что он думает. Я про себя смеюсь. Он прав. «Элеонора - восхитительна. Я понимаю, почему вы хотите оставить ее».

Намек на беспокойство пробегает по лицу моего босса, прежде чем он заставляет улыбнуться. «Она очень хорошо вписывается». Он выполняет смехотворно чрезмерный поклон, указывая на место Брента, чтобы тот занял его. «Я оставляю тебя на свидании». Он одарил меня улыбкой, прежде чем снова обратить внимание на Брента, который опускается на стул и хмуро смотрит на свой десерт.

Мои губы сжимаются, и я смотрю на Беккера, съезживаясь. Он насмешливо

пятится. «Вкус хороший», - говорит он, насколько это возможно, дерзко, прежде чем включить свои дорогие броги и чванливо выйти из ресторана.

Я пристально смотрю на его тугую задницу, заключенную в красивые серые брюки, облегающие бедра. Его спина покрыта белоснежной рубашкой, но все, что я вижу перед собой, - это татуировка. Эта потрясающая татуировка. Затем я возвращаюсь к его заднице. Ох, эта долбаная задница. Мне хочется плакать. Я следую за ним до самого конца, обращая внимание на стол только тогда, когда он скрывается из виду.

И тогда я быстро спускаюсь обратно на землю, где я нахожусь в ресторане на свидание с человеком, который только что съел половину десерт издеваясь надо мой, бешенство босса. Я хочу умереть. Сейчас. Неудобство и близко не подходит. Я прикусываю губу, а Brent продолжает хмуриться, глядя на свое недоеденное шампанское и штуковину Пимма. Я не знаю, что сказать, поэтому, когда мой телефон пищит, я ухватываюсь за возможность отвлечься, пока Brent смиряется с тем фактом, что Беккер Хант проник на его свидание и в его десерт. Открываю текст.

Перестань смотреть на мою задницу х

Я чувствую, как в моих жилах накапливается жар, чувствую, как разочарование и гнев охватывают меня. Он не может быть бульдозером на пути в мое личное время. Я пытаюсь остановить себя. На самом деле, да. - Черт, - бурчу я у телефона, в гневе швыряя им об стол. В восемь часов старт? Я фыркаю про себя. Он может возвращаться. Если это попытка испортить мне свидание, помешать мне развлечься, потому что мне нужна раньше лечь для раннего начала, то он сильно ошибается. Я смахиваю шампанское и опускаю его.

«Я полагаю, вы имеете в виду не меня». Brent протягивает мне руку и доликает мне шампанское, улыбаясь.

Я чувствую себя ужасно. 'Нет, конечно нет. Он действительно меня неправильно понял. Мне очень жаль.

«Не надо». Он отодвигает свой изуродованный десерт с неприятным выражением лица. «Беккер Хант неправильно расстраивает многих людей».

'Включая тебя?'

Он смеется. 'Как ты догадался?'

«Вы казались дружелюбными в Убежище». Похоже, сейчас самое подходящее время, чтобы выяснить, в чем заключается сделка между ними.

«Хм».

Он откидывается на спинку стула. «У меня есть определенная привязанность к красивым вещам, а у Ханта дурная привычка приобретать красивые вещи, которые я хочу».

Я задумчиво и осторожно киваю, гадая, считает ли Беккер важным приобретать то, что хочет Brent. Меня это не удивит. Он грязный игрок. Я могу засвидетельствовать это сам, и теперь мне интересно, такой же ли он в бизнесе. Вы не можете быть лучшим, не будучи немного безжалостным. «Что вы хотите?»

Он ухмыляется. «Мы говорим о бизнесе или для удовольствия?»

«Бизнес», - без колебаний подтверждаю я. У Беккера есть привычка получать то, что хочет Brent? Поэтому Brent пригласил меня на обед? Я инструмент для мести? Я закрываю глаза, вздыхаю и встаю из-за стола. О, мои дни, я такая глупая. Я кусок мяса. Пешка. Я не участвую в их состязании по ссанию. Я стою больше, чем заслуживают эти придурки. Мне нужно опустить голову и делать свою работу. «Спасибо за прекрасный вечер», - говорю я, убирая стул под стол и собирая телефон и сумку.

Брент быстро встает, его лоб сморщился. 'Ты уезжаешь?'

Я не могу поверить в то, что собираюсь сказать, и, что хуже всего, в то, что я искренне это имею в виду. «Мне нужно быть на работе восемь». Я не даю Беккеру повода отмечать мою карту, как бы мне это ни причиняло физическую боль.

'Ой.' Кажется, он сдувается у меня на глазах, но я не знаю, потому ли это, что он искренне разочарован, или потому, что он проигрывает Беккер Ханту. В конце концов, я служащий Беккера, а свидание Брента не только было захвачено кем-то, кого он явно презирает, но и прервано. - Еще одна выпивка не повредит, правда? - с надеждой спрашивает он.

«Нет, правда. Но спасибо.' Я отхожу от стола, желая сбежать, и с позором хлестаю себя по всему Пикадилли.

- Может, в другой раз?

«Возможно», - бормочу я, прежде чем развернуться и бежать, ненавидя чувство уныния, которое начинает захлестывать меня.

Меня втянули и обыграли. Одурачили.

Оба мужчины.

Я приехала в Лондон не для этого. Я не игрушка, и я отказываюсь, чтобы со мной обращались как с ней.

Игра окончена.

Глава 11

Я не прихожу в Убежище утром в восемь. Нет, я приезжаю в семь тридцать после дерьмового ночного сна. Я с легкостью прохожу по темному переулку и даже предсказываю точный момент, когда загорятся огни. Это вызывает у меня улыбку, и как только я выхожу в пышный двор, я вспоминаю, почему мне здесь нравится. Я замечаю, как миссис Поттс поливает красочные клумбы вокруг фонтана.

«У вас рабочее время с девяти до пяти», - говорит она, ставя лейку и стряхивая руки с фартука.

- У мистера Ханта в девять часов встреча в «Кристис». Мне нужно передать ему папку с испанским гобеленом, прежде чем он уедет .

- А сам он этого не сделает?

Я просто пожимаю плечами, мне нечего больше сказать или сделать.

Миссис Поттс вздыхает. «Прошу прощения, дорогая. Этот человек представляет опасность ».

'Это нормально. Я все равно не могла заснуть ».

Она поднимает любопытные серые брови, напоминая мне, что миссис Поттс знает, что у меня было свидание вчера вечером. 'О, я вижу.' Легкий румянец ползет по ее щекам .

'О нет.' Я смеюсь, быстро поправляя ее. «Я была дома в девять тридцать, закутанный в постели».

Ее румянец отступает, сменившись любопытством. Боже, что бы она сказала, если бы узнала, что случилось прошлой ночью? Если подумать, что бы она сказала, если бы узнала, что моим спутником был Брент Уилсон? Я решил, что лучше не рассказывать. Кроме того, это сделано. Больше никаких свиданий.

«Я буду в библиотеке».

«Все в порядке, дорогая. Угощайтесь чаем на кухне ». Я поднимаю свою пустую чашку из Starbucks, показывая, что мне не нужен чай, и она улыбается. «Мне нужно поднять

Дональда ». Миссис Поттс пересекает двор, и я направляюсь в Большой зал, пробираясь сквозь груды антиквариата, мое внимание сосредоточено на том, чтобы добраться до библиотеки. Я почти добираюсь до другой стороны гигантской комнаты, чувствуя, как мои глаза тянутся вверх к стеклянной коробке, которая парит над пространством, но я демонстративно сопротивляюсь тому, чтобы смотреть вверх, зная, что это снова только отвлечет меня.

Я почти у двери.

Не далеко идти.

Я поднимаю руку, вооружившись картой, готов провести момент.

Я делаю это .

Мои глаза непроизвольно поднимаются, я вижу знакомую тень за стеклом.

Черт!

Моя походка замедляется, мои губы приоткрываются. Силуэт высокого телосложения идеален. Я могу разглядеть каждый край тела, говоря, что оно голое. Никакой одежды, только резкие, четкие, четкие очертания.

В конце концов мои шаги останавливаются, шея вытянута вверх, и я впадаю в транс. Даже самодовольство, которым он будет щеголять, не избавит от желания пялиться.

Потом что-то происходит, и это выводит меня из равновесия. Буквально. Мои ноги качаются, когда его рука касается стекла, и он движется вперед, выходя из тени. Мое сердце начинает бешено колотиться, когда я смотрю на него, стоящего в боксерах, его лицо не украшают очки. Он выглядит сонным. Как будто он только что проснулся.

«Доброе утро», - говорит он.

Моя голова наклоняется, брови нахмурены, и он немного улыбается моему удивлению, прежде чем оглянуться через плечо и снова уйти в тень.

Мои глаза падают. Утро? Он был милым? «Он чертова загадка», - говорю я себе, спеша к двери и проводя карту через считыватель. Маршируя по коридору к библиотеке, я пытаюсь вырвать мысленный образ его практически голого из головы. «Утро?» - бормочу я, хмурясь. «Утро...» Что-то запутывается у меня между ног, и я бросаю чашку с кофе в воздух, чтобы что-нибудь схватить и спастись. «Дерьмо», - кричу я, хватаясь за стену и сбивая картину Рене Магритта, разбрызгивая кофе по стене. Я задыхаюсь от ужаса, быстро поправляю его и выхватываю из сумки салфетку, чтобы вытереть кофе. Иисус Христос.

Мои глаза поднимаются к ногам, когда слышны звуки хныканья, и я обнаруживаю, что большой клубок меха съеживается. «О боже, Уинстон». Я падаю на пол. «Мне очень жаль, мальчик». Он скулит и скулит, птясь от меня. «Давай», - шепчу я, снова пытаюсь заслужить его доверие. Я нравлюсь ему. Так сказала миссис Поттс, и недели, когда я его гладила, только сблизили нас. О Боже, не ненавидь меня.

Я остаюсь на коленях, моя задница упирается мне в пятки, и хлопаю себя по коленям, кудахчая и воркуя. В конце концов он делает осторожный шаг ко мне. Восторг, который вызывает это крошечное действие, переполняет меня. 'Это оно. Давай.' Он делает еще один шаг, и я немного продвигаюсь вперед, протягивая ему руку. Он осторожно принюхивается, затем делает еще один шаг, и я дотрагиваюсь до его уха. Но он не позволяет мне тереться об этом. Вместо этого он перекачивается на спину и, тяжело дыша, вырывает язык изо рта. Я громко смеюсь и очень хорошо извиняюсь, чешу его живот, пока его задняя лапа начинает дергаться. 'Тебе нравится это?' Я спрашиваю, как будто он может ответить. «О да, это так». Я ускоряю точечные расчесывания, смеюсь сильнее, когда кажется, что все его тело

охватывает спазм. «Да ладно», - говорю я, останавливаясь, когда мои пальцы начинают гореть от трения. «Мне нужно поработать». Я встаю, рада, когда Уинстон встает на лапы и садится у моих ног, глядя на меня липкими глазами. «Хочешь пойти со мной?» Он отвечает, пробегая мимо меня к библиотеке, и мои глаза прослеживают его путь, пока он не достигает двери и снова падает на задницу, глядя на меня. «Я приму это как да». Он издает глубокий лай, и я улыбаюсь, беру чашку с кофе и присоединяюсь к нему у дверей. «Хотите сравнить записи о Микеланджело и Рафаэле?»

На этот раз его ответ - рычание .

'Ох, ну ладно. Не фанат?

Он снова рычит, на этот раз глубже, и в мгновение ока вскакивает на все четыре лапы, его внимание направлено в сторону коридора .

Я слежу за его взглядом, хмурясь. «Что случилось, мальчик?»

Он начинает пятиться, его голова упала, его рычание теперь граничит с ревом. Каждый инстинкт подсказывает мне, что я должен отступить вместе с ним, что я и делаю, глядя в коридор ни на что. - Что там, Уинстон?

Затем раздается звук топа босых ног по полу, и моя спина выпрямляется, когда я понимаю, откуда они. Кривая лестница.

Беккер .

Я замираю, гадая, почему Уинстон проявляет такую агрессивность в связи с приближением своего хозяина. Шерсть у него приподнята, а теперь зубы вспыхивают. Черт возьми, милый щенок выглядит просто злобным. «Тссс». Я пытаюсь успокоить его, приседая, гадая, что, черт возьми, на него нашло.

Мне не нужно долго гадать.

Звон тувель на каменных ступенях соединяется с топотом обнаженных ног. О нет. Я встаю и взвешиваю свои варианты, желая уйти, прежде чем я столкнусь с другим эпизодом, например, вчера вечером, когда они выпали из его офиса. Я изо всех сил пытаюсь вставить карту в считыватель, но мои чертовски трясущиеся руки не играют в мяч, и когда я наконец протаскиваю карту и толкаю двери, они не сдвигаются с места. «Давай», - шепчу я, снова проводя пальцем по экрану. Индикатор на считывателе карт остается красным. Черт побери! Неужели этот ублюдок приказал мне сюда только на восемь, чтобы мне пришлось снова терпеть его с этой женщиной? Какого черта, Хант? Что он лично может получить, снова выставив ее передо мной?

'Элеонора?'

'Да?' Я разворачиваюсь и хлопаю спиной к двери. Обнаженная грудь Беккера бьет меня по лицу, как сокрушающий шар, и я плотно закрываю глаза, чтобы избежать этого, одновременно пытаюсь избавиться от пылающей ярости, которую накатила его мерзкая тактика.

'Все в порядке?'

Я держу глаза плотно закрытыми. «Ага, просто собираюсь получить нужный файл с испанским гобеленом». Я слепо указываю через плечо. «Я положу это тебе на стол». Я снова поворачиваюсь к двери, прежде чем открыть глаза, затем снова пытаюсь провести карту через считыватель. «Черт тебя побери», - бормочу я себе под нос, адреналин усиливает мою дрожь.

Я замираю, когда твердая рука сжимает мое запястье, без сомнения поглощая мою дрожь. Тепло, которое распространяется через все мое тело и распространяется между

бедрами, заставляет мои челюсти сжиматься. Его хватка крепкая, его тело замыкается позади меня. Я прошу всех богов выше не позволять этой обнаженной груди касаться моей спины. Пожалуйста, не позволяй другой его части коснуться меня.

Мое дыхание прерывистое, когда я чувствую, как горячий воздух его дыхания щекочет волосы вокруг моего уха, и мои глаза закрываются, пока я продолжаю молиться. Затем его рука нежно сжимает мою. Дальнейшее сжатие ощущается как безмолвное сообщение. И когда он завершает это несколькими словами - мягкими словами, - моя дрожь усиливается.

«Перестань трястись», - шепчет он.

Меня совершенно сбивают с толку его действия и слова. Они были нежными. Обнадеживающе. В отличие от Беккера Ханта. Я собираюсь повернуться, чтобы увидеть, смогу ли я прочесть намерение в его глазах, но я делаю это только на полпути, прежде чем весь ад вырвется наружу, и я выхожу из оцепенения, когда Уинстон обрушивает Убежище с безжалостным лаем.

Беккер в мгновение ока отпускает меня, и я поворачиваю остаток пути и обнаруживаю, что мой босс скорчился на полу, пытаюсь успокоить очень раздраженного бульдога. «Эй, соберись», - кричит Беккер, но его категорически игнорируют, и Уинстон продолжает лаять, пронзительный хриплый лай. Я закрываю уши руками, а Беккер смотрит на меня с хмурым взглядом. Я отшатываюсь. Что я сделал?

Я не обращаю внимания на обвиняющий взгляд моего босса и сосредотачиваюсь на Уинстоне, видя, как он рычит в направлении лестницы, поэтому смотрю. . . и я ненавижу то, что вижу. Женщина с ног до головы была одета в кружево. Черное кружево. Сексуальное черное кружево. Тигровая птица. Меня чуть не вырвало в рот. Я также почти приказываю Уинстону атаковать. Она с отвращением смотрит на мою собачку-друга, пробираясь по коридору.

«Беккер, эта собака бешеная», - скулит она.

«Он в порядке», - ворчит Беккер, взмахивая рукой Уинстона по голове. «Ты ему не нравишься».

«Он никого не любит». В Lace-clad женщина смотрит на меня, ее интерес мгновенно. - О, вы, должно быть, новый прислуга Беккера.

'Прошу прощения?' Я кашляю.

«Заткнись, Алекса», - предупреждает Беккер.

Алекса? Не Паула? Это не та женщина, с которой я разговаривал по телефону? Сколько у него на ходу? Не то чтобы меня это волновало. Мне все равно. Размахивая по отношению к скорченному Беккеру формы, я свирепо на него. - Прислуга?

«Я никогда этого не говорил», - раздражается он, когда Уинстон снова начинает лаять, а Алекса в шоке отскакивает назад, положив свою идеально ухоженную руку на ее идеальные сиськи.

«Тебе нужно приковать эту дворнягу на цепи», - выплевывает она, отбрасывая свои платиновые волосы через плечо.

Я лечу на защиту Уинстона, не думая о своей позиции. «Единственная дворняга, которую я вижу, стоит на двух ногах», - стреляю я, скривив губы. Она задыхается от шока, и Беккер маскирует его смех кашлем, когда я подхожу к нему и практически забираю его собаку, схватив за ошейник. 'Давай, парень.' Я бросаю грязный взгляд в сторону Алексы. «От нее можно нахвататься блох». На этот раз мне удается легко провести карточкой, и как

только свет мигает зеленым, я толкаюсь в дверь, обнаруживая, что тяжелые двери легко открываются, вероятно, чему способствует моя ярость.

Я хлопаю их позади себя, кипя от ярости. Затем я начинаю ходить по библиотеке взад и вперед, вокруг и вокруг, громко ссорясь, ни с кем конкретно. Я одна - хорошая работа, потому что я думаю, что сейчас я отрублю голову любому, кто разделяет со мной передышку. . . а именно Беккер Хант. Или ту вещь из черного кружева. «Что, черт возьми, он видит в таких женщинах?» Я спрашиваю в воздухе. «Подскочившая корова».

Уинстон тихонько взвизгивает, чтобы вывести меня из приступа шипения, и я смотрю себе под ноги и замечаю, что он смотрит на меня опущенными глазами, словно он чувствует мое раздражение. Я вздыхаю и приседаю, слегка почесывая его голову. «Я тоже не люблю ее, мальчик», - говорю я, слегка смеясь, когда он лает в знак согласия. С каждым днем мне нравится Уинстон все больше и больше. Он защищает. Верный. Он именно тот мужчина, который мне нужен. . . когда я снова пойду по этой дороге. Если я когда-нибудь это сделаю.

Я целую его в голову и чешу уши, прежде чем встать и пойти к дивану. «Вверх», - говорю я, похлопывая по сиденью. Уинстон тут же подбегает и с некоторым усилием запрыгивает на диван, при этом издавая ворчание. «Сядь», - приказываю я, и он тут же падает на задницу. Я наклоняю голову в улыбку, когда он, тяжело дыша, смотрит на меня. Добавьте послушного в этот список. «Ляг», - приказываю я, пытаюсь наполнить свой тон властью, но получаю лишь мягкое, почти умоляющее требование. Это не имеет значения. Уинстон сворачивается в большой клубок меха и кладет подбородок на передние лапы. «Ты чертовски милый». Мое обострение истощается. - Верно, Уинстон. Мне нужно поработать ». Мне нужно погрузиться в историю, которую предлагает эта библиотека, и забыть о том, что только что произошло. Фактически, мне нужно забыть о каждой встрече с Беккером Хантом. Все до единого приводили в ярость по той или иной причине, и ничего хорошего не выйдет из анализа, почему этот тщеславный ублюдок получает от меня такой подъем. Что вообще было прошлой ночью? У него была сволочь в башне, и он все еще застал меня на свидании с Брентом. Он ломает шкалу засранства.

Работа! Я упрекаю себя.

Я начинаю бродить по книжному шкафу, мои глаза скользят по сотням корешков, а в уголках рта появляется улыбка. Этот запах. Это как транквилизатор. Я чувствую, как мое давнишнее разочарование ускользает, когда я выпиваю его.

Я как раз собираюсь выбрать случайную книгу - что-нибудь, чтобы быстро взглянуть, прежде чем найти файл с гобеленом шестнадцатого века, - когда мое внимание привлекает. . . что-то . Я не уверена что. Он спрятано за книгой, прикрепленной к задней стенке полки. Я бы полностью пропустила это, если бы не читала корешок каждой книги, мимо которой проходил мой взгляд. Я нахмурился и просунул руку сквозь верхнюю часть книги под полку наверху, в одно мгновение теряя из виду все, что это было. Теперь у меня есть только мое прикосновение, чтобы направлять меня, поэтому я возилась, пытаюсь понять, что это такое.

Что-то щелкает, и я быстро убираю руку, как будто меня укусили. 'Какого черта?' Я наклоняюсь, чтобы заглянуть в щель над книгами. На что бы я ни смотрел, сработал маленький рычажок, и, не в силах сдержать свое любопытство, я протягиваю руку и тяну его.

Затем я отступаю, когда слышу стук и лязг механизмов, и с удивлением смотрю, как небольшая часть книжного шкафа сдвигается и открывается, открывая темное отделение. Темный секрет купе. Мой рот приоткрывается, когда я наклоняю голову, чтобы

лучше рассмотреть. О боже. Я осторожно проникаю внутрь и ощупываю пространство, пока не беру что-то руками. Книга? Я вытаскиваю его из нахмуренной брови и обнаруживаю журнал в кожаном переплете, закрепленный полоской шнура, завязаны аккуратно бантом. Кожа темно-коричневая, размером примерно со стандартный лист бумаги, с тиснением в виде слонов. И это действительно очень тяжело.

Я несу его на диван и сажусь рядом с Уинстоном. «Что это, мальчик?» Я спрашиваю его, но он сейчас глубоко спит и счастливо храпит. Я осторожно тяну за кожаную полоску, пока лук не распустится, а затем открываю крышку.

На первой странице есть фотография головы Арлекина Пикассо, приклеенная к бумаге, а рукописная информация отмечена внизу. 'Вау.' Я перехожу на следующую страницу и нахожу фотографию яйца Фаберже, снова приклеенного к странице, и еще несколько параграфов рукописной информации. На следующей странице вы увидите еще одну фотографию, но на этот раз фотография скрипки. Я разочарованно дуюсь. . . пока не пойму, что это Страдивари. 'Иисус.' Я сглатываю, переворачивая другую страницу. Фотографии бесценных сокровищ продолжаются и повторяются, пока я не найду сложенный кусок пергаментной бумаги. Он старый, нежный, и я вижу очевидно, с одной стороны есть разрыв. Я осторожно толкаю угол и хмурюсь, наклоняя голову. Карта. Очень старая карта мира.

Любопытство взяло верх, и я открываю его и вижу трещины в центре. Дыра. Он не поврежден от возраста или обращения. Часть была вырвана, и в центре древней карты осталась дыра. Я просматриваю его, быстро понимая, что это часть Европы, которой не хватает.

Вау. Что это?

Учеба прекращается, когда я слышу какие-то движения за дверьми библиотеки. 'Дерьмо.' Я быстро складываю его обратно, аккуратно вставляю в кожаную книгу и лечу по комнате, как пуля, пытаюсь на ходу завязать шнур. Я не знаю, как, но мне удастся закрепить его, прежде чем сунуть в черную дыру и закрыть секцию книжного шкафа до щелчка. Затем я бросаюсь к книжному шкафу, где хранится папка с испанскими гобеленами, снимаю его с полки, открываю и начинаю небрежно ходить вверх и вниз, мое сердце колотится.

Я слышу, как открываются двери библиотеки, но держу нос в папке, которую я пытаюсь изучить, не готовый указать ему время суток. Или, возможно, раскрыть мою вину за слежку. Затем я слышу, как дверь мягко закрывается, и я продолжаю медленно подниматься и опускаться, мой палец опирается на какой-то текст и скользит из стороны в сторону, пока я читаю. Я вижу слова, но не воспринимаю их.

Единственный звук в библиотеке - это храп Уинстона и мои легкие шаги.

Пока он не заговорит.

«Я был бы признателен, если бы вы так не разговаривали с моими гостями», - резко говорит он.

Я останавливаюсь в своем бесцельном блуждании, морщусь губы и закрываю глаза. Даже если бы я хотел высвободить всевозможные мысли по этому поводу - чего я не делаю, потому что я пообещал себе, что не позволю ему залезть мне под кожу - я не должна, потому что он мой босс. И, нравится это или нет, я не могу махать когтями его так называемым гостям.

'Мне жаль.' Я выпускаю слова, как будто они едят меня на языке, но удивляюсь, что на

самом деле я говорю искренне. Какой напрашивается вопрос действительно ли я искренна. Я не знаю. Я работаю на автопилоте и в момент полной ясности понимаю, почему. Я в режиме самосохранения. Меня это беспокоит. От чего я защищаюсь? Его? Быть уволенным? «Этого больше не повторится». Я осмелился немного подсмотреть и обнаружил, что теперь на нем футболка и старые потертые спортивные штаны. И босиком. Я напрягаюсь и смотрю ему в лицо. Ошибка. На нем очки, и я впервые задаюсь вопросом, насколько плохо у него зрение. Его волосы растрепаны. Или сексуальное возбуждение из-за того, что чьи-то пальцы схватили его. Я вздрагиваю от своего безмолвного наблюдения. Всплески ревности, которые постоянно меня пронзают, сбивают с толку. . . и, опять же, тревожно.

Я так занят взвешиванием всех этих противоречивых чувств, что почти скучаю по выражению замешательства на его потрясающем лице. Но я просто улавливаю это, прежде чем он заменяет это безразличием. 'Хороший.' Он фыркает, идя к дивану. «Значит, когда у меня будет женская компания, ты не будешь их оскорблять в будущем?»

«Нет. Как я уже сказал, мне очень жаль.» Я закрываю файл, гордясь тем, что не кусаюсь, и снова ловлю что он нахмурился, прежде чем обуздать его реакцию. Я знаю, что он задается вопросом, почему я не расспросил его по поводу всего этого, или о его уловке, чтобы заставить меня работать к восьми, а я не планирую этого делать. Если спросить его, это покажет, что я обеспокоен. Я нет.

«Хорошо», - снова говорит он. Я вижу, как он думает о следующих словах. Чем дольше я сталкиваюсь с его недоумением, тем легче мне становится, даже если он отчаянно пытается его скрыть.

'Это все?' - спрашиваю я, вопросительно поднимая брови.

Его голова определенно немного втягивается. Гм. . . да . . . да, - бормочет он все свои слова и, кажется, явно пытается взять себя в руки. «Собственно, нет, это еще не все». Он подходит ко мне с целеустремленностью, почти агрессивно, но я держу ноги как вкопанные, заинтересована его возбуждением и попытки вызвать у меня реакцию.

Он быстро нависает надо мной, но не говорит. О нет, он решает сейчас, когда мы находимся на расстоянии друг от друга, выпить меня. Сегодня на мне простое маленькое черное платье и туфли-лодочки на каблуках, и легкий мерцание в его карих глазах говорит мне, что ему это нравится. Он делает глубокий вдох. И его взгляд на мои волосы, прежде чем они быстро вернутся к моему телу.

Он хмурится и возвращается к реальности. «Уинстону не следует сидеть на диване», - рявкнул он.

Я отпрыгиваю, пораженный. Из всего того, что он сказал в детской попытке получить от меня реакцию, это его глупое наблюдение о своей собаке, которое наконец дает ему то, что он хочет. И, черт возьми, я кусаюсь. «Вы не должны подвергать его этому». Я машу рукой в сторону двери.

'Что это?' - спрашивает он, его грудь внезапно вздымается, как у гориллы.

«Чертовски хороший вопрос», - кричу я ему в лицо.

'Ой.' Он смеется. - Вы имеете в виду Алексу?

"Это ее имя?"

- Вы чертовски хорошо знаете, как ее зовут. В его тоне есть победа. «Так же, как вы могли мне точно сказать, во что она была одета, какого цвета у нее были губы и какого цвета были ее ногти». Он останавливается и дает мне время осмыслить его слова. Правдивые слова. Они чертовски больно, но вместо того, чтобы подтвердить то, что он уже знает, я

спешу через библиотеку и сажусь на диван вместе с Уинстоном. «Признайся, принцесса». Беккер подходит, его вырисовывающееся тело вскоре снова возвышается надо мной. Я заглядываю вверх и вижу печальную улыбку на его прекрасном лице. Я дал ему то, что он хочет, и, Боже, я ненавижу себя за это.

Мой взгляд опускается вместе с ним, когда он медленно опускается, пока не приседает передо мной. Он кладет руки на мои колени и наклоняется. «Ты. Ревнивая.

Я набираю терпение, чертовски раздраженный на себя. Но . . . - Серьезно, мистер Хант. Поговорим о ревности?

«Да».

«Хорошо. Тогда давай поговорим о твоём вторжении на моё свидание вчера вечером.

«Это был бизнес».

Я фыркаю. «На самом деле это была чушь собачья». В чём его одержимость, заставляющая меня ревновать? Почему так безжалостно? Я его сотрудник и не более того.

Он улыбается. Эта гребаная улыбка. 'Тебе было весело?'

Я должна была сказать ему, что это не его дело, но, конечно, я не говорю. 'Удивительно. Brent Уилсон - джентльмен. Я улыбаюсь, и его нос немного морщится. «Теперь, могу я продолжить свою работу?»

'Полагаю, что так.' Он усмехается, когда я закатываю глаза. «Ночью мне позвонили из аукционного дома в Токио, куда вы отправили жемчужную брошь».

Я сажусь прямо, сближая нас. Он видит мой интерес, его глаза блестят. 'И что же?' Я сомневаюсь, что адреналин мгновенно пронизывает меня.

«И это побило рекорды».

Я чувствую, как к адреналину присоединяется возбуждение, угрожающий визг восторга. «Как побитые рекорды или побитые рекорды?

«Разбита вдребезги, принцесса. Купил её частный коллекционер. Поздравляю.

В момент чистого экстаза я забываю о себе и ныряю вперед, обнимая его за плечи. «Это так здорово». Я чувствую, как его ладонь встречается с моей спиной, и жар, кажется, в мгновение ока вырывает меня из эйфории. Я стреляю в ответ, мои губы распрямляются. 'Мне жаль.'

Беккер какое-то время смотрит на меня, все еще приседая передо мной.

'Какие?' Я спрашиваю.

Он движется вперед, подходит ближе. И ближе. И ближе. Черт, что он будет делать? Поцелуй меня? Я медленно возвращаюсь. Он мой босс. Это могло быть неудобно. Я быстро поправляюсь. Это всегда было неловко. «Я думаю, ты заслужила премию», - шепчет он.

О Боже. Мои глаза падают на его губы. Он их облизывает. И я отвечаю на этот жест.

Ближе.

Его глаза опускаются к моему рту. И мой к его. Его дыхание прерывистое. У меня тоже перехватывает дыхание. Мне нужно отстраниться, но по причинам, которые я, возможно, никогда не узнаю, не знаю. Потом наши губы нежно касаются друг друга, и я хнычу. О, Боже, у него божественный вкус. Принять это. Прими его. Но это неправильно. Так неправильно.

Прекрати.

Не останавливайся.

На этом мои мысленные споры заканчиваются.

Гав!

Уинстон вырывается из своих снов и ныряет через диван. Он протискивается между нами, сбивает файл с гобеленом на пол и лает Беккеру в лицо.

- Вот дерьмо, - кричит Беккер. Моей попытке сесть прямо мешает гигантский бульдог, стоящий у меня на коленях и лающий, как будто только что наткнулся на грабителя.

Гав, гав, гав!

"Уинстон!" Беккер кричит, но Уинстон не унимается, и его следующая серия лая усиливается, заставляя Беккера упасть обратно на задницу.

Гав, гав, гав!

- Что, черт возьми, на тебя нашло? - кричит он, вскакивая на ноги. Он смотрит на меня грязно. «Что ты сделала с моей собакой?» Он указывает на Уинстона, но вскоре убирает руку с выражением ужаса на лице, когда его любимый питомец щелкает его пальцами.

Я ничего не говорю, слишком огорченный тем, что чуть не произошло. Кажется, у меня на коленях стоит машина для убийств. Беккер не впечатлен, стоя передо мной, в то время как я смотрю на него в шоке, а Уинстон продолжает лаять. - Шшш, - шепчу я Уинстону на ухо, уткнувшись носом в его щеку. Он немедленно затыкается и тыкается носом в ответ.

Беккер смотрит на своего здорового питомца с чистым осуждением. «Предатель», - бормочет он, схватив папку с пола, затем мрачно развернувшись и выбегая из библиотеки. «И убери его с моей кушетки». Дверь хлопает.

Мое тело начинает содрогаться, как только он уходит, и я понимаю, что оно кричит о кислороде. Я задыхаюсь, мои легкие кричат, когда я наконец даю им немного воздуха.

Черт возьми.

Это было слишком близко для утешения.

Глава 12

Мы с Уинстоном все утро заперты в библиотеке, он дремлет, а я работаю без остановки, чтобы отвлечься. В результате это были продуктивные несколько часов. После разговора с мамой я просмотрел целую коробку книг, отсортировав справочники из файлов клиентов и положив их обратно на полки в хронологическом порядке.

Когда Уинстон немного шевелится на кушетке - да, я оставил его на кушетке, пошли вы к черту, мистер Хант, - я смотрю и вижу, как он вытянулся, его сонные глаза широко открыты. «Мне нужен чай», - заявляю я. «Давай, здоровяк». Я хлопаю себя по бедру, когда иду к двери, и слышу стук, когда Уинстон лениво плюхается с дивана.

Он следует за мной по коридору, но мои шаги дрожат, когда я слышу голос вдалеке. Голос Беккера. А потом я слышу мистера Х. Я бы не обратила особого внимания, но из офиса Беккера раздается громкий хлопок, за которым следует разочарованный крик. Я замираю, затем смотрю вниз и вижу, что Уинстон удобно устроился у моих ног.

«Успокойся, мальчик Беккер», - кричит мистер Х., и я поджимаю губы. Это звучит как очень жаркий разговор и не для моих ушей, но как только я убедилась себя идти, мистер Х. продолжает. И то, что он говорит, заставляет меня снова стоять неподвижно. «Я видел, как ты на нее смотришь».

Моя рука тянется к стене, моему телу внезапно требуется поддержка, и мои глаза падают на землю. Они начинают метаться, ожидая ответа Беккера. Я не самонадеянна; Я проницательна. Мне нужно знать, правда ли то, что подсказывает мне моя интуиция - я тоже видела, как он на меня смотрит, и никогда не знала, что с этим делать. В одну минуту мне

кажется, что он мысленно раздевает меня, в следующую он смотрит на меня, как будто хочет меня задушить.

«Я не смотрю на нее как на что-нибудь». Голос Беккера поднятый шепот, его усугубление ясно в его голосе.

«Ерунда, - возражает мистер Х. «Она - запретная зона, мой мальчик. Держи это в штанах. Дороти рассказала мне о твоём маленьком представлении перед офисом вчера вечером и о том, что вы потребовали, чтобы Элеонора пришла сегодня рано утром. Это корыстное, нечестивое поведение. И это определено ниже нее. Прекратите играть в игры».

Я закусываю губу, ища инструкции, которые мне нужны, чтобы отправить меня на кухню, куда я направлялся, прежде чем меня остановили их голоса. Я не должна это слушать.

«Я, блядь, пытаюсь», - кричит Беккер.

«Не достаточно пытаешься». Рев г-на Х такой же громкий, но еще резче. - Отнеси свою задницу к психиатру, Беккер. Обсуди это. Прекратите использовать женщин в качестве терапии. И оставь Элеонору в покое.

Требование старика меня шокирует. Что такое Беккер, сексуальный наркоман? Он пытается? Что, оставить меня в покое? Что ж, очевидно, что он недостаточно старается.

«Мне не нужна терапия. Я с этим покончил, - бросается Беккер. «Мне надоело, что кто-то пытается ковыряться в моей голове. Со мной все в порядке».

Дед Беккера язвительно смеется. 'Тебе что-то нужно. То, как ты живешь, вредно для здоровья. Твои мама и папа ушли, мальчик. Игра в русскую рулетку с нашим бизнесом и твоей проклятой жизнью не вернет их».

«Дед, остановись, пожалуйста». Он звучит отчаянно, и мое сердце неожиданно сжимается от его мольбы. Потому что это действительно призыв. Но что, черт возьми, имеет в виду мистер Х.? Русская рулетка?

«Что, если она другая?» - неожиданно спрашивает Беккер.

Мои глаза спускаются по коридору к двери его офиса. Разные?

«Она ничем не отличается, она просто под запретом», - рявкнул мистер Х. - Ты знаешь, что она под запретом, и это единственная причина, по которой ты так сильно ее хочешь. Предупреждаю, мальчик. Оставь ее в покое. Ей здесь нравится, и нам нравится, когда она рядом. Не смей вмешиваться в это. Ты слышишь меня?'

«Да, я тебя бля слышу».

«Почему ты наняли ее?» Мистер Х продолжает разглагольствовать. «После того, как все это время отказывалось пускать кого-либо в Убежище, чтобы облегчить напряжение Дороти, после того, как ты поднимал нос каждый раз, когда мы предлагали нам помочь, почему сейчас? Почему вы согласились впустить ее?»

«Она умная. Знает свое дело».

'И красивая.'

Беккер усмехается. «Это не имеет к этому никакого отношения».

«Не лги мне, мальчик Беккер». Он лжет. Я знаю, что так и есть. «

Ты увидели то, что хотел, и разработали план, как это получить. Обуздай чувства того, кого ты обидели по пути. Женщины для тебя - игра».

'Что вы хотите от меня?' - говорит Беккер с болью в голосе.

'Чтобы ты разобрался!' приходит гневный ответ.

«Я позвоню этому гребаному психоаналитику», - кричит он.

'Хорошо.'

Яростное бормотание Беккера становится громче, и я понимаю, что он собирается выскочить из офиса. Так что я побежал по коридору, Уинстон преследовал меня, и вошел в ближайшую дверь, к которой прихожу.

Которая оказывается уборной. У меня нет времени медлить. Я дотягиваюсь до ошейника Уинстона и втягиваю его внутрь, быстро хлопая дверью, прежде чем присесть, чтобы суетиться над ним, надеюсь, что это заставит его замолчать.

Раздается несколько ударов, а затем отчетливый звук топания босых ног Беккера по каменным ступеням. Я задерживаю дыхание в темноте, потираю круги в ушах Уинстона, выжидая своего часа. Прошло несколько минут, но в конце концов я слышу, как мистер Х. ковыляет по коридору.

Уинстон хнычет рядом со мной, явно недоумевая, что, черт возьми, происходит. «Хорошо, мальчик», - шепчу я, слыша, как закрывается дверь на кухню. Я выдыхаю с облегчением и поднимаюсь с пола, открывая дверь осторожно и заглядывая в каждую сторону. 'Давай.' Я провожу Уинстона и быстро пытаюсь привести себя в порядок, и когда мне кажется, что я достигла максимального самообладания, я направляюсь на кухню, моя бедная голова кружится.

Я нахожу мистера Х. сидящим за столом, его серебристые волосы аккуратно зачесаны набок, а лицо уткнуто в газету. «Мистер Х.», - говорю я, побуждая его поднять глаза. Его очки лежат на кончике носа, и он наклоняет голову, чтобы посмотреть поверх них на меня.

'Элеонора.' Он кажется удивительно невозмутимым; нет никаких доказательств того, что он только что поссорился со своим внуком. Аккуратно сложив газету, он кладет ее на стол перед собой. 'Давай присоединяйся ко мне.'

Указываю на печь. «Я собирался заварить чай» .

Мистер Х тянется к центру стола и стучит по крышке чайника. «Свежеприготовленный Дороти».

Я улыбаюсь и брожу, стараясь казаться непринужденным. Это сложно. Разговор, который я слушал, повторяется. Так много вопросов, но ни один из которых я не могу задать, чтобы не прозвучало так, будто я любопытствую. «Она действительно заботится о тебе».

«Она знает», - соглашается он со смешком. «Сахар?»

«Нет, просто молоко, пожалуйста».

- Уже достаточно сладко? Он берет чистую чашку с блюдцем и начинает наливать мне чашку.

Я смеюсь. 'Возможно нет.'

«Ой, ты скромничаешь. Как твоя мать?»

«Она великолепна, спасибо».

«Прекрасно. Я уверен, что она скучает по тебе».

«Немного», - признаю я, хотя она никогда мне этого не говорила. «Я поеду домой через пару недель». Я совсем не жду этого и продолжаю тянуть время, чтобы забронировать билеты на поезд, но Эдвин Смит снова преследовал меня. Я не могу не убирать мусор в отцовском магазине так долго. И не только это, мой бывший находится в Хелстоне и, видимо, хочет загладить вину. Отличный шанс. Я знаю, что как только я выйду из поезда, известие о моем прибытии, вероятно, достигнет его до того, как я приеду в дом моей мамы. Мне не нужно слышать его извинения. Они означают дерьмо и ничего не

меняют. Просто пустая трата моего время.

Мистер Х добавляет в мой чай молока. Я стараюсь не обращать внимания на звон фарфора, когда он протягивает его мне, но когда его губы выпрямляются, а лицо морщится от концентрации, это становится невозможным.

'Ты в порядке?' Я освобождаю его от чашки и блюдца и быстро ставлю на место, наблюдая, как он одновременно трясет руками и головой, явно разочарованный.

«Старение должно быть одним из худших вещей, которые случаются с человеком», - говорит он, заставляя улыбаться, когда его старые глаза находят меня. Я стараюсь не выглядеть сочувствующим, зная, что он, вероятно, не оценит этого. Кончик пальца постукивает по виску. - Здесь все здоровое, как фунт. Проблема во всем остальном».

- Вы не против, чтобы я спросил, сколько вам лет, мистер Х.?

Он снова издает сладкий смешок, поднося чашку к губам. 'Девяносто три. Слишком стар для тебя, милая.

«Ну, черт». Я хлопаю по столу, разочарованно морщу лицо, заставляя мистера Х. запрокинуть голову назад от смеха. Я нежно улыбаюсь ему через стол, в голове у меня забегает сотня вопросов, которые я хотел бы задать, об истории Hunt Corporation и великолепных сокровищах, которые он, должно быть, видел в своей жизни. Я держу пари, миллионы фунтов, должны пройти сквозь его пальцы.

Мой луч остается неподвижным, пока старик утихает смех, вытирая стекла своих очков. Но затем его улыбка исчезает, унося с собой мою. Он превратился из истеричного в сверхсерьезного за наносекунду. «А моему очаровательному внуку может быть всего тридцать два, но он слишком непослушен для тебя».

Я поджимаю губы. «Это немного случайное утверждение», - говорю я, делая глоток чая, яростно борясь с румянцем, подкрашивающимся к моим бледным щекам. Легкий изгиб головы мистера Х. и понимающая улыбка говорят мне, что я потерпел неудачу в своих усилиях. Я не помогу своему делу, когда отворачиваюсь, чтобы избежать его пытливого взгляда.

- У тебя огонь в карих глазах, Элеонора.

Понятия не имею, что он имеет в виду. Я немного прогибаюсь и отбрасываю призрак. «Мистер Хант, простите меня, но ваш внук маленький...» Я закрываю рот, когда единственные слова, которые приходят в голову автоматически, являются оскорбительными. Мне нужно помнить, что этот милый старик - дедушка Беккера, а Беккер Хант, к сожалению, мой босс. «Испытание», - заканчиваю я, довольна собой, что нашла слово, заменяющее «тупица», «ублюдок», «придурок» или «засранец». Или соблазнительный, великолепный, греховно сексуальный и соблазнительный.

Его ухмылка становится шире. «Тебе не нужно сдерживаться со мной, Элеонора. Я люблю своего внука больше, чем саму жизнь, но я не заблуждаюсь. Этот человек индивидуалист». Он наклоняется через стол, и я заинтригована медленно подхожу к нему. «Он современный Казанова».

Я импульсивно фыркаю, затем смущенно прошу прощения за это. 'Сожалею.'

«Не надо. Вы не согласны?»

«Казанова? Разве он не был умным чародеем? Беккер не умеет говорить. Он бабник. Его дед сказал сам, не то чтобы я мог поднять этот вопрос, так как он совершенно не подозревает, что я подслушал этот разговор.

'Да. Известен своими любовными похождениями».

Мои брови морщатся. - А много ли у него было?

- Казанова или Беккер? Он пытается скрыть подергивание, развивающееся в уголке рта, но я вижу это так же ясно, как он видит мои румяные щеки. Я задаю слишком много вопросов тем, кому наплевать.

«Беккер», - произношу я и задерживаю дыхание. Почему я не сказал Казанова? Потому что я точно не хочу знать тонкости личной жизни Беккера. Я могу еще раз проверить гугл, если захочу помучить себя.

Он вздыхает, сочувственно улыбаясь. «Боже мой, Элеонора».

Что? Что-то мне подсказывает, что я не хочу знать.

Я шучу, я действительно хочу знать. 'Что?'

'Только . . .' Он встает, и мой взгляд поднимается вместе с ним, мои глаза требуют объяснений. Используя стол для поддержки, он слегка наклоняется ко мне. «О, милая, дорогая, моя».

Я вскакиваю и обхожу вокруг стола, чтобы помочь ему. - Что вы имеете в виду, мистер Х.?

'О, Боже.' Он качает головой в искреннем отчаянии, и это поражает меня.

«О нет, - говорю я. 'О, нет, нет, нет. На самом деле, никакого «о боже» вообще».

«О боже, - говорит он еще раз. Я хочу кричать о своем разочаровании. «Казанова снова наносит удар», - шутит он. Его попытка юмора совсем не смешная. Под этим скрывается подлинное отчаяние.

«Но он этого не сделал». Я нервно смеюсь. «Честно говоря, у меня иммунитет». Я собираюсь сказать ему, насколько я невосприимчив к его внуку, но меня прерывает дверь кухни, не позволяя очередной бредовой лжи слететь с моих губ.

Миссис Поттс стоит в дверях, положив руки на бедра. Я чувствую облегчение, несмотря на то, что она выглядит довольно сердитой. - Элеонора, дорогая, не могли бы вы почистить мне морковь?

«Конечно», - быстро отвечаю я. Морковь, я могу сделать все, что угодно, чтобы избежать большего, о боже.

«Дональд, ты должен вздремнуть».

«Прекрати это, женщина», - ворчит он. 'У нас есть проблемы.'

'Проблемы?' - говорит она, игнорируя его приказ.

'Да.' Он снимает мою руку со своего локтя и нежно держит ее, нежно похлопывая свободной рукой по тыльной стороне. «Элеонора здесь думает, что у нее иммунитет к мальчику Беккеру».

Радостная улыбка, которая появляется на лице миссис Поттс, на самом деле заставляет меня чувствовать себя лучше. 'Это чудесно.' Она подбегает и берет мою руку у мистера Х., повторяя его движения и яростно потирая. 'Я так рада.'

«Я тоже», - соглашаюсь я, впитывая похвалу. Даже если я этого не заслуживаю. Потому что я лгуныя.

«О, ради любви к Гераклу». Мистер Х отвлекает мое внимание от довольной миссис Поттс. «Нет, Дороти». Он закатывает глаза. «Она думает, что у нее иммунитет».

Мои брови встречаются посередине. «У меня иммунитет», - говорю я, стараясь успокоить их мысли. То, что я отрицаю, не имеет значения. Я понимаю важность отпугивания Беккера, и не только потому, что он игрок. Похоже, Беккеру не удалось уладить беспокойство бабушки, когда дело касалось меня, поэтому мне необходимо это сделать.

Мои глаза отливать между двумя старыми людьми, так как они медленно снова обращают свое внимание на меня. Они меня изучают. 'Что?' Я нервно ерзаю на каблуках. - Почему вы так на меня смотрите?

- О боже, - выдыхает миссис Поттс.

- Боже мой, - разочарованно говорю я. «В самом деле, нет» о, дорогая моя ». Я в отчаянии. Я в отчаянии. Я не пойду туда.

«Да, дорогая». Миссис Поттс кладет успокаивающую руку на мою голую руку и успокаивающе трет. - Все, что скажешь, дорогая.

'Видишь?' - бормочет мистер Хант, начиная тащить свои тяжелые ноги по плитке к кухонной двери. «Иммунитет», - усмехается он.

Если бы он не был таким нестабильным и старым, я бы оттащил его назад и заставил бы выслушать мое отрицание, пока он не убедится, но этот небольшой эпизод меня утомил. Мои плечи опускаются, и я сдаюсь, наблюдая, как миссис Поттс догоняет старика и берет его за руку. «Я боялась худшего», - тихо говорит она, как будто не хочет, чтобы я слышал. Но я слышу. Отлично.

«О, Дороти», - отвечает мистер Х., открывая дверь и жестом показывая ей, чтобы она пошла первой, безупречный джентльмен, хотя ему все равно приходится держаться за нее, пока она берет на себя инициативу. 'Худшее еще впереди.'

Дверь закрывается.

И я один.

«Нет, боже мой!» - кричу я, оглядывая кухню в поисках чего-нибудь, что могло бы развеять мое разочарование. Я усаживаюсь на стол и подхожу к нему, крепко шлепая его, воображая, что это лицо Беккера. Что это вообще значит? Меня уволят? Отправить мне вещи, пока не случилось худшее? И что они имели в виду, когда сказали, что худшее еще впереди?

Гав!

Я оборачиваюсь и вижу Уинстона у моих ног. Если бы я не был полностью вменяемым, я бы заподозрил, что его радостное недовольство сейчас - это его согласие с двумя стариками. «Не начинай, - предупреждаю я. Совершенно вменяемая? Я говорю с собакой.

Гав!

'Что?' Я спрашиваю, как будто он ответит. Как ни странно, он этого не делает, но он все же бегаем по комнате и вытыкается носом в кожаный поводок, свисающий с задней стороны двери. - Хочешь прогуляться?

Он лает и тычет носом в снова вести, его хвост виляет хорошо и правильно. Я приседаю и чешу его за ухо. «Просто позволь мне почистить немного моркови для миссис Поттс», - говорю я ему. «Тогда пойдем гулять». Я мог бы справиться со свежим воздухом, это точно. Мне нужно прочистить голову и подготовить свою успокаивающую речь для миссис Поттс и мистера Х.

Стоя и поправляя платье, я отправляюсь на охоту за морковью. Я открываю шкаф за шкафом, но моркови не нахожу. «Кладовая», - понимаю я, направляясь к самому высокому шкафу и открывая дверь. Меня встречает проволочная стеллажная система, и я начинаю сканировать корзины, наклоняясь по мере продвижения на юг. «Бинго». Я замечаю море апельсина рядом с морем моркови и хватаю несколько, поднимая и закрывая дверь.

'О, Боже.' Мягкие слова приходят из ниоткуда, и мои ноги от страха отрываются от

пола, морковь выпадает из моих рук.

Я уже в ярости, а я еще даже не взглянул на него. 'Ты напугал меня.' Я выдавливаю слова сквозь сжатые челюсти, медленно поворачиваясь к нему. Он прислонился к столешнице, выглядит очень вкусно, в очках. Он смотрит на меня, его карие глаза особенно зеленей, когда он ест яблоко. Кажется, он собрался после нашего маленького. . . момента в библиотеке, и его небольшая. . . беседа с дедушкой. Человек, которого я слышал, выглядел так, словно был в эмоциональном потрясении. Этот человек выглядит далеким от этого. Он разговаривал со своим терапевтом? Может, у него было. . . его слова внезапно всплывают в моем пораженном уме.

О, Боже.

Вот дерьмо.

Слушал ли он этот небольшой эпизод между моим дедушкой, миссис Поттс и мной?

- Итак, у вас иммунитет? - говорит он, словно читая мои мысли.

Мои щеки горят, но я игнорирую его вопрос и увольняю один из своих. 'Чего ты хочешь?'

Он пожимает плечами и глубоко вздыхает, досадно глядя на свои босые ноги. Он начинает небрежно тереть ими о кухонный пол, как будто знает, что они меня восхищают. Я отрываю глаза и возвращаю их на его надутое лицо. Глупый. Когда я нахожусь в компании Беккера, это всегда проигрышная ситуация. Я не могу смотреть ни на что, что снижает его сексуальную привлекательность, поэтому мне приходится полагаться на его «обаяние», чтобы удержать меня. И я желаю этого прямо сейчас. Все это. Я возьму каждый бит. Я знаю, что это приближается, поэтому, пытаясь сдвинуть дело с мертвой точки, я поднимаю голову, чтобы побудить его сказать больше.

Он усмехается. Гребаный убудок. «Обожаю, когда твои щеки краснеют».

Я хмурюсь .

Его ухмылка растягивается. «Представь, какие они станут красными, когда я с тобой закончу». Он тактически откусывает яблоко. И вот оно. Громко и ясно. Ему следует немедленно найти нового терапевта.

- Разве вы не должны были быть где-нибудь сегодня утром? - спрашиваю я, имея в виду его предполагаемую встречу по поводу испанского гобелена, которая потребовала, чтобы я был на работе на час раньше. В полдень он все еще в поту. Я нагибаюсь и собираю разбросанную морковь.

«Перенесено на сегодня днем».

Я фыркаю про себя. Вполне вероятно, что так называемая встреча сегодня утром вообще не была организована. Я беру последнюю морковку и пытаюсь встать, но Беккер приседает передо мной, его рука лежит на моей на морковке. Тепло парализует каждый мускул в моем теле.

«Я бы хотел увидеть, как я могу сделать все твои щеки розовыми» .

Я поднимаю ошеломленные глаза. Его лицо невозможно. Красивая. Завораживающе. Все мои щеки? Я больше не могу этого делать. Это истощает. Я не хочу участвовать в этой игре, в которую он играет. Меня это начинает пугать только по одной причине, кроме того, чем это закончится. Что, по сути, буду безработной и униженной .

Я заставляю себя смотреть в его ангельские глаза, демонстрируя силу. «Вы неисправимы» .

- Значит, я тебе нравлюсь?

«Нет, это значит, что от тебя у меня заболела голова. Прекрати ».

'Прекрати что?'

'Знаешь что.'

'Тогда ладно. Ты тоже это прекратите ».

'Я?' Я смотрю на него.

'Да ты.'

Я сдаюсь. Я вырываю свою руку из-под его руки и встаю, убегая в другой конец кухни. Я открываю ящики, пока не нахожу овощечистку и нож, затем шлепаю морковь по столешнице и начинаю резню моркови. Моя рука злобно толкает овощечистку вниз, пока у меня не оказывается стопка лысой моркови. Затем я начинаю рубить их своим ножом, собирая гору частей сомнительной формы, которые миссис Поттс, несомненно, не одобряют.

Я знаю, что он позади меня, вероятно, осторожно наблюдает за мной. Или - учитывая нож, которым я размахиваю - он мог бы благоразумно окунуться, прежде чем я смогу добавить его к своей кучке моркови.

Я рублю и рублю, чувствуя, что все больше возбуждаюсь, а затем. . . - Ой, - шиплю я и роняю нож, глядя на свой палец. Кровь. 'Вот дерьмо.' Я беру кухонное полотенце и прижимаю его к пальцу. Кровь. Боже, от этого меня так тошнит. Я падаю на колени и несколько раз моргаю, чтобы прояснить зрение, когда оно становится расплывчатым, когда мне становится жарко, потно, холодно или плохо. «Черт возьми». Я сильнее сжимаю кухонное полотенце, когда у меня начинает пульсировать палец. Я не буду плакать. Я также не буду смотреть на ущерб, который я нанесла. Кровь. Я чувствую, как у меня переворачивается живот и сжимаю глаза, пытаюсь дышать сквозь головокружение.

Затем я чувствую его прикосновение к своему запястью, и мои глаза открываются, и я вижу Беккера, стоящего на коленях передо мной. Его губы прямые, лицо серьезное. 'Ты в порядке?'

Моя нижняя губа начинает дрожать, меня подбирают глупые эмоции. Я ребенок. Это действительно не так больно. Утомили ли меня наши постоянные игры вперед-вперед? Измотал меня и сделали меня девченкой? - Ой, - бормочу я, опуская голову, чувствуя себя глупо. Да у них есть. Я устал от борьбы. Измотанная всем этим.

«Вот, дай мне посмотреть». Он пытается подтянуть мою руку к себе, но я выхватываю ее.

«Я в порядке», - бормочу я, начиная разгибать тело, чтобы встать. «Перестань быть любезным и внимательным».

'Почему?'

«Это тебе не подходит».

Он закатывает глаза. 'Позвольте мне помочь.'

«Я лучше истеку кровью до смерти».

Он глубоко смеется, сладкий звук наполняет кухню. «Да, ну, я не хочу чтоб у меня были хлопоты по избавлению от тела мертвого сотрудника». Он смахивает меня с ног одним быстрым движением, заставляя меня взвизгнуть от шока, что он полностью игнорирует, и подходит к стойке, держа меня на руках. Я напрягаюсь в его хватке, мои губы сжимаются. «Как ваш босс, я приказываю вам повиноваться мне». Он садит меня на стол и усмехается, когда ловит на моем выражении отвращения. 'Поняла?'

Я нахмурилась, потянув за край платья, которое медленно доходило до моих бедер.

'Позвольте мне помочь.' Беккер берет край и поправляет моего платья, его рука скользит по моей голой ноге. Я напрягаюсь и знаю, что он заметил это, потому что ухмыляется. Боже мой, желание дать ему пощечину и целоваться с ним разрушает мою силу воли. Я представляю, каково было бы дать ему пощечину и целоваться с ним. Я не уверена, что мне понравится больше всего.

«Хорошо», - говорю я, отталкивая его. «Платье на месте».

Беккер хлопает мне руками. 'Не совсем.' Он берет свое время пытаться меня стратегически забирает власть его плоти над моей, кивая свое одобрение и принимая глубокий вдох, как только он все сделал. Затем он упирается руками в столешницу по обе стороны от моих бедер. Я откидываюсь назад, когда он смотрит на меня. Я в клетке. В ловушке. Я чертова сидящая утка. - Ты позволишь мне взглянуть?

«На мой палец?»

Его грудь сжимается от слышимого дыхания, и его глаза сканируют мое лицо в поисках. . . Не знаю чего. Он выглядит немного смущенным, его глаза вопросительно. - На что еще я хотел бы посмотреть, принцесса?

Мои губы сжимаются, глаза сужаются, и я медленно поднимаю к нему обернутую полотенцем руку. «Будь осторожен», - предупреждаю я.

«Я люблю грубость и грязь», - бормочет он тихо, почти вопросительно, как будто напоминает себе. Говорит сам.

Я должен сказать на это только одно, только одно, что приходит само собой. «Не будь пиздой». Мое оскорбление слетает с моих губ, и он напряженно улыбается.

Затем он осторожно берет мою руку, сглатывая, медленно распутывая материал, а я напрягаюсь и шиплю. «Будь храброй девушкой», - поддразнивает он, глядя на меня каждые несколько секунд. Я не мог ответить. Я слишком занята, задерживая дыхание и потею, и не из-за травмы пальца. Он так близко. Касаясь меня. «Закрой глаза», - бормочет он. «Ты ничего не почувствуешь».

Я делаю, как мне говорят, счастлива, что не вижу его. Он так нежен со мной, каждое прикосновение и движение выполняются с особой осторожностью, делая весь процесс почти безболезненно. Но жар его кожи на моей. . .

Я несколько раз сглатываю, делая глубокий вдох и игнорируя воспоминания о его обнаженной груди. Но трудно что-то оттолкнуть, когда ваши глаза и ум получают такое удовольствие от того, что видят и думают об этом. Будь я проклят. Гребаная Алекса и, вероятно, Паула тоже. Он не добавит меня в свой список. Беккер Хант - мой начальник, и, прежде всего, я должен это помнить. Мне также нужно запомнить все, что сказали миссис Поттс и мистер Х. Податься на его безжалостную тактику было бы невероятно глупо. Для меня в Hunt Corporation это было бы началом конца. Я должен преодолеть эту глупую влюбленность.

Это все, что я могу. Мне нравится здесь. Я люблю всю историю. . . Мои мысли прерываются, когда моя кожа начинает покалывать, а мое обоняние бомбардируется знакомым запахом . Его запах . Мужественный. Чистый с оттенком цитрусовых. Это сильно. Он близко. А потом его горячее дыхание ударяется о мои щеки. Мои глаза распахиваются, я нахожу его так близко, насколько это возможно, не касаясь его, его идеальные карие глаза совершенно ясны за очками. Он наклоняется вперед, скрестив руки по обе стороны от меня. Наши глаза держатся.

«Это поверхностно», - шепчет он, бережно взяв меня за руку. «Ты будешь жить».

«Я ужасно боюсь крови». Я не могу придумать, что еще сказать.

Он понимающе кивает, и по неизвестной причине это что-то значит. Он был нежным со мной, хотя мог быть улюдкой и оставил меня страдать одну. Но он этого не сделал. Он меня вылечил.

«Какая-то конкретная причина?»

«Когда мне было три года, мой отец порезал палец лезвием, когда ремонтировал часы. Он прошел через восемьдесят процентов большого пальца».

Он гримасничает. «Это мерзко».

«Действительно мерзко. Я думала, он умрет. От вида крови меня одурманило».

Беккер немного посмеивается. «Тогда это хорошая штука, я был здесь, чтобы спасти тебя».

'Правда?' Я не совсем уверена. Мне не нравится милый Беккер. Я не знаю, что с ним делать.

«Да, но это не тот красный цвет, который я хотел видеть», - тихо говорит он, его лицо внезапно становится совершенно серьезным, когда он держит мою руку в воздухе. Мои щеки горят от этого заявления, несомненно, выдавая меня. Думаю, мои красные щеки не из тех, что он хотел видеть. По крайней мере, не щеки на моем лице.

Он слегка надавливает на мою руку, и я смотрю вниз и вижу небольшой пластырь на кончике пальца. Это оно? Я должен чувствовать себя глупо, но это не так. Я не чувствую ничего, кроме противоречивых мыслей, бушующих в моей голове. 'Спасибо.'

«Всегда пожалуйста». Его ответ такой мягкий. Утешительно мягкий, и я снова посмотрела на него. Меня немедленно утащили в их огненные глубины. Страсть, обещание и удовольствие льются из них. Мое тело поет. Живой. Он слегка подталкивает свое тело вперед, как будто испытывает меня, пытаюсь определить, отступлю я или приму его. Я тоже. Я остаюсь статуей, не сводя глаз с его. Он подходит еще немного вперед, и я с трудом сглатываю, когда чувствую, что его передняя часть встречается с моими коленями. Его рука появляется перед моим периферийным зрением, его рука тянется к моим волосам.

Все мышцы моего тела сжаты. О Боже.

Мне нужно все, чтобы не двигаться, когда я чувствую, как его палец нежно скользит между прядями. Он смотрит на мои волосы, играя с ними. Я могу только сидеть перед ним и принять его ласку. Это не правильно. Это так запрещено. Мы оба это знаем, и не только потому, что он мой начальник. Прошлой ночью в его постели была еще одна женщина. Я знаю, что за человек Беккер Хант. Я знаю, что его нужно избегать. Я знаю -

«У нас ситуация», - бормочет он, и мои мысли начинают кружиться по кругу. Да. Но я могу это остановить. Я должен это остановить.

Я пытаюсь покачать головой. Ничего не произошло. Я пытаюсь говорить, но слова не складываются. Химия была постоянной с того момента, как я увидела Беккера Ханта. Я боролась с этим. Мне пришлось с этим бороться. Но боевые действия только добавили огня этой химии.

'Я хочу тебя.' Его ноздри раздуваются, как будто нужно все, чтобы это признать. Наверное, да. «Бля, я действительно хочу тебя». Его ладонь скользит по моей щеке, и мои глаза закрываются, мой разум погружается в полный хаос. Прекрати, Элеонора, дура. Почему ты попала в такую ситуацию?

Легкое сжатие щеки побуждает меня открыть глаза и посмотреть в лицо своей ситуации. Беккер - моя ситуация.

'Ты хочешь меня?' Его грудь расширяется. Теперь он затаил дыхание, готовясь к тому,

что я могу сказать. Это не поведение уверенного в себе человека, который всегда получает то, что хочет. Он не уверенный. Нервный.

«Мы не можем. Мы не должны». Я выдыхаю слова из-за своего все более прерывистого дыхания.

«Можем», - быстро и уверенно отвечает он, и я немного отступаю на глоток.

'Зачем?' Он должен назвать мне одну вескую причину. Или, может быть, нет.

«Потому что я сойду с ума, если мы этого не сделаем. Я могу потерять его тоже. Кто знает? Но я медленно схожу с ума с тех пор, как ты ворвалась в мое убежище, и я больше не могу смотреть, как ты теряешься в моем сокровище, не зная, каково это - целовать тебя». Его глаза прижимаются к моим губам, когда они расходятся, мое сердце бешено стучит «Скажи мне, что мы на одной волне, принцесса».

Бля. 'Ты победил.' Слова произносятся прежде, чем я могу определить свою силу воли и достоинство, и плотское выражение омывает его лицо, полное секса и власти.

Его рука движется к моему затылку и крепко сжимает мои волосы в кулаке. «Конечно, я выиграл», - рычит он, затем быстро движется вперед, прижимаясь к моим губам. Он буквально захватывает мое дыхание, когда его губы касаются моих. Его язык вонзается глубоко и требовательно, кружится и колет, пока его рука в моих волосах удерживает меня на месте. Все мое существо оживает, и я принимаю все, все - энергию, силу, глубокую боль между бедрами. Вскоре я начинаю выражать свое удовольствие, стонать, подбираясь под его силу, пожирая его.

- Заткнись, Элеонора, - резко требует он, дергая меня за волосы. Это должно меня беспокоить. Я должен был оттолкнуть его, сказав, чтобы он немедленно отвалил по его команды. . . они мне это нравится. Накопление разочарования утихает, когда он берет меня, потому что это именно то, что он делает. Он забирает меня - без извинений и как ему угодно. Грубый и грязный. Потому что я сказала да. Я сдалась. Я больше не могу ему сопротивляться.

Я стараюсь вести себя тихо, как было сказано, даже когда мои руки находят его плечи и крепко сжимают, наслаждаясь ощущением его сжатых мускулов под футболкой. Я видел эти плечи. Идеальные плечи.

- Беккер, - выдыхаю я ему в рот, снова зарабатывая на себе резкое вздрагивание волос. Я резко вдыхаю, когда он отпускает мои губы, мои глаза распахиваются. Он тяжело дышал, как он прожигает отверстия во мне с интенсивностью его взглядом, а затем грубо сбивает мои колени врозь, освобождая место для него, чтобы подойти ближе.

Что он делает.

Медленно.

Мое сердце бьется о грудину, а он продолжает стягивать мои волосы кулаком, другой рукой перебирая мою поясницу. Я втягиваюсь в него одним легким рывком, пока наши торсы не встретятся и все нервные окончания не взорвутся. «Черт», - шепчу я, ища в его глазах, видя в них жестокий голод. Я почти уверен, что у меня такой же голод. Я никогда не была так возбуждена.

Беккер начинает медленно кивать в знак согласия, его лицо приближается, его внимание падает на мои губы.

Это безумие. «Я не могу этого сделать».

'Ты можешь.'

«Нет».

- Тогда прекрати. Его губы в шепоте от моих. «Продолжай, Элеонора. Прекрати».

'О Боже.'

'В яблочко.' Его голос - чистый секс, и мое тело дрожит. «Я собираюсь насилловать тебя самыми восхитительными способами, которые только можно представить, принцесса». Наши губы слегка соприкасаются, и я выдыхаю со вздохом подчинения, погружаясь в мягкие движения его поцелуя, когда он скользит языком между моими губами и нежно кружится.

Затем резкий лай заставляет нас обоих подпрыгнуть.

Нет, не сейчас, Уинстон.

Меня быстро отпускают, Беккер летит назад, выглядя немного ошеломленным и сбитым с толку. Из-за потери опоры я качаюсь на столешнице, хватаясь за края, чтобы стабилизироваться. Мысль продолжается, и я смотрю, как Беккер проводит рукой по своим спутанным волосам, дезориентированно оглядывая кухню.

Я соскальзываю с прилавка и изо всех сил стараюсь собраться, но это грандиозный провал. Я чувствую, что могу спонтанно воспламениться. Я очень разгоряченная. Взволнованная. Похотливая.

- Что за херня, Уинстон? - спрашивает Беккер, когда его глаза наконец находят собаку в нескольких футах от него.

Уинстон отвечает, упираясь задницей в пол, глядя на своего хозяина. У этой собаки действительно собачье выражение лица, и прямо сейчас он сердито смотрит на своего хозяина. Беккер смотрит в ответ, столь же обиженный. Это вопиющий тупик. 'Что?' Беккер поднимает руки вверх. - Ты хочешь ее? - серьезно спрашивает он. Уинстон рычит, заставляя Беккера осторожно отступить, с ошеломленным выражением лица. Это истерично, но я все еще слишком запуталась, чтобы по-настоящему оценить ценность комедии. Он в полном разгаре спора со своей собакой. . . из-за меня.

Я беру ситуацию в свои руки, прежде чем они начнут борьбу. - Вот, мальчик, - кричу я, приседая, дрожащим голосом. Уинстон моментально подходит ко мне, его зад покачивается, когда он разворачивается и плюхается к моим ногам, победно виляя хвостом. И суету, которую он требует, и осторожно смотрю на Беккера. Его рот приоткрыт в недоумении, и впервые я не так довольна явным фаворитизмом Уинстона. На самом деле мне неловко. 'Мне жаль. Я не уверена, в чем его проблема».

Беккер смотрит на меня, какого черта? прежде чем ожить и сделать тщетную попытку взять себя в руки. Когда я сижу на корточках, я смотрю на него на уровне его бедер, и когда его рука скользит к его промежности, и он пытается незаметно перестроиться, мой взгляд немного поднимается вверх и ловит свидетельства его. . . состояния. Он отступает и убирает руку, когда понимает, на чем сосредоточены мои глаза. Этого нельзя спрятать, только не под мягкой тканью его спортивных штанов.

Он жесткий.

Моя нижняя губа проскальзывает между зубами и прикусывает, мой мозг игнорирует мое суровое требование отвести взгляд.

'Элеонора.' Мягкий зов моего имени Беккером привлекает мое внимание, и я нахожу на его лице болезненное выражение. Из-за его нынешней сложной проблемы? Или из-за того, что только что произошло? Его глаза закрываются, и он делает самый длинный вдох. «Этого не должно было случиться». Его заявление пронзает меня, как мачете, но я не слышу в его словах убедительности. Ничуть. «Я не могу. . . это просто не так. . . ' Его кулаки сжимаются в

тугие шарик, его челюсть пульсирует. «Ты не хочешь меня, поверь мне».

Я действительно доверяю ему в этом. Он предупреждает меня, как миссис Поттс и мистера Х., я должна быть благодарна. Так почему повсюду боль от обиды и разочарования? И почему его внезапная перемена в сердце? Он вспомнил, что на него кричал дед? Он поцеловал меня, и ему это не понравилось? Моя уверенность берет на трепку, когда я считаю последним. Я видел женщин, к которым он привык. Боже, прямо передо мной он прилип к губам. Я совсем не похожа на них. Для начала, у меня есть задница. О, мои дни, я просто охотно приняла участие в очередном раунде его глупой игры. Идиотка.

Я оставляю Уинстона и встаю прямо, делая храброе лицо. Больше у меня ничего нет. «Прошу прощения, мистер Хант». Я автоматически включаю формальность, сразу возвращаюсь в режим защиты, теперь я твердо сосредоточен на том, чтобы сохранить свою работу. «Этого больше не повторится».

Его челюсти сжимаются, и на его лице появляется миллион выражений, но это сожаление я улавливаю особенно остро, и я сосредотачиваюсь на нем. Я тоже сожалею. Я не знаю, где бы мы были к этому моменту, если бы Уинстон не перешел в режим психологической собаки. На полу? Голый? Потеть?

«Я собирался вывести его на прогулку». Я слепо указываю на место у своих ног, где, как я знаю, находится Уинстон. 'Вы не возражаете?'

«Конечно, нет, - без колебаний отвечает Беккер . «Ему, наверное, нужно выпустить пар. Может быть, поэтому он такой, - он хмурится, глядя на Уинстона, - обидчивый.

'Может быть.' Я отражаю Беккера, глядя на его собаку.

«Мне нужно позвонить». Беккер вытаскивает телефон из кармана и начинает играть с ним, почти неохотно. Что-то подсказывает мне, что ему нужно позвонить своему терапевту. Бьюсь об заклад, он или она на быстром наборе.

Я не теряю времени, оставляю его в одиночестве. Я хватаюсь за повадок и быстро выхожу оттуда, отчаянно пытаюсь избежать неловких вибраций. Мне не нужно звать Уинстона. Он следует за мной, весь бодрый . А я хочу свернуться клубком позора и спрятаться. Я подвела себя.

Уинстону вообще не нужно было выпускать пар. Он просто идет рядом со мной, время от времени поглядывая на меня, как будто проверяет, все ли со мной в порядке. Я не в порядке. Мне стыдно. Что, черт возьми, я только что натворила?

'Элеонора!'

Я поворачиваюсь и вижу, как Люси в отчаянии машет рукой над головой, а в другой - тарелкой салата. Она была более чем заинтригована, когда я написал ей, чтобы узнать, не встретимся ли мы на обеденный перерыв в парке.

Я останавливаюсь и наклоняюсь, чтобы подцепить Уинстона к его поводку, и издавала сардонический взрыв смеха, когда он протестующе ворчал. «Ты вряд ли максимально использовал свою свободу», - говорю я. «Перестань жаловаться».

- Говоришь с собакой? - спрашивает Люси, подходя к нам и глядя на Уинстона.

Я выпрямляюсь, и мы медленно идем по тропинке.

"Кому принадлежит собака?"

Я устало смотрю на нее. 'Моему начальнику.'

- Он заставляет тебя выгуливать свою собаку? Ее отвращение очевидно, когда она поправляет сумку на плече. - Что ты, его прислуга?

Мои волосы встают дыбом. «Я не его прислуга. - сказала я, и Уинстон, кажется, меня развязал».

«Хорошо», - медленно говорит Люси, изучая меня, поднося к губам полную вилку салата. Я отворачиваюсь, пытаюсь скрыть раздражение. «Как прошло ваше свидание с Брентом Уилсоном?»

Я пожимаю плечами. 'Все в порядке.'

'Все в порядке? Так почему экстренное собрание?'

«Просто потому, что», - резко говорю я.

- Господи, - выдыхает Люси. «Кто натянул твою цепь?»

«Никто», - пренебрежительно отвечаю я, одновременно задаваясь вопросом, почему я не говорю ей, когда я позвонил ей, чтобы выговориться. Чтобы все это выплеснуть. Чтобы найти причину в здравом уме, раз мой постоянно копается в опасных местах.

Люси не возвращается с каким-либо ответом, оставляя растянутую тишину, чтобы заполнить ее множеством безмолвных предположений. Мой любопытный разум начинает задаваться вопросом, на правильном ли она пути, и я выгляжу краем глаза, чтобы оценить ее выражение.

Она ухмыляется. «Разве нет мужчины высокого и худого с мышинными волосами?» она спрашивает.

Я отворачиваюсь.

«Разве никто не грешно красив, с красивым прямым носом и восхитительным телом?»

«Я никогда не говорил, что у него восхитительное тело».

- Но я уверен, что он это сделал, не так ли?

Я фыркаю, дергая Уинстона, когда он немного сворачивает с тропы. «Я бы не знала».

«Разве за очень горячими очками ни у кого нет восхитительных глаз, которые хочет спать с тобой?»

Меня атакуют мысленные образы никого. «Он поцеловал меня».

Люси смеется. 'Я знала это.'

'Это было невероятно. Тут Уинстон прервал нас, и стало неудобно. Я чувствую себя глупо, этого действительно не должно было случиться, и теперь я боюсь, что не смогу работать на него из-за неловкости, иначе мистер Х. может меня уволить, если узнает».

'Ой.' Люси сочувственно смотрит на меня.

«Он на терапии», - говорю я после паузы.

'Для чего?'

'Я не знаю. Я полагаю, что я дура. Я вздрагиваю, думая о его родителях и о том, как он трагически потерял их обоих.

Люси слегка смеется. «Чего вы хочешь больше?»

'А?'

«Чего вы хочешь больше? Он или твоя работа?»

Я смеюсь. Ответ на вопрос готов, потому что ответ очень прост. 'Работа.'

'Почему?'

«Потому что мне это нравится, и это может быть постоянным или привести к другим удивительным возможностям», - без колебаний отвечаю я, звучала уверенно. Я чувствую себя даже лучше, когда Люси понимающе кивает. «Я не могу рисковать безопасным долгосрочным будущим ради ненадежной краткосрочной связи с Беккером Хантом».

«Ненадежной?» она спрашивает. 'Что делает это неопределенным?'

«Ты видела фотографии. Он бабник - современный Казанова с глазами, в которых хочется таять».

«Ты можешь бы быть другой для него».

Ее невинное заявление бьет меня в живот, напоминая те же слова, которые Беккер сказал своему дедушке. Она могла быть другой. «Я так не думаю». Я нервно смеюсь и тянусь к своему затылку, чувствуя его хватку. Он опасен. Грубый и грязный. Это не ускользнуло от моего внимания, что мне было наплевать на это, когда меня поймали в данный момент, когда мне сказали заткнуться, когда я даже пробормотала. Горячий секс. Я был почти уверен, что перед нашим горячим поцелуем на кухне это будет потрясающе. Он бог. Женщины падают перед ним на колени. Теперь я знаю, вне всяких сомнений, что репутация Беккера опережает его. И хотя мне физически больно признавать это, я также осознаю с тревогой, что хочу его больше, чем когда-либо прежде. Услышав его уязвимую сторону, когда он спорил с дедом, тогда все изменилось. За пределами библиотеки, когда он мягко посоветовал мне перестать дрожать, а затем на кухне, где он был нежным и мягким со мной. Да, он резок и непреклонен, дерзок и высокомерен, но сегодня я обнаружила, что он еще и нежный. Это сделало его еще более неотразимым, и я бы никогда не подумала, что это возможно. Как он смотрел на меня. Выражение его лица было разорванным, как будто он боролся с непобедимым противником. Я могла быть другой?

Я смотрю на Люси, и она улыбается, бросая недоеденный салат в мусорное ведро. «Я буду в порядке», - неубедительно говорю я. Люси не идиотка, и хотя мы не знали друг друга давно, она понимает, что мне нужно забыть о более ранних событиях.

'Хорошо.' Она потирает руки. «Потому что сегодня вечером нас нет».

- Что ты имеешь в виду?

'Вроде вон, вон. Правильный выход. У меня есть VIP-вход в новый клуб на западе под названием Пайпер. Вы играешь?

'Да.' Я решительно киваю, не думая дважды. Вот что такое Лондон. Свобода, веселье и раскрепощение. «Я могу выпить».

Фуу. Она хватает меня за руку, заставляя остановиться, и я хмурюсь, когда ее нос морщится от отвращения. Гм. . . ' Она отступает. «Я думаю, ваш новый друг собирается на помойку».

'Что?' Я смотрю на Уинстона и вижу, что он сидит на корточках. 'О нет.'

- Ты же знаешь, что тебе придется это поднять, верно?

'Что с?' Я зажимаю рот рукой, когда Уинстон смотрит на меня, все его тело дрожит от напряжения.

- Только не говорите, что вы вышли гулять с собакой без мешка для какашек?

«У меня были другие мысли». Я оглядываю парк, отчаянно ища другого собачника. Нет никого. «Черт возьми,» Я проклинаяю, поглядывая на Уинстон, который теперь закончил делать свое дело и сидит у моих ног с грудой дымящегося горячего дерьма рядом с ним. «Черт», - бормочу я. Он выглядит довольным собой.

«Я бы попросила повышения зарплаты», - хихикает Люси, и мои плечи опускаются, побежденная, когда я опускаюсь до невыносимого уровня, направляясь к мусорному ведру.

Отчаянные времена требуют отчаянных мер. «Не могу поверить, что делаю это», - хнычу я про себя. На мне красивое черное платье, туфли на каблуках и макинтош, и я собираюсь порыться в общественной мусорной корзине - как бродяга - в поисках чего-нибудь подходящего, чтобы вычерпать экскременты собаки моего грешного босса. Я

действительно достигла рекордно низкого уровня.

Как только Уинстон устроился в своей корзине для собак на кухне, я вытираю руки до тех пор, пока они не заболели, и наблюдаю за тем, как реставраторы собирают Рембрандта, а затем на время оцениваю свое положение. Мне нужно быть взрослой. Мне нужно взять себя в руки и прекратить опасные игры. Мне нужно очистить воздух и избавиться от неловкости, пока она не зашла слишком далеко. Если это еще не так. «Да», - говорю я себе.

«Да что, дорогая?»

Я поворачиваюсь и вижу, как миссис Поттс сканирует кухню в поисках того, с кем я могу разговаривать.

'О ничего. Просто разговариваю сам с собой ». Я легкомысленно машу рукой в воздухе, отмахиваясь от ее любопытства, но прежде чем я успеваю его остановить, вопрос, который беспокоит меня, выплывает наружу. «Почему Беккер проходит терапию?»

Миссис Поттс бросает на меня обеспокоенный взгляд, и я бросаюсь к выходу.

«Я слышал, как мистер Х. велел Беккеру позвонить своему терапевту».

Ее губы сжимаются, ее фиолетовые локоны шевелятся, когда она качает головой и идет к груде моркови, которую я оставил для нее, и начинает складывать их в большую кастрюлю. «Он борется».

'С чем?' Не знаю, почему спрашиваю. Я ясно и ясно слышал, как мистер Х. кричал на него, пока я прятался в шкафу. Думаю, я просто ищу подтверждения. Пытаюсь поддержать сострадание, которое я начинаю испытывать к нему.

Она вздыхает. «Со смертью его родителей. Сначала в автокатастрофу попала его мама, а затем его отец. Для молодого человека это - трудная задача ».

Немного складываю все вместе с подтверждением. 'Мне жаль.'

«Ты не должен об этом говорить», - строго приказывает она, и я понимающе киваю. «У него нездоровый образ жизни, и Дональд надеется, что доктор Васс поможет ему с этим справиться ».

'Женщины?' Пробуждаю я предварительно.

«Среди прочего. Он боится привязанности. Не любит привязываться. Он делает вещи простыми, отсюда и быстрая смена женщин ». Она включает плиту, фактически заканчивая наш разговор.

Я любезно принимаю намек, но вздрагиваю, поворачиваясь и выхожу из комнаты. Быстрый оборот женщин. Я сам видел фотографии. «Я буду в библиотеке».

Я чувствую, как ее глаза следят за мной до самой двери, пока она не закрывается за мной. Она волнуется, и у нее есть на это полное право. Я не должен была подкалывать, но подозреваю, что она скармливала мне эту небольшую информацию как еще одно предупреждение, чтобы я туда не ходил. Это могло сработать. А могло и не быть. Я сочувствую своему трудному начальнику. Я могу понять уровень его горя на собственном опыте. Я потерял отца. Всего один родитель. Потеря обоих отправила бы меня глубже в черную яму с небольшой надеждой выбраться из нее.

Я расслабляюсь и прислоняюсь спиной к стене коридора, глядя в сторону его офиса. Меня пугает мысль снова увидеть его. Я уже изо всех сил пытаюсь стереть воспоминания - его вкус, ощущение его, прилив желания. Если я снова буду хлопать в ладоши, мне придется бороться еще сильнее, но мне нужно столкнуться с этим лицом к лицу. Если откладывать это, будет сложнее. Убейте это в зародыше.

С трудом сглотнув, я расчесываю платье и взъерошиваю волосы, затем иду к его офису,

тихо говоря себе ободряющие слова. Когда я подхожу к огромным двойным дверям с замысловатой гравировкой, они выглядят угрожающе, и мой взгляд падает на ручку, когда мой мозг мягко подталкивает меня войти. Я начинаю упражнения, регулирующие дыхание, снова расчесываю платье, снова поправляю волосы и повторяю про себя ободряющие слова.

Затем я расправляю плечи и звоню в колокольчик, прежде чем взяться за ручку и протолкнуться в его кабинет. Мои глаза сразу же находят его, стоящего за столом. Он сменил спортивные штаны и футболку и теперь выглядит безупречно в сером костюме-тройке. Его волосы аккуратно зачесаны набок, и . . . ой ебать меня, его очки. Я раскачиваюсь на месте, и мои глаза изучают его высокое телосложение, мое сердце колотится при виде его. Теперь, когда у меня есть хорошее представление о том, на что он способен, я чувствую, что побеждена им, но совсем не победила. В конце концов, это был просто поцелуй.

Глеющий поцелуй. Поцелуй, от которого у меня закружилась голова. Я уверена, что где-то там была привязанность - где-то среди тряски за волосы и требований заткнуться.

Он говорит по телефону, но одаривает меня легкой улыбкой, глядя на меня и внимательно слушая. 'Я был занят. Приношу извинения, - говорит он, не сводя с меня глаз. Я закрываю дверь, и он указывает на стул напротив своего стола, приглашая меня сесть и ободряюще кивая. «Я жду его здесь. Деньги обсудим на просмотре ». Он кладет ладонь на трубку и поднимает подбородок. 'Ты в порядке?' - шепчет он, внимательно глядя на меня. Он волнуется.

Моя голова начинает слишком сильно качаться, мои инстинкты говорят мне заверить его, что со мной все в порядке. 'Я могу идти.' Я указываю через плечо.

Он поднимает палец вверх и хмурится. «Никаких переговоров не будет. Sotheby's очень хочет провести продажу, и я не прочь отдать ее им. Не будем тратить время друг друга зря. Это стол Людовика четырнадцатого. Это массив ореха с маркетри, а ножки, как и следовало ожидать, позолочены. Бёрджесс, это редкий и красивый образец своей эпохи. Не будем возиться с оскорбительными предложениями ».

Я внутренне улыбаюсь. Блин, деловые разговоры делают его еще чертовски сексуальнее.

Он берет свой мобильный со стола, когда тот начинает пищать, продолжая разговор по стационарному телефону. Взглянув на экран, его глаза немного сузились, когда он задумчиво посмотрел на меня, прежде чем позвонить и передать его через стол.

Я осторожно беру его телефон и делаю то, что он сказал. - Телефон Беккера Ханта. Говорит Элеонора.

'О привет. Это Паула. Где Беккер ?

О, он этого не сделал. Как бы я ни боролся, я не могу остановить шипение раздражения, которое проникает глубоко в мой живот. Он знал, кто это был, когда вручил мне телефон. Почему он был таким придурком? «Занят», - твердо говорю я, наблюдая, как Беккер отходит на небольшое расстояние от своего стола, оставляя меня заниматься очередным текущим трахом. Ей лучше не просить меня записать свидание в его дневник.

Паула хихикает. Она почувствовала мой морозный прием. «Элеонора, я чувствую, что должна прояснить это», - начинает она ясно и уверенно. Между Беккером и мной никогда не было и не будет никаких физических отношений и я. Я могу только представить себе женщин, которых тебе придется терпеть ».

Ой? Моя необоснованная неприязнь к Пауле быстро превратилась в уважение. Он ее не трахает? Быстрая проверка говорит мне, что Беккер все еще занят разговором. «Мне очень жаль, это просто. . . ' Я не знаю, что еще сказать. В итоге, я завидую Алексе, и я бы тоже

завидовал Пауле, если бы она оказалась одним из винтиков Беккера.

«На самом деле, в этом нет необходимости. Я сам сталкивался с некоторыми из них».

«Тебе повезло», - говорю я, недоумеваю, почему я расширяю разговор, подпитываю его, когда у нас даже не должно быть этого. Я не знаю, кто эта женщина.

«Не то чтобы для меня это, конечно, имеет значение, - тороплюсь объяснить я, съезживаясь при этом. Кто она?»

Она смеется. 'Как обживаешься?'

«Отлично», - быстро отвечаю я, благодарный, что она взяла на себя инициативу переломить разговор. «Опустив голову».

'Лучший способ. И держишь этого очаровательного индивидуала под контролем?'

Ее вопрос заставляет меня задуматься. «Пытаюсь», - бормочу я, глядя в спину очаровательной индивидуала.

- Заставь его позвонить мне. Мне нужно кое-что обсудить, - говорит Паула, затем кладет трубку, и я кладу телефон Беккера обратно на его стол.

«Хорошо», - говорит он, когда я позволяю глазам забраться на его спину. 'Я буду на связи.' Он медленно поворачивается и кладет трубку на подставку. А потом он смотрит на меня. И я забываю, какого черта я сюда пришел.

'Элеонора?' Он выводит меня из транса, и я быстро фиксирую сильное, уверенное выражение лица.

«Паула хочет забрать твой мозг».

Он слегка смеется. «О, я уверен, что она это сделает. Я позвоню ей.

Снова наступает тишина, но, прежде чем она становится слишком неловкой, я продолжаю, стремясь очистить воздух. «Я просто хотел прийти и очиститься...» Я закрываю рот, когда звонит звонок и дверь за мной распахивается. Оглядываясь через плечо, я замечаю, что миссис Поттс жестом приказывает кому-нибудь войти. И мои глаза быстро расширяются. «Брент». Его имя слетает с моих губ в потоке ошеломленного воздуха.

'Элеонора.' Он ярко улыбается, входя в офис, в то время как миссис Поттс быстро просматривает ситуацию, прежде чем закрыть дверь и посмотреть, что можно описать только как отчаяние. Понятно, поскольку я сказал ей, что буду в библиотеке, а я не там.

Я быстро вскакиваю на ноги, но они словно свинец не дают мне уйти. Я хочу уйти, мне нужно уйти, потому что я знаю, что будет дальше. Но мои мышцы отказываются играть в мяч.

«Так приятно видеть тебя». Брент подходит ко мне и берет меня за плечи, наклоняется и целует сначала одну щеку, потом другую. Мой взгляд автоматически переводится на Беккера, когда я вижу, что он застыл, как доска, за столом, а мускулы его челюсти бешено тикают.

Мне удастся отойти от Брента, но дискомфорт, наполняющий комнату, остается. 'Я... Я... не знала, что у вас встреча с Бекком... Мистер Хант, - заикаюсь я.

- Твой босс собирается поставить меня в знак одобрения, не так ли, Хант?

Мы оба смотрим на моего босса, у которого смертельный взгляд нацелен на Брента. Атмосфера режет. Мне надо идти.

«Я как раз уходила».

«Я надеялся увидеть тебя, пока я здесь». Брент задумчиво смотрит на меня, возможно, недоумевая, почему я не так восприимчив, как в прошлый раз, когда он был здесь. Я мог бы быть, если бы хотел, чтобы глупая битва величайшего эго между этими двумя мужчинами продолжалась. Но я этого не делаю, не только из-за того, что произошло на кухне пару часов назад. Но потому что я знаю, что Брент пригласил меня на свидание только для того, чтобы задеть Беккера.

Мой взгляд метается между ними, беспокойство меня парализует. Один мужчина выглядит довольным, увидев меня, улыбаясь, когда я стою перед ним, неловко и нервно, а другой смотрит на меня так, будто хочет оторвать мне голову.

Боже, вытащи меня отсюда. - Я могу вам что-нибудь нужно? - спрашиваю я Беккера, восстанавливая некоторое самообладание и полагаясь на свое профессиональное поведение. Я сосредоточиваю на нем свое внимание с прямым выражением лица. У меня нет никакого желания раздражать босса. Не сейчас.

В конце концов он отрывается от меня. «Нет», - бормочет он, беспорядочно теребя какие-то бумаги на краю стола.

Я киваю и делаю несколько шагов, которые приведут меня к двери, и слегка улыбаюсь Бренту, когда он вопросительно смотрит на меня. Я даже не могу собраться с силами, чтобы попрощаться.

'Элеонора?' он окликает меня когда я выхожу из комнаты, закрыв глаза, в надежде, что он не последует за мной. - Элеонора, - повторяет он, на этот раз более настойчиво.

Я увеличиваю темп, но добираюсь до библиотеки только на полпути, прежде чем слышу шаги, идущие за мной. Сделав глубокий вдох, придающий уверенности, я останавливаюсь и поворачиваюсь, изображая фальшивую улыбку на моем лице.

Брент резко останавливается, хмурясь. 'Ты в порядке?'

Я смотрю через его плечо, когда Беккер медленно выходит из своего офиса и смотрит на меня через коридор. Его руки в карманах брюк, его поза широко расставлена, когда он смотрит на меня испытующими глазами. Я прерываю наш зрительный контакт, прежде чем Брент замечает, что я отвлекся. «Да, я в порядке», - шепечу я, расправляя плечи. 'Просто занята.' Я не даю ему возможности продолжить разговор, разворачиваясь на каблуках и спеша в сторону библиотеки.

«Сегодня вечером», - кричит Брент. - Опять ужин?

Что на самом деле - нахрен? Нет, у меня уже голова кружится из-за игр моего грешного босса. Я не готов к новому раунду игры Брента, большое вам спасибо. «Спасибо, но нет, спасибо», - говорю я. «Гуляю с подругой». Я быстро смахиваю карту и бросаюсь в дверь, а потом закрываю ее так же быстро и падаю на заднюю часть.

Дерьмо.

Вот и все, чтобы очистить воздух.

Глава 13

Я попал в засаду очень возбудимой Люси, когда я поднимаюсь по лестнице в свою квартиру, мои ноги болят, а мой мозг слишком много размышляет. . . определенные вещи. У нее огромные бигуди в волосах и половина лица накрашена. «Сейчас шесть тридцать, - кричит она мне, торопясь и взяв меня за руку. «Что ты так долго?

«Гм, лондонский час пик», - отвечаю я, когда меня практически тащили по коридору к входной двери. 'Что за спешка?' Было бы глупо признаться ей в том, что я могу легко свернуться калачиком на диване в своей джинсовой одежде. Я знаю, что мне не позволят сделать это сегодня вечером. Она готова раскрасить город в красный цвет.

Снимая мою сумку с плеча, она начинает рыться в ней, пока я смотрю. «У тебя есть час», - говорит она мне, вытаскивая мои ключи и открывая мне дверь. Я принимаю свою сумку, когда она возвращает ее, а потом она толкает меня в дверь. «Для справки, сегодня вечером я пойду с сиськами».

Мои брови морщатся. 'Что?'

'Сиськи.' Она закатывает глаза. «Не ноги».

«Должно ли это что-то значить?»

Она провисает на месте, качая головой. - Сиськи или ножки, Элеонора. Никогда и то и другое ». Она захватывает ручку и тянет за собой дверь. «Час», - повторяет она, прежде чем дверь встает между нами, и я остаюсь одна.

Я иду в душ, но незадолго до этого слышу звон своего телефона. Я беру его, чтобы найти сообщение.

От моего бывшего.

Я проклинаю свой желудок за то, что он взбалтывается, и еще больше проклинаю себя за то, что его открыли.

«Твоя мама все еще отказывается сказать мне, где ты, и ты не отвечаешь на мои звонки или сообщения. Просто поговори со мной, пожалуйста.»

В какой части мы закончили, и я больше не хочу тебя видеть, разве он не понимает? Я фыркаю от отвращения и быстро звоню маме. Когда она отвечает, ее голос звучит бодро, и он не дрогнет, когда я прошу прощения за настойчивость Дэвида.

«Не беспокойся об этом», - весело говорит она. «Нетрудно сказать ему нет».

Я улыбаюсь и усаживаюсь на диван. Хотя я был в значительной степени бесстрастным,

когда рассказал маме о Дэвиде и Эми, она видела это, но знала, что я не хочу сочувствия. Возможно, гнев. Сочувствие, нет. 'Все хорошо?'

'Как никогда лучше.' Она не сказала бы, если бы это было не так, но я знаю, что у нее все хорошо. Ей помогает внимательная близкая община нашего села, а меня она задушила. Мы болтаем какое-то время, она рассказывает мне о домашних сплетнях, а это немного, а я рассказываю ей о моей новой жизни в Лондоне. Ну, по большей части.

Судя по всему, Дэвид не единственный, кто обнюхивает. «Пришла Эми, - неуверенно говорит мама. «Спросила, как дела».

«Это мило», - бормочу я, отмахиваясь от упоминания моей матери о моем бывшей лучшей подруге. - Ты спросила ее, как поживает Дэвид?

Мама издает легкий смех. «Они оба настаивают, что это была глупая ошибка. Дэвид хочет, чтобы ты вернулась ».

«Дэвид может вертеться. Скажите ему это, если он снова придет вынюхивать.»

«Хорошо, дорогая», - отвечает она, и я знаю, что так и будет.

«Как бы то ни было, я сегодня вечером с Люси», - говорю я, двигая вещи вперед, разворачиваясь с дивана.

«Ты должны привести ее домой, чтобы встретится со мной.

Я не думаю, что Люси будет ценить поездку в деревню после того, как она только что сбежала. - Возможно, скоро. Может, я привезу ее, когда приду домой, чтобы очистить магазин ». Господь знает, что я мог бы помочь.

«Дорогой, я же говорила тебе, что могу с этим разобраться», - говорит мама без особого энтузиазма. Я знаю, что она предпочла бы тыкать ногтями в глаза. Я бы не стал возлагать на нее это бремя. Последние несколько месяцев она говорила хорошо. Я боюсь, что если послать ее в магазин отца, чтобы убрать его, она вернется на несколько сотен шагов назад. Напоминания о нем, товары, которые он любил, даже знакомый запах старого магазина, который всегда оставался в его одежде, когда он возвращался домой. Или она будет в порядке? Она в порядке, и мои решения просто диктует моя совесть? Ведь когда-то этот магазин продадут, все, что построил папа, пусть и барахло, исчезнет. Что он подумает об этом? Я сплываю и пытаюсь отогнать эти мысли, пока они не овладели мной и не погрузили меня в меланхолию.

«Все в порядке, мама. Он у меня в руках ». Это моя ответственность. Мне нужно вытащить палец, заказать домой билет на поезд и посмотреть в лицо тому, что меня там ждет. Кроме того, маме нужно избавиться от финансового бремени, которое ложится на нее с магазином, пока он сидит и пылится. Буквально. «Я позвоню тебе на следующей неделе».

'Хорошо, дорогая. Повеселиться ночью.'

'Я буду.' Я вешаю трубку и иду в душ.

«Ооо, ты пошла на ноги». Люси подходит, когда я запираю входную дверь. Она в паре подогнанных черных брюк и в колоритной блузке, глядя на мое в обтяжку черное платье. «Сексуально». Она останавливается передо мной, улыбаясь, и тянется к моим волосам. «У меня серьезная зависть к волосам».

«Не надо», - говорю я, похлопывая себя по гриве.

'Почему?' она спрашивает. «Блестящие, яркие, толстые, идеально ложатся. Мне нужно заморозить свою на месте, как только я сожгу ее до смерти нагретыми бигудями ». Мы вместе начинаем спускаться по лестнице.

«Да, но цвет серьезно ограничивает мой гардероб». Мои огненно-рыжие волосы не

сочетаются с самыми красивыми цветами, оставляя меня с гардеробом, полным черного, синего и естественных тонов. В редких случаях я могу обойтись розовым и пастельным, в зависимости от оттенка. «Ну, я завидую заднице», - говорю я ей.

Она заглядывает через плечо, глядя на свою задницу. «У меня нет задницы».

«Нет, потому что Бог дал мне твою норму».

Она смеется. «У тебя потрясающая задница. Фигуристая. Женственная. Моя выглядит так, будто ее стащили на терке для сыра».

Я хихикаю, открываю дверь и жестикулирую Люси, чтобы она продолжала, что она и делает после того, как хихикает, кланяясь. - Ты уже выпили? - спрашиваю я, чувствуя запах вина.

«Просто стакан, пока я готовилась».

«Эй, не поднимайся слишком рано». Я с нетерпением жду ночи, чтобы утопить свои печали. Или вылить мои мысли. Если будет достаточно. Я видел, как Люси развезло. Она горстка».

«Ой, тише». Она заставляет меня остановиться, ее веселье улетучивается, и она держит меня на месте серьезными глазами.

'Что?' - нервно спрашиваю.

«Что бы ни случилось сегодня вечером», - начинает она, и я хмурюсь, гадая, что будет дальше. «Не отпускай меня домой с мужчиной».

'Это должно быть проблемой?'

Она принохивается и достает свою сумку, вынимает кроваво-красную помаду и снова наносит. 'Ну ты знаешь. Мы обе выглядим сегодня довольно жарко. А моя сила воли - отстой, когда я зола ».

Я поднимаю брови на нее, ожидая, когда ее прямое выражение лица изменится. Это занимает примерно две целых пять десятых секунды. Мы обе хихикаем, неконтролируемо хихикая, когда я связываю свою руку с ее рукой, и мы несемся к главной дороге. «Хорошо», - согласен. «Но то же самое касается меня, не то чтобы это могло случиться».

'Знаменитые последние слова.' Люси хихикает.

Мы входим в клуб поднимаемся на старинном заводском лифте, оригинальный механизм которого виден через решетку, когда он поднимается на пару этажей. Швейцар на другой стороне открывает раздвижную дверь. «Добро пожаловать», - грохочет он, взмахнув рукой.

'Вау.' Я сглатываю, открывая рот, когда появляется пол клуба. Все белое, с розовым светом, освещающим безлюдное пространство. Огромный круговой бар держит сцену в центре комнаты, танцевальный пол вокруг него кайму трубчатого освещения, который мигает от розового до белого постоянно.

- Довольно круто, да? Люси направляет нас к одному из четырех мостов, ведущих через танцпол к бару.

«Да», - соглашаюсь я, принимая во внимание атмосферу. Eurythmics «Sweet Dreams» потрясающе, танцпол битком набит, а планка - десять глубиной. Не то чтобы мое последнее наблюдение относилось к Люси. Она протискивается, таща меня за собой, и я следую ее указаниям, когда она показывает вверх и видит над нашими головами светящуюся табличку с надписью «VIP-ГОСТИ» .

«Что делает нас VIP-персонами?»

'Это.' Она мигает двумя розовыми карточками. «Марк дал их мне». Она

усмешается. «Хотя я сказал ему, что сегодня занята».

- Выяснила, правдивы ли слухи о нем и девушке с восемнадцатого этажа типографии?

«К сожалению, да».

'Ой. Как?'

Она пожимает плечами. «Я спросил девушку с восемнадцатого этажа».

«Это было довольно смело с твоей стороны».

Она фыркает, как бармен приходит. "Что у нас есть?"

«Серый гусь» и тоник. Сделайте дубль, - говорю я, поворачиваясь спиной к стойке и глядя вверх, видя разбросанные по клубу подиумы с полуобнаженными женщинами, которые украшают их и многозначительно танцуют. 'Вау.'

" Девочки жевательной резинки?" Люси передает мне хайбол, и мои губы находят соломинку, не сводя глаз с одной из девушек на подиуме.

- Девочки из жевательной резинки?

«Да, он рассказал мне о них. Вероятно, у него было несколько.

'Он?' Я смотрю на Люси и замечаю, что она уже почти допила свой напиток.

«Парень из типографии». Она смотрит на меня. 'ДА.'

- А как выглядит Марк?

Она небрежно пожимает плечами. «Блондин, борода, милая родинка на щеке. Давай.' Она начинает оттаскивать меня от бара, прежде чем я успеваю надавить на Марка, но я делаю мысленную пометку сделать это, как только мы нашли базу в клубе.

- Ты сегодня на задании? Я спрашиваю.

'Да.' Мы подходим к загнутой в угол секции с кабинками вдоль изогнутой стены. Люси показывает свою розовую карточку швейцару, который охраняет, смотрит через ее плечо и подмигивает мне, когда он дает нам немедленный доступ.

«Выберите стол, девочки», - ворчит он, указывая на несколько пустых столиков в центре. «Он ваш до конца вечера».

Я смотрю на Люси широко раскрытыми глазами, и она хихикает, прежде чем перебросить их прямо посередине, откуда открывается прекрасный вид на танцпол. Мы устраиваемся поудобнее, и я смотрю вверх и вижу приближающуюся одну из Bubblegum Girls.

Она ставит бутылку шампанского посреди стола с двумя бокалами. «Я Эветт. Я буду обслуживать вас сегодня вечером. Она улыбается, опираясь всем телом на бедро. «Шампанское любезно предоставлено менеджером».

«Тогда продолжай течь», - говорит Люси, хватая бутылку и наливая. «Мы возьмем еще один минут через десять».

Bubblegum Girl убегает прочь, Люси открывает пробку и наливает. «Эй, успокойся», - предупреждаю я, когда она одним махом выпивает полный стакан. 'Что за спешка?'

«Без спешки», - говорит она, наполняя его. Я подозрительно смотрю на нее через стол, ее слова из бара все еще находятся в моей голове. Ее глаза бегают взад и вперед к столику с парнями не слишком далеко, и, понаблюдав за ней несколько мгновений, видя, как с каждой секундой сжимается ее челюсть, я оборачиваюсь, чтобы посмотреть, что привлекло ее внимание. Парень. Довольно сексуальный парень, со светлыми волосами и хорошо подстриженной бородой. Я не могу увидеть симпатичную родинку, но я бы отдал свою жизнь на то, что она есть.

- Марк, - выпалила я, переводя взгляд на Люси. «Это Марк, не так ли? Парень из

типографии.

'Это он.' Она отрывает глаза.

«Не собираешься поздороваться?»

'Неа.' Она откидывается на спинку сиденья, взбивая шампанское в своем бокале. - В любом случае, как прошел остаток дня?

Мой стакан останавливается на обратном пути к столу, когда я осторожно смотрю вверх и замечаю выжидающее выражение на ее лице. «Я намеревалась очистить воздух, но когда я пошел в его офис, чтобы сделать это, появился Brent Уилсон».

'О нет.'

«Я знаю», - говорю я. «Я никогда не был в такой неловкой ситуации. Он снова пригласил меня на свидание. Я забываю упомянуть тот факт, что вены на шее Беккера, похоже, вот-вот лопнут в этот момент. Она только догадывается, что это могло значить, и я беспокоюсь о том, что это могло быть.

- И ты сказали...?

«Нет».

'Зачем?'

Я сажусь, уклоняясь от ее взгляда. - Не хотела, - неуверенно бормочу я.

'Зачем?' Она не сдаётся.

'Только . . . так как.'

"Ни из-за кого?"

Мои губы сжимаются, и она улыбается мне, озорно впиваясь языком в ее щеку.

«Я знаю, что это плохая идея», - признаю я. «И у меня такое чувство, что я для них обоих просто игра. Меня это совершенно не интересует».

'Игра?'

«Я не думаю, что они нравятся друг другу». Я пожимаю плечами.

Лицо Люси немного морщится с отвращением. «Угу, тестостерон играет. Мужчины. Они думают своим гребаным членом». Она поднимает свой стакан к моему. «Чтобы не быть одним из многих, но, может быть, когда-нибудь стану ею».

«Я выпью за это».

'Хорошо. Нам нужно больше алкоголя'. Люси машет бутылкой над головой, и вскоре доставляется новая. Я бросил взгляд мимо нее, немного расслабляясь и думая, что сегодняшний вечер станет хорошим - отличный клуб, отличная музыка, бесплатное шампанское и моя лучшая подруга... Что за хрень? Я вся застываю, когда замечаю кого-то. Или никого. Моя шея изгибается, глаза немного прищуриваются, пока мой разум пытается решить, правильно ли я вижу. Я не знаю, кого пытаюсь обмануть. Я бы узнала его за милую. Кроме того, мое сердце делает то, что обычно делает, когда он рядом. Одичает. «Черт побери», - выдыхаю я, наливая в горло еще один бокал шампанского.

'Что?' - спрашивает Люси, поворачиваясь на стуле, чтобы посмотреть, куда я смотрю. 'Что происходит?'

«Ничего», - пискнула я, немного пригибаясь в кресле, прежде чем он заметил меня. 'Можем мы пойти?' Я не могу в это поверить!

'Ни за что.' Она поворачивается ко мне лицом, испытывая отвращение к моему предложению. «Бесплатное шампанское на всю ночь? Единственное место, куда я переезжаю, - это танцпол». Она допивает свой напиток в демонстрации, затем снова доликает его, на этот раз стукнув бутылкой о бок. Она идет полным ходом, и я не

отстаю. Плохое состояние, когда рядом Беккер Хант, а у нас нет рабочего времени.

Черт, я всего в футах от него, он выглядит эффектно. Он скинул пиджак своего костюма, оставив его в серых брюках и белой рубашке. У него расстегнут воротник, рукава закатаны, обнажая нежные предплечья, и на нем очки. Эти гребаные очки.

Мои глаза закрываются, я набираю воздух. Очень много. Он улыбался с бутылкой пива в руке, наслаждаясь вниманием, которое льется на него потоком женщин, стекающих вокруг него.

О Боже.

Когда я наконец нахожу в себе силы открыть глаза, я сталкиваюсь с нахмуренным лицом Люси. «Серьезно, Элеонора, как дела?»

«Мой босс», - шепчу я. Она не могла слышать меня сквозь музыку, но она, должно быть, читала по моим губам, потому что она поворачивается, широко раскрыв глаза и разинув рот.

'Где?' она задыхается, ее голова качается из стороны в сторону. 'Который из?'

«Брюки, белая рубашка, очки». Надеюсь, Люси быстро заметит, заметит его и быстро отвернется.

«Ублюдох», - говорит она, протягивая руку в сторону Беккера. «Его фотографии не воздают ему должного».

«Я знаю, - говорю я. «Перестань указывать». Я хватаю ее за руку и отдергиваю.

Она сверкает мне возбужденными глазами. «Ты пропустила великолепный в этом своем списке».

Я надулся. В моем списке есть великолепное. Я просто не поделился этим с Люси, точно так же, как я не сказал ей, что он вмешался в мое свидание с Brentom, или о той огромной татуировке на его спине.

«Иди и поздоровайся».

'Ты ненормальная?' - шиплю я. «Я лучше надену розовые пушистые трусики и присоединюсь к Bubblegum Girl на одном из этих подиумов». Мой взгляд скользит в сторону Беккера, мое лицо морщится, когда на мои глаза нападает тонна женщин, которые борются за его внимание. Мое отвращение только усиливается, когда я замечаю, что одна из цепляющихся за нее - женщина из Убежища. Тигровая птица. Алекса. Я фыркаю от отвращения и бросаю себе в глотку еще один бокал шампанского. Он настоящий? Прошлой ночью в его постели лежала Алекса. Поцеловал меня сегодня днем. И теперь он снова с ней? О, мои дни, кто-то удерживает меня, прежде чем я начну буйствовать. Трахать. Грязный, развратный мерзавец.

«Кто-то обидчивый», - говорит Люси, внимательно наблюдая за мной, пока я ерзаю на стуле. Она получает от этого удовольствие. Я как раз собираюсь сказать ей, почему я обидчив, когда мое внимание привлекает другой мужчина, идущий к нам.

Ой? Интересно.

Я медленно перевела взгляд на Люси.

Затем я ухмыляюсь. «Кто-то идет». Я поднимаю голову и для эффекта расширяю глаза, теперь неторопливо глотая шампанского. «Блондин. Борода».

Она садится прямо и берет стакан обеими руками. «Нет», - бормочет она, слегка качая головой.

«О, да», - возражаю я, глядя через ее плечо, когда Марк останавливается позади нее. Вот эта родинка. Это действительно мило. 'Здравствуй.' Мой голос так сильно преувеличен. «Я Элеонора».

Марк дает мне косую улыбка, явно позабавленная моим энтузиазмом. А может просто запутались. «Привет», - говорит он, огибая стол, пока не оказывается между нами, глядя на Люси. 'Люси?'

Я сжимаю губы, едва сдерживая ухмылку. Мой подруга говорит что-то, чего я не понимаю, что меня не беспокоит, потому что я предполагаю, что это было неприятно. Затем она улыбается с преувеличенной улыбкой. «О, привет, Марк».

- Значит, вы это сделали? он говорит. - Я думал, у тебя сегодня свидание?

Я кашляю над моим шампанское, зарабатывая на грязный взгляд от Люси. 'Сожалению.' Я слегка стучу кулаком по груди. «Пузыри».

«Смена плана». Люси расслабляется в кресле, подносит стакан к губам и, держа его там, медленно скользит им из стороны в сторону, бросая на Марка знойные глаза. Я хочу посмеяться над ее тактикой, но она слишком хорошо справляется с этим. «У Элеоноры проблемы с мужчинами», - говорит она ему. «Ей нужен был друг».

Я потрясенно смотрю на Люси. 'У меня?'

'Да.' Краем глаза она смотрит на меня. «Она влюбилась в своего босса».

Я чуть не давлюсь языком, когда резко вдыхаю. «Я не влюбилась в своего босса».

«И она отрицает это».

'Я нет.'

'Видишь?' Люси показывает на меня стаканом. «Отрицание, прямо здесь».

Марк сочувственно смотрит на меня, а я возмущенно бросаю взгляд на Люси. Я потеряла дар речи. За шестьдесят секунд она выставила меня грустной, безнадежной дуракой, когда именно она тактически затащила меня в этот клуб, чтобы она могла увидеть свою любовь с работы.

В ярости я встаю и смахиваю свой стакан. «Я иду к дамам». Мои волосы развеваются в воздухе, когда я разворачиваюсь, хлестая горячее лицо. «Она хотела быть девушкой в типографии с тобой, мальчик Марки», - кричу я через плечо, замечая, как глаза Марка расширились, а челюсть Люси упала в стакан. Я улыбаюсь про себя, мои бедра немного покачиваются, когда я медленно ухожу, самодовольный, насколько это возможно. Я делаю обход - чтобы не наткнуться на кого-то, от кого у меня наверняка потекут глаза, - а затем вышибала освобождает меня из VIP-зоны.

Я натыкаюсь и пробираюсь сквозь толпу к «Here for You» Кайго, замечаю знак выше, указывающий на дам. Я испытываю облегчение, когда падаю в дверь, не только из-за того, что я свободен от моря людей, но и потому, что мне нужно проверить свое лицо. Потому что мне жарко. И может потребоваться немного пудры, чтобы впитать пот. Я заглянуть в зеркало и обратите внимание, что нет пота. Но я все равно вытаскиваю пудру и быстро расчесываю, а затем поправляю помаду. И немного туши, на всякий случай. Затем немного румян, потому что этот участок обделен.

Через пять минут я снова нанесла все, включая брызги Issey Miyake за уши. Мои волосы были взъерошены, а платье разгладилось. «Я не влюбился в своего босса», - говорю я своему отражению. «Потому что он первоклассный придурок».

«Похоже на ловушку».

Я смотрю налево и нахожу совершенно незнакомую женщину, стирающую сумку. 'Сожалению. Думал, я была одна.

Она улыбается в зеркало. «Грязное дело, связываться с вашим боссом».

Я смеюсь, качаю головой и кладу помаду в сумочку. «Я не связываюсь с моим боссом».

«Конечно», - смеется она, пожимая руки и глядя на меня с головы до ног.

«Похоже, ты говоришь на собственном опыте», - осторожно говорю я, недоумеваю, почему я завязываю такой разговор с незнакомой женщиной.

'Я.'

«И как это сработало?» - спрашиваю я, опасаясь, что точно знаю как.

Она наклоняет голову и поднимает брови, глядя на меня. «Я безработная», - сухо заявляет она с явной горечью, заставляя меня тут же сдуться. Она бросает мне небольшую волну перед тем, как уйти, оставив меня снова одного в дамах.

Я смотрю на себя в зеркало с жалостью, мой свежий макияж идеален, но все, что я вижу, - это полный клоун. Это буду я, если я не буду осторожен. Огорченной, извращенной и безработный, если я продолжу участвовать в его глупой игре. Ради всего достоинства я лучше этого. У него может быть Алексас или какие красивые модельные женщины он хочет. Он просто мужчина - да, сексуальный, великолепный мужчина - но мужчина, которого следует избегать по многим причинам, и все из которых я должен перечислить, чтобы напомнить себе. Один: он с кем-то еще. Во-вторых, он обеспокоен, и даже дед его от меня предостерег. Третье: он пожалел, что поцеловал меня, а я заслуживаю лучшего, чем колеблющееся настроение Беккера Ханта. Я не для этого в Лондоне. Я контролирую свое будущее.

Да. Я разворачиваюсь и возвращаюсь в клуб. Я совсем не удивлен, когда прихожу в VIP-зону и обнаруживаю Люси на коленях у Марка. Оба смеются. У обоих блуждающие руки. И оба смотрят на меня возбужденными глазами, когда я подхожу к столу, но я знаю, что волнение не имеет ничего общего с моим возвращением и все связано с этими блуждающими руками.

'Что ты так долго?' - спрашивает Люси, шаркая с колен Марка и идя ко мне. «У нас есть еще шампанское».

Я смотрю мимо нее и вижу, как Марк с улыбкой размахивает свежей бутылкой. Я хлюпающий, но ясно, Люси слишком пьяна, чтобы принимать мудрые решения. 'Привет.' Я подхожу к ней так, чтобы Марк не мог слышать меня и читать по губам. «Почему бы нам не двинуться дальше?» - спрашиваю я, внося некоторый энтузиазм в свой тон, как будто пытаюсь убедить ребенка, что совершенно скучный план на самом деле супер-захватывающий. Это просто, тем более что уйти из клуба - наверное, лучшая идея, которая у меня была. Беккер Хант поглощен собой и явно получает удовольствие от своего гарема. Мне плевать, с кем он проводит свое личное время. Но это не значит, что я хочу торчать и смотреть, как он упивается обморочным вниманием.

«Никогда», - визжит Люси, явно испытывая отвращение к моему предложению. Я качаю головой. Я знаю, когда веду проигранную битву. Она никуда не денется, и я не собираюсь оставлять ее наедине с Марком. По крайней мере, я могу сделать так, чтобы она нашла дорогу домой, а не в кровать Марка. Так что уступая своей судьбе - которая заключается в том, чтобы оставаться в этом клубе дольше, чем я действительно хочу, - я прохожу на свое место и требую свой свежий бокал шампанского.

К тому времени, как я сделал свой первый глоток, Люси снова оказалась на коленях у Марка, и руки снова блуждали. Сказочно. Они хихикают, шепчутся, а я перед всей шебангой в первом ряду. Я мог бы отвести взгляд, осмотреть клуб и свое окружение, но тогда я рискую увидеть стервятников, глядящих Беккера. Я не должен позволять себе отвлекаться. Мне нужно сохранить достоинство, не говоря уже о вспыльчивости.

Мне нечего больше делать, и я быстро выпиваю еще одну бутылку шампанского.

Не делай этого. Не надо. Бля. Посмотри.

Я виню шампанское, потому что почти отчаянно хочу мельком увидеть его. С другой стороны, мой мозг говорит мне, что ничего хорошего из того, что я заглянуть, не выйдет. Помни, кто ты, Элеонора. Вспомни, кто он такой. Прошлой ночью она была в его постели. Он пожалел о твоём сегодняшнем поцелуе.

«Черт побери», - выдыхаю я, ловя глаза и бросая налево, замечая, как он поглощает внимание. Ревность поднимает свою уродливую и нежелательную голову, и моя кровь начинает опасно кипеть. Вот я, анализирую каждую деталь того, что произошло между нами, гоняюсь по кругу, закидываюсь на том поцелуе, бью себя. И вот он. Совершенно нормально. Я не стою его мысли, пока он привлекает внимание других женщин.

Я не могу этого вынести. Поднимаясь из-за стола, я хватаю сумочку, допивая остаток напитка. Я больше не буду этому подчиняться. «Я ухожу», - громко объявляю я в грохот музыки, не получая ответа от подруги. Я наклоняюсь и ударяю Люси по руке, прерывая ее небрежные поцелуи. Она смотрит на меня все выше, совершенно ошеломленная, помада размазана, и когда я быстро заглядываю на Марка, на нем спортивный красивый красный мазок до его щеки. Она пожалеет об этом утром. «Почему бы тебе не пойти со мной?» - предлагаю я, стараясь быть максимально дипломатичным. Ее лицо становится серьезным, и она медленно качает головой, заставляя мои плечи поникнуть в поражении. Я наклоняюсь и смотрю на нее, нежно улыбаясь, когда ее губы сжимаются. Меня не волнует, услышит ли меня Марк на этот раз. «Я не хочу, чтобы ты утром об этом пожалел».

Она улыбается и неуклюже падает ко мне, побуждая Марка обнять ее за талию, чтобы она не соскользнула с его колен. Несколько мгновений она задумывается. 'Мне он очень нравится.'

'Но ты стоишь больше, чем на одну ночь ».

«Кто сказал, что это будет одна ночь?» - спрашивает она обиженно.

- Обычно это алкоголь, Люси. Возьми его номер. Сходи на свидание.

«Я сделаю и это», - говорит она, радуясь, что, кажется, нашла решение моей проблемы. «Я буду в порядке, честно».

Я подозрительно смотрю на нее, покусывая внутреннюю часть рта. Затем я смотрю мимо нее на Марка. Он ловит мой взгляд и говорит, прежде чем я успеваю его предупредить. «Я позабочусь, чтобы она благополучно вернулась домой».

- Через твою постель? - язвительно спрашиваю, приподняв бровь.

'Может быть.' Он улыбается и немного тянет Люси назад. «С ней все будет в порядке, обещаю».

Я быстро чмокаю Люси в щеку и разгибаюсь, засовывая сумочку под мышку. «Убедитесь, что она в порядке», - предупреждаю я. «Я знаю, где ты работаешь».

Он смеется. «Эй, поговори с блондином у двери. Он вызовет тебе такси».

'Да.' Люси с энтузиазмом кивает. «И напиши мне, как только будешь дома».

'Хорошо.' Я оставляю Марка и Люси смеющимися, стремлюсь вырваться из клуба, и когда я добрался до края танцпола, я уверен, что уклонился от некоторых. . . ни одного. Никого. Но когда я так думаю, я смотрю налево. . . и впасть в панику.

О боже, становится еще хуже.

Голова Брента кружится вокруг нескольких человек, преграждающих ему путь. Он тоже здесь? И он меня заметил. Черт возьми. Я ныряю и пробиваюсь сквозь толпу, мои ноги

стремительно двигаются, чтобы выгнать меня отсюда. Я не могу обещать, что не дам ему пощечину, если он снова меня пригласит. Я не могу обещать, что не буду -

Мое запястье схвачено, и я резко разворачиваюсь, сталкиваясь лицом к лицу. . .

Беккер ?

Меня охватывает забавное ощущение, и я разворачиваю плечи, чтобы стряхнуть колючки, которые только что прыгнули на мою кожу.

Он тяжело дышит, его ангельские глаза тяжелы. «Не уходи с ним домой», - настойчиво говорит он, а затем уходит, исчезая среди моря людей, как раз в тот момент, когда Brent вырывается из толпы по другую сторону от меня. Я выпускаю воздух в легкие, моя грудь катится волнами шока, замешательства и страха. Он задержал меня. Я мог бы выбраться отсюда до того, как Brent добрался до меня, так почему он просто не позволил мне? Я смотрю мимо улыбающегося лица Brent в поисках Беккера .

И моя способность дышать украдена у меня, как только я его найду.

Его взгляд больше не на мене, потому что он направлен на женщину в его руках. Что он делает? И почему он это со мной делает? В какую хреновую игру он играет?

'Элеонора?'

Я бросаю свои сухие глаза на Brent. Он хмуро смотрит на меня. Моя голова кружится, но когда я тупо смотрю на него, кажется, что ясность снижается.

Не ходи с ним домой.

Беккер мог бы меня вывести. Он мог бы забрать меня от Brent, и мы оба знаем, что я бы его не остановила. Но он этого не сделал, и причина внезапно стала очевидной. Он хочет, чтобы я отверг Brent. Он хочет, чтобы я отверг его после того, как он мне сказал. Зачем? Я должна дать себе пощечину за то, что задаю такой глупый вопрос. Потому что тогда я поклонюсь ему. Я сделала, как мне сказали, и, хотя все неразумное во мне кричит, чтобы я не делала этого, я все еще делаю. 'Я уйду.' Я отступаю, игнорируя озадаченное лицо Brent.

'Оставайся. Выпить.' Он указывает на шпангу.

«Нет». Я даю свой простой отказ без дальнейших объяснений. Просто нет. Что еще я могу сказать? Что я хочу дать ему пощечину за то, что он принял меня за дуру? Что я хочу ударить Беккера сильнее, и я могу сделать именно это, если останусь в этом клубе? Что я буду проводить все свое время, глядя на Беккера , работая над собой, пока не уговорю себя сделать что-нибудь глупое? Например, взять все, что Brent явно готов дать. Не потому, что я этого хочу, а потому, что Беккер не хочет, чтобы это было у меня. Потому что мой придирчивый босс сказал мне не идти с ним домой, а это значит, что я могу сделать именно это в приступе мести.

Нет, это просто нет.

Я поворачиваюсь и иду к выходу, но Brent меня не останавливает. Мое настроение должно быть очевидным. Я не пытаюсь скрыть свое уныние; У меня нет энергии.

Двери лифта открываются, и я вхожу внутрь, медленно поворачиваясь лицом к лицу с клубом. Brent наблюдает за мной, все еще немного сбивый с толку моим поведением. Я смотрю мимо него. Между мной и VIP-зоной миллион человек, но мой взгляд останавливается прямо на одном месте. Когда наши глаза встречаются, меня охватывает волна энергии. Мое окружение замолкает. Путь к Беккеру чист, и он зовет, почти освещает, как будто побуждает меня идти по нему.

Пойти к нему. Ударить его по лицу. Высказать ему свое мнение.

Он просто смотрит, и что-то подсказывает мне, что он ждет, когда я это сделаю. Как

будто он этого хочет. Как будто он чувствует, что заслуживает этого. Затем его глаза медленно смотрят в сторону, и я слежу за взглядом Беккера, пока не нахожу Брента. Он смотрит на Беккера, и Беккер смотрит на него. Два волка в тупике. Голова Брента слегка трясется, когда он понимает, почему я ухожу.

Продолжайте, мальчики. Продолжайте играть друг с другом. Эта девушка уходит.

- Такси, милая? Отстраненный вопрос заставляет меня медленно переводить взгляд на швейцара, который берет дверную ручку. Я просто киваю и снова смотрю на Беккера. Он мягко улыбается и слегка кивает мне. Он подбадривает меня, хвалит. Он все еще говорит мне идти. Затем я теряю его из виду, когда дверь скользит.

Мои легкие напиваются резким порывом прохладного воздуха, когда лифт резко начинает опускаться, мои глаза метаются к моим ногам. Беккер не хочет меня. Значит, меня тоже никто не может забрать? Это то, что это? Эта идея возвращает меня к жизни. И я внезапно понимаю: я совсем не контролирую ситуацию. Он контролирует.

Гнев опасно шипит в моем животе, и моя рука вырывается и хватается за поручень, когда лифт содрогается и останавливается на первом этаже. Швейцар быстро распахивает дверь, но я остаюсь аккуратно спрятанной в углу лифта, мой разум кричит мне, чтобы я не ходил туда. Мне нужно покинуть этот клуб. Возвращаться туда бесполезно. Использование Брента не принесет никакой пользы, кроме как доказать Беккеру правоту. Он не может диктовать, кого я вижу. Он не может сказать мне, что делать. Он не может соблазнить меня, а затем оттолкнуть меня и ожидать моего согласия.

'Скучаете?'

Я смотрю на швейцара, который озабоченно смотрит на меня. Его выражение лица меня беспокоит, потому что оно говорит мне, что я выгляжу таким же неуравновешенным, как я себя чувствую. Я собираюсь сделать что-то невероятно глупое. Я открываю рот, намереваясь приказать ему закрыть дверь и отправить меня обратно в клуб, но с моих губ дует лишь легкий ветерок. Тот факт, что мой рот отказывается позволить требованию убежать, должен быть признаком. Но я игнорирую знак и заставляю слова материализоваться. - Не могли бы вы закрыть...

У меня нет возможности выполнить свой запрос. Беккер появляется из ниоткуда и поднимает мою руку с перил, вытаскивая меня из лифта. Я вскрикиваю, спотыкаясь за его спиной, моя кожа пылает от тепла его прикосновения, впитываясь в мою плоть. Его пальцы переплетены с моими, плотно сцеплены, что исключает любую возможность вырваться на свободу. Одно мгновение он был наверху, а в следующую - внизу. Как? Он не выказывает никаких признаков напряжения от того, что сбегает сюда, только признаки. . .

Какие?

Твердый рывок руки вытаскивает меня из ночного клуба, и еще одна серия агрессивных, но точных движений заставляет меня летать, пока я не упираюсь спиной в стену. Он прижимает меня передней частью к холодным кирпичам, но холод не чувствуется. Тепло его тела, прижатого к моему, слишком утомительно. И эти карие глаза горят с такой силой, что грозят расплавить его очки. Он отпускает мою руку и кладет ладони на кирпичи по обеим сторонам моей головы, делая длинные, глубокие вдохи мне в лицо. Он свехнулся.

И я понимаю.

Он зол. Из-за меня?

«Ты собиралась вернуться в клуб. Ты собирался вернуться к нему, - рычит он мне в лицо, сбивая меня на землю самым суровым образом. Он в ярости, и мне тоже следовало бы

быть. Но я слишком ошеломлена, чтобы найти свой стержень и разорвать его в клочья. Так что я остаюсь там, где я, прибита к стене его телом, когда начинает вспыхивать шипящий от нашего комбинированного тепла. «Черт побери, Элеонора, - шипит Беккер. «Просто уходи, блять,»».

Он не просто зол. Он в ярости.

И имея всего секунду, чтобы вразумить мой потрепанный разум, я тут с ним. Давно ушли искры удовольствия. Кислота течет по моим венам.

Как он смеет?

Мои руки поднимаются, мои ладони хлопают его по груди, и я бросаю свой вес, чтобы оттолкнуть его. - Ты пришел проверить, что я уйду? Я кричу, мой гнев высвободился. «Это недостаточно жалко, что ты сказал мне, блядь, сделать? Ты должны были проверить? Кровь приливает к моей голове, вызывая головокружение. Жалкая. Вот кто я. Чертовски жалкая.

«Да, черт возьми, - ревет Беккер, заставляя меня физически отшатнуться. - А вы возвращались в клуб. К нему.»

Черт возьми. Я дрожу от ярости. «Ты не имел права просить меня уйти».

'Я знаю!'

'Почему?' Я кричу.

Он отскакивает от меня и теребит свои волосы, взъерошивая их и глядя в ночное небо. Затем он кричит в темноте долгим ревом разочарования. «Ради бога». Он снова быстро поворачивается ко мне, тяжело дышит, его грудь пульсирует при каждом тяжелом вдохе. Я внезапно опасаюсь его взрывной реакции и понятия не имею, что с этим делать. Это не просто гнев. Этот Беккер вышел из-под контроля.

«Я скажу тебе почему». Он звучит враждебно, его глаза дикие. «Потому что ты пошла ужинать с Brentom Уилсоном только по одной причине». Он подходит ближе, и я снова прижимаюсь к стене. 'Чтобы меня разозлить. Он тебе не нужен. Ты хочешь меня.'

Когда мне следовало бы это отрицать, я ничего не говорю, усиливая его утверждение. Но он тоже это чувствует. Конфликт. Что, если она другая?

Он хочет меня, и это сводит его с ума. Злит его. Разочарованный. Зачем? Потому что он борется с любовью? Потому что я сопротивляюсь? Потому что все, что он знает, - это соблазнять женщин и заставлять их лизать его ноги, умолять его об этом? Потому что я не падаю полностью, чтобы доставить ему удовольствие?

Но я не озвучиваю свои вопросы, что оставляет долгое, трудное время без слов, только громкое дыхание.

Когда я больше не могу смотреть, как дрожит от ярости Беккер Хант передо мной, и мой мозг устал от попыток оценить эту ситуацию, я отталкиваю его, отрываю спину от стены и начинаю уходить от него на дрожащей дороге ноги.

«Да, иди домой», - кричит он мне вслед, в его словах есть фальшивая убежденность. Я слышу его дрожащий голос. Он не обманывает меня, но я игнорирую его очевидную неуверенность и продолжаю идти в ногу. «И не опаздывай на работу».

Я сжимаю глаза, решив не отступать и не мстить. Мне нужно запастись самообладанием, найти силу воли, которая мне нужна, чтобы оставаться сильной, независимо от того, являются ли его подстрекательства странно игривыми или смертельно серьезными. Прямо сейчас он смертельно серьезен. Мне тоже не нравится, но я скучаю по плутоватому придурку Беккеру, и я никогда не думала, что подумаю так. Парень позади меня кажется расстроенным. Как будто он заводит меня, соблазняет, а затем отталкивает,

когда я подхожу слишком близко. Я вообще не могу его понять. Он подвижный, а не индивидуалист.

Никогда в жизни мой мобильный рингтон не был таким радостным. Мне все равно, кто это, но их время безупречно. Хватаю и подключаю звонок. 'Здравствуйте.' Мое приветствие явно натянуто, поскольку я продолжаю идти своим путем.

'Элеонора?'

Знакомый голос останавливает мой упорный марш. «Брент?» Я только выдыхаю удивленное хрипение его имени.

'Ты в порядке?' Он звучит искренне обеспокоенным, но потом я вспоминаю игру. 'Где ты?'

'По дороге домой.'

'Одна?'

«Да, сам по себе». И так и останется. «Просто беру такси».

- Ты этого не сделаешь. Оставайся на месте. Я приду и заберу тебя.

«Нет, Брент, - быстро возражаю я. Последнее, что мне нужно, - это Брент, добавляющий еще одно измерение к этой острой смеси. «Я могу заставить себя...» Я не могу закончить. Потому что у меня в руке внезапно отсутствует телефон. 'Какого черта?' - кричу я, быстро поворачиваясь и встречаясь лицом к лицу с Беккером. Он не выглядит менее рассерженным, что только усиливает мой гнев. 'Что ты делаешь?' Я хватаюсь за телефон, промахиваясь через милую, когда он уклоняется от моей проводящей руки. «Дай мне мой гребаный телефон, Беккер» .

'Мечтай, принцесса, - бросает он, прерывая звонок с самым грязным выражением лица.

«Не называй меня принцессой».

Он усмехается и высоко поднимает руку с угрожающим выражением лица. Его намерения ясны.

«Не смей».

О, он смеет. Его губа скручивается, и его рука быстро опускается, освобождая мой телефон и швыряя его об землю. Он разлетается вдребезги, и у моих ног пляшут куски моего мертвого мобильного. Что за хрень? Но, как будто он недостаточно счастлив, что он уничтожил мой телефон, он начинает пинать осколки повсюду, крича и ворча, как и он есть.

Я смотрю широко раскрытыми глазами и плотно закрытым ртом, в то время как Беккер получает физическую атаку с помощью моего беспомощного мобильного телефона. Блядь. Как мне выжить без телефона? В чертовом Лондоне. Беккер Хант хочет полностью разрушить мою жизнь?

Не знаю, как долго я стою, глядя на разбросанные осколки - может, минуту, может, десять - но когда он, кажется, закончил, пыхтит и задыхается от своих усилий, я поднимаю глаза, чтобы встретиться с ним. Его красивое лицо искажено гневом, хотя я заметил легкую морщину на его лбу, указывающую на замешательство. Он тоже шокирован своими действиями.

«Почему ты дал мне работу?» Я спрашиваю.

«Я наслаждался прелюдией, - без колебаний рычит он.

У меня нет слов.

Почти.

«Я ухожу», - кричу я, отбрасывая кусок пластика у своих ног, прежде чем развернуться на каблуках и броситься прочь.

«Хорошо», - кричит Беккер, и это слово врежется мне в спину, как валун. Мой бедный разум переполнен гневом, возбуждено слишком много эмоций, и, прежде чем я успеваю остановиться, я разворачиваюсь, чтобы напасть на него с некоторыми истинами и ненавистными словами. Мне теперь нечего терять. Насколько я понимаю, он больше не мой работодатель. Я просто ушла.

Тем не менее, когда я открываю рот, я не слышу резких слов, оскорбления застревают за комком в горле. Его растрепанное великолепие бьет меня по лбу, как пуля, и я остаюсь перед ним, как бесполезный кусок частей тела . Я . . . пуста.

Я приехал в Лондон, чтобы избежать постоянного чувства слабости, которое преследовало меня. Я хотел взять на себя ответственность, начать все заново, открыть для себя, себя сильную. Я отчаянно хотел преследовать свои мечты , жить той жизнью, которую я выбираю, а не той, которая продиктована моими дерьмовыми обстоятельствами . Я слишком долго боролась со своей совестью, чтобы дойти до этого момента в моей жизни. Этот человек, который сейчас смотрел на меня, глядя на меня со смесью отвращения и настороженности, был верным способом все испортить. И он это сделал. И что еще хуже, я позволил ему.

Закрыв глаза и глубоко вздохнув, я немного качаю головой, отступая, так разочарованный в себе. Я охотно позволила ему втянуть меня в свои глупые интеллектуальные игры. Я охотно позволила этому случиться.

'Куда ты направляешься?' - рявкает он, но я игнорирую его, поворачиваюсь и без спешки ухожу. 'Элеонора.'

«Домой», - кричу я через плечо, спокойная и собраная.

Я слышу, как за моей спиной стучат его ботинки по тротуару. 'Как?'

'Такси.' Как только я произношу это слово, к обочине подъезжает черный Бентли, и окно медленно опускается.

Брент.

«Тебе не следует блуждать по улицам так поздно, Элеонора, - говорит он, наклоняясь к пассажирской двери и толкая ее. 'Залезай.'

Я останавливаюсь на мгновение и смотрю через плечо. Беккер остановился в нескольких шагах от меня, его лицо исказилось, ноздри опасно раздулись. Не хочу еще больше его раздражать, но сейчас мои возможности ограничены. Я могу сесть в машину с Брентом Уилсоном и рискнуть еще больше разозлить Беккера - если это возможно - или я могу отклонить предложение Брента, задержаться в такси без телефона и рискнуть попасть в очередную глупую ссору с моим боссом. Я поправляюсь. Бывший босс.

Это простое решение.

Я сажусь в машину.

Он не пытается меня остановить, и я ненавижу себя за то, что чувствую себя обиженной из-за невмешательства Беккера. Моя голова трахнута.

Я натягиваю пояс и сосредотачиваю свое внимание вперед, когда Брент отстраняется. Боковое зеркало бросается в глаза, и я вижу отражение человека, идущего на тяжелых ногах посреди дороги позади нас. Его стойка широкая, и он становится все меньше на расстоянии, пока мы не завернем за угол, и я упускаю из виду Беккера, наблюдающего, как я ухожу от него.

В по дороге домой атмосфера полна неловкой атмосферы. По крайней мере, для меня. Brent, кажется, ничего не замечает, когда бредит. . . Не знаю что. Кажется, все, на чем я могу сосредоточиться, - это на изображении Беккера, когда мы уезжали.

- Могу я зайти выпить кофе, или это прозвучит глупо?

Вопрос Brentа заставляет каждый мускул моего тела напрягаться. Я должен был этого предвидеть, когда согласился на его поездку. Конечно, есть скрытый мотив . И почему, черт возьми, он так безразличен к тому факту, что просто увел меня, как рыцаря в сияющих доспехах, от человека, которого он знает, соперника? Они даже не узнали друг друга. Ничего. Я считаю, что Brent на один балл выше Беккера .

Я улыбаюсь, расстегивая ремень и открывая дверь. Я не собираюсь видеть его снова, как и не собираюсь видеть Беккера. Это не должно быть сложно. Я не могу связаться сейчас, после того, как Беккер надругался над моим телефоном. Кроме того, я был хитрым - или мудрым - и попросил Brentа высадить меня за углом от моей квартиры, тем самым исключив вероятность того, что он появится, когда он не сможет связаться со мной по моему номеру.

Они оба ушли.

«Никакого кофе», - уверенно говорю я. Но я с радостью дам вам пощечину. «Спасибо что подвезли» .

Он улыбается и начинает дюйм вперед. Вот дерьмо. Он собирается поцеловать? Насколько толстая кожа у этого мужчины?

Срочно и неуклюже выхожу из машины. «Спокойной ночи», - пишу я, хлопая дверью с излишней силой.

Окно мгновенно опускается, Brent склоняется над машиной, почти смеясь. Да, вся эта ситуация довольно забавная, согласна. «У меня завтра встреча с Хантом. Я заглянуть и поздороваться?

Что он делает? Они просто полностью игнорировали друг друга. Без разницы. Меня там не будет, и мне все равно. Brentу не нужно знать, что я больше не работаю на Беккер Хант. Он скоро узнает. 'Может быть.' Я напряженно улыбаюсь, когда отступаю, и он сразу же уезжает. Я стону от изнеможения, гадая, как я попала в эту дьявольскую ситуацию.

Я смеюсь про себя, идя по улице. Потому что я тупая, вот как. Я думала, что смогу сразиться с Беккером Хантом и всем, что он мне бросил. Но я не могу. Я понятия не имею, как с ним справиться.

Я медленно иду по дороге с грузом мира на плечах, и когда я выхожу за угол на свою улицу, вид двери в мое здание наполняет меня утешением. Я уже представляю, как раздеваюсь и направляюсь в постель с чашкой чая. Эта мысль заставляет меня улыбаться, но вскоре стирается с моего лица, когда рев двигателя заставляет меня выпрыгивать из кожи, а затем почти нырнуть в изгородь, чтобы спрятаться, когда я отслеживаю, откуда исходит громкий звук .

Машина.

Автомобиль Brentа. Он вернулся?

«Вот дерьмо», - шепчу я, прячась в тени. «Черт, дерьмо, дерьмо». Я останавливаюсь мертвенно и становлюсь неподвижной, пока смотрю на его автомобиль.

«Он уехал, принцесса». Ровный тон Беккера возвращает мне форму позвоночника, но я не оборачиваюсь от неожиданности. Я слишком занята, пытаюсь понять, какого черта он

здесь делает.

Несколько минут тишины; он ждал, что я отреагирую, и я постепенно все больше и больше волновалась. Это как естественная реакция на него, и в этот момент я понимаю, что это моя вина. Не Беккера. Большая часть вины лежит на мне, потому что я не могу контролировать себя, когда нахожусь рядом с ним. Мой нрав, мое раздражение. . . мое желание. Вот почему я в таком беспорядке.

Это похоже на прозрение. Мое тело гудит в ответ на его близость, и никакая сила воли и чувствительность, кажется, не могут его притупить. И это меня злит.

Мои ноги начинают действовать, и я начинаю уходить от него. Не оглядываясь назад. Нет вовлечения. Никаких проявлений эмоций - гнева или чего-то еще. Уходи. Даже не думай, зачем он здесь. Зачем он здесь? Чтобы продолжить наш ряд? Чтобы узнать, пригласил ли я Брента?

Мои кулаки крепко сжимаются, и я обнаруживаю, что возвращаю в них жизнь, когда беру ключи. Мне даже не нужно проверять, преследует ли он меня. Я чувствую его сзади, в ответ моя спина покалывает к его взгляду, пригвожденному ко мне. Или он пришел сюда, чтобы изнасиловать меня самым восхитительным способом, который только можно представить? Мои предыдущие вопросы внезапно забываются, когда мой последний вопрос постоянно возникает в моей голове, требуя ответа.

«Почему ты села с ним в машину?» - коротко спрашивает он. 'Чтобы меня разозлить? Потому что это сработало ».

Мои неуклюжие руки слегка дрожат, но вскоре снова начинают действовать, находят ключ и вставляют его в замок. Я не отвечаю ему не только потому, что я не обязан ему объяснений или мне нечего сказать - мне есть что сказать, например, спросить, какого хрена он уничтожил мой телефон и выставил эту женщину передо мной - но и потому что мне нужно выйти из этой ситуации. Мое время стоит больше, чем эта нелепая игра. Я стою большего.

«Элеонора, ответь мне». Голос Беккера приобрел оттенок нетерпеливости и строгости, что вызывает тревожные чувства внутри. Ключ поворачивается, и я попадаю в вестибюль своего дома. «Отвечай на мой долбаный вопрос, женщина», - рычит он, когда я закрываю дверь и вижу его лицо. Повсюду написано обострение. Женщина? О, он идет правильным путем, чтобы сбить меня с толку. Он всегда это делает, будь то край похоти или безумия. Я изо всех сил пытаюсь понять, что сейчас во мне наиболее безудержно. Но я точно знаю, что ни то, ни другое не безопасно.

Пространство между дверью и рамой сжимается, и его лицо исчезает, но как только я начинаю чувствовать себя в безопасности и с облегчением находиться вдали от него, какой-то груз давит на другую сторону двери. Инстинкт заставляет меня действовать, борясь с силой, исходящей с другой стороны. Он не говорит. Я не говорю. Нет ни звуков, ни даже тяжелого дыхания, когда мы боремся друг с другом, чтобы победить - я держу его подальше, Беккер, чтобы войти. Но хотя мои усилия велики, я понимаю, что его нет, и это всего лишь несколько мгновений прежде, чем я что-то понимаю: он сдерживается. Моя сила не могла сравниться с его. Он мог толкнуть эту дверь щелчком пальца, так почему, черт возьми, он не делает этого? Это потому, что он боится того, что может случиться, если он это сделает?

«Отвали, Беккер», - кричу я, тяжело дыша, пока мы продолжаем наш нелепый рестлинг.

«Нет». Его ответ краток и резок, поскольку он продолжает бороться со мной, но с его стороны все еще нет никаких усилий.

Он не пытается попасть внутрь.

В чем его игра?

Не знаю, но я продолжаю давить на него, теперь используя плечо, а не ладони. «Дай мне закрыть дверь».

«Нет».

«В какую игру ты играешь, Беккер?» Я кричу. «Мы оба знаем, что ты можешь войти».

«Я не хочу». Он шипит слова сквозь стиснутые зубы, и я хмурюсь.

- Тогда какого черта ты со мной борешься?

Он сильно толкает меня, заставляя меня приложить еще несколько усилий, чтобы удержать его. «Я не хочу врываться внутрь», - рычит он. «Я хочу, чтобы ты сдалась» .

«Ни единого шанса». Я фыркаю с отвращением. Ад замерзнет, прежде чем я позволю ему пройти через эту дверь. Сдаться? Никогда. Не в этот раз. Поток эмоций я претерпел, так как я прогнулась моя нужда будет невыносима. Я не позволю ему.

Еще одна банка дров заставляет мои пятки копать дальше. Буквально.

«Пожалуйста, Элеонора».

Я подтягиваюсь, но удерживаю позицию, мольба в его голосе становится глубокой. Это полный переворот после шипения и плевков, случившихся минуту назад. 'Что?'

«Сдайся» .

'Зачем?' Одно слово вопрос прост и падает мимо моих губ, не задумываясь. Я хочу знать, каким бы опасным ни был ответ.

Дверь снова в гневе. «Потому что я, блядь, хочу тебя», - кричит он. - И как только ты откроешь дверь, я приму тебя, Элеонора. Каждый гребаный кусочек тебя. Я не врываюсь внутрь. Тыпустишь меня, потому что ты так же сильно хочешь меня.

Я сглатываю, мои мускулы хватаются за дверь. Я не врываюсь внутрь. Бля. . .

«Впусти меня», - выдыхает он.

Впусти меня. Мое тело оживает, моя кровь поет в моих жилах. Он хочет, чтобы я выпустил его. Ясность заставляет меня отпустить дверь и отступить, приглашая его войти, выпустив, но он не падает через порог, как я ожидала. Дверь остается закрытой, я стою с одной стороны, Беккер - с другой. Мое дыхание сейчас повсюду, моя кожа влажная от пота, мои щеки вспыхнули, когда я смотрел на двери. Затем он толкает дверь, и она медленно открывается, и вот он. Мистер Меркуриал.

Растрепанный, но великолепный.

Злой, но великолепный.

Опасный, но великолепно.

Наши глаза встречаются, и мое сердце застревает у меня в горле, когда Беккер протягивает руку и снимает очки, засовывая их в карман. «Пригласи меня войти», - бормочет он, медленно моргая, его глаза ленивы и ангельские.

Мои губы приоткрываются, и я отступаю на несколько шагов.

«Я хочу это услышать, Элеонора. Я хочу услышать, как ты говоришь, что хочешь этого.

Боже мой, что я делаю? 'Я хочу это.'

Он быстро, захлопывает за собой дверь и направляется ко мне, цель просачивается из каждой его восхитительной части. Я не двигаюсь, но позволяю ему схватить меня и прижать к стене. Он прижимается ко мне повсюду, смотрит на меня, его рука лежит на моем затылке, чтобы удерживать меня на месте.

Он просовывает колено между моими бедрами, побуждая меня раздвинуть их. Что я

делаю - без раздумий, без колебаний. Он приближает свои губы к моим, и мой взгляд скользит между ними и его горящими карими глазами. «Скажи это еще раз», - требует он.

Я глубоко вдыхаю воздух и поднимаю глаза от его рта, поднимая его идеальный нос к его потрясающим глазам. «Я хочу это», - повторяю я с легким вождением.

Улыбка, которая медленно расползается на его лице, злобна и победительна. 'Скажи пожалуйста.'

Я сошла с ума. «Пожалуйста, - шепчу я.

Он нападает на меня изо всех сил, его рот прижимается к моему и мгновенно поглощает меня. Мои волосы грубо спутаны в его хватке, его язык глубоко погружается. Он неистово приближается к нему, грубый и дикий, его свободная рука находит мое бедро и сильно сжимает. В моем пропитанном желаниями разуме нет места колебаниям или сомнению. Прямо сейчас, под его требовательным вниманием, я могу делать то, что ему заблагорассудится. Я заблудилась. Мой разум покинул меня. Его губы сливаются с моими, его язык исследует мой рот, все это напоминает мне о поцелуе, который мы разделили сегодня на кухне в Убежище, только на этот раз я знаю несомненно, ничто его не остановит. Всепоглощающее накопившееся разочарование будет удовлетворено наилучшим образом. Мои внутренние мышцы уже сжимаются в ожидании. Я собираюсь подвергнуться насилию самым восхитительным образом, который только можно представить, и у меня не осталось ни силы воли, ни силы, чтобы бороться с этим.

Легкое хныканье удовольствия соскальзывает с моих губ, когда его прикосновение скользит выше по моему бедру и обнимает мои трусики. «Заткнись, Элеонора, - рычит он мне в рот, снова напоминая мне о нашей встрече на кухне. Его потенциал заставляет меня помалкивать, то что должно произойти тяжело поражает меня, хотя я и не выразить свое беспокойство. Я все равно не могу, потому что его ладонь заменила его губы на моем рту, и серьезные глаза впились в меня. «Я только хочу услышать твое удовольствие, когда я так говорю. Поняла?'

Я не хочу соглашаться, но все равно киваю. Что, черт возьми, я только что позволил ему? Мы даже не голые, а я уже готова кричать от экстаза. Боже мой, это может быть мучительно. Затем его палец скользит по шву моих трусиков, и это может быть определенно захватывающе. Моя челюсть сжимается, я с трудом сглатываю, закрываю глаза и беззвучно молюсь Богу. Его горячее прикосновение дразнит мою плоть целую вечность, как будто он испытывает меня, пытаюсь понять, смогу ли я выполнить свое обещание хранить молчание. Выглядит сомнительно, но я полон решимости попробовать.

«Хорошая девочка», - шепчет он, его дыхание щекочет мое ухо, когда он приближается к нему, его палец слегка болезненно медленно охватывает мой клитор. Мои руки болят из-за того, что я крепко сжимаю его плечи, от ощущения тощей мускулатуры под острыми воспоминаниями о его груди. «Тебе хорошо, принцесса. Так чертовски хорошо. Он вытаскивает палец из моих трусиков, его слова и действия заставляют меня открываться. До сих пор есть свидетельства той непристойной ухмылки, когда он поднимает палец и убирает ладонь с моего рта. 'Открой.'

Мои губы приоткрываются, и он скользит пальцем по моему рту, приподнимая брови в безмолвной инструкции, которую я сразу улавливаю. Но он все равно высказывает свое желание.

«Соси».

Я закрываю рот и делаю то, что мне приказывают, наслаждаясь чувственным желанием

в его глазах, когда он концентрируется на моем языке, медленно прижимаясь к его пальцу. Его голова задумчиво наклоняется, затем он медленно переводит его взгляд на мои, лениво убирая палец. - По шкале от одного до десяти, - тихо и хрипло бормочет он, нежно покусывая и покусывая мою нижнюю губу, - как ты сейчас возбужден, принцесса?

Я упираюсь затылком в стену, удивляясь его вопросу, даже если на него очень легко ответить. '10.' Я не поглаживаю его эго. Я пульсирую повсюду, готова пожертвовать всем, чтобы сохранить это чувство экстаза. Я не ошеломлена своим признанием. Я знаю, что Беккер Хант - плохие новости, но сейчас он заставляет меня чувствовать себя слишком хорошо, чтобы сомневаться в том, во что я ввязываюсь.

Появляется дьявольская ухмылка, которая делает его мужскую внешность более мальчишеской, и его рука касается моей щеки, его голова слегка трясется. «Поверь мне, принцесса». Он целомудренно целует мои губы, потом кладет свой лоб на мой. «Ты еще даже не на шкале удовольствий».

Теперь я ошеломлен, и мои широко раскрытые глаза это показывают. 'Что?' Один? Шкала удовольствия? Нет, я в десятке. В этом он должен мне доверять.

«Я собираюсь доставить тебе удовольствие, как будто вы никогда раньше не получали удовольствия». Он отрывает меня от стены и поднимает вверх своим телом, мои ноги автоматически раздвигаются и обвиваются вокруг его талии. Он смотрит на меня, его карие глаза темнеют, когда он начинает нести меня по лестнице.

«Самоуверенный». Я должна удержаться от смеха над его высокомерием. Однако я не могу предотвратить сжимание бедер. Его тщеславие не должно быть привлекательным, но, поскольку я ожидаю, что его заявление будет на 100 процентов правдивым, трудно не быть полностью очарованной им.

«Но это правда», - добавляет он, останавливаясь у моей входной двери. 'Вниз.' Он отталкивает мои ноги от своего тела и забирает у меня сумочку, помогая себе взять ключи в моих руках. Я бросаю их охотно, замираю, когда он входит, толкаясь передо мной. Он открывает дверь через мое плечо, прикладывает рот к моему уху и мягко дует. 'Иди внутрь.' Каждое нервное окончание взрывается, и я качаюсь на пятках.

Я не могу пошевелиться. Моя ситуация только что сильно ударила по мне, и я не могу понять, почему я не останавливаюсь. Он современный Казанова - я видел доказательство, и это подтвердили его дорогой старый дедушка и миссис Поттс. Он сводит меня с ума, и не всегда лучшим образом. Он проходит терапию из-за того, что громко кричал, и, возможно, меня тоже направят на терапию. Он в истерике уничтожил мой гребаный телефон. У него нездоровые отношения с женщинами, нездоровые способы справиться со смертью родителей. Он собирается изнасиловать меня. Ничего более. Нет чувств. Никакой привязанности. Я собираюсь стать еще одним завоеванием, другой женщиной, которую он заколдовал в постели. Я потеряла чувство собственного достоинства. Так почему мои ноги двигаются, возвращаясь в мою крошечную квартирку, мне непонятно. Я сошла с ума.

Дверь закрывается, и Беккер расслабляется, прислонившись к дереву, оглядывая меня с ног до головы, тоже не торопясь. Мое состояние очевидно. Я переминаюсь с одной пятки на другую, мои руки подергиваются по бокам, а мой рот слегка приоткрыт, чтобы набрать ценный кислород. О, мои дни, он выглядит уравновешенным, готовым к атаке. «Снимай платье, Элеонора». Он роняет мои вещи на пол.

Понятия не имею, откуда мои следующие слова. Может быть, мое собственное эго

пытается немного контролировать. Или, может, я просто тупой. 'Скажи пожалуйста.'

В тот момент, когда его глаза находят мои, я понимаю, что я в проигрыше. Они пронизаны угрозой, которую я полностью понимаю. 'Сейчас же.' Он поддерживает этот угрожающий взгляд не менее угрожающим тоном.

Я не просто дура. Я очень тупая. 'Сказать. Пожалуйста.' Я излагаю это смело, причем довольно смело. Если я собираюсь это сделать, у меня будет некоторый контроль. Мне станет легче оттого, что я веду себя так полно и крайне глупо.

Беккер выходит вперед, качая головой, внимательно наблюдая за мной. - Ты хочешь, чтобы я сказал, пожалуйста?

Я киваю.

Он тихо хихикает, глядя в сторону, зажимает переносицу и закрывает глаза. Он кажется удивленным, но это не мешает мне быть настороженной. Я узнаю силу, когда вижу ее, несмотря на необоснованное желание ее проверить.

Он рычит, быстро тянется вперед и одним быстрым рывком срывает мое платье с моего тела. Он разделяется прямо посередине, и я в шоке втягиваю воздух, отпрыгивая от Беккера, который сейчас портит мне платье. «Абра-гребаная кадабра». Он улыбается мне.

- Боже мой, - выдыхаю я, моя обнаженная кожа согревается под его пристальным взглядом.

«Я не говорю, пожалуйста, принцесса».

«Да, да, - смеюсь я. «Ты умоляли меня впустить тебя. Ты в значительной степени умоляли меня позволить тебе забрать меня».

Его улыбка быстро исчезает, сменившись замешательством. Я вижу, как он мысленно перематывает несколько минут назад, пытаюсь вспомнить мое заявление. Он не может отрицать это, и если он сделает, то я с удовольствием сделаю пробежку его память с полным прогоне того, как он оказался в моей квартире. Он хочет меня. И он в основном умолял. Он не заберет это у меня. Это не только то, чего я отчаянно хочу.

Его морщинка на бровях действительно наполняет меня облегчением. Он помнит. «Ты заплатишь за это».

'Прошу прощения?' Я смеюсь, мои руки закрывают грудь. - За то, что заставила тебя умолять?

'Да. Убери руки ».

«Скажи, пожалуйста», - возражаю я сквозь сжатую челюсть, сужая глаза.

«Абра-гребаная кадабра», - ревет он, и по неизвестным мне причинам мои руки опускаются, и он бросается на меня. Я вдыхаю и беру себя в руки, вскрикивая, когда его тело сталкивается с моим, и он бросает меня на плечо. Это просто еще одна часть нашей игры в кошки-мышки, и наше разочарование и нетерпение делают встречу очень жаркой - встречей, которую я знаю, что получу удовольствие больше, чем следовало бы.

Беккер решительно шагает по комнате и бросает меня на кровать, и мои трусики стягивают с ног, прежде чем я успеваю сориентироваться, мое тело перевернулось вскоре после этого, чтобы он мог получить доступ к застежке моего бюстгальтера. Он вылетает из меня, когда я задыхаюсь и извиваюсь, предвкушение губит меня, прежде чем он снова переворачивает меня на спину.

Я моргаю, открываю глаза и убираю волосы. Он стоит в конце моей кровати, широко расставив руки, глядя на меня сквозь свои длинные ресницы. Он выглядит как нечто достойное поклонения. Богоподобный. Святой .

Не говоря ни слова, он медленно протягивает руку и начинает расстегивать пуговицы своей рубашки, одну за другой, медленно, не сводя глаз с моих. Я в полном восторге смотрю, как гудит от кончиков пальцев ног до самой макушки. Затем тяжесть в животе падает прямо на клитор и начинает медленно пульсировать. Восхитительное ощущение заставляет меня ерзать на кровати, но я все еще смотрю на его руки, работающие на пуговицах его рубашки, пока они не расстегнуты и белый материал не будет распахнут. Мои зубы резко прикусили губу, когда я посмотрела на его лицо и обнаружила, что он сдерживает улыбку. Я знаю что он думает. Он думает, что я в любой момент выскажу свое нетерпение, но он ошибается. Сейчас я могу видеть только кусочек его плоти, но у меня хорошая память. Этот образ запечатлелся в моем мозгу с того момента, как я взглянул на него в Убежище, когда он и эта женщина выпали из своего офиса, и это то, что я вижу сейчас. . . минус женщина.

«Ты довольно тихая, принцесса, - говорит он хриплым шепотом, крепко держась за обе стороны своей расстегнутой рубашки.

Я стараюсь оставаться так, пока лежу перед ним, обнаженная, как в тот день, когда я родился, и меня это совершенно не беспокоит. Его благодарные глаза, когда они время от времени совершают поездки вверх и вниз по моему телу, не оставляют потребности в застенчивости. Ему нравится то, что он видит, и хотя мои бедра и задница могут быть немного пышными, сейчас не время признаваться в том, что мое тело зависло.

Мне нужно все, чтобы не вздохнуть, когда он наконец сбрасывает рубашку, каждый тощий кусок его торса методично перекачивается, заставляя мои жадные руки дергаться, отчаянно пытаясь дотронуться.

'Хотите прикоснуться?' - спрашивает он, словно читая мои мысли.

«Я доволен видом». Я улыбаюсь, когда он смеется, закидывая руки за голову, совершенно непринужденно и готовясь к шоу. Я хочу, чтобы он повернулся и дал мне взглянуть на эту великолепную спину и великолепную татуировку.

«Я не говорил, что ты умеешь говорить». Он берет руки за пояс и рывком расстегивает его.

«Останови меня», - выдыхаю я, поднимая на него дерзкие брови. Я понимаю, что, учитывая все признаки сексуальной натуры Беккера, я могла бы сожалеть о своем упрямстве, но мой природный инстинкт - это все, что у меня есть, и я зависима от этого. И вообще, он зажег этот дух. Он чертовски хорошо может с этим справиться.

Он выдергивает пояс из прорезей брюк и бросает его на пол. 'Было ли это проблемой?'

Мои губы сжимаются. Я должен уйти, пока я впереди. Невозможно. 'Да.'

«О, принцесса». Он снимает туфли и сползает с брюк по бедрам, оставляя его в серых меланжевых боксерах с толстым белым поясом. Моя нахальство сгорает, и я моргаю, пытаясь сдержать страх. Я знаю, что проиграю. «Я уже чувствую твое сожаление». Он засовывает руки за пояс своих боксеров и слегка прижимает их, чтобы тоже приготовить из этого виду. Я смотрю на волосы, выглядывающие из-за пояса, мысленно облизывая губы. Сожалею? Нет, не могу сказать, что я.

- Снимите их, Беккер, - требую я, глядя на него снизу вверх. 'Сейчас же.' Мне кажется, я ждал этого целую вечность.

Он не может скрыть своего удивления. 'Скажи-'

Я подпрыгиваю на колени и натягиваю их на его ноги, заставляя их падать на его лодыжки. «Абра-гребаная кадабра». Я хватаю его за шею и притягиваю к себе, и наши губы

резко сталкиваются. Я падаю на спину, забирая с собой Беккера, и он не пытается меня остановить. Как и я, он мгновенно опьянел от сырой химии, которая взорвалась в результате прикосновения нашей голой плоти.

«О, черт, ты чертовски потрясающе себя чувствуешь», - медленно хрипит он, подталкивая меня к кровати силой своего поцелуя. У меня уже болит язык, но я не останавливаюсь. Ни любви, ни денег, ни даже здравого смысла, которое сейчас неуместно в потоке неопишуемой похоти и нужды. «Я все контролирую», - ворчит он, пытаясь схватить меня за руки, поддерживая безумную дуэль наших языков. - Дай мне свои долбаные руки, Элеонора.

«Нет», - бросаю я, уклоняясь от его хватки и погружая пальцы в его волосы, наслаждаясь ощущением его обнаженной кожи рядом с моей.

«Черт возьми, отдай их мне». Он помещает свое колено между моими бедрами, раздвигает меня и кладет свое обнаженное тело между ними. Ощущение его, твердого и готового, только усиливает мое желание бороться с ним. Я корчусь, стараясь, чтобы наши рты оставались плотно сомкнутыми, мой язык безумно танцует, поскольку наш поцелуй становится все более и более лихорадочным, но мои тактические извивающиеся движения вызывают только большее трение. Это сводит меня с ума, почти ломает меня пополам, и я плачу.

Мои руки забирают и грубо суют над головой. Он держит меня там, где он хочет меня. Я захвачен - по его милости, пыхтя и тяжело дыша - мои волосы спутаны в беспорядке на моем лице. Мои губы высвобождаются, и его лицо падает мне на шею, его дыхание затруднено и прерывисто на моей горячей коже, как и мое. Мы даже не достигли проникающего секса, и мы оба уже истощены, наш поединок по борьбе обнаженными отнимает у нас слишком много сил, и с какой целью? Я истощила себя, снизил уровень своей энергии в бессмысленной попытке взять верх.

«Ну, принцесса», - выдыхает он, посасывая мою шею, втягивая мою плоть в свой рот и обводя языком. Моя голова опускается в сторону, толкая его лицо, пытаюсь остановить чудесные ощущения, прежде чем я закричу в агонии, вызванной удовольствием. «Это прелюдия в сторону». Он кусает меня за шею, и моя спина сильно выгибается, когда он сильно толкает меня своим пахом. «Время насиловать тебя».

У меня нет времени отвечать или драться с ним. Или сила воли, если на то пошло. Он переворачивает меня на живот, стараясь удержать руки над моей головой, затем накрывает меня. Моя щека прижата к подушке, мои глаза пытаются найти что-то, на чем можно сосредоточиться, теперь у меня нет внимания губ Беккера, которым можно было бы насладиться. Ощущение его твердой груди, прижатой к моей спине, согревает меня насквозь. Затем его горячее дыхание у моего уха заставляет меня вдыхать воздух и пытаться успокоить свое дыхание.

«Каждый раз, когда ты меня разозлила, - соблазнительно шепчет он, слегка выпячивая одну из моих ног, обнажая мою пульсирующую сердцевину, - я так чертовски хотел тебя наказать».

- Как я тебя разозлил? Я тяжело дышу.

«Заставив меня так сильно хотеть тебя». Я внезапно сжимаю одну из его рук, давая ему запасную. Я зажмуриваюсь, когда понимаю, что он собирается с этим делать.

Представьте, какими красными станут твои щеки, когда я закончу с тобой.

Но меня ничего не готовит за силу, которую он вкладывает в это. Его ладонь опускается

и бьет меня по заднице, захватывая мое дыхание. «Черт побери, Беккер» .

«О да, принцесса». Его прикосновения теперь мягкие, массируя жгучую боль на моем ягодице, нежно и нежно поглаживая. «Я потерял счет, сколько раз ты меня злила». Его рука отрывается от моей правой щеки, и хотя я не вижу, я с болью принимаю, что она снова готовится жестко соединиться с моей задней частью. И все же что-то неоправданно упрямое мешает мне умолять его остановиться. Я делаю глубокий вдох и поворачиваюсь лицом к подушке, как раз как раз к его звуку удара. Мое тело трясется, мои зубы стискивают подушку, а приглушенный крик звенит в ушах. Я лишь смутно зарегистрировала свою огромную благодарность за то , что он выбрал левую сторону на этот раз. Но теперь обе щеки горят, вероятно, светятся ярко-красным, и я потею, концентрируюсь на стабилизации дыхания, пока Беккер втирает немного жизни в мою задницу. Мы оба вздымаемся, наши тела потеют, за исключением тех случаев, когда у меня одышка является смесью истощения и страсти, я знаю, что Беккер - это просто грубое желание. У него много энергии, и это начинает меня до чертиков пугать. Во что я вляпалась? - Тебе больно, принцесса?

«Да», - хриплю я, не видя смысла отрицать это и зная, что он испытывает болезненное возбуждение от подтверждения. Ублюдок.

Он держится за меня и спускается по моей спине, проводя губами по моей коже на ходу, заставляя меня бредить, мои глаза закатываются, когда я стону, стону, дергаюсь и хнычу. - Вы действительно не разбираетесь в этой тишине, не так ли?

Я снова стону в ответ и слышу его хихиканье. Я не воспринимаю его веселье как признание моего неповиновения или моей неспособности заткнуться. Он найдет способ поставить меня на мое место, но он безумно злится, если ожидает, что женщина будет молчать, когда он причиняет им такое удовольствие и боль. И если есть какая-то женщина, у которой есть, то я хотел бы встретиться с ней и пожать ей руку. Или оторвать ей голову.

Его губы достигают моей задницы, и он одобрительно мычит, нежно проводя ладонью по двум вершинам. «Идеально», - говорит он, слегка поцеловав каждого, затем снова подползет к моему телу и снова прикоснется губами к моему уху. «Вот какой красный цвет я хотел видеть. На твоей заднице, румяный, как и на твоих волосах. Чертовски красиво.

'Сделать большинство из этого.' Я просто ничего не могу с собой поделать.

Он кусает меня за ухо, и я чувствую, как он ему улыбается. - Все еще жалящая?

Я закрываю глаза и киваю, молясь, чтобы он закончил сеанс порки. «Наверное, еще на неделю». Может быть, год. Она горит.

Я слышу, как рвется пакет, и мысленно вижу, как он зубами вытаскивает презерватив из фольги. От его резкого вдоха мне хочется развернуться и посмотреть, как он укладывает себя в ножны, но он крепко держит меня. Я никуда не уйду, пока Беккер мне не позволит.

«Ты знаешь, как долго я этого хотел?» Кончик его пальца скользит по складке моей задницы до вершины моих бедер. Я задерживаю дыхание, когда его прикосновение легко скользит по моему отверстию. И это неудивительно. Я вся мокрая. Он просто глупо отшлепал меня. Я должен быть на 100 процентов охреневшей, но мне стыдно признаться, что я только слегка обижена. Большинство из меня клянчат все, что он может дать.

«Что тебя так долго сдерживало? Я отбрасываю вопрос после прерывистого вздоха.

«Чертова совесть, о которой я и не подозревал». Он удивляет меня своим ответом, медленно вдавливая в меня два пальца, намеренно глубоко дыша мне в ухо. - Мне тоже нужно сделать тебе больно.

Мое тело брыкается под ним, и каждый внутренний мускул, которым я обладаю, крепко сжимает, не желая отпустить.

«Каждый раз, когда ты говоришь о работе, о моем сокровище, мой член превращается в камень». Он толкает пальцы глубже, и я хнычу. «Каждый раз, когда я вижу, что ты теряешься в том, что любишь, мое гребаное мертвое сердце немного забивается» Еще один резкий выпад, который заставляет меня не вдаваться в подробности этого утверждения.

«Беккер» .

«Ты хочешь меня, Элеонора? Ты хочешь, чтобы я был похоронен внутри тебя, трахал тебя сильно, пока ты не умолял меня остановиться?»

«Я никогда не скажу тебе останавливаться».

«Я надеюсь, что ты, блин, не сделаешь того». Он двигается быстро, высвобождая пальцы и перекачивая бедра, с гортанным криком ударившись в меня. 'Ебаная мать!'

Приглушенный крик срывается с моих губ, наполняя комнату, сила, которую он принимает слишком много, чтобы справиться с ней так внезапно. Меня нельзя осторожно взломать. О нет, он покончил с прелюдией.

Теперь, когда мои руки свободны, я могу держать что-нибудь для поддержки, и я это делаю. Мои простыни крепко сжимают и несколько раз сердито дергают. Он хватает меня за волосы и сжимает их в кулак, медленно отводя пах назад, пока он не парит над моим входом, его бедра подняты. «Я бы спросил, готовы ли ты, но я не в настроении уступить».

«Пошел ты на хуй», - кричу я, приподнимая зад, подстрекая этого ублюдка.

«О, боевой разговор». Он бросается вперед, глубоко ударяя меня и очень медленно растирая, чтобы я могла чувствовать каждый дюйм его члена, ласкающего мой проход. «Ты плохая девочка, Элеонора».

Взрыв!

«Ахххххххх».

«Плохая, плохая девочка. Ты заставил меня хотеть тебя. Ты заставлял меня хотеть тебя, пока это не сводило меня с ума ». Он тянет меня за бедра. «Вверх».

Мои движения вялые, я буквально тянусь к себе на четвереньки, стону от отчаяния, когда его член высвобождается, стимулируя все нервные окончания, которые у меня есть, заставляя меня гудеть, напрягаться, дергаться и трястись. Слишком много ощущений испытываю. Я не могу с этим справиться.

«Поздравляю». Он издевается надо мной. «Тебе удалось выполнить просьбу без особых хлопот».

«Не привыкай к этому». Я чувствую, как его пальцы впиваются в мои бедра, крепко держась за них, а затем он поднимается и начинает действовать, застигнув меня врасплох, с оглушительным ревом бросившись вперед. Каждый мой вздох вырывается из моих легких под его силой. И мне не дают возможности вернуть его. Он быстро находит свой темп и усиливается, снова и снова, поражая меня до глубины, недоступной моему пониманию, и, хотя есть приступы боли, есть также тонна невыразимого удовольствия, подкрепляющего его, затуманивающего его. Мои руки напрягаются и упираются в матрас, моя задница непрерывно отлетает назад и ударяется о его пах , каждый удар наносится с такой же решимостью и страстью, как и предыдущий, если не больше. И с каждым толчком доносится крик Беккер или крик от меня. Мы громкие. Наши голоса. Наши тела. Пот льется у меня со лба, капли падают на кровать, волосы колышутся из стороны в сторону, зрение затуманивается.

Я чувствую прилив крови к кончику моего клитора, оргазм маячит, дразня меня, как это показывает признаки разрыва свободно, перед тем упрямо отступает, отказывая мне возможность схватить его. Мой разум максимально использует это. Он говорит моему торопливому телу замедлиться, чтобы насладиться моментом.

«Я иду», - заявляет Беккер, тяжело дыша при каждом слове позади меня.

Я в панике. «Нет».

«Бля, Элеонора, я не могу сдерживаться».

'Просто подожди.'

Он кричит, сгибая пальцы, идет дальше. 'Скажи мне, когда.'

Я усиленно концентрируюсь, чувствуя, как снова спускается тяжесть, и на этот раз я не позволю ей отступить. Ни за что. Я не прекращаю этого, пока не получу удовлетворения от головокружительного оргазма. Я чувствую это. Приближается. Я слишком долго этого ждал.

- Элеонора, когда?

«Скоро», - выдыхаю я, тараня его задом.

«Господи, женщина, ты, блять, убиваешь меня. Какого черта я тебя слушаю?»

«Сейчас», - кричу я, хватаясь за оргазм и позволяя ему захватить каждую частичку меня. Я отключаюсь, начинаю вибрировать, и я смутно слышу, как Беккер позади меня стонет, его темп замедляется, его пах плотно перекачивается в меня, высыхая от удовольствия нас обоих.

«О, черт возьми». Он падает позади меня, заставляя меня упасть на кровать лицом к лицу, заключая меня в клетку своим твердым, вспотевшим телом. Наши вздохи наполняют мою квартиру, когда он пульсирует внутри меня, моя внутренняя стенка инстинктивно сжимается и расслабляется вокруг него. «Бля, это приятно», - хрипит он мне в волосы, и я слабо киваю головой в знак согласия, позволяя своим тяжелым векам закрыться. Я сыт и доволен. Слишком доволен, особенно когда он кусает меня за плечо, прежде чем провести губами по моей спине до середины, его руки тянут мои руки вверх, пока не найдут мои. Он переплетает мои пальцы между собой и мягко сжимает, затем в последний раз глубоко поворачивает бедра, прежде чем лениво скатиться с меня и упасть на спину с глубоким вздохом. Сейчас же Я знаю, что его прекрасное лицо находится в пределах моей видимости, мои глаза открываются охотно и без особых усилий. Они в восторге от того, что видят - голого Беккера, тяжело дышащего к потолку, с влажными волосами, ладонью на животе, блестящей кожей. Я переваливаюсь на спину и принимаю его позу, моя передняя часть благодарна потоку прохладного воздуха.

Его голова тяжело опускается в сторону, чтобы посмотреть на меня. И мы смотрим. А потом он улыбается. И я улыбаюсь в ответ. «Это было неизбежно», - вздыхает он, возвращаясь к потолку.

" Беккер . . . '

«Тссс». Его указательный палец приближается ко рту и шикает меня. Это чертовски сексуально, даже в качестве предупреждения, но я все равно игнорирую это.

- Совесть, которой, как ты думали, никогда не было? - бормочу я.

Его голова снова падает в сторону. «Дороти и дедушке нравится, чтобы ты была рядом», - тихо говорит он. «Мне сказали не облажаться. Ты знаешь что.' Он сардонически смеется себе под нос, снимает презерватив и наклоняется, чтобы бросить его в мусорное ведро рядом с моей кроватью. «Я, бля, пытался».

- Ты не очень ...

«Тссс». Этот палец снова сексуально касается его губ, прерывая меня. «Поверьте мне, я сделал». Его взгляд падает на меня, мягкий, но сомнительный, когда он тянется ко мне и подталкивает меня к себе, отвернувшись от него. Я хожу с легкостью, пока он не обвился вокруг меня. «Спокойной ночи, принцесса». Он целует меня в шею и сжимает руки, притягивая ближе.

Ложка. Не слишком ли далеко?

Я не знаю ответа на этот вопрос, но знаю, что это хорошо. Беккер Хант хорошо гладит ложкой, и мои глаза быстро отяжелели. «Спокойной ночи, зверюга».

Я ухожу, и каждый дюйм его передней части растягивается на моей спине.

Глава 15

Я резко выпрямляюсь в постели, потная и дезориентированная, мое сердце колотится. Мои глаза бегают по квартире. «Беккер». Его имя срывается с моих губ в порыве воздуха, прежде чем мой мозг задействован, и мои глаза падают на массу простыней, опутанных вокруг моего обнаженного тела. При ближайшем рассмотрении я вижу, что некоторые секции аккуратно сложены здесь и там. Как будто кто-то меня поджал.

Бросив взгляд вправо, я нахожу пустое место рядом со мной, и, как ни странно, мое сердце замирает. Он ушел. Конечно, он ушел. Чего я ожидал? Проснуться с ним, нежно обернутым вокруг меня? Я качаю головой, злая на свои случайные, необоснованные мысли.

Моя голова падает в руки от отчаяния и стыда. Мы просто трахались. Ничего более. Это был грубый, плотский трах, грубый и грязный, и это хорошо. Нам обоим хотелось почесаться. Выполнено. Я ничем не отличаюсь от других женщин. Мне нужно воспринимать это как прощальный подарок от моего босса, потому что, по сути, это именно то, что было. Я больше не сотрудник, поэтому честная игра. Есть только маленький кусочек меня, мне очень жаль, что в этот момент у меня восхитительно болят бедра. Но завтра будет другой день. Завтра я безработная, и любая отдаленная возможность или надежда вернуться в Убежище, чтобы возобновить свои обязанности, были колоссально испорчены туманом головокружительного оргазма. . . доставленным куском человека, который оказался слишком неотразимым. Я сделала свой выбор. И я живу с этим.

Мои мышцы просто собираются ослабеть и отправить меня в сон резко падают обратно на матрас, когда коллекция громких ударов, стучит замораживает их в положение снова. Мой позвоночник раскручивается, мой мозг полностью проснулся и внимательно прислушивается к источнику шума.

'Элеонора.' Мое имя кричит, а затем то, что я могу описать только как звук, похожий на таран, ударяет в мою дверь. 'Элеонора!'

Я мгновенно вскакиваю и хватаю свой халат с дивана, пока иду к двери. Дерево заметно вибрирует перед моими глазами от всех ударов, и когда я открываю его, Люси падает мне на руки. «О, слава Богу!» - кричит она, обнимая меня. 'Я думала, ты умерла.'

'Что?' Я поддерживаю ее, пытаюсь удержать в устойчивом стоячем положении.

«Я звоню тебе с тех пор, как ты покинул клуб. Ты должна была написать мне, чтобы сообщить, что ты чертовски дома. Она отстраняется, и я наконец могу ее рассмотреть. Она выглядит на удивление трезвой по сравнению с тем, что я видела в последний раз.

'Который сейчас час?' я прошить.

'Два часа ночи. Где твой телефон? Она в раздражении проходит мимо меня, оставляя меня идти по ее пути, поскольку чувство вины подкрадывается ко мне.

«Думаю, я оставил его в такси». Я вздрагиваю, когда ночные события проникают в мой мозг в ярких деталях, все это - ссора с Беккером, убийство моего телефона, поездка домой с Brentom. . . грязный секс. 'Мне жаль.' Среди моих угрызений совести достаточно места, чтобы сожалеть о беспокойстве Люси.

Она драматично разворачивается и поднимает руки вверх. «Я так волновалась...» Ее рот закрывается, ее внимание приковано к полу, и, гадая, что привлекло ее пристальный интерес, я тоже смотрю в пол. Мое лицо начинает гореть, когда ее обвиняющий палец указывает на предмет оскорбления, а ее ошеломленные глаза останавливаются на моем пылающем лице. 'Что это?' - спрашивает она, наклонив голову.

'Ничего.' Я выстреливаю и отрываю платье от пола, но оно не в моих руках. По крайней мере, не все. Половина его все еще громко и гордо лужа у моих ног, смеяться надо мной.

Люси быстро двигается, приседая, чтобы подобрать оборванный материал, затем хлопает им, когда она снова встает, держа его перед собой, пряча то, что, я знаю, будет заинтересованным лицом. Проходит слишком много неловких секунд, прежде чем она медленно опускает мое рваное платье и ударяет меня укоризненными голубыми глазами.

«Вы хотите сказать, что, хотя я неоднократно звонила тебе и мчалась по городу, чтобы добраться домой и убедиться, что ты в безопасности, у тебя были какие-то развлечения?»

«Нет, я...» Мои ноги начинают отходить от угрожающей позиции Люси. Многие неубедительные отговорки начинают приходить мне в голову. «Я зацепилась своим платьем за перила снаружи». И я выбираю самое отстойное.

- Элеонора, - кричит она, заставляя меня вздрагивать. «Я только что прогнала горячего парня, из-за того что должна была искать тебя».

'Мне жаль.' Я бросаю половину платья, которую все еще держу в гневе, на землю. «Я не планировала этого. Он последовал за мной домой» .

'Кто последовал?' Она смотрит на меня прищуренными глазами, заставляя меня внутренне извиваться.

«Мой босс», - мрачно бормочу я себе под нос.

Всякая надежда на то, что я забыла обо всем, что произошло, просто улетучилась шокирующим дыханием, которое сейчас вырывается изо рта Люси. «ОН?»

«Или бывший начальник», - быстро поправляюсь я. 'С меня хватит.'

«О, это чертовски идеально». Она имитирует мои действия и тоже бросает свою половину моего платья на землю, хотя ее половина приземляется с гораздо большей силой. Она действительно разозлилась. «Я не могу сейчас с тобой разговаривать». Она пронесется мимо меня, и я вздыхаю, думая, что она смехотворно мелодраматична, но такие слова, вероятно, не помогут моему делу. Итак, я остаюсь с надежно закрытым ртом и смотрю, как она идет по коридору к своей квартире. Ключ вставляется в замок, дверь злобно толкается, но, прежде чем она захлопывается, она поворачивается и поднимает подбородок в воздух, глядя на меня с головы до ног. Я готовлюсь к презрительной атаке. - Он действительно сорвал твое платье?

Мои губы сжимаются, и я киваю, это сожаление возвращается ко мне. «Оно одно из моих любимых».

- И ты бросилась?

Я снова киваю.

«Я хочу услышать все об этом завтра», - фыркает она и хлопает дверью, снова оставляя меня одну. Но сейчас я проснулась и боюсь завтрашнего дня больше, чем когда-либо. Было

бы достаточно тихих пыток. Необходимость дать Люси подробный отчет о моей безрассудной встрече с Беккером Хантом заставляет меня немедленно покинуть Лондон.

Глава 16

Я избегаю своего почтового ящика, как чумы, когда на следующее утро включаю свой ноутбук, концентрируюсь на том, чтобы заказать новый телефон, который должен быть доставлен завтра, прежде чем обыскивать рабочие места в поисках чего-либо отдаленно привлекательного, ложа кукурузные хлопья в рот. Сейчас девять, я все еще в пижаме, и Люси ненадолго появилась, чтобы сказать мне, что я встречаюсь с ней за обедом, чтобы рассказать все подробности. Сегодня она выглядела особенно прекрасно, и не нужно быть гением, чтобы понять, почему. Я очень хочу услышать, что произойдет сегодня утром на работе Люси с Марком, но я не очень хочу рассказывать о событиях, в результате которых я провела все утро в поисках другой работы.

Мой взгляд скользит по моей неубранной кровати, а затем к моей двери, где он стоял, уравновешенный и готовый прыгнуть на меня - что он сделал, как животное. Я расслабься на кушетке, моя ложка безвольно держалась в руке, пока мои мысли блуждали. Я все еще чувствую его между своими бедрами, ту болезненность, которую он обещал, что делает невозможным забыть о моей ошибке. Затем я ложусь на кушетку и вздрагиваю, нежность моей задницы усиливает мои воспоминания. Со всеми этими физическими напоминаниями я ожидаю, что это будет хорошая неделя, прежде чем я смогу предпринять какие-либо серьезные усилия, чтобы двигаться дальше, и иррациональная часть меня задается вопросом, было ли это его намерением. Я бы не стала забывать об этом. Беккер Хант любит производить неизгладимое впечатление .

Прежде чем я смогу слишком глубоко погрузиться в вопросы, почему и зачем, я сажусь прямо и возвращаю внимание к своему ноутбуку, просматривая страницу за страницей с вакансиями, не видя ничего, что хотя бы отдаленно соответствует требованиям, и после того, как я пролистал те же страницы в третий раз я, наконец, сдаюсь своей судьбе и нажимаю на объявление о вакансии официантки. «Это только на время», - говорю я себе, просматривая объявление в поисках телефонного номера. Я нахожу его и встаю, прежде чем отговорить себя, но потом вспоминаю. . . У меня нет телефона . Потому что этот ублюдок его уничтожил. 'Дерьмо.' Затем я замечаю адрес электронной почты в объявлении. Это должна быть простая задача, легкая альтернатива звонку, но мысль о загрузке моей учетной записи электронной почты останавливает меня. Там могут быть самые разные монстры из моего прошлого. Может быть. Может и не быть.

Я открываю свой почтовый ящик. Я не должна была. На меня смотрят три письма, два от Дэвида и одно от Эми Петитт. Мой бывший парень и моя бывшая лучшая подруга. Ублюдки. Я нахожу указатель мыши на значок «Открыть», в голове у меня свистит, что, возможно, можно сказать в этих письмах. Это будет то, чего я еще не слышал и не читал. Они будут полны извинений и оправданий. Но что они надеются получить? Мир? Прощение? И Дэвид всерьез думает, что я вернусь к нему?

Я хватаю экран ноутбука и захлопываю его. Без разницы. Мне это не интересно. Мне не нужны их извинения, и я, конечно же, не заинтересован в том, чтобы ослабить их вину за них или вернуться с Дэвидом.

Я не хочу никого, кто может называть себя другом или парнем и изменять мне. Я заслуживаю большего. Я больше не нуждаюсь в кусочках любви. Что сделано, то сделано.

Мое мысленное уничтожение Дэвида и Эми прерывается, когда меня отвлекает легкий

стук в дверь, и я вскакиваю, не слишком задумываясь, кто это мог быть.

Пока я не открою ее и не сталкиваюсь с Беккером Хантом.

Мой пустой разум не дает мне понять, что мне следует сказать, поэтому я просто смотрю на него как на идиотка. И он смотрит прямо в ответ, его глаза за стеклами очков пусты, очевидно, что ему тоже не приходят правильные слова. Невидимый защитный щит летает вокруг меня, и после долгого периода молчания - наши глаза - единственная связь - его сила побеждает, пробивая мою защиту, и щит разрушается. В результате мой взгляд упал на мои босые ноги, и я сгибаюсь в поисках слов.

Беккер первым находит кое-что. «Ты опоздала на работу».

Я получаю хлыстовую травму, когда от шока у меня голова взрывается. – «Простите?»

Он медленно приподнимает рукав пиджака и смотрит на свои часы, великолепные старинные часы Rolex. Его неторопливое движение дает мне мгновение, чтобы скользнуть по его длине раздражающе жадными глазами. На нем джинсы, прекрасно подогнанные джинсы, облегающие его бедра во всех нужных местах, и темно-синий пиджак поверх бледно-голубой рубашки. «Сейчас девять сорок». Он говорит ровным, деловым тоном, отпуская рукав, глядя на меня снизу вверх, ловя меня в процессе восхищения им. Но когда я ожидала, что он бросит на меня дерзкий понимающий взгляд, все, что я получаю, - это серьезное лицо. Для меня глупо чувствовать себя уязвленной из-за его безразличия, я понимаю это, но не могу отрицать, что боль здесь. Если бы у меня до сих пор не было доказательств того, что наша встреча ужалила мою задницу, я бы подумал, что это мне приснилось. «Вы опоздали, - повторяет он. «Миссис Поттс обеспокоена».

«Я ушла», - напоминаю я ему, приподнимая подбородок в таком же равнодушном акте. Неважно, что это подделка.

Его челюсть сжимается. «Я не принимал твою отставку».

'Я не в отставке.' Мое тело начинает нагреваться, и это не от желания. «И я считаю, что вы закричали« хорошо »через секунду после того, как я сказала «Я ухожу, мистер Хант».

Его лицо кривится от раздражения, голова откидывается назад. Я бы хотел, чтобы он этого не делал. Его щетина идеально подходит для его натянутого горла, умоляющего меня погладить его. Мое собственное лицо тоже искажается, и я изо всех сил пытаюсь взять под контроль свой предательский разум и не дать ему скитаться по запретным местам. Я не могу. Теперь он из плоти и крови и стоит прямо передо мной, воспоминания подобны приливной волне, безжалостно обрушивающейся на меня. Его грудь, его рот, его сила. О, черт побери. В панике я хватаюсь за дверь и с силой бросаюсь за нее всем своим весом, ожидая, пока громкий хлопок рикошетом рикошетит по моей квартире, за исключением того, что громкого удара не происходит. Что ж, есть, но это задерживается. Беккер проталкивается через дверь и стирает мои решительные попытки. Я отпрыгиваю, когда дерево попадает в раму, но быстро собираюсь, готова взорвать его своим языком змеи. Я почти успеваю наполнить мои легкие воздухом, готовясь к выстрелу, когда он хватается за талию, перебрасывая на свое плечо.

- Что за херня, Беккер ? - кричу я, убирая волосы с лица. - Убери от меня свои грязные руки.

«Заткнись, принцесса», - рявкнул он, войдя в мою ванную и включив душ.

«Не называй меня принцессой». Я бью его по спине, игнорируя свой мозг, когда он напоминает мне, что я не жаловался прошлой ночью, когда он использовал раздражающее кличку питомца.

«Я сказал, заткнись». Он бросает меня на ноги и хватается за волосы по обе стороны от висков, слишком близко, чтобы успокоиться. Если бы он не выглядел таким рассерженным, я бы подумал, что он собирается поцеловать меня.

Мои руки быстро поднимаются и отталкивают его. «Убирайся», - требую я.

Он закатывает глаза. Он действительно закатывает глаза на меня. Что он? «Иди в душ».

'Я не буду.' Я разворачиваюсь на пятке. . . и никуда не денешься.

«Как ты думаешь, куда ты собираешься?» - спрашивает он как можно спокойнее, хватая меня и открывая дверь душа .

Я извиваюсь, как сумасшедший червяк, безрезультатно, а затем мое внимание привлекает тот факт, что из душевой кабины не выходит пар. Я перестаю бороться с ним, но достаточно долго, чтобы заметить циферблат душа и заметить, что этот улюдок повернула его не в ту сторону. Затем, когда я подхожу к брызгам, мои извивания достигают новых высот. - Беккер, - вскрикиваю я, пинаясь ему в голень, получая легкое удовлетворение от прорывающегося с него проклятия. «Ты превратил его в ледник». Он полностью игнорирует меня и пихает в кабину. «Нет!» Вода ударяет меня, как миллион ледяных копий, пронзая мою кожу, и мое тело впадает в шок. Каждый мускул отключается, когда на меня нападает ледяная вода. 'Боже мой.' Мои слова выходят сломанными, и мои зубы начинают стучать, материал Мои шорты и майки прилипают ко мне, а мои волосы впитывают каждую ледяную каплю, стекающую по моему беззащитному телу.

«Вот», - я слышу, как он говорит, когда я медленно шарю вокруг, обнаруживая его по другую сторону стекла - с сухой, теплой стороны - стряхивающего руки, самодовольная улыбка растягивалась от уха до уха. - Это было не так сложно, правда?

Мне так чертовски холодно, что я могу плакать. «Я ненавижу тебя», - задыхаюсь я, хватаясь за дверную ручку, теперь моя единственная цель - сбежать. Но он давит на раму, удерживая меня в ледяном ящике. 'Выпусти меня.'

Его голова наклоняется, он приближает свое лицо к стеклу, прижимаясь губами к стеклу и слегка поцеловав его. «Ты выглядишь так, будто тебе нужно остыть, принцесса».

Я мысленно кричу и, наконец, обретаю смысл повернуться и найти датчик температуры, перевернуть его на максимум и прижать себя к плитке, пока она нагревается. Взяв губку, я подержу ее под спреем и брызну на нее гелем для душа. «Когда я выйду из душа, тебе лучше уйти».

«Или что?» Он с интересом поднимает бровь, которую я только что ловлю, прежде чем пар окутывает стекло, и его невыносимо красивое лицо больше не видно.

У меня нет ни одного. 'Убирайся.' Я бросаю промокшую губку на дверь и надеюсь, что он Достаточно близко, чтобы скопировать бомбу. Затем я начинаю снимать промокшую пижаму, моя кожа пылает от смеси холода и горячего, и я бормочу себе под нос каждое имя Беккера, которое только могу придумать. Он ожидает, что я вернусь к работе, как будто ничего не случилось? Он сумасшедший?

Дверь душа распаивается, и губка проникает сквозь пар, бьет меня прямо по лицу, прежде чем резко упасть на пол. «Вам это понадобится». Дверь закрывается, и я стою с закрытыми глазами, делая глубокий успокаивающий вдох. «Ты все еще пахнешь мной».

Я не поднимаюсь на его насмешку, но прикусываю губу и медленно опускаюсь, чтобы собрать губку. Затем я начинаю смывать запах Беккера Ханта со своей кожи.

Я стою и смотрю на дверь ванной целую вечность, завернувшись в полотенце, и готовлюсь к встрече с ним снова. Я знаю, что он все еще здесь. Возможно, я больше не смогу чувствовать его запах на своем теле, но я чувствую его запах, витающий в воздухе. И я чувствую его рядом. Он в полном составе перешел в режим заводского торговца. Раздражающий режим. Режим джокера. Как будто ничего не произошло.

Просто оденься и выходи. Представьте, что его там нет. В теории звучит просто. Однако на практике я стремлюсь к невозможному. Но я готова попробовать.

Войдя в маленькое пространство своей квартиры, я замечаю, что он растянулся на диване, выглядит уютно и как дома. Я сопротивляюсь непреодолимому желанию подойти и ударить его подушкой, вместо этого иду прямо в свой гардероб. Взяв первое, что попадаю в руки - джинсы и огромную рубашку пудреного цвета - вместе с нижним бельем, я поплелась обратно в ванную комнату, отказываясь от своего дерзкого намерения одеться перед ним. После вчерашней ночи меня лишили наглости, и я ненавижу его за это.

Я не обращаю внимания на то, как он смотрит на меня, когда я торопливо убегаю и закрываю дверь, бросая одежду на ближайший перила. Моя настоятельная необходимость уйти отсюда не дает времени на увлажнение, поэтому я накидываю одежду, наугад наношу макияж, а затем расчесываю и высушиваю волосы феном. Это самое быстрое, что я когда-либо делала.

Прежде чем снова выйти из ванной, я планирую свой побег, мысленно обнаруживая свои милые замшевые ботильоны, кожаную куртку и сумку. Мне немного рано встречаться с Люси, но я найду парк, где могу посидеть на скамейке и прочистить голову.

Выпрямив спину и приподняв подбородок, я небрежно выхожу из ванной и спокойно нахожу свои ботинки, натягивая их, просовывая руки через рукава куртки. Я чувствую, как он наблюдает за мной, вероятно, хмурясь, но мне удастся не обращать на это внимания. Моя сумка и ключи - мои последние претензии, прежде чем я выхожу за дверь и целенаправленно спускаюсь по лестнице в главный вестибюль. Я чувствую запах свободы, когда появляется улица, мои ноги ускоряют темп.

Как я и боялся, вскоре я слышу тяжелые шаги, преследующие меня. «Элеонора, подожди».

Я игнорирую его зов, застегивая молнию на куртке и выхожу на улицу. Мое плечо корбит немного, когда Беккер обгоняет меня, за шаг к остановке и загородил мне дорогу. - Прости, - вежливо говорю я, отступая в сторону, чтобы пройти. Он движется вместе со мной, поэтому я делаю еще один шаг в другую сторону, но напрасно. Беккер тоже сдвигается. Я отказываюсь смотреть на него, когда говорю. «Я больше не играю в твои игры», - говорю я ему, сохраняя спокойствие. Я удивлен, что на самом деле серьезна. Я немного потеряла чувство собственного достоинства. Я потеряла работу, которую действительно любила. Он добился своего, я - нет. Я задолбалась. Еще раз.

'Моя игра?' - ошеломленно спрашивает он. Он раздражен. «Ты не можешь быть серьезно».

«Смертельно серьезно. Просто отвали, Беккер. Я начинаю обгонять его, но он хватается за руку, чтобы остановить. Сохраняй хладнокровие, Элеонора.

- Но миссис Поттс интересуется, где ты. Она беспокоится о тебе ». Он делает шаг вперед, побуждая меня отойти назад, подальше от его близости.

«Тогда ты можешь сказать ей, что ей не стоит».

«Я не могу вернуться в Убежище без тебя».

Я набираюсь смелости смотреть на него. В том, что . . . смущение, покрывающее его черты? Чтобы понять, нужно две секунды Зачем. 'Ой.' Я саркастически смеюсь. «Слишком стыдно признаться ей, почему я ушла?» - спрашиваю я, испытывая болезненное возбуждение, когда он от стыда опускает голову. Все очень ясно, почему он не может вернуться без меня, и это чертовски больно. Держу пари, миссис Поттс сойдет на нет. «Ты не оставил мне выбора, кроме как уйти, а затем трахнул меня с чистой совестью, сделав невозможным для меня снова работать с тобой».

Он рычит, приближая свое лицо к моему лицу. «Я бы сказал, что с тобой было чертовски невозможно работать, пока мы не трахались, не так ли?»

«Потому что вы вели себя ненадлежащим образом».

Он обиженно отшатывается.

«Не смотри так ужасно». - рычу я, обвиняюще указывая пальцем ему в лицо. «Вы знали, чего хотите, и теперь у вас это есть».

«Не делай вид, что ты тоже этого не хочешь».

«Вы сделали невозможным сопротивление». Тот факт, что я сейчас тону в отчаянии из-за своей слабости и того, к чему она меня привела, не имеет значения.

«Ты тоже», - кричит он, и я в ужасе отступаю.

Мне это не нужно. Я никогда его не искушала. Он не переложит на меня ничего из этого, просто чтобы успокоить свою совесть. Он может вернуться и объяснить миссис Поттс, почему я сегодня не на работе. Надеюсь, она нападет на него с лейкой.

Я поднимаю ноги и бросаюсь к дороге.

«О нет, ты не станешь». Он хватается меня за талию и поднимает с ног, но на этот раз я не расстанусь с ним, и я не знаю почему. У меня есть много надежды, запертой, загруженной и готовой к выходу. Это потому, что я втайне хочу, чтобы он отвез меня обратно в Убежище? Меня согревает осознание того, что по мне кто-то скучает. Или это потому, что его грудь в данный момент прижата к моей спине и на самом деле согревает меня?

Убийство, когда моя голова не упирается в его щеку, когда он приближает свое лицо к моему. «Пожалуйста, - умоляет он, удивляя меня. Беккер не говорит "пожалуйста". «Пожалуйста, Элеонора». Он держит меня что бы защитить от него, когда он берет глубокий вдох. «Прошлая ночью не должно была случиться. Ты это знаете, и я. . . ' Еще один глубокий вдох. «Я не должен. . . Я не могу».

Ой.

Я стараюсь кивать головой, зная, что 100 процентов правильные слова, но ни черта не будет двигаться, если упорно отказывается признать, что он прав.

'Пожалуйста вернись.' Он бросает меня на ноги и крутит в руках. Затем он отступает, давая мне место, о котором я не просила, что меня раздражает, о котором я не хочу. Его следующие слова произносятся механическим тоном. «Я обещаю держаться подальше от тебя. Я не буду вести себя неподобающим образом и не буду нажимать на твои кнопки». Нет никаких эмоций или убеждений, ничего, что могло бы заставить меня поверить ему, но я верю. Неохотно, но да.

Потому что у него была я. Зуд почесал. Следующая женщина, пожалуйста. Я распадаюсь на части изнутри. Рассыпаюсь.

«С тех пор, как вы были рядом, Дороти меньше нервничает, - говорит он. «Теперь она может сосредоточиться на моем дедушке. И дедушка любит тебя, - заканчивает он, безжалостно дёргая меня за сердце. Я обожаю миссис Поттс. Я не хочу бросать ее в беде. А его дед? Я тоже его люблю. Черт его побери. Беккер достиг рекордно низкого уровня, используя эмоциональный шантаж. «То, что произошло вчера вечером, больше никогда не будет упоминаться».

И вот оно. Я полна решимости не допустить, чтобы это сломало меня, потому что я знал, что это будет результатом. Я знала это. Но не имеет значения, как мне жаль, что я позволила себе рискнуть там, потому что сожаление Беккера только что уничтожило мое собственное. Это как удар по зубам. Он ошибся. Он пошел против желаний миссис Поттс и деда, а теперь пытается все исправить. Он будет вести себя как обычно, используя свою харизму и силу среди других желающих женщин, и до того, как пройдет неделя, наша ночь будет забыта. И я? Ну, по крайней мере, у меня есть любимая работа, и, надеюсь, он будет человеком слова и будет держится от меня подальше. Конечно, я этого заслуживаю. Я не могу позволить своему упрямству и презрению к Беккеру помешать единственному, что принесло мне радость с тех пор, как умер мой отец. Это означало бы отрезать мне нос назло моему лицу. И я не могу бросить миссис Поттс. Моя совесть этого просто не допустит, не ради наказания Беккера. Или меня, если на то пошло. Потому что отсутствие работы было бы наказанием.

Так что, вырывая из ниоткуда свой профессионализм и игнорируя тот факт, что я оказываю Беккеру услугу, я распрямляю плечи и выбиваю из головы все причины для отказа. «Ты должен мне новый телефон». Мое заявление - это согласие без фактического согласия, и выражение надежды на его лице говорит мне, что он это понимает.

«Готово», - говорит он, его глаза светятся счастьем. Это заставляет меня понять, как

сильно он хочет, чтобы я вернулся, чтобы помочь миссис Поттс, и это осознание заставляет меня видеть Беккера в несколько ином свете. Может, он не такой уж эгоистичный человек. Это также заставляет меня остановиться и хорошенько подумать, потому что, судя по его быстрому согласию только что, я, наверное, мог бы потребовать что угодно и получить это.

Может пора проверить мои границы. «И я хочу повышения зарплаты».

'Выполнено.'

Я поджимаю губы и еще больше думаю. Он действительно на все согласится? Потенциал заставляет меня бежать, вызывая в воображении требования, пока я держу его там, где я хочу. «Не тыкай и не заводи меня».

'Согласовано.' Он кивает.

Я нажимаю еще немного. «Никаких кусков задницы в Убежище в течение моего рабочего дня».

'Все, что пожелаешь.'

'В самом деле?' - выпалила я в шоке. У меня нет права требовать такого, и, честно говоря, я понятия не имею, откуда это взялось.

'Да, действительно.'

'Ой.' Я в тупике. Около. «Я хочу выходные по пятницам».

Его глаза сужаются, и я понимаю, что достигла своего предела. «Не перегибай, принцесса».

«Ой, - визжу я, когда ко мне приходит самое очевидное требование - то, которое я должен был потребовать первым. Я толкаю его в плечо. «Ты больше не можешь называть меня принцессой».

Он нюхает свои мысли по этому поводу. «Что ж, нам не придется беспокоиться об этом, если мы не будем мешать друг другу, не так ли?»

«Прекрасно», - рявкаю я, зная, что он предполагает невозможное. Я работаю на него. Избегать друг друга - роскошь, которой у нас быть не может. Он это знает. Я это знаю. Вот где в игру вступают сопротивление и контроль, хотя похоже, что Беккер не будет бороться в этом отношении.

«Хорошо», - резко отвечает он, показывая мне за спину. 'Забирайся в машину. Я отведу тебя на работу.

Я надменно разворачиваюсь и сталкиваюсь с красным «Феррари». Супер-блестящий. Это воплощение эффектности. Мой нос морщится от отвращения. 'Это твоя?' Не знаю, почему спрашиваю. Кому еще он мог принадлежать?

'Да.' Он кружит в сторону водителя и опирается на крышу. «Может, тебе стоит сесть».

Я хмурюсь. 'Зачем?'

«Потому что, знаете ли, ваши волосы схожи с моим симпатичным моторчиком».

Я в ярости кашляю на его блестящую красную машину. «Что случилось, с тем что меня не подстрекают?»

«Я ничего не могу поделаться». Он на полпути между истерикой и раздражением, когда он кричит на меня через крышу. «Просто глядя на тебя, мне хочется ткнуть тебя. . . или послать ».

«Тогда не смотри на меня». Я обижена, мне противно, и за свои гребаные грехи меня сразу заводят. - И для протокола, глядя на тебя, мне хочется дать тебе пощечину. Ты как раздражающий комар, который никак не отъебется ».

- Комар ?

«Да, комар» .

'да уж...' Он с сомнением смотрит на меня, запрыгивая в машину. «Давай, принцесса. Ты опоздала более чем на час. Ты будешь работать допоздна, чтобы наверстать упущенное ».

Я закатываю глаза и начинаю искать что-нибудь, напоминающее дверную ручку его симпатичного мотора. Нет ничего. « Беккер , где...» Меня прерывает, когда двигатель оживает, но не довольствуясь тем, что заставил меня физически выпрыгнуть из моей проклятой кожи один раз, он начинает крутить его, снова и снова, шум каждый раз заставляет меня трястись от страха. . «Где...» Гудок начинает звучать, сопровождая невыносимые грохоты мощного двигателя, заставляя мои уши звенеть, а руки закрывать лицо, чтобы заглушить яростный крик. Он просто не может с собой поделаться. Он должен либо играть со мной, либо возмутительно флиртовать со мной. Других вариантов нет.

В гневе я отдергиваю ногу и бросаю ее в бок его «Феррари». Наступает тишина. Пока Беккер не выкарабкается из машины и не начинает разглагольствовать, как матрос, стреляя по всей земле. «Какого хрена ты делаешь?» - плачет он, подбегая ко мне и внимательно разглядывая окраску своего ребенка. «Господи, Элеонора, ты хоть представляешь, сколько стоит эта машина ?»

Я нагло пожимаю плечами, когда он недоверчиво смотрит на меня, небрежно проверяя мои ногти. Я не могла бы быть более неуважительно, если бы я попытался. «Я не смогла найти дверную ручку» .

Он излишне драматично показывает на нее, мускулы его челюсти безумно тикают. Он выглядит готовым ударить меня. «Садись», - приказывает он, отпуская дверь.

Он плавно скользит вверх, открывая то, что можно описать только как космический корабль внутри. «Ох». Я смотрю на него с притворным изумлением. «Необычно».

'Точно.'

Я разваливаюсь изнутри, но мне удается удержать его снаружи, когда я прохожу внутрь и натягиваю пояс. У меня такое чувство, что если я покажу свое развлечение, Беккер свернет мне шею. Дверь мягко опускается, и через мгновение он оказывается рядом со мной, вероятно, опасаясь того, что я могу сделать с салоном его драгоценной машины.

«Я не хочу, чтобы ты говорила, - приказывает он сквозь стиснутые зубы. «Ни писка».

«Прекрасно, - отвечаю я, наблюдая, как он теребит несколько кнопок на рулевом колесе. После того, как мой слух был потрясен из-за того, что он включил двигатель, гулкая музыка, которая звучит из миллионов окружающих меня динамиков, не имеет большого значения. Однако я все еще смотрю на него грязно. Не то чтобы он это признавал. Нет, он просто расслабляется в своем шикарном кожаном сиденье и едет по дороге.

У меня пропадает желание сходить с ума по всей его заднице, когда трек играет. Масоны - Без приглашения.

Мне? Я незваная?

Тогда почему он так увлечен тем, что я остаюсь?

Глава 17

Я стараюсь не показывать свое замешательство, когда Беккер пропускает дорогу к Убежищу, но моя голова медленно поворачивается, когда мы проезжаем мимо, выдает меня.

«Теперь ты больше никогда не сможешь бросить работу», - говорит Беккер. Он смотрит на меня краем глаза, прежде чем снова обратить внимание на дорогу и свернуть в пыльный переулок.

'Почему?' Я сажусь на свое место, мне не нравится серьезное выражение его лица.

«Потому что ты сейчас увидишь секретный вход». Он поворачивает машину влево, и я замечаю, как впереди открываются огромные потрепанные железные двери, покрытые граффити.

- Секретный вход? О чем он? Мы проскальзываем между движущимися дверями, и они сразу же начинают закрываться за нами. Автомобиль останавливается, и наступает темнота, звук двигателя достигает совершенно нового уровня в децибелах, а мы заключены в то, что можно описать только как заводское помещение. Он заброшенный, старый и грязный. Это дерьмо.

«Да, принцесса». Он смотрит на меня, все еще сохраняя это серьезное лицо. «Теперь ты в Кругу доверия Беккера».

Я нервно смеюсь, не понимая, к чему он это ведет. - Ты показываешь мне старомодную фабрику, и это ставит меня в круг твоего доверия?

'Точно.' Он опускает солнцезащитный козырек и нажимает белую кнопку, не отрывая глаз от меня.

'Что это?' Я бормочу, хватаясь за край машины, когда она начинает двигаться, но Беккер ее не контролирует. 'Боже мой.' Пол начинает подниматься вокруг нас, закрывая нас, заставляя меня кончить клаустрофобией. « Беккер, что, черт возьми, происходит?» Я отворачиваюсь к окну, когда вижу, как бетон ползет вверх.

'Успокойся.' Рука Беккера опускается на мое колено и мягко сжимает, и я обнаруживаю, что моя рука опускается вниз и берет ее, крепко сжимая. «Это автоматический въезд в мой гараж, вот и все».

Ощущение, что я нахожусь под углом, внезапно регистрируется в моем паническом уме, и я выгляжу через плечо, отмечая, что задняя часть машины опускается, и я прижат к спинке сиденья. «Почему у тебя не может быть приличного гаража, как у нормальных людей?»

Он смеется и свободной рукой заводит машину задним ходом. «Я не нормальный человек, Элеонора. Ты еще этого не поняла? Автомобиль скатывается с рампы в огромную белую комнату, и Беккер выключает зажигание. Я смотрю, как пандус поднимается к потолку с помощью нескольких гидравлических рычагов. Я стала глупой. Беккер - не нормальный человек, я знала это, но вчера вечером и сегодня утром мое заключение поднялось на совершенно новый уровень ненормальных людей. Нормальные люди не трахаются, как Беккер. Нормальные люди не заводят меня, как Беккер. Нормальные люди не заставляют мой пульс биться чаще, как Беккер. А у нормальных людей тайного подполья точно нет гаражи, в которые можно попасть через бетонные полы заводских помещений.

Теперь мне интересно, во что я ввязалась, но по совершенно другой причине. Я работаю здесь несколько недель. Почему я не знал об этом чудовищном подземном пространстве?

Когда рука Беккера сгибается в моей, я быстро схватываю ее, смущенная, прежде чем слепо тянуться к дверной ручке и бороться несколько бессмысленных мгновений. Беккер берет на себя задачу протянуть руку и помочь мне. «Спасибо», - тихо говорю я, не отрывая внимания от той части потолка, которая возвращается на место, пока я медленно выхожу из машины. Шипение воздуха звучит, и я замечаю, что мои глаза блуждают по белоснежному пространству надо мной, видя еще пять секций в потолке, все с прикрепленными металлическими механизмами. Затем мой взгляд опускается до уровня пола, я вижу машины, отброшенные от каждой зоны. Шикарные автомобили. Я смотрю

серебристый Porsche 911, черный Maserati, кричащий черный BMW 5-й серии, серую Audi RS7, и я не вижу последний автомобиль, потому что он спрятан под крышкой. Мой мозг взорвался.

Моя рука бессмысленно машет. «Тебе нравятся машины?» Я как идиотка заявляю очевидное.

Беккер слегка смеется, нажимая кнопку своего брелока. Феррари издает несколько угрожающих звуков и говорит. Настоящие слова исходят из машины. «Включена сигнализация», - имитирует Беккер, подходя к металлическому шкафу, висящему на стене. Когда он заглядывает в маленький черный циферблат, он сразу же распаивается.

«Ты привел меня в МИ5?» - спрашиваю я, недоверчиво смеясь. «Эй, ты же не секретный агент?»

Он громко смеется и закрывает шкаф, как только вешает ключи внутрь. «Нет, принцесса, я не секретный агент, и это не МИ5». Засунув руки в карманы, он медленно поворачивается ко мне, внимательно глядя на меня.

'Что?' - спрашиваю я, чувствуя себя неловко под его пристальным вниманием. «Почему ты так смотришь на меня?»

«Вы видела, чем я занимаюсь».

Я мысленно помещаю меня в Большой зал, где обитает масса исторических сокровищ. «Антиквариат», - пишу я, чувствуя себя немного глупо из-за того, что снова заявляю об очевидном.

«И искусство, и давайте просто скажем, что есть много людей, которые готовы пойти на все, чтобы заполучить некоторые из этих произведений».

«Разве они не могут просто купить их у вас?»

Он снова смеется, пока идет ко мне через гараж. «Да, потому что у всех, кого я знаю, есть лишний миллион тут и там, чтобы купить красивое дерьмо». Его рука легко обнимает меня за плечи и подбадривает меня вперед.

- Они пытаются украсть у вас?

«Если бы кто-нибудь когда-нибудь взломал охрану Убежища, я бы с радостью съел свою руку. У меня хранится самая ценная в мире коллекция антиквариата и искусства, Элеонора. Каждая вещь похожа на моего ребенка, пока я не найду для нее нового владельца. Я тоже не продаю никому, Тому, Дику или Гарри».

- Как Brent Уилсон?

Он смотрит на меня, улыбаясь. «Как Brent Уилсон».

«У вас есть кое-что, чего хочет Brent», - говорю я. Это не вопрос, просто утверждение, которое, как я знаю, является правдой, поскольку Brent сказал мне на нашем свидании, что Беккер Хант имеет привычку получать то, что он хочет.

Беккер смотрит на меня краем глаза. «Думаю, у меня есть кое-что, чего хочет Brent».

Я позволила этому ускользнуть. Он нахальный. Я могу жить с этим. «Почему ты не продашь ему это?» - спрашиваю я, подавляя желание прижаться к нему.

«Ты не продаешься».

«Беккер». Я грубо толкаю его, заставляя его хихикать. Он безжалостен, но я бы солгал, если бы сказал, что эта приветливость не очаровательна. 'Скажи мне.'

Он притягивает меня к себе и целует в макушку. Он фактически втягивает меня в себя и прижимается губами к моей окровавленной макушке. Что, черт возьми, это было? «Я лучше сожгу все сокровища, которые у меня есть, чем продам их ему». В его тоне есть

насилие. Чистое, резкое насилие.

'Почему?' - тихо спрашиваю.

Он смотрит вдаль, задумчивый и внезапно встревоженный. «Скажем так, я не ценю его уважение к антиквариату».

«Тогда почему он всегда здесь?»

«Мне нравится позволять ему думать, что он может заполучить что-то особенное».

Я еще больше запутался. Разве у него нет занятий получше? 'Почему?'

«Держи врагов близко, принцесса», - шепчет он, и в его тихом тоне звучат нотки негодования. Я понял, что Беккер и Brent не любят друг друга, но враги? «Позвони Бонхэмсу», - приказывает Беккер, быстро меняя тему разговора. «Устройте мне частный просмотр их выставки классических автомобилей на следующей неделе».

«Конечно», - отвечаю я, когда он открывает мне дверь и по джентельменски взмахивает рукой, жестом приглашая меня пройти.

Я передаю ему легкую улыбку и оказываюсь в коридоре Убежища, сразу за широкой каменной лестницей, ведущей в его квартиру. Когда Беккер закрывает за нами дверь, она сливается со стеной. Нет никаких признаков того, что это дверь. Мой рот отвисает. «Секретная дверь?»

Он ухмыляется. - Теперь ты в Круге доверия Беккера, принцесса.

Во мне танцует странный трепет. «Тогда для меня большая честь».

«Поверьте мне, ты должна быть».

Я улыбаюсь и продолжаю идти по коридору, Беккер идет следом. Сейчас тихо, никто из нас не разговаривает, и легкий комфорт, которым я пользовался за последние полчаса, снова превращается в электрическую энергию.

Он изучает меня. Я чувствую его взгляд на своей спине, поворачиваю плечи и сгибаю шею.

Профессиональный. Сохраняйте деловой стиль. Это будет чертовски сложно.

Глава 18

'Спасибо за помощь.' Я вешаю трубку Бонхэмс и отмечаю частный просмотр Беккера, пока иду на кухню. Я улыбаюсь, когда Уинстон смотрит на меня и спешит поздороваться. 'Эй, парень.' Я падаю на колени и стараюсь почесать его уши, смеясь, когда он падает на спину, и его нога начинает подергиваться, когда он стонет, его язык безвольно свисает из его разинутого рта. 'Ты скучал по мне?' Я ворчу, перенося чешую на его животик.

«Доброе утро».

Я поднимаю взгляд и нахожу дедушку Беккера, сидящего за столом в своем халате. «Доброе утро, мистер Х.» Я поднимаюсь с пола и беру чайник.

«Сегодня ты выглядишь особенно веселой, Элеонора, - замечает он, приподняв холодную седую бровь. 'У тебя была хорошая ночь?'

Я замолкаю, когда включаю кран, чувствуя, что он знает то, чего не должен. 'Так-так.' Я отмахиваюсь от беспокойства. Он не мог. 'Чай?'

«Нет, спасибо, - отвечает он. Я слышу скрип стула и оборачиваюсь, чтобы увидеть, как он пытается встать на ноги, поэтому бросаюсь к нему, чтобы протянуть руку, не обращая внимания на его гримасу. «Мне следовало посвятить свою жизнь открытию источника вечной молодости, а не торговать древними сокровищами». Он берет свою трость дрожащей рукой, когда я поднимаю ее, закатывая глаза, когда он выпрямляется, вздрагивая, прежде чем отступить, чтобы продемонстрировать свою устойчивость. Тем не менее, мои руки все еще в

напряжении, готовые выскочить и поддержать его, если потребуется. «Подобно бесценным вещам, коллекционированию и сохранению которых я посвятил свою жизнь, - с тоской говорит он, - человеческое тело с возрастом становится все более и более нежным. К нему тоже нужно относиться с осторожностью и уважением ». Он вздыхает. «Но, к сожалению, человеческое тело не становится более желанным и красивым, если оно несколько раз проехало вокруг квартала. Это просто становится обузой ».

Сочувствие захватывает меня. «Вы не обузой, мистер Х.» Я связываю свою руку с его.

Он смеется и хлопает меня по руке. «Ты милая, Элеонора». Я с сомнением поднимаю бровь, пока мы идем к двери кухни. «Энергичная и полна жизнерадостности». Я смотрю на него, когда он останавливается и поворачивается ко мне, позволяя ручке его трости скользить по его запястью и висеть так, чтобы он мог удерживать мои руки, удерживая меня на месте. Думаю, это, вероятно, тоже удерживает его на месте. Его старые глаза, похожие на прекрасные карие Беккера, но немного более бледные, без сомнения, от возраста, удерживают меня. «Я помню, что был твоего возраста. Что бы это было? Середина двадцатых?»

'Двадцать восемь.'

«Двадцать восемь», - размышляет он, нежно улыбаясь. «Похоже на вчера. Вы знаете, я был в Индии, когда мне было двадцать восемь лет. Обнаружил моего первого Будду из чистого золота ».

Я отражаю его улыбку, вижу блеск в глазах дедушки Беккера, когда он говорит о своей страсти. 'Ты первый?'

«Да, я нашел другую в шестидесятых, только вот она была огромная». Он отпускает меня и измеряет расстояние между руками, указывая его размер. «Весил кровотокающую тонны, да».

«Не Пхра Пхутта Маха Суван Патимакон?» Я улыбаюсь. Подумать только, я почти ушел из этого места. Этот мужчина.

Он громко смеется. 'Вы можете себе представить? Пять истекающих кровью тонн чистого золота.

«Ни один человек не поднимет этого сосунка», - серьезно говорю я, увеличивая его веселье.

Он задумчиво качает головой, снова задумавшись. «Как мы до этого дошли?» - спрашивает он, искренне сбитый с толку, и я тоже вспоминаю, удивляясь тому же самому. 'О да.' Он поднимает старый палец, который ужасно согнут, вероятно, пронизанный артритом. 'Двадцать восемь.'

Все это возвращается ко мне, и старый мистер Х. снова держит меня на месте твердой хваткой, его серьезные глаза назад. «Иногда мне хочется вернуться к двадцати восьми. Я бы сделал несколько вещей по-другому ».

'Как, что?'

«Ох уж эти мелочи, то и это».

Я вопросительно сузил глаза на дедушку Беккера. Что-то подсказывает мне, что это нечто большее, чем он показывает, и когда он кашляет и отступает, я понимаю, что кое-что нахожу. 'Например?' - снова спрашиваю я, внимательно его изучая.

Мистер Х, кажется, долго и усердно думает, прежде чем ответить. Кажется, что тишина тянется вечно, давая мне слишком много времени, чтобы сойти с ума от удивления. «Все», - наконец говорит он тихо и с легкой дрожью в голосе.

«Не уверен, что понимаю».

Он слегка смеется и тянется вперед, нежно потирая мою щеку. «Не сейчас, Элеонора. Но я чувствую, что ты будешь здесь достаточно долго, чтобы услышать о наследии семьи Хант ».

«О, нет, мистер Х, мы не будем снова это обсуждать, не так ли? Я же сказал вам, что у меня иммунитет. Как я могу солгать дорогому старику?»

Он хлопает тростью по полу, посмеиваясь. «Да, да, так вы говорите. Я хотел работать, Элеонора. Вы будете какое-то время работать ».

Я сильно краснею. «Конечно», - бормочу я, потому что, если бы я был рядом по той причине, о которой я ошибочно думал, что он имел в виду, меня бы вообще не было здесь надолго.

«Просто помни, что я тебе сказал».

- Что ты мне сказал? Старик много ничего не говорил.

«Мой Беккер воодушевлен».

Я хмурюсь. Какое отношение ко всему этому имеет это для громкого крика?

- Вы тоже очень энергичная молодая женщина, Элеонора. Этот дух только процветал, с того момента как я впервые увидел вас, и мне интересно, почему. Ему, кажется, доставляет огромное удовольствие наблюдать, как я распадаюсь под жаром моих собственных щек, его старые глаза сияют так, как я не видел за то короткое время, что знаю его. «Что-то мне подсказывает, что дело не только в красоте нашего Убежища и ее сокровищах». Я держу рот плотно закрытым, когда его рука касается моего лица, и он снова нежно гладит меня по щеке. «Не позволяйте никому забирать у вас этот огонь. Ты мне нравишься. Я не хочу, чтобы тебе было больно. Нам нравится, когда ты рядом, Элеонора. Женщины, которых догнал Беккер, не остаются надолго. Позвоните мне быть эгоистичным, но я хочу оставить тебя ». Он подмигивает. Это так мило. А потом он неторопливо выходит, встречая в дверях миссис Поттс. Она тепло закутана и загружена двумя очень тяжелыми на вид сумками для покупок. Это идеальное отвлечение. Слова мистера Х. имеют смысл, и мне неприятно, что он прав. Мой дух определенно вырос и был. . . возвращен с тех пор, как я был в Уежище. То, что Беккер сказал вчера вечером, правда. Им нравится, когда я рядом, и они знают, что Беккер может все это испортить. На мою совесть нападает чувство вины. Я чувствую себя гнилой. Это было тонкое напоминание. Или не так уж и тонко. Он знает, что его внук причинит мне боль. Досадно, что он уже сделал это, но я полностью за контроль над повреждениями. Это чудесное место все еще может быть моим убежищем.

Я бросаюсь к миссис Поттс и забираю сумки, а она берет старого мистера Х. за руку. Он отмахивается от нее. «Дороги, пожалуйста, я иду на тридцать футов во двор, чтобы подышать свежим воздухом».

- Разве ты не собираешься одеваться? - спрашивает она, неохотно отпуская руки.

'Может быть да. Может нет.' Он толкает миссис Поттс обратно на кухню и берет ручку. - Я не умру, если не приму душ еще час, правда?

«Не умничай со мной, Дональд».

Он подмигивает мне еще раз, прежде чем закрыть дверь, чтобы мы с миссис Поттс остались одни. Теперь мне предстоит еще одна неприятная конфронтация. Сегодня утром их полно. Готовясь к ее неизбежному расследованию моего опоздания, я начинаю опорожнять сумки - уловка, чтобы не смотреть на нее, когда она задает мне вопросы, которые, как я знаю, будут. Но она этого не делает. Миссис Поттс берет вещи, которые я вынимаю из

сумок, и молча складывает их. Это беспокоит меня больше, потому что теперь я беспокоюсь, что она раздражена мной. Маленькая речь дедушки Беккера о духе и его тонком предупреждении, а теперь и безмолвное обращение миссис Поттс. В последний раз, когда мы были все вместе, у меня были о родимых брошены в меня слева, справа и по центру. Они не могут знать о прошлой ночи, и я планирую так и дальше. Назовите меня жалким, но я не хочу их разочаровывать.

В тишина волочится и тащит, пока у меня не будет больше вещей, чтобы выгрузить из сумки. Это больно. По крайней мере, это для меня, и когда я медленно сложила сумки-переноски в аккуратные квадратики, я спускаюсь, не в силах больше терпеть дискомфорт.

- Прошу прощения за это утро, миссис Поттс. Я поворачиваюсь и кладу задницу на стойку, морщась от вспышки боли. «Вчера вечером я сломал свой телефон, и мне пришлось заказать новый».

Она на цыпочках идет через комнату, пытаясь достать что-то с верхней полки стенного шкафа. 'Что, дорогой?' - говорит она, протягивая руку и сдвигая мешок с сахаром.

Я подбегаю к ней и беру пакет. «Я извиняюсь за это утро».

«А что насчет сегодняшнего утра?»

Я медленно убираю руку, когда она в замешательстве берет сахар. 'За опоздание.'

Она раздражается смехом и несется через комнату, оставив меня в недоумении, пока я радостно смотрю, как она возится. «Глупая девочка», - говорит она. «Я был в городе все утро за покупками. Если бы вы не упомянули об этом, я бы никогда не узнала». Она снова смеется, и мое замешательство начинает утихать, меня берет на себя что-то еще. «Хотя вашу честность я ценю».

Она не была здесь все утро? Она не беспокоилась обо мне? Тот факт, что миссис Поттс не вызывает подозрений, должен стать облегчением. Но это не так. Я слишком зюла, чтобы оценить это. Он врет. Грязный мерзавец врал сквозь зубы.

Миссис Поттс поворачивается и улыбается мне. Я мог бы выглядеть полностью собранным снаружи, но внутри я рву все, что попадает на глаза, в клочья, а также некоторые вещи, которые скрываются из виду. А именно Беккер Хант.

«Ты в порядке, дорогая?» она спрашивает. Ладно, может я не такой сдержанный.

«Да», - пишу я, указывая на кухонную дверь. 'Мне бы . . . гм. . . Лучше пойти. Ногам не терпится бежать, но мне удастся удерживать их, пока кухонная дверь не закроется за мной и миссис Поттс не исчезнет из поля зрения. Тогда их ничто не сдерживает. Я бегу по коридору к офису Беккера, как сумасшедшая, зная, что мне нужно обуздать себя, но не могу найти в себе самообладания для этого. Он солгал мне, коварному ублюдку. Играл с моей совестью.

Я не утруждаюсь звонить в звонок, когда подхожу к двери его офиса, я просто парюсь, и вспыльчивость меня берет верх. - Лживый придурок, - бормочу я, тяжело дыша, и захопываю за собой дверь.

Беккер поднимает взгляд, и требуется несколько мгновений, чтобы заметить то, что мне следовало сначала проверить: один ли он. «Мистер Х.», - выдыхаю я, широко распахивая глаза. Беккер склоняется над столом, его ладонь слегка покоится на плече дедушки, где он сидит в кресле Беккера. Оба мужчины смотрят на меня, один шокирован, другой раздражен.

«Сейчас просто невозможно найти персонал», - тихо говорит Беккер, снимая очки и протирая глаза. Такое уничижительное заявление от него обычно заставляло меня

готовиться к атаке, но я только что заметил кого-то еще в комнате.

Брент медленно поворачивается на стуле с ошеломленным выражением лица. «Доброе утро, Элеонора».

Бля. Какого черта он здесь делает?

«Доброе утро», - отвечаю я, взявшись за ручку двери, отчаянно пытаюсь избежать трех пар глаз, сосредоточенных на мне.

«Думаю, это мой сигнал уйти», - говорит мистер Х., вставая со стула, понимающе глядя на меня, и Беккера хлопает по его плечу. Слишком жесткая похлопывание, чтобы его можно было принять за нежное.

«Нет, правда, я пойду». Я открываю дверь. «Я думала, вы во дворе».

«Я шел туда, пока не нашел Беккера и Брента в коридоре». Мистер Х обходит стол и протягивает руку Бренту, который быстро берет ее и крепко пожимает. «Рад видеть тебя, сынок».

Брент стоит в знак уважения. – И я вас, мистер Х.

Я определенно не скучаю по выражению осуждения на лице Беккера при их разговоре, когда он обходит свой стол, и это заставляет меня задаться вопросом, знает ли его бабушка о вражде между этими двумя и игрой, в которую они играют. «Тебе не нужно уходить, бабушка». Беккер бросает на меня мерзкий взгляд, который я охотно принимаю. Я заслужил это.

«О, да, - мистер Х. указывает на меня своей тростью, - думаю, да».

Я съеживаюсь по всему офису и мысленно чмокаю я держусь вокруг головы с тростью, направленной на меня. Да, совершенно невосприимчива.

«Я не думаю, что безопасно оставаться с ней наедине», - бормочет Беккер себе под нос. Я тоже это принимаю. На самом деле, если бы он уволил меня на месте, я бы не стал его винить. Он смотрит на Брента. 'Было сделано. Увидимся.

Я поворачиваюсь и резко выхожу, но прохожу лишь несколько метров по коридору, когда меня резко сжимают за руку. - Ой, - шиплю я.

«Подожди в библиотеке». Беккер говорит сквозь сжатые челюсти, пытаюсь скрыть угрозу.

«Миссис Поттс даже не знала, что я ушел», - шепчу я, позволяя ему увести меня прочь, опасаясь создать еще большую сцену перед его бабушкой и Брентом, которые тянутся далеко позади и болтают.

«Она бы была, если бы я не вернул тебя сюда до ее приезда».

'Не в этом дело.'

«Заткнись и иди туда». Он проводит карточкой, затем грубо вталкивает меня внутрь, и я поворачиваюсь и вижу, что Беккер пытается закрыть дверь, а Брент держит ее, чтобы он не смог.

«Момент ее времени, если вы не против», - уверенно говорит Брент, собираясь пройти мимо Беккера. Я съеживаюсь, когда Беккер блокирует его.

«Она занята», - резко возражает он, снова дергая за дверь, но Брент не уступает. Выражение его лица решительное, как и его хватка за дверь.

«Я не отниму у нее много времени». Брент говорит хладнокровно, но в его тоне нельзя избежать резкости. Не то чтобы я ожидал, что это изменит тонкий отказ Беккера. Я только что мельком взглянул на профиль своего босса. Он выглядит неукротимым. Это могло обернуться беспорядком.

Я все еще злюсь на Беккера, но не хочу этого делать.

«Вы не будете отнимать у нее время», - говорит Беккер, и губы его челюсти пульсируют ровно и медленно. Он пытается сохранять хладнокровие. Не знаю, как долго он сможет это делать. Тем более, что Brent Уилсон, кажется, получает тошнотворное возбуждение, нажимая кнопки Беккера в том, что касается меня.

Brent собирается отомстить, но не останавливается ни перед чем, прежде чем Беккер входит в библиотеку.

- Дед, проводите Уилсона, пожалуйста. Он с грубой силой закрывает дверь перед Brentом, запирая нас.

Я так зюла по неоправданным и чертовски ребяческим причинам. Наглость Brentа, поведение Беккера, его ложь. Мне нужно сделать глубокий вдох. Быстро. «Я могла бы захотеть поговорить с ним». Я просто не могу ничего с собой поделаться.

Беккер оборачивается, его лицо выражает недоверие. - Ты заставила его высадить тебя по поддельному адресу. И вообще, отношения с частным клиентом и сотрудником противоречат правилам. Проверьте свой контракт ».

Я собираюсь спросить о личных отношениях сотрудника и работодателя, но последняя часть его небольшого выступления только что записалась. 'Какой контракт?'

«Ваш трудовой договор».

«В моем трудовом контракте нет ничего о личных отношениях», - бормочу я. Он чертовски хорошо знает.

«Другой контракт. Отдельный NDA ».

«Что за NDA?» - спрашиваю я, просматривая в уме документы, которые я подписал в свой первый день в Убежище. Там, безусловно, не был отдельным NDA, только раздел, посвященный неразглашению в моем работнике контракта, и, как я уже сказал, что не было никакого упоминания о клиенте и сотрудниках и их отношениях.

«Это документ, который может оказать нам с вами услугу, принцесса. Дополнение к вашим стандартным условиям найма ».

«Хорошо», - кричу я. «Убедитесь, что вы упомянули что-нибудь о сексуальных домогательствах, пока вы это делаете».

Рот Беккера открывается, ошеломленный моей вспышкой. Затем его лицо выражает презрение. Он не знает, что на это ответить. «Подожди здесь», - рывкает он, поворачиваясь и распахивая дверь, хлопая ее и оставляя меня одну в библиотеке, и мне нечего делать, кроме как думать. Одна только эта мысль заставляет меня выбить дверь, но, делая долгий, успокаивающий вдох, я напоминаю себе, что я на работе. Я живу по времени Беккера это не личное.

Я колеблюсь на мгновение, борясь за ясность . Но это личное. Все началось, потому что это стало чертовски личным, и теперь области между работой и моей личной жизнью становятся серыми. Когда можно отомстить, а когда нет? Моя голова падает мне в руки. Я не справляюсь. С первого дня были серые зоны.

На долгом выдохе усталого дыхания я поворачиваюсь и сталкиваюсь лицом к лицу с ближайшей к двери книжной полкой. Тот, с секретным отделением. Секретные отсеки, потайные гаражи, потайные двери. Внезапно мое отчаяние заглушается странным чувством возбуждения, и злые трепетные катки через мой кровоток. Я осторожно опускаюсь вниз, осторожно оглядываясь через плечо, прежде чем наклонить голову, чтобы выглянуть в темную щель.

«Никогда больше не врываешься в мой офис!» Дверь хлопает, и я взлетаю, раскачиваясь. «Я твой гребаный босс. Ты работаешь на меня».

Миллион слов свисает с кончика моего языка, многие оправданы, но они остаются именно там, где они есть, неподготовленные, чтобы поддержать меня, и, вероятно, мудро тоже. Я далеко перешагнула границы, и хотя Беккер тоже несет ответственность за разрушение границ, я уверен, что сейчас не самое подходящее время, чтобы напоминать ему об этом. В настоящее время он пытается выбраться из пиджака, крича при этом. Он в ярости.

«Где твоё гребаное уважение?» Его куртку бросают на диван, а затем он начинает дёргать за галстук. «Вломиться в мой гребаный офис. Кричать и ругаться». Трахни продолжают приходить и приходить, и я принимаю их всех, смертельно неподвижно стоя, пока он топает по библиотеке, попадая в возбужденный, потный беспорядок. «И перед моим дедушкой». Его напыщенная речь продолжается добрых несколько минут, Беккер болтает, а я притворяюсь, что слушаю, в то время как то, что я на самом деле делаю, молча приходит к моему собственному выводу: его истерика не имеет ничего общего с моим поведением перед его милыми дедушками, и все, что связано с его борьбой с серыми зонами. Эта его сторона - неуверенная, уязвимая сторона - подобна качеству искупления. Это делает его более человеческим. Показывает, что у него есть чувства. Я не уверен, хорошо это или плохо.

Это плохо. Однозначно плохо.

Мои глаза следят за ним, марширующим по библиотеке, пока он, наконец, не останавливается и не выдергивает телефон из кармана. Он агрессивно набирает некоторые цифры. - Васс, - рявкает он.

Я хмурюсь, когда он снова начинает свой упорный марш по библиотеке. Васс? Доктор Васс? Его терапевт? Он хочет поговорить по телефону, пока я здесь?

- Беккер Хант, - рявкнул он. - Пусть она мне перезвонит. Это срочно! Он вешает трубку и несколько секунд смотрит на меня настороженными глазами. «Почему ты такая тихая?» Его вопрос очень милый.

Чрезвычайная ситуация? Я в чрезвычайной ситуации? Честно говоря, сейчас я хочу его обнять. Моя голова тоже могла взорваться. Я должен попросить его связать меня и со своим врачом, потому что я, черт возьми, должен увидеть психиатра. «Я не хотела тебя прерывать», - говорю я, складывая руки перед собой.

'Ой.' Брови Беккера встречаются посередине. «Что ж, я закончил». Он делает тщетную попытку успокоиться.

'Ладно.'

'Ладно?'

«Да, хорошо», - отвечаю я очень спокойно.

«Это все, что ты хочешь сказать?»

Я не могу спросить, зачем ему говорить с доктором Вассом. Это его дело. Кроме того, он не знает, что я знаю, что у него есть терапевт. «Ты хочешь, чтобы я сказала тебе, как я разочарован тобой?» Я тихонько хвалю себя за самообладание.

«Ты разочарована мной?» Он смеется, но это нервный смех, наполненный опасениями.

'Да. Ты солгал мне. Если наши отношения будут работать, должно быть доверие».

Одна из его бровей слегка приподнимается, его лицо терзает беспокойство. «Отношения?»

«Рабочие отношения», - поясняю я, испытывая кайф от ощущения дискомфорта, причиняемого ему этим глупым словом. «Если ты так отчаянно хотели вернуть меня,

следовало бы просто сказать это, вместо того, чтобы прибегать к помощи миссис Поттс и играть на моих эмоциях».

«Эй, эй, подожди минутку. В отчаянии? Он смеется, осторожно шагая вперед, как будто слишком напуган, чтобы приблизиться. «Я не отчаиваюсь, принцесса. Ты сейчас немного забегаешь вперед».

"Я?" Мой вопрос беспечный, но чертовски дерзкий.

'Боже мой.' Он смотрит в потолок. - Есть какая-то часть тебя, которая меня не заводит?

«Ясно, что нет», - быстро отвечаю я, поворачиваясь к выходу. «Может, лучше я уйду». Я с ним разобралась.

«Нет, Элеонора, подожди».

Уголки моего рта тянутся к улыбке. О, я действительно его проработала. Этот бизнес между нами еще не закончен. Вчерашняя встреча не испортила химию. Во всяком случае, это хуже, так почему, черт возьми, я так рад этому? Я должен опасаться худшего. Думаю, меня утешает тот факт, что он так же расстроен и сбит с толку этим беспорядком, как и я. Но мне еще есть что терять, даже если мне кажется, что сейчас я одержала верх.

На самом деле нет.

Медленно останавливаясь, я поворачиваюсь, не позволяя улыбке вырваться наружу. Это сложно. Я веся в восторге от Беккера Ханта и его предполагаемого уважения на рабочем месте. – Успокойте ваши штаны, мистер Хант, - дерзко говорю я. «Я собирался только заварить чай».

Его глаза почти вылезают из головы, его рот скручивается, без сомнения, чтобы сдержать мерзкий взгляд, который он хочет бросить на меня. Но сквозь ужас того, что меня прибили, я вижу, что веселье начинает проявляться. Он борется с улыбкой. «Ты гонишь меня долбаными крекерами».

Я смотрю на него как можно лучше и указываю на него пальцем. «Не лги мне снова».

«Я не буду».

'Хороший.'

Его улыбка становится свободной, мягкой и красивой. 'Принимайтесь за работу.'

'Сразу.' Я возвращаюсь к двери, наблюдая, как Беккер наблюдает за мной с растягивающейся улыбкой. Это зрелище вот, настоящая счастливая улыбка. Затем он отнимает у меня это, когда он поворачивается и идет к ближайшей книжной полке, прилагая дополнительные усилия к своей сексуальной прогулке. Это сделано намеренно. Он меня проверяет. Этот человек действительно высокомерный придурок, и мне жаль, что я его действительно ненавидела. Но я этого не делаю. За свои грехи он мне и нравится.

Я останавливаюсь, когда спиной встречусь с дверью, мой взгляд опускается на это особое место, я вижу, как оно напрягается и раздувается его длинными шагами. Я ничего не могу поделать. Я расслабляюсь у двери и впадаю в транс. Он играет.

«Перестань смотреть на мою задницу», - говорит он через плечо.

«Нет». Мой отказ приходит без раздумий, и я внезапно больше не смотрю на его задницу, потому что он развернулся, давая мне что-то еще, чтобы полакомиться. Что-то, с чем я теперь, так сказать, в личных отношениях. Что-то, с чем я была знакома, и мой грязный разум отвлекся, гадая, смогу ли я снова получить удовольствие в ближайшее время.

'Что вы сказали?'

- Простите? Я снова на планете Земля с мощным грохотом, когда шок на его

лице регистрами .

«Именно », - говорит он, делая несколько шагов вперед. 'Что вы сказали?'

Моя рука слепо нащупывает ручку позади меня, пока я ищу правильный ответ. - Немедленно, - нерешительно заикаюсь я, избегая его вопрошающих глаз. «Я немедленно вернусь к работе».

«Нет», - медленно говорит он. 'После того. Когда я сказал тебе перестать смотреть на мою задницу.

Я замолкаю, не зная, как ответить. Он услышал. Я чертовски хорошо знаю, что он слышал, поэтому тот факт, что он хочет, чтобы я повторил, говорит мне, что он просто хочет услышать это снова. Конечно, если бы он хотел забыть о прошлой ночи или притвориться, что не слышал того, что я только что сказал, он не стал бы заставлять меня повторяться. Мои выводы только усиливаются с каждой минутой, а это значит, что в настоящее время я держу карты в руках. Я та, кто диктует, что будет дальше, но я только что кое-что поняла. Что-то значимое.

Я хочу, чтобы это повторилось снова.

Он заставляет меня чувствовать себя живой.

Я злюсь на него или пытаюсь удержать руки подальше от него, он заставляет меня чувствовать себя живой. Мое сердце колотится каждый раз я с ним. Он все делает красочным. Я продолжаю возвращаться к более предсказуемое, пьянящим столкновениям, потому что в глубине души я пристрастился к приливу крови к голове каждый раз, когда он меня тыкает. Мне нравится, как я себя чувствую рядом с ним. Мне он нравится. Нетрадиционный, дерзкий, дерзкий, но умный. Не извиняющийся за то, кем он является. Увлечен своей страстью. Абсолютный индивидуалист, как и говорили его деды. Поистине энергичный. И он тоже откопал во мне дух. Из меня было высосано все - моя душа, мое сердце, моя сущность - оставив пустоту, которая быстро наполнялась печалью и горечью, которая медленно тонула во мне. Не было духа. Не было страсти. Я стал пустой оболочкой, которая существовала, которая совершала ежедневные движения жизни без. . . жизнь. Или надеюсь. За любой улыбкой, которую я давала, быстро следовало мучительное чувство вины. Любая попытка отвлечься, двигаться дальше быстро сопровождалась душевным избиением моей совести .

'Элеонора?' Беккер прерывает мои размышления своим мягким тоном, и я понимаю, что смотрю сквозь него, вижу вещи из моего прошлого, которые должны оставаться на месте. В нескольких милях отсюда. Но теперь я здесь. В моем настоящем. Я должна быть разумной, учитывая, что Беккер, кажется, на мгновение потерял рассудок. 'Что ты сказала?' - повторяет он, тяжело дыша, собираясь с силами.

Я буду разумной. Я должен быть разумной. 'Я сказал . . . нет. Рациональная мысль покинула меня, как всегда, когда я с Беккером Хантом. Он попал в засаду из-за безрассудства, и в этот поучительный момент я, кажется, потерял склонность рассуждать со своим идиотизмом. «И ты действительно не хочешь, чтобы я переставала смотреть на твою задницу», - добавляю я.

Он криво улыбается мне. «Это хорошая задница».

«Ты понятия не имеешь», - выдыхаю я, чувствуя, как что-то меняется между нами. Это принятие.

Но затем его улыбка исчезает, и его взгляд падает вместе с ней, прежде чем он глубоко вздохнет и снова медленно поднимет глаза вверх по моему телу, время от времени

останавливаясь. Когда мы смотрим друг на друга в течение нескольких минут, он спрашивает: «Что здесь происходит, принцесса?»

«Не знаю», - тихо признаю я, желая, чтобы он поделился своими мыслями о наших запутанных столкновениях - как ментальных, так и физических.

'И я нет.' Его лоб морщится, когда он сует руки в карманы. "Ты меня злишь на почасовой основе .

«Точно так же».

Он улыбается. «Ты тоже меня заводишь так же часто».

«Точно так же», - повторяю я, не сдерживаясь.

«Пытаться рассердиться, когда мой член пульсирует, непросто. Это похоже на то, что гнев усиливает то, насколько я хочу тебя »

У меня перехватило дыхание, моя рука начала дрожать на золотой ручке двери. Я не уверен, безопасно ли его выпустить. Мои ноги кажутся желе. Он действительно не сдерживается. «Беккер, я люблю эту работу». Мне нужно, чтобы он это знал.

Он начинает медленно кивать, понимая. «И мне нравится, что ты здесь».

- Чтобы тебя раздражать?

«Чтобы смотреть на тебя». Он начинает приближаться ко мне, и моя спина инстинктивно прижимается к двери. «Я могу смотреть на тебя весь день, принцесса».

«Ты не можешь называть меня принцессой», - бормочу я. Меня окутывает такое сильное желание, что я изо всех сил пытаюсь вспомнить, как он должен меня называть. Какое мое имя?

Он приближается ко мне несколькими ленивыми шагами и прижимает всю свою грудь к моей, прижимая к двери. Я сглатываю, боясь смотреть ему в глаза. У Беккера нет такого страха. Он слегка кладет кончик пальца мне под подбородок и оказывает легчайшее давление, совсем не заставляя меня, поэтому, когда я поднимаю лицо, чтобы противостоять ему, он знает, что это только с готовностью. Наши рты чистятся. Если я позволю своему языку пройти мимо моих губ, я снова смогу почувствовать его вкус. Так близко, это все, о чем я могу думать. Но потом он говорит, и мой голод достигает невыносимого уровня. «То, что я предпочитаю называть тебя так, не будет фигурировать в твоей хорошенькой головке, принцесса, когда...»

«Ты насилуете меня самыми изощренными способами, которые только можно вообразить». Я выдыхаю слова в потоке похоти и отпускаю дверную ручку .

'Точно.' Он уверенно хватает меня, вонзая пальцы в мои волосы и крепко сжимая. - Какие-нибудь последние слова, мисс Коул?

'Да.' Я кладу руки ему на плечи и прижимаюсь лбом к его. «Это не считается моим бонусом» .

Его глаза блестят от удивления. «И то, что я собираюсь сделать, не считается сексуальным домогательством».

«Хорошо».

«Хорошо».

Наши рты яростно сталкиваются, Беккер грубо толкает меня в дверь. Мой разум засыпан миллионами воспоминаний прошлой ночи. Восхитительные воспоминания. Воспоминания, которые я хочу сохранить навсегда. И воспоминания, которые я собираюсь использовать.

Мои руки берутся за собственные мысли, дергая его за рубашку, выдергивая ее из его брюк, чтобы я могла провести руками по его груди. Я стону от счастья, когда мои ладони

натываются на его живот, мои пальцы начинают снова и снова обнаруживать идеальные волны. Он внезапно катит нас и резко хлопает спиной о дверь, издавая оглушительный стук.

«Черт возьми». Он хватается за мою свободную руку и направляет ее к выпуклости под брюками. Я сжимаю, когда я тяжело дышу, и он зажмуривается, скользит руками по моей заднице и нежно массирует. Легкое давление на мои нежные щеки напоминает мне о том, когда он был здесь в последний раз. «Я и твоя задница станем очень дружны, Элеонора».

Я стону и бесстыдно толкаю его в руки, покусывая его подбородок, затем перекачиваюсь, снова прислонившись спиной к двери. Его руки касаются талии моих джинсов и медленно движутся вперед, слегка касаясь моей кожи на своем пути. Каждый дюйм во мне покалывает, мои мысли растекаются, когда он снова берет за мой рот.

Взрыв.

Мое тело трясется вперед, толкая Беккера, но я не отказываюсь от его рта.

Взрыв.

Я снова лечу вперед, на этот раз с большей силой, и Беккер резко опускает мои губы и меня.

Он смотрит мимо меня на закрытую дверь, в которую я сейчас опираюсь, затем на меня обеспокоенными глазами.

«Проклятая дверь». Раздраженный тон миссис Поттс доносится до комнаты, перекрывая тяжелое дыхание, которое мгновение назад пропитало эротическое пространство.

Мои глаза выпучиваются от паники, и я закрываю рот рукой.

«Черт», - говорит Беккер, пятясь, его руки срочно заправляют рубашку. Я снова лечу вперед, но на этот раз у меня нет Беккера, чтобы отскочить, но он тянется ко мне, просто ловя меня, прежде чем я спотыкаюсь на коленях. «Она крепкая старая птица», - ворчит он, быстро успокаивая меня, прежде чем уйти и оставить меня на произвол судьбы.

Я оборачиваюсь, не зная, что делать, уверенная, что у меня красное лицо и вся моя одежда не на своем месте. Это мертвая распродажа, но прежде чем я успеваю обдумать свой лучший ход, дверь с грубой силой распахивается, обнажая раздраженную миссис Поттс. «Дверь снова заедает», - лает она, хватая ее и несколько раз раскачивая взад и вперед.

Я воспринимаю ее мгновенное внимание к двери как возможность кинуться к ближайшей книжной полке и схватить первую книгу, которая попадется мне в руки.

«Я попрошу кого-нибудь взглянуть на это», - говорит Беккер, и я смотрю вверх и вижу, как он борется с улыбкой, наблюдая, как я бесцельно перелистываю страницы.

Я смотрю на него с болью и закатываю глаза. Он выглядит совершенно собранным, в то время как я борюсь с подавляющей паникой. Я ерзаю, и становится только хуже, когда я чувствую, что миссис Поттс смотрит на меня. 'Что с тобой случилось?' она спрашивает.

Я хочу умереть на месте. Невосприимчива? «Ничего», - пишу я, кладя книгу на место и взявшись за полку, небрежно к ней прислонившись. Это совсем не случайно. Я должен выглядеть виноватым, насколько я себя чувствую. Я отпускаю и взъерошиваю волосы. Беккер выглядит так, будто может рассмеяться в любой момент, но вскоре он закрывает глаза на это, когда миссис Поттс бросает в его сторону подозрительные глаза.

'Что?' - спрашивает он, как всегда дерзко. Ему это нравится. Отважный индивидуалист.

'Кому ты рассказываешь.'

- Что вы хотите, чтобы я вам сказал?

- Не ругай меня, мальчик Беккер. Она грозно машет пальцем ему в лицо, снова взглянув на меня, без сомнения, ища дополнительных доказательств. Я уклоняюсь, невольно давая ей это доказательство.

«Нечего сказать, - неубедительно говорит Беккер .

Она усмехается и подходит к нему, совершенно непринужденно, оглядывая его с головы до ног. При любых других обстоятельствах, Беккер осторожно попятился от маленькой старушки, что было бы смешно. Но я слишком волнуюсь, чтобы смеяться. Миссис Поттс предупредила меня, и я знаю, что она предупредила и Беккера. Она не одобряет. Она знает последствия, как и я.

Беккер останавливается только тогда, когда его ноги встречаются с диваном, а взгляд миссис Поттс останавливается на воротнике его рубашки. Она медленно протягивает руку и осторожно берет угол между пальцами, задумчиво размышляя. Я хмурюсь, но потом начинаю волноваться, когда она поворачивается и медленно идет ко мне. Как и Беккер, я отступаю, пока не прижимаюсь к книжному шкафу . Она поджимает губы и сужает глаза. - У тебя сегодня красивый оттенок помады, дорогая.

Мои пальцы тянутся к моему рту, и мои глаза отливает через плечо, чтобы увидеть Беккер быстро взглянуть на воротнике, прежде чем он коснется на что - то. Мазок. От моей помады. Затем он смотрит на меня с открытым ртом. Его хладнокровие сменилось супер-хладнокровием миссис Поттс. Теперь он тоже выглядит виноватым.

Поймали.

Она мычит, и я заставила ее невинно, сладко улыбнуться, по какой причине, не знаю. Я никого не шучу. Моя внешность, мое поведение, доказательства - все это сделало меня виновным по обвинению. Допроса не требуется. - У вас сегодня днем аукцион Countryscape. Миссис Поттс разговаривает с Беккером, но смотрит на меня. «Вы не должны поторопиться, иначе вы многое опоздаете».

Мой дискомфорт внезапно переходит в возбуждение. Countryscape? Я слышал об этом. Или прочтите об этом. Частный аукционный дом в большом особняке. В нем представлены некоторые из самых известных произведений в истории. Сказать, что это суперэсклюзивный вариант - ничего не сказать. Только самые богатые и заслуживающие доверия проходят через эти двери. По одобрению. Черт возьми.

«Я жду звонка от Дока...» Беккер останавливается на полуслове и бросает на меня неодобрительный взгляд. Доктор Васс. Его терапевт. Мне безумно любопытно. Он обсуждал меня со своим терапевтом? «У меня конференц-связь», - говорит он.

- Тогда я уйду в два. Я забираю Элеонору.

'Элеонору?'

'Меня?' Наши ошеломленные ответы сталкиваются, и мы оба уставились на Беккера, как будто он сошел с ума.

«Да», - говорит он, беря книгу с ближайшего стола и бессмысленно рассматривая ее, небрежно стряхивая пыль, которой нет.

«Это неразумно, мальчик Беккер». Тон миссис Поттс звучит предостерегающе.

Он кладет книгу на стол и уверенно приподнимает подбородок. Это смешно, но я не уверен, как интерпретировать его неуместную доблесть. «Покупка - это часть нашего бизнеса, миссис Поттс. Элеоноре будет полезно узнать это.

'Но . . . мы . . . она . . . ' Миссис Поттс заикается, ее хладнокровие исчезает. «Ты никогда не водишь компанию на аукционы», - рявкает она, в ее голосе появляется

беспокойство. «Тебе нужно сконцентрироваться».

Я держу рот на замке. Я заинтригована. Часть меня отчаянно хочет уйти, но я слишком боюсь говорить, опасаясь, что меня порежет сердитый язык миссис Поттс. Мое решение застегнуть молнию только укрепляется, когда она поворачивается и внимательно меня изучает. Понятия не имею, что у нее в голове. Может быть, ей интересно, кто спровоцировал инцидент, в которые она только что вошла. Это должно быть легким выводом. Но это не так. Мы оба виновны, и я могу сказать, что она это чувствует. Я чувствую, что она копается в моих мыслях и читает их.

«Я буду в своем офисе», - объявляет Беккер.

Какого? Я смотрю на него, когда он приближается к двери, и я качаю головой, запрещая ему покидать библиотеку, чтобы я мог встретить гнев миссис Поттс в одиночестве. Дружелюбная старушка сейчас выглядит действительно устрашающе. Она недовольна. Мы могли бы быть оба виновны дурачась, как пара секса изголодавшихся головорезов, но последняя бомба - он взял меня к Countryside - это идея Беккера и Беккер в одиночку. Я уклоняюсь от ответственности.

Извиняясь передо мной, он продолжает двигаться к двери, игнорируя злые глаза, которые я посылаю ему, то, что я отчаянно пытаюсь скрыть от миссис Поттс.

'До свидания.' Он распахивает тяжелые двери и исчезает.

Ублюдок.

Я остаюсь на месте, чертовски неловко, жду этого. Время, кажется, останавливается, затягивая мою пытку, пока миссис Поттс берет свой тряпку на ближайшую книжную полку и перекидывает ее по нескольким полкам. Я должен бежать, но когда я уже собираюсь броситься к нему, она тяжело вздыхает. Затем она поворачивается и, покачиваясь, идет через библиотеку к дверям. Это оно? Просто вздох? Благодарю свои счастливые звезды, спустившиеся на месте.

Но я снова задерживаю дыхание, когда она останавливается, кладя руку на золотую ручку двери. «Элеонора», - говорит она тихо, но недостаточно тихо, чтобы я притворился, что не слышу. В любом случае, я бы не поступил так неуважительно.

- Да, миссис Поттс? Я сохраняю свое уважение и смотрю на нее, когда она поворачивается, в надежде, что я избавилась от всей вины и опасений на своем лице. По крайней мере, я стараюсь изо всех сил. Понятия не имею, удалось ли мне, и ее серьезное лицо не дает мне никаких намеков.

«Здесь нет счастливого конца, дорогая». Голос у нее мягкий, почти жалкий. Может быть, это тревожный подтекст, говорящий мне, что она говорит разумно, или, может быть, это мой инстинкт. «Если, конечно, я не ошибаюсь в своих предположениях».

Мне почти удается скрыть свое хмурое выражение. Я точно знаю, каковы ее предположения, и я ничего не могу сделать, чтобы помешать ей сделать то, что она предполагала. Мой разум убегает вместе со мной, когда я стою, как статуя, под взглядом миссис Поттс, и мой ответ звучит убедительно, что я притворяюсь с точностью до дюйма своей жизни. И я чувствую себя виноватой, что солгала милой старушке. «Между мной и мистером Хантом ничего не произошло».

'Это хорошо. Я уже говорил тебе, Элеонора, у него нездоровый способ справиться со смертью своих родителей. Не будь одним из этих способов. Оставьте это Алексам этого мира ». Она кивает и выходит из библиотеки. Мое облегчение должно быть заметно по дефляции легких, но я совсем не чувствую этого. Ее слова ужалили, как оса-монстр. Вчера

вечером меня мгновенно перенесли в ночной клуб, и женщины накинулись на него. И за пределами своего офиса, когда он устроил для меня специальное шоу. Как и тогда, у меня украли способность дышать. Мое сердце болезненно сжимается в груди, и тревожная ярость обжигает мой разум, как кислота заливал мой мозг. Оставьте это Алексам этого мира. Временные женщины. Многие временные женщины.

Моя тяга к Беккеру уступила место неуверенности после тонкого подталкивания и резких слов миссис Поттс. Это нелепо. Любой с полуфункционирующим зрением мог ясно видеть, что здесь происходит. Я не настолько наивна, чтобы поверить, что миссис Поттс купилась на мою глупую ложь. Она чертовски хорошо знает. Это отсталое взаимопонимание, вот что это такое. Извращенный способ признать это, но вместе сделать вид, что этого никогда не было.

Нож крутится. Я в чертовых душевных муках. Проблема в том, что я не уверен, кто виноват в моей боли. Действительно, это моя вина. Все мне. За то, что он слаб в данный момент. Я быстро напоминаю себе, что у меня есть любимая работа, и мне следует сосредоточиться на ее сохранении.

Я смеюсь над собой и своей глупостью, когда нахожу честерфилд и бросаюсь в него. Предупреждения, неодобрение. Я не собираюсь влюбляться в высокомерную пизду. Мой мыслительный процесс, в частности моя последняя мысль, ударяет меня, как кирпич. Категорически этого не произойдет, и это наводит меня на следующую отрезвляющую мысль, чему помогает воспоминание о моей встрече с озлобленной женщиной в дамском ночном клубе прошлой ночью. Какой смысл поощрять что-либо между нами? У него есть срок годности, и что тогда? А именно с моей работой? Моя ладонь касается горла, когда я начинаю задыхаться. Я бы не смогла здесь работать. Мы повеселимся, кому-то из нас станет скучно и он закончит роман - наверное, Беккер - и тогда работать вместе станет невозможно. Все друзья никогда не работают, и отношения работодателя и работника в целом определенно не будет. О боже, о чем я думал? Миссис Поттс пытается сделать мне одолжение. Она сказала себе, что я нужна ей здесь. Она знает не хуже меня, что безрассудный роман с Беккером положит конец моему пребыванию в Убежище. Однажды одна ночь чуть не разрушила его. Она хочет меня удержать. Неудивительно, что она пытается предотвратить это. Она видит смысл. Это хорошо, поскольку в последнее время мое чутье слишком часто покидало меня. Я приехал в Лондон, чтобы продолжить карьеру своей мечты. Чтобы не попасть в интригу с известным бабником. О чем я думаю?

У меня нет возможности анализировать ситуацию дальше, хотя мне и не нужно. Дверь открывается, и появляется голова Беккета. 'Тут безопасно?'

«Спасибо за это», - саркастически говорю я. Почему он выглядит таким улыбочивым?

Его плечи подпрыгивают от легкого пожатия, и он проскальзывает внутрь, тихо закрывая за собой дверь. Он небрежно подходит ко мне, а когда добирается до меня, приседает и прижимает меня к дивану. Я настороженно откидываюсь назад, а он хмурится, сбитый с толку моим отказом. Это самое милое выражение, хотя и немного раздражающее. Я уверен, что миссис Поттс нашла бы его и тоже проверила бы в реальности. Или предупреждение. Ему все равно? Хорошо, я знаю. Презрение и отрезвляющие слова миссис Поттс сейчас блуждают по моей голове. Я не забуду ничего из этого делать в спешке.

'Что случилось?' - спрашивает он, выпрямляясь. Он выглядит встревоженным, и он

должен быть таким.

- Разве она не предупредила тебя только что?

«Мне звонили».

Он был на звонке. К своему терапевту? Что говорит этот терапевт? О чем они говорят? Поощряется ли это между нами? Или разочарованы? Как бы то ни было, его поведение сейчас не похоже на то, что ему в глотку запихнули ту же дозу реальности, что и мне. Он действительно хочет продолжить с того места, где мы остановились?

Похоже, это моя задача - положить конец этому безумному дерьму раз и навсегда. Я встаю, заставляя его тоже встать. «Я буду продолжать раоту». Мой голос дрожит, и я смотрю на его грудь. Я не могу смотреть на него. Я не должен смотреть на него.

«Хорошо, - тихо говорит он, растягивая слово. Он не двигается, поэтому я отхожу в сторону, видя, как его ботинки двигаются вместе со мной.

'Есть ли еще что-нибудь?' - спрашиваю я, заставляя свои голосовые связки оставаться устойчивыми.

'Да, есть.' Он подходит, беря меня за подбородок пальцами и приподнимая мое лицо, удивляя меня. Я знаю, что будет дальше, но я не сопротивляюсь. Он опускается и утверждает мои губы, но его жестокая тактика давно прошла. Он нежный и медлительный, ласковый. Это отправляет мой смущенный разум в еще один штопор.

«Мистер Хант, пожалуйста». Мои руки касаются его груди и слегка толкаются. Неубедительно.

«Хватит болтовни мистера Ханта, принцесса», - бормочет он мне в рот, обвивая красивую руку вокруг моей талии. «Твоя попытка формального не смывается». Я прижимаюсь к нему, мои ладони на его груди теперь зажаты. Это плохое место для них. Он почти благоговейный, его язык лениво блуждает по моему рту.

'Пожалуйста.' От этого поцелуя у меня кружится голова. Головокружение от восторга, головокружение от сомнения. Он поглощает меня, обездвиживая ощущением своих мягких губ и нежного языка. Это так хорошо. «Пожалуйста», - снова шепчу я, слабо умоляя. 'Пожалуйста остановись.'

Наш поцелуй замедляется. Крошечный прикус моей губы, за которым последовал нежный поцелуй, почти настиг меня, почти заставил меня освободить свои зажатые руки и обвить руками его шею. Но я этого не делаю. Я позволяю ему вырваться и покинуть мое неустойчивое тело.

'Ладно.' Он залезает под очки и устало трет глаза. 'Сделано.'

Опять же, думаю я. Это сделано снова, но на этот раз следующего раза не будет. Перспектива - замечательная вещь. Это чертовски больно. Моя рука тянется к блузке, и я кашляю, прочищая горло. 'Спасибо.'

Он кивает, его губы сгибаются в прямую линию, когда он смотрит на меня. Он пытается понять меня, и, зная, что я демонстрирую все виды неуверенности, я на мгновение отворачиваюсь от него. Он вздыхает и указывает на часы. 'Сейчас полдень. Я все равно хочу, чтобы ты поехали со мной в Countryside, учитывая, что ты, кажется, относишься к этой работе очень серьезно.

Он пытается быть смешным, пытается поднять настроение. Я благодарна, но не уверена, что проводить с ним больше времени было бы хорошей идеей прямо сейчас, как бы мне ни хотелось испытать Countryside. - Не думаю, что миссис Поттс это устроит, - говорю я, указывая на дверь. «Ваш частный просмотр в Bonhams назначен на пятницу на следующей

неделе. Девять часов. «Рембрандт» был возвращен, и волосная трещина на раме отремонтирована». «Продолжай заниматься бизнесом», - говорю я себе. Держать его в безопасности. «Я должен уйти, пока миссис Поттс не выследила меня».

Он смеется, но его зашнуровывает раздражение. «Я разберусь с Дороти. Я хочу чтобы ты пришла.»

Я неуверенно отшатываюсь. «Это не будет хорошо смотреться. Мы с тобой уходим ...

- Хочешь пойти со мной, Элеонора? - тихо спрашивает Беккер, в его глазах задерживается что-то такое, что я видел раньше. Отчаяние? Он хочет, чтобы я пошла?

Я киваю и тяжело сглатываю, думая, что могу быть злейшим врагом самому себе. 'Да, я хочу.'

«Хорошо, мы уезжаем через час». Он направляется к двери, его длинные шаги съедают расстояние в мгновение ока, ограничивая мое время просмотра его задницы. Я стараюсь не разочаровываться. Я жду его обычной шутки, когда он узнает, что я смотрю на нее. Но этого не происходит.

Взяв ручку, он открывает дверь, но затем останавливается. Он не оборачивается. «Наденьте что-нибудь красивое», - мягко приказывает он. «Это сельская местность. Все по-усадебному и шикарному. Дверь закрывается, и он уходит, оставив меня в состоянии внезапной паники.

Что-нибудь красивое? Я смотрю на свою комбинацию джинсов и рубашки, затем на часы. У меня есть час, чтобы что-то собрать.

Черт, я должен встретиться с Люси за обедом. Я мысленно выслеживаю свой телефон. . . на тротуар за пределами клуба. Я ныряю к телефону на кофейном столике и звоню в справочную, чтобы узнать рабочий номер Люси. Затем я делаю быстрый звонок, чтобы отменить обед, кормя ее небольшими обрывками информации, которые сводят ее с ума. Она разрешает мне повесить трубку только после того, как я обещаю сообщить ей позже.

Глава 19

Не могу поверить, что сделал это. Как сумасшедшая, я побежала по Риджент-стрит в поисках магазина, любого магазина, чтобы найти что-нибудь подходящее для события. Я бы никогда не добрался до дома, переоделся и вовремя вернулся в Убежище, так что я не собираюсь ругать себя за легкомыслие в час нужды. Моя кредитная карта предназначена для экстренных случаев, и это срочно. Это мое оправдание, и я его придерживаюсь. Меня даже устраивает тот факт, что я купила не только новое платье - красивое пудренное платье с застежкой на пуговицы, которое обнимает меня за грудь и бедра, прежде чем тонны материала упадут мне на колени - я также схватила прекрасный голый традиционный макинтош, который дополняет его. Помощник сказал, что это было «вау», и моя кожаная куртка просто не подходит. На моих ногах тоже не было ботинок, и поэтому мои ноги теперь украшены великолепными туфлями телесного цвета. А шея у меня замерзла, поэтому завершила образ массивным кремовым шелковым шарфом. И кремовые кожаные перчатки в тон.

Я игнорирую непристойную сумму денег, которую я только что потратил, и причину, по которой я их потратил, и бегу по знакомой аллее. Я улыбаюсь . . . пока я не выйду в мирный покой внутреннего двора Убежище и не увижу миссис Поттс, ждущую меня. Мои ноги заикаются, и я тихо стою, пока она принимает меня и мою новую одежду. Черт возьми, я приложила слишком много усилий, и это не ускользает от ее внимания. Беккер говорил с

ней о Countryside? И если он это сделал, она злится?

«Ты прекрасно выглядишь, дорогая», - говорит она, ошеломляя меня. «Ты вступишь».

Ой? Я чищу свой новый макинтош. 'Спасибо.'

Она сочувственно улыбается. Она думает, что я пытаюсь произвести на него впечатление. Когда она скрывается из виду, я запрокидываю голову и с раздражением смотрю в небо. Нет. Я всего-лишь хочу . . . вписаться.

«Сварливое лицо портит элегантность».

Моя голова резко опускается, и я нахожу вдалеке Беккера, внимательно смотрящего на меня. Я подхожу в полном беспокойстве и начинаю теревить все, что попадется под руку, начиная с шарфа. О боже, он великолепно выглядит в коричневом твидовом костюме, с темно-синими брогами и подходящим галстуком, а платок аккуратно торчит из его верхнего кармана. Его волосы были убраны в сторону. Его очки украшают его идеальное лицо. Его челюсть усеяна щетиной.

Я чертовски обречена.

- Ты просто остановись на мгновение? - кричит он, останавливая мое волнение.

'Прошу прощения?'

'Ты выглядишь идеально. Прекрати возиться ».

Я заставляю себя подчиняться и откидываю плечи назад, в результате чего грудь выпячивается. Я не хотела этого делать. Я пыталась стоять высоко и элегантно.

«Лучше», - говорит он с ухмылкой, подходя ко мне, его глаза блестят от удовольствия. «Тебе не нужно было прилагать столько усилий, принцесса». В его тоне есть юмор, и я встаю на защиту.

- Ты сказал, что это шикарно. Я не хотела чувствовать себя неловко ».

- А тебе комфортно?

Я кривую плечами в гримасе. 'Вроде.'

Он смеется, протягивая руку и нежно перекидывая прядь моих рыжих волос через плечо. Жест мягкий, сладкий и слишком неуместный, и от него я замерзаю, краем глаза глядя на его руку, которая прижимается к моей щеке. Беккер тоже замерз, и наступает тишина, когда я смотрю, как его глаза мерцают, сквозь них светится зеленый цвет. Я не знаю что делать. Уклоняться?

Он закусывает нижнюю губу. В результате глотаю.

О Боже.

Громкий стук через двор заставляет нас обоих отскочить назад, увеличивая пространство между нами. Мы оба одновременно смотрим в одно и то же место и обнаруживаем, что дедушка Беккера ткнул свою трость в старую балку возле Большого зала .

Беккер ругается . «Дед, что ты делаешь?»

Старый мистер Х. шатается при звуке взволнованного тона своего внука и улыбается самой яркой улыбкой, которую я когда-либо видел. Это согревает меня до мозга костей. « Мальчик Беккер ». Он принимает предложение Беккера о поддержке, взяв его за руки и нежно погладив по щеке старой деформированной рукой. «Просто проверяю древоточца».

Беккер закатывает глаза. «Нет никакого древоточца, дедушка».

«Я знаю это, потому что только что проверил. Нельзя быть слишком осторожным, мальчик Беккер. Если эти маленькие педерасты попадут в Большой зал, нас ждет катастрофа».

Я хихикаю про себя, подхожу к ним, чтобы присоединиться к ним, с нежностью наблюдая за их обменом. «Добрый день, мистер Х.»

«Добрый день, Элеонора», - говорит он, бросая на меня глаза и делая двойной взгляд. «О, я говорю».

Я прогибаюсь и жду этого.

«У тебя другое свидание?»

Я становлюсь томатно-красным. «Нет, я собираюсь в Countryside с мистером Хантом».

Теперь Беккер закатывает глаза на меня, и я пожимаю плечами, спрашивая что? взглядом. Если мы не скажем мистеру Х., скажет миссис Поттс. «Думал, она многому научится», - вздыхает Беккер, осторожно бросая на дедушку взгляд, как будто он ждет ответной реакции.

Мистер Х смотрит на своего внука, как будто он заблудился его мнение. - Вы берете Элеонору в Countryside?

Беккер решительно кивает.

'Но . . . какие . . .' Он чертовски хорошо играет миссис Поттс, которая была столь же потрясена заявлением Беккера. Подумаешь? Старик собрался и бросил на меня осторожный взгляд, прежде чем вернуться к своему внуку. - Ты работаешь один, мальчик Беккер. Никаких отвлекающих факторов ».

О, я понял. Когда вы тратите Бог знает сколько на драгоценности, вам нужна ваша смекалка. Но подозреваю, что это не единственное, что касается дедушки Беккера. Он беспокоится о том, что мы одни.

«Поверь мне, дедушка», - говорит Беккер . «Моей сосредоточенности нельзя препятствовать. Ни за что. Он бросает на меня намеренно грязный взгляд, подчеркивая, что все имеет в виду меня. Я не собираюсь отвлекать его. Я буду тихо и спокойно наслаждаться этим новым опытом. Он не услышит от меня писка. Я подношу зажатые большой и указательный пальцы к губам и натягиваю воображаемую молнию, заставляя грязный вид Беккера быстро разрушаться. Он качает головой с легкой улыбкой. «Давай, старый дурак». Он перенаправляет свое внимание на дедушку. «Пойдем в ваш номер».

Мистер Х пораженно смотрит на своего внука. «Я дурак?»

Беккер избегает вопроса дедушки, заставляя мистера Х. вздохнуть, слегка покачивая головой. «Надеюсь, ты знаешь, что делаешь».

«Да, - непреклонно отвечает Беккер, глядя на меня. Я пожимаю плечами, не зная, как принять их обмен. Старик не думает, что я должен идти, как и миссис Поттс. Разве они мне недостаточно доверяют? Эта мысль ранит меня.

"Мне на самом деле очень интересно посмотреть этот процесс, мистер Х. Может быть, это слишком рано в моей обучающей кривой, но в конце концов, я хотела бы знать, как эта часть бизнес - работ в Убежище .

Он смотрит на меня с доброжелательным выражением лица. «Да, конечно, Элеонора. И это определенно будет для вас кривой обучения ». Его лицо отрезвляет, и я хмурюсь, когда он бросает на Беккера смертельный взгляд. «Верни меня внутрь, пока не налетели вороны». Колкая шутка старика, призванная быть беззаботной, на самом деле звучит более торжественно, и мне интересно, понимает ли Беккер чувство безнадежности своего деда. Он должен. Он не может быть так заиклен на себе. Я узнала старика за считанные недели, и это разбивает мое сердце , чтобы знать , что он чувствует себя обузой. Он путешествовал по миру и руководил этим известным бизнесом. Теперь он возится по Убежищу, не чувствуя

себя свободным. Он чувствует себя лишним.

Прямо здесь и сейчас я решаю, что завтра я возьму мистера Х на обед. И мне все равно, что говорит Беккер. Или миссис Поттс. Я ускользну от него, если понадобится.

Когда Беккер попадает в свет в подземном гараже, я почти ослеплена, волна энергии, питающая их, создает блики в стерильном пространстве. Есть много вещей, которые могут привлечь мое внимание - для начала - множество роскошных автомобилей - но это та боголюбивая задница, которая сейчас блуждает у шкафа с ключами, от которой мои глаза восхищаются.

«Перестань смотреть...» Беккер останавливается на полуслове, его шаги запинаятся, а плечи заметно напрягаются. Наступает долгая тишина. Неловкое молчание, которое нужно как можно скорее прервать, прежде чем я закончу за него это предложение. Как ни странно, его сверхъестественное слепое наблюдение каждый раз, когда я смотрю на это особое место, становится милым. «Неважно», - говорит он себе, выполняя шаги, необходимые для открытия шкафа. Я вздрагиваю от его имени, говоря себе, что мне нужно бороться со своим естественным инстинктом, чтобы восхищаться им, хотя бы для того, чтобы помочь Беккеру побороть его инстинкт дразнить меня по этому поводу.

Выбрав связку ключей, он поворачивается и показывает мне смущенную улыбку, но быстро превращает ее в дерзкую. «Сегодня, принцесса, ты познакомишься с единственной женщиной в моей жизни». Он бродит по гаражу, оставляя меня обрабатывать это заявление. - Во всяком случае, единственная женщина, кроме Дороти.

Я должна физически не дать себе впасть в кому. Возможно, мой разум только начал бежать, но я не собираюсь этого показывать. Поэтому вместо того, чтобы признать свое безрассудное вращение ума, я следую за ним на другой конец гаража. Я не хочу знать. Кто она?

"Зачем нужно столько машин?" Я спрашиваю, не то чтобы меня интересовал его ответ. Это просто уловка, чтобы не задать себе еще один вопрос.

Черт побери.

Что?

Он достигает единственной машины в гараже, обтянутой защитной тканью. 'Не нужно, - размышляет он, огибая фронт. «Я хочу». Он берет обшивку по краю и срывает ее, обнажая блестящую серебристую машину. Он блестит, искрится мерцанием мерцающих огней, поскольку яркое освещение потолка гаража конкурирует с лакокрасочным покрытием. «Вау», - говорю я, глядя на Беккера, который нежно ему улыбается.

«Знакомьтесь, Глория», - гордо говорит он, отбрасывая простыню и осторожно проводя ладонью по краю.

- Глория? Я говорю с легким смехом.

Он обиженно смотрит на меня. «Да, единственная женщина в моей жизни».

Пенни падает. «Глория», - медленно говорю я, качая головой, игнорируя восторг, охвативший меня из-за заявления Беккера.

«Она идеальная женщина», - начинает он, и мои глаза закатываются. «Она красивая, она не отвечает, и она делает именно то, что я ей говорю».

Он не перестает меня удивлять. «И она старая, - необоснованно указываю я. Я знаю это только потому, что Беккер в настоящее время опускает мягкий верх вручную. Все остальное выглядит как новенькое.

«Это Aston Martin DB5 1966 года выпуска, королева классических автомобилей, и я

влюблен в нее». Он фыркает и пыхтит, борясь с механической крышей. «Не ревновать, принцесса. Просто будь счастлив за меня».

Я смеюсь над абсурдностью его комментария, чрезмерной, совершенно драматической насмешкой. «У нее тоже нет чувств, поэтому имеет смысл поладить».

Обойдя меня, он одарил меня очаровательной однобокой улыбкой, открыл дверь и махнул рукой, жестом приглашая меня войти. «Моя леди».

Проскользнув и натянув ремень, я смотрю, как он идет к водительской стороне, гадая, как пройдет остаток дня.

«Просто помни, - говорит он, садясь на черное кожаное сиденье и вставляя ключ в замок зажигания, - ты сегодня на работе».

Это отвечает на мой вопрос. Я на работе, поэтому должен быть профессионалом. Однако есть проблема. Я могу быть профессионалом, но мне трудно поддерживать этот профессионализм, когда Беккер выходит за границы. Мы всегда либо находимся в тени, либо находимся очень близко к ее краю. «И ты тоже», - вежливо напоминаю я ему. Ему тоже нужно запомнить эту деталь.

«Не бойся, принцесса», - поддразнивает он, нажимая кнопку, которая начинает опускать платформу с потолка. «Когда я сосредоточен на чем-то драгоценном и бесценном, у меня на уме нет ничего другого». Шипение гидравлики почти заглушает его. Почти. Я бы хотел, чтобы это произошло, потому что теперь я злюсь на себя за то, что молча желаю, чтобы он был неспособен думать ни о чем другом, кроме меня. Я жалкая. Если бы я не был на пути в Countryscape, я мог бы отпустить и решить, что это ужасная идея. Не уверен, что ценю дружелюбного игривого Беккера. Это затрудняет контроль над моими побуждениями.

Как только пандус опускается, Беккер медленно тянется вперед, а затем нажимает другую кнопку, которая заставляет нас постепенно подниматься. Меня ударяет холодный воздух заброшенного заводского агрегата, и только сейчас мне приходит в голову, что мы в автомобиле с открытым верхом. В ноябре. Низкое зимнее солнце наблюдается в последние дни, но с ясным небом наступает более низкая температура. Чертовски холодно. Он зол? Я дрожу и натягиваю пальто, глядя по сторонам, пока мы поднимаемся в цех. Когда мы выезжаем отсюда, будет холоднее, и еще холоднее, когда мы плывем по открытой дороге. Претенциозный Ferrari внезапно стал очень привлекательным. «Немного холодно», - бормочу я, натягивая новые перчатки.

Автомобиль трясется, указывая на окончание подъема из гаража, и Беккер поворачивается ко мне. «Иди сюда», - говорит он, беря мой шарф. Моя голова инстинктивно дергается в ответ на его движение, хотя он этого не замечает. Или, если он это делает, он игнорирует это. Он спокойно складывает и разглаживает ткань моего шарфа под моим пристальным вниманием, пока он не получит большой треугольник. Затем он накидывает его мне на голову, прикрывая мои волосы и уши, а затем завязывает свободный конец под подбородком бантик. Я улыбаюсь, когда он сосредотачивается на том, чтобы заправить несколько некрасивых прядей моих рыжих волос в края, хмурый взгляд прыгает на его лоб, когда они отказываются оставаться там, где он их положил. «Даже твои волосы раздражают», - бормочет он, его глаза встречаются с моими и задерживают их дольше, чем это допустимо для отношений между работодателем и сотрудником. «Прекрасно», - тихо говорит он, решительно кивая. Мы оба, кажется, обретаем реальность одновременно,

«Мои обязанности на сегодня?» - спрашиваю я, стремясь быстро вернуть нас в нужное

русло.

«Не зли меня», - коротко зажигает Беккер, заводит двигатель и щелкает выключателем, открывающим заводские двери. – «Как вы думаешь, ты справишься с этим?»

«Нет проблем, сэр», - дерзко отвечаю я. Я не могу этого обещать. Разозлить Беккера - это естественно.

«Не называйте меня сэр», - тихо говорит он, и я смотрю на него и вижу, как он вздрагивает, вспоминая, как он однажды лаял мне те же слова в библиотеке.

'Почему?'

Он смотрит краем глаза. «Мне не помогает, когда мне приходится сопротивляться тебе, Элеонора».

Я вдыхаю и быстро возвращаюсь вперед. 'Ладно.'

'Хороший.' Он нажимает на педаль, и мы вылетаем из гаража, как молния. «Приготовьтесь к поездке своей жизни, принцесса».

Я снова вдыхаю. Я стараюсь этого не делать, но это невозможно, когда он постоянно выкрикивает недомолвки. Собственно, первое вовсе не было намёком. Это было заявление. Честное заявление?

«Я имею в виду Глорию», - поясняет он, возвращая свое внимание на дорогу. «Это захватывающе».

Заставляя себя не обращать внимания на неуместные комментарии Беккера, я вдыхаю свежий воздух, который в настоящее время проносится мимо моего лица на высокой скорости, и когда в микс добавляется музыка, я более чем благодарна. Кажется, никто из нас не может сказать правильного, поэтому заполнение пустого места «Need You Tonight» INXS приветствуется. И немного. . . наводящий на размышления.

Чтобы выбраться из Лондона, потребуется целый час. Мы выезжаем на проселочные дороги, и Беккер открывает Глорию, опускает ногу и расслабляется на своем сиденье. Это круто, но у него работает обогреватель, и шарф, который он так заботливо закрепил на моей голове, согревает мои уши. Я рад, что взял на себя инициативу перенести свои очки из другой сумки. Беккер тоже заменил свои обычные очки на солнцезащитные, и, несмотря на то, что музыка прекратилась около десяти миль назад, мне больше не неудобно. Беккер прав. Глория - чертовски крутая поездка.

Мистер Х и миссис Поттс действительно не думаю, что это была хорошая идея для меня, чтобы сопровождать его сегодня, "Я могу узнать, что ожидать, как реагировать.

- Тебе еще предстоит многое узнать об Hunt Corporation, Элеонора.

'Подробнее?'

'Много вещей.' Он смотрит через машину и улыбается. «Ты узнаете по пути».

Я отвечаю на его улыбку, с нетерпением жду возможности узнать все, что нужно знать. «Ваш дедушка выглядит грустным». Беккер, кажется, не подозревает о чувствах своего деда. Или он их просто игнорирует?

Он отшучивается. «Это утверждение или вопрос?»

«Это наблюдение».

«Он старик». Он бросает на меня взгляд. «Он не был прежним с тех пор, как потерял Мэгс».

'Твоя бабушка?' - спрашиваю я, поворачиваясь к нему лицом. Собираюсь ли я узнать немного больше об истории семьи Хант ?

«Да, бабушка». Он говорит совершенно отстраненно. «Умерла двадцать пять лет назад».

'Мне так жаль.' Человеческая природа заставляет меня тянуться к его левой руке, которая сейчас держит рычаг переключения передач, и мягко сжимать в знак сострадания.

«Не надо». Он смотрит вниз и сгибает пальцы. Я отдернул руку, обиженный, что он не принял мое предложение утешения.

- А твой отец? - осторожно спрашиваю я, не зная, откроется ли он о нем.

Беккер смеется, не той реакции, которую я ожидал. «Господи, принцесса. Что за двадцать вопросов? Он пытается уклониться от моего расследования, но теперь я заинтригован больше, чем когда-либо.

«Если это будет слишком больно, я понимаю».

«Это не больно», - бормочет он. 'С меня хватит.'

Я вздрагиваю от его жестокости, его резкое утверждение глубоко режет меня. Ненавижу думать, что его дедушка подумает об этом. Значит, он проходит терапию для развлечения, не так ли? Я замечаю горячее негодование и, несмотря на предостерегающие слова миссис Поттс никогда не говорить об этом, я предпочитаю яремную вену. 'Ты хочешь поговорить об этом? Я хороший слушатель ».

Беккер смотрит на меня краем глаза. «Могу я позвонить другу?»

Мои губы безразлично выпрямляются.

- А как насчет пятидесяти на пятьдесят? он спросил.

'Не смешно.'

«Хорошо, я спрошу аудиторию», - вздохнув, он смягчается, быстро свернув на угол.

«У тебя нет аудитории». Я задыхаюсь, хватаясь за ручку двери изо всех сил. Кажется, он становится все быстрее и быстрее, и мне интересно, не потому ли, что я перехожу к личному. Это делает его нервным.

Его внимание поровну делится между дорогой и мной, туда и обратно. «Почему бы не спросить о моей матери?» Это негодование только что удвоилось.

Я тяжело сглатываю, не зная, как с этим справиться. 'Она умерла в автокатастрофа.'

«Молодец», - холодно говорит он. «А теперь спроси о смерти моего отца». Игривый, дерзкий Беккер потерялся среди моих расспросов, и я серьезно себя за это ненавижу. «Давай, Элеонора». Он грубо смеется. «Не жалейте меня сейчас». Другой поворот проходит быстро, на этот раз круто, а затем он поворачивает на правую полосу, чтобы обогнать трактор.

Я хватаюсь за сиденье, меня охватывает страх. Он безрассуден. Я разожгла в нем гнев - глубоко укоренившийся, разрушительный гнев. « Беккер». Встречный автомобиль издает звуковой сигнал и мигает фарами, двигаясь по направлению к нам. « Беккер, стой». Моя рука вылетает и хватается его за руку. Автомобиль приближается все ближе и ближе, гудок все громче и громче, а затем, настолько плавно и спокойно, насколько это возможно, Беккер возвращается на нужную сторону дороги. Он успевает. Машина проплывает мимо, гудок непрерывно звучит, пока не исчезает вдалеке.

Моя ладонь хлопает меня по груди, чтобы мое сердце не вырвалось с грохотом.

«Они обе мертвы, Элеонора», - спокойно говорит он, как будто не только что испугал меня на всю жизнь. Это было предупреждением? Больше не любопытствуй, или я напугаю тебя до усрачки? «Я уверен, что тебе не понравится, что я буду расспрашивать о твоём мертвом отце».

Мой рот открывается. 'Как . . .' Мой вопрос ни к чему не приводит. Конечно. Его дед, должно быть, сказал ему.

Он бросает на меня искоса взгляд. 'Я сожалею о твоей потере.'

«Не надо», - рявкаю я. «Я смирилась с этим». Его признание моей потери не было искренним. Это было на словах. Ему было плевать на мою потерю. Я должен занять такую же отстраненность, когда дело касается его горя. Проблема в том, что он не выглядит убитым горем. Он кажется больше. . . сердитый.

Он глубоко выдыхает, и я смотрю на его руку, когда она касается моей, сжимая. Этот шаг неожиданный и определенно находится в серой зоне наших рабочих отношений. 'Мне жаль. Я не должен был быть таким с тобой ». Он одарил меня слабой улыбкой, на которую я легко могу ответить. Я должен был послушать миссис Поттс и держать язык за зубами.

«Я не должна была придираться».

Он пожимает плечами. «Расскажи мне о своем отце».

Я немного смеюсь. «Он, вероятно, сейчас будет смотреть на меня сверху вниз, качая головой».

'Почему?'

«Потому что он никогда особо не ценил элитный мир этого бизнеса».

Беккер улыбается, недоверчиво качая головой. - Значит, он не оставил вам бесценных сокровищ?

«Единственное, что оставил после себя отец, - это ветхая мастерская, полная хлама».

Беккер сочувственно искоса смотрит на меня. Я смахиваю все это легкомысленным взмахом руки. - В любом случае, почему мы едем в Countryscape? Я спрашиваю. Хлама там не будет.

Его улыбка становится шире в мгновение ока, и он снова обращает внимание на дорогу и руку на рычаг переключения передач. «Микеланджело».

- Черепашки-ниндзя?

Он переводит на меня недоверчивые глаза с выражением чистого ужаса, пока не видит мою ухмылку. «Как весело, принцесса. Чертовски весело.

- Вы имеете в виду настоящего Микеланджело? - заморожено спрашиваю я.

Он смеется сладким смехом - мягким и низким. «По твоему есть фальшивый Микеланджело?»

Я устало смотрю на него. «Вы не хуже меня знаете, что есть фальсификаторы повсюду».

Он кивает в знак согласия. «Изделие было подтверждено ведущим мировым экспертом».

'Ебана мать.' Я потрясен, но Беккер, кажется, принимает все спокойно. 'Какой кусок?'

«Голова фавна. Считается потерянным некоторыми...

- Или Микеланджело сам уничтожил, - перебил я, неудержимо взволнованно. 'Боже мой.' Я откидываюсь на сиденье. «Он создал больше скульптур, чем картин. Все учтены, кроме главы фавна. Она пропадала веками, а теперь неожиданно обнаружился?»

Он кивает головой, улыбаясь моему удивлению.

"Где это было найдено?"

«На чердаке загородного особняка Сондерса, когда он был конфискован».

'Вау. Держу пари, что его сейчас не забирают.

Он хихикает. «Нет, я полагаю, что теперь Сондерс переезжает в Монако».

'Привет.' Я поворачиваюсь к нему лицом, и мне приходит в голову нечто невероятное. «Вот почему мы здесь? Чтобы купить? Черт возьми, я не эксперт, но это, должно быть, стоит миллионы.

Беккер кивает, и мой разум взрывается дальше. Затем он говорит то, что меня беспокоит. - Brent Уилсон тоже этого хочет.

Я смотрю на него, открыв рот. 'Он хочет?'

Он смотрит на меня, ловя мое ошеломленное выражение. «Это частный аукцион. Он хотел моего одобрения, чтобы получить его . '

'Ой . . . ' У Беккера есть то, чего хочет Brent. Одобрение Countryside. Вот почему он шмыгает носом, и держу пари, что Беккеру нравилось каждое мгновение, когда он категорически отказывался от его просьбы. Я задавалась вопросом, почему у многомиллионного гостиничного магната было время так часто посещать Убежище в последнее время. - И ты не поддержал его? Я спрашиваю. Это глупый вопрос.

«Нет».

«Потому что ты хочешь этого, и если он там, он может это получить». В этом суть.

'Точно.' Беккер ухмыляется, и я закатываю глаза. 'А также-'

«Да, да, я знаю». Я возвращаюсь вперед и сосредотачиваю внимание на дороге. «Лучше сжечь его, чем позволить ему достать его».

Он кивает в знак признательности. «Проблема в том, что кто-то его поддержал».

«Нет». Я недоверчиво смотрю на Беккера, зная, что это значит. Торговая война. «Ты не можете позволить ему победить». Я не знаю, что на меня нашло, но я действительно не хочу, чтобы Brent заполучил давно потерянное сокровище. Я видел Убежище и все, что он представляет для антиквариата и мира искусства. Голова фавна заслуживает быть в его стенах.

«Я знал, что ты мне нравишься не просто так».

Я бросаю на него удивленный взгляд. Он только что это сказал? - Простите?

Он начинает шаркать на своем месте, взволнованный, отказываясь смотреть на меня. «Не сказал ни слова».

'Да ты сказал.' Я снимаю солнцезащитные очки и начинаю жевать одну из рук, изучая его. «Фактически, вы сказали восемь слов. Ты хочешь, чтобы я напомнила тебе, что это были за слова?

Он подносит указательный палец к губам и легко держит его там. Этот шаг вызывает воспоминания о прошлой ночи, и я без надобности ерзаю. Я знаю, что нас ждет. - Шшш, - шепчет он. Простой свист шума звучит эротично, усиливает мое волнение и немедленно заставляет меня слегка скрестить ноги. Беккер Хант не упускает ни одной уловки, и он не упускал ее. Он дерзко улыбается мне. - Хорошо?

'Супер.' Я копаюсь в сумке, чтобы чем-то заняться, кроме как выгляжу таким же отчаянным, как я. «Как скоро мы приедем?» Я вытаскиваю помаду и опускаю солнцезащитный козырек.

'Мы здесь.' Он показывает на акры пустых полей.

«Вау», - выпаливаю я, увидев вдали великолепную усадьбу на холме.

Он достает телефон из внутреннего кармана и нажимает несколько кнопок, прежде чем

положить его обратно. Затем он включает стереосистему, и «Часы» Coldplay срабатывают, прежде чем он опускает ногу, и мы едем по проселочной дороге. Я хватаю шарф и прижимаю его к голове, смеясь.

«Добро пожаловать в Countryside, принцесса», - кричит Беккер сквозь ветер и музыку, улыбаясь мне обезоруживающей улыбкой. «Давайте купим себе потерянное сокровище».

Глава 20

Классические автомобили. Везде. Это первое, что я замечаю, когда мы едем по гравийной дороге. Меня можно было перенести в прошлое. Впечатляющее здание, построенное из темно-оранжевого камня, гордо возвышается над землей, а кирпичная кладка вокруг витражей замысловата. Это величественно, каменные херувимы, обрамляющие линию крыши, только добавляют великолепия. Их десятки, одно отличается от другого, все обращены к подъездной дорожке и приветствуют посетителей.

Издаലെка, на вершине холма, это место выглядело захватывающим. Вблизи это невероятно. Но вокруг древней кирпичной кладки витает странное дурное предчувствие. Это гостеприимно, но устрашающе. Я в трепете, но чувствую себя уязвимой. Не могу понять, нравится мне это или нет.

Беккер притормаживает и приближается к дому. Это дает мне больше времени, чтобы погрузиться в окружающее, попытаться решить, комфортно мне или нет. Пора мне не нужна. Я нервничаю. Я чувствую, что мы медленно подбираемся, чтобы не беспокоить ангелов, стоящих на страже. 'Почему так медленно?' - спрашиваю я немного раздраженно.

«Гравий. Слишком быстро, и Глория взорвется. Он с грохотом останавливается, подъезжая к Бентли. Я не уверена, хмурится он на мой вопрос или на машину. «Кусок дерьма». С таким же успехом он может рычать.

Я смотрю на Bentley, думая, что он далеко не кусок дерьма, но я знаю, что он не имеет в виду престижную машину. Означает ли это, что Brent уже здесь?

Беккер глушит двигатель и меняет свои солнцезащитные очки на свои Ray-Ban. «Я хочу установить несколько основных правил, прежде чем мы войдем».

«Я не буду разговаривать с ним», - бормочу я, выходя из Глории. В любом случае, я бы не хотела. Я выпрямляюсь и поворачиваюсь, чтобы закрыть дверь, обнаружив, что Беккер все еще сидит на своем месте и смотрит на меня. «Это было то, что вы собирались сказать, не так ли?»

«Да, он будет копаться в твоих мозгах на вещах, которые его не касаются». Он выскакивает и начинает перетягивать крышу.

«Я бы никому не раскрыл ничего, связанного с работой», - поясняю я, хотя полагаю, что он имел в виду не только работу.

«Надеюсь, что нет», - говорит Беккер, бросая на меня предупреждающий взгляд. «Поскольку вы состоите в Круге доверия Беккера, и это - в NDA».

- Вы имеете в виду соглашение о неразглашении, которого не существует?

«Скоро будет», - легкомысленно отвечает он, огибая машину и беря меня за локоть. - Еще несколько основных правил, с которые нам нужно четко уяснить, принцесса.

'Что?' Я смотрю на него снизу вверх, мысленно перебирая то, что он, возможно, скажет.

« Не говори, пока с тобой не заговорят».

Что я, ребенок? Я смотрю на него, пытаюсь не чувствовать себя обиженной. Я терплю поражение на каждом уровне. - Ты имеешь в виду, как хорошая маленькая девочка?

'Просто так.' Он не уделяет моему оскорбленному состоянию должного внимания. «И когда вы говорите, не упоминайте ничего о своей работе в Убежище, само Убежище или обо мне».

«В общем, лучше вообще ничего не говорить».

«В идеале, да».

Мы достигаем огромных каменных ступенек, ведущих ко входу, и начинаем гигантский подъем. Каждая сторона обрамлена внушительными каменными колоннами с топиариями, расположенными между каждой возвышающейся колонной, скрывая вход в особняк. «Что делать, если мне задают вопрос, на который я не должен отвечать?» Мое пренебрежение уступило место панике. Я собираюсь провести день, прячась за цветочным горшком в надежде, что никто не увидит меня и не заговорит со мной.

«У тебя быстрый рот, Элеонора». Он бросает на меня иронический взгляд, но это не значит, что я чувствую себя лучше. Мой так называемый быстрый рот лучше всего работает с моим раздражающим начальником. С Беккером это происходит естественно. Я не могу гарантировать, что он будет работать в стенах этого места.

«Зачем ты привел меня сюда?» - спрашиваю я, потрясенный давлением, которое он оказывает на мои плечи. Я должен дождаться его в машине. Или отправиться на прогулку за город. Мое прежнее волнение после обеда с Беккером в Countryside рассеялось. Исчез полностью. Мои неуверенные чувства по отношению к этому зданию немного подрезали мой энтузиазм, но требования Беккера только что лишили его возможности восстановить. Я хочу уйти.

«Теперь ты в моем кругу доверия, пора тебе посмотреть, что да как, - тихо говорит он.

Я бросаю на него взгляд. «Что это такое?

'Я.'

'Ты?' Я уже знаю, что такое Беккер. Сделано с тех пор, как я взглянул на него. Или, может быть, я шучу и в нем больше, чем кажется на первый взгляд.

«Я», - подтверждает он, искоса усмехаясь. «Надеюсь, ты готова».

«Да», - уверенно отвечаю я. Ну и шутка. Я никогда не был готов к Беккер Ханту.

Когда мы переступаем порог входа, мое желание исследовать дальше умирает в тот момент, когда внутренняя активность поражает меня. Повсюду шумные, хорошо подготовленные люди, кто смеется, кто серьезно разговаривает. Беккер ведет меня через центр огромного вестибюля, не обращая внимания ни на кого на нашем пути. Но его прибытие замечают все, кого мы проходим, каждый отмечает присутствие знаменитого Беккера Ханта. Люди делают паузу в разговоре, некоторые мужчины смотрят на него с трепетом, некоторые с презрением, а есть женщины. Их слишком много, все они одеты в престижные дизайнерские бренды, и все усыпаны бриллиантами, жемчугом, рубинами, изумрудами . . .

Каждый драгоценный камень, о котором вы только можете подумать, присутствует в этом пространстве: он свисает с ушей, обвивает шеи и украшает ухоженные пальцы. Черт побери, здесь должно быть бенгальских огней на миллионы фунтов.

Когда я, наконец, отрываю взгляд от красоты этих женских украшений, я замечаю и искрящиеся глаза. Многие из них. Эти сверкающие глаза вскоре превращаются в любопытные, когда они видят, как я иду за человеком, которого ясно знает каждый в комнате. Это похоже на разделение вод, когда все стоят в стороне, чтобы пропустить нас. Я не мог чувствовать себя более неудобно. Я помню гордое заявление миссис Поттс. Он

лучший дилер. Охотники славятся в этой индустрии, но миссис Поттс особо отметила, что Беккер был самым талантливym в длинной череде охотников. Что делает его лучше остальных? Почему Беккер такой особенный? Интересно, большинство ли его клиентов - женщины, потому что это прекрасно все объясняет.

Я собираюсь спросить, в чем дело с парадным входом, когда я вспоминаю основные правила. Не говорите, пока к вам не обращаются. Это включает в себя разговор с ним? Он не сказал, поэтому я сразу задаю свой вопрос. - Слишком уж много, не правда ли? - тихо говорю я, глядя прямо на белые двойные двери, к которым мы, кажется, направляемся.

«Что это, принцесса?»

«Большой вход».

«Я вошел в здание».

«И все замолчали».

«У меня есть присутствие».

«У тебя большая голова».

Он мягко толкает меня в бок. «Еще одно основное правило». Глядя на меня сверху вниз, он сохраняет невозмутимое лицо, хотя я вижу игривые огоньки в его глазах. «Ты не можете оскорблять меня публично. Несколько бровей могут подняться, если я отшлепаю эту твою персиковую задницу на глазах у всех».

Я сжимаю губы, чтобы не рассмеяться вслух, потому что шаг Беккера немного замедляется, когда мы подходим к двери. Но как раз когда я собираюсь последовать его примеру, что-то встречает меня в пояснице, подбадривая меня. Рука Беккера. Я тепло закутана в пальто, но я все еще чувствую его тепло сквозь слои одежды. Я сглатываю и позволяю ему провести меня в комнату. Невероятно яркий декор помещения не привлекает мое внимание так, как должен. Ни одна из невероятных картин, все оригиналы - Моне, Дали и многие другие - не вызывают у меня изумления. Фреска на потолке, изображающая Тайную вечерю, не заставляет меня остановиться от восхищения. Нет. Я не могу сконцентрироваться ни на чем, кроме палящего жара, терзающего каждый дюйм моей кожи под одеждой. Это изнуряет меня до такой степени, что я не могу ходить устойчиво, поэтому я немного ускоряюсь, прерывая контакт. Мне нужно быть внимательной. Это место достаточно устрашающее, если не считать того, что внимательное прикосновение Беккера еще больше ограничивает его. Мне это чуждо. Я могу справиться с его мерзким, игривым поведением, оттолкнуться от него. С этим не так легко справиться, особенно когда он уже давил на меня своими основными правилами. Кроме того, это определенно серая зона. Я сама могу придумать несколько основных правил.

'Куда?' - спрашиваю я, отмечая ряды стульев перед трибуной. Он не отвечает мне, но когда я собираюсь повернуться к нему лицом, я чувствую, как знакомый жар снова приближается, на этот раз около моего уха. Я отпрыгиваю, как пугливый котенок, не в силах контролировать свою реакцию на его близость. Если он что-нибудь шепчет мне на ухо, даже простое указание, я, скорее всего, растворюсь в жалкой лужице бесполезности.

Уверенно поворачиваясь, как будто я не только что практически ударила голову о прекрасный потолок с высоты своего испуганного прыжка, я изобразила улыбку на лице, но она дрогнула, когда я обнаружила, что Беккер все еще согнут, его пышные губы смотрят на место, где, я полагаю, мое ухо было секунду назад.

Я начинаю переводить дыхание, готовый снова спросить, где мы сидим, но мой вопрос

не выходит за пределы моего языка. Затем я практически откусываю его, чтобы не выкрикивать ругательства.

Что она здесь делает?

Тигровая птица. Отягощена огромной шубой, которая, откровенно говоря, выглядит до крайности нелепо. Ее блестящие светлые волосы ниспадают с одной стороны, розовые губы поджимаются, когда она приближается. О нет. Я не могу гарантировать свое молчание. Она даже не добралась до нас, а я уже хочу запустить ее в космос. У нее одно из этих лиц. Оно с постоянной насмешкой. То, по которому сразу хочется дать пощечину. Добавьте к этому уравнению, что, как я знаю, Беккер все испортил, я нахожусь в супер-суровом режиме. Я не хочу, чтобы она была одним из способов, с которыми Беккер имеет дело со своими демонами. Я не хочу, чтобы любая женщина была его отдушиной. Мое откровение не вызывает у меня того беспокойства, которое должно быть, потому что я слишком сосредоточен на сохранении хладнокровия. Я сильно стискиваю зубы, челюсть мгновенно болит от давления. Мы находимся в шикарном известном частном аукционном доме. Я не могу махать когтями или ругаться.

Я не могу махать когтями или ругаться.

Я не могу махать когтями или ругаться.

Я не могу махать когтями или ругаться.

- Что эта дворняга здесь делает? Я тихонько плюю, не чувствуя себя слишком плохо из-за неудачи в моих усилиях. По крайней мере, прошептал я.

Беккер хмурится и смотрит через плечо, как раз в тот момент, когда Алекса добирается до нас. Воздух вокруг меня наэлектризован сумасшествием женских гормонов. Алекса дает мне кинжалы. «Беккер», - мурлычет она, подставляя ему щеку для поцелуя, не отрывая глаз от меня.

«Алекса». Он подпитывает ее открытое желание рассердить меня, нежно касаясь губами ее щеки. Сразу хочу отбелить ему рот. Я фыркаю и отворачиваюсь, зная, что моя отложенная попытка казаться не затронутой ее тактикой потерпела неудачу. Она думает, что превосходит меня. Наверное, она - все драгоценные камни, шубы и дизайнерский макияж. Тот факт, что все под этим - подделка, немного уменьшает мое негодование. Что она здесь делает - место, которое требует одобрения даже для рассмотрения для приема?

«Мы все еще встретимся?» Я знаю, что Алекса смотрит на меня, и хотя я не имею права молча требовать этого, я умоляю каждого бога, который когда-либо существовал, чтобы сожгли ее.

Я чувствую, как ее глаза впиваются в меня. Я презираю мысль о Беккере с ней. Меня от этого тошнит.

Я не жду ответа Беккера. Вместо этого я бреду дальше в комнату, прежде чем теряю контроль над своим ртом, заставляя себя сосредоточиться на картинах, украшающих стены. Я прихожу к Дали, улыбаясь масляной картине спины женщины. Это одно из менее спорных творений художника, а также одно из моих любимых. Женщина у окна в Фигерасе. Меня до сих пор очаровывает, как ему сошло с рук такие эротические грани своих картин в то время, когда разговоры о сексе на публике были в значительной степени табу. И хотя эта картина немного послушнее, чем другие его работы, все же есть свидетельства сексуального воображения Дали. Для начала, ее зад. Выступающие и пышные - это то, что большинство людей видят в первую очередь, когда изучают изображение. И ее юбка. Она прозрачно.

«Значит, ты привез с собой прислугу», - говорит Алекса достаточно громко, чтобы я могла слышать.

Моя попытка отвлечься от их разговоров поблизости разбивается тут же. Могла бы Мона-блядь-Лизу в моей хватки помочь, и я до сих пор не мог игнорировать ее. Я в ярости оборачиваюсь. Мне было плевать, где я. Как, черт возьми, она посмела? Она скрывает коварную ухмылку, и Беккер осторожно наблюдает за мной. Он должен. Я собираюсь сорвать эту шубу с ее тела и заткнуть ей горло. Черт возьми, откуда эта ярость? Я иду вперед, но делаю всего два шага, прежде чем Беккер перехватывает меня и уводит прочь.

Я знаю, что это к лучшему, но это не сдерживает мою ярость. Он смотрит на меня, предлагая успокоиться. Но я не могу. «Если я когда-нибудь снова увижу ее лицо в Убежище, я уйду».

'Ладно.' Он с легкостью игнорирует мое резкое обещание. «Мы уже договорились, что в Убежище в рабочее время нет кусков задницы».

Я отшатываюсь. 'Ой.' Кусоки задницы? Почему меня так утешает его рекомендация? Он видит меня как кусок задницы? Бог знает, у меня достаточно задницы, и Беккеру это, кажется, нравится.

'Это все?'

Я прищуриваюсь на него. - Ты встречаетесь с ней сегодня вечером? У меня нет права на эту информацию, и то, что я спросил, заставляет меня выглядеть так же ревниво, как и я.

«Сегодня не рабочее время», - тихо говорит он, внимательно наблюдая за моей реакцией. Я не разочаровываю. У меня перехватывает дыхание, его ответ такой мучительный, что я, наверное, вздрагиваю. «Но это же нормально, правда?» он продолжает, его глаза светятся на меня лазерными лучами. «Потому что мы закончили».

'Да?' - спрашиваю я, заставляя говорить ровным тоном, проглатывая свою необоснованную боль. Да, мы закончили.

Он смотрит на меня испытующими глазами, указывая на ряд стульев. Я игнорирую этот взгляд, слежу за его протянутой рукой и бегу по проходу. Садясь на последнее место, я смотрю вверх и вижу Беккера, стоящего в конце прохода и наблюдающего за мной. В конце концов, он занимает стул на три ряда позади, в самом заднем ряду.

Он устраивается поудобнее и вытаскивает брошюру из заднего кармана переднего сиденья, затем начинает небрежно листать страницы. Я снова возвращаюсь к трибуне, размышляя, не присоединиться ли мне к нему. Он направил меня к этому ряду. Потом взял другой. Я не могу с ним сидеть?

Я обдумываю то, что, как я помню, говорили сегодня миссис Поттс и мистер Х. - работа в одиночестве, сосредоточенность, отсутствие компании. Мое решение оставаться на месте приходит быстро, в то время поддерживал наш момент. Мы закончили . . . верно?

Я беру брошюру и начинаю ее просматривать, глядя вверх, когда слышу, как люди начинают проникать в комнату. Я изо всех сил стараюсь не казаться ошеломленным массой богатства, набегающей на меня со всех сторон и закрывающей меня, когда все занимают свои места, но это сложно. Очень тяжело. Я чувствую себя неполноценной. Я так далеко от магазина моего отца, я мог бы быть на Луне. Заглянув через плечо скрытно, я шпионю за Беккером, глядя вниз и предполагаю, он увлечен страницами глянцевого каталога, но легкое движение открывает его мобильный телефон в руке. Он улыбается и кладет его обратно в карман, прежде чем вернуться к перелистыванию страниц, положив лодыжку на колено. Мой своенравный разум задается вопросом, чему он

улыбается. Алекса? Она написала ему?

«Добрый день, мисс». Приветствие слева от меня отвлекает мое внимание от Беккера к толстому седовласому мужчине, который ухмыляется мне сверху вниз. «Я Питер. Питер Рэмсботтом.

Я вежливо улыбаюсь в своем приветствии, думая, что лучше всего ограничить свое общение с кем-либо. Отсутствие взаимодействия означает отсутствие заботы о том, что сказать. Затем я возвращаюсь к своему бездумному просмотру антиквариата, украшающего страницы у меня на коленях. Я боюсь худшего, когда он опускается на стул рядом со мной.

«Я тебя здесь раньше не видел».

Я улыбаюсь, глядя на страницы, как идиотка, избегая зрительного контакта. Он попытается завязать разговор. Это не сулит ничего хорошего. «В первый раз», - говорю я, больше ничего не предлагая в надежде, что это его остановит. Он выглядит болтливым, но я не в настроении болтать. И мне все равно не разрешено.

«Тогда добро пожаловать в Countryscape».

'Спасибо.' Может быть, я смогу извиниться и спрятаться в дамской комнате, пока Беккер не закончит.

'Вы покупаете?' - спрашивает он, наклоняясь, чтобы посмотреть, какую страницу каталога я просматриваю. Только сейчас я замечаю название пьесы на странице передо мной. Голова фавна.

«А». Его пухлый палец касается одной из фотографий скульптуры. - Это вызвало настоящий переполох. На кого вы работаете?'

Мой язык сгущается во рту, когда я вбираю в себя потерянное сокровище, которое сейчас смотрит на меня узкими, несколько злобными глазами. Многие предвидели, как это будет выглядеть. В течение многих лет в музее Барджелло хранился слепок, который считался «Главой фавна» Микеланджело. Эта штука выглядела довольно жутко, но она не имеет никакого отношения к тому, на что я сейчас смотрю. Это похоже на чистое зло, возможно, даже может быть ошибочно принято за изображение дьявола.

«На кого я работаю?» Я бездумно повторяю его вопрос, чтобы выиграть время. Если я отвечу, у меня может возникнуть целый ряд вопросов, на которые я не знаю, как ответить. «Гм...» Я перебираю варианты, и как только я собираюсь сделать самый простой и очевидный побег и заявить, что мне нужен туалет, мое внимание привлекает смех.

Я сдуваю воздух и в отчаянии опускаюсь на стул .

«Добрый день, Питер». Brent садится с другой стороны от меня, загоняет меня в угол и протягивает руку через мое напряженное тело, предлагая Питеру руку.

Питер берет его и слегка трясет. «Вы вошли, Уилсон, - говорит он с таким же энтузиазмом, как и его рукопожатие. Я могу только предположить, что Brent явно искал Питера для поддержки Countryscape тоже. Не похоже, чтобы о Brentе Уилсоне очень много думали. Или, может быть, все играют в одну игру, пытаюсь ограничить конкуренцию.

«Я, конечно, сделал это». Brent явно доволен собой. «Итак, вы встретили прекрасную Элеонору».

«Да, но она немного молчалива».

Я съеживаюсь, желая, чтобы они поспешили со своим морозным приветствием, чтобы мой путь был свободен. Если бы я был подозрительной, каковой я и являюсь, я бы подумал, что их сцепленные руки передо мной - это уловка, чтобы удержать меня там, где я есть.

Я чувствую, как Brent смотрит на меня, но я отказываюсь потакать ему. «Интересно,

почему это так, - размышляет он, отпуская руку Питера, к моему облегчению. Я напрягаю мышцы, готовый встать, но рука Брента падает прямо мне на колени и берет каталог. «Вы читали эту невероятную статью». Он поворачивается ко мне, деля невозможным пройти мимо, если я попытаюсь уйти, что, как я подозреваю, является еще одной уловкой.

Я прищуриваюсь, думая, что сейчас самое время нанести ту пощечину, которой я был мысленно обещаю ему. «Я мало что знаю о Микеланджело».

- Тебя это очень волнует, да?

Я вырываю свой каталог из его руки и возвращаю его себе, что бы снова просматривая его. 'Да.'

«Я упоминал, Питер, - небрежно размышляет Брент, - что Элеонора работает на Ханта».

"О, правда?" Теперь Питер тоже поворачивается ко мне, и я смиряюсь с тем, что сижу и молчу, не потому, что Беккер сказал мне, а потому, что эти двое явно хотят информации. Какая информация это может быть, я не понимаю, но их интерес ко мне теперь вызывает у меня тревогу.

«Приятно видеть, что вы с Беккером, кажется, уладили свои разногласия», - мягко и без искренности говорит Брент.

Я смотрю краем глаза и обнаруживаю, что он слишком внимательно за мной наблюдает. Он ловит рыбу, пытается выжать из меня информацию. Это его игра с первого дня, а также раздражение моего босса. Общеизвестно, что Корпорация Ханта - это плащ и кинжал. Весь антикварный мир уважает знаменитый семейный бизнес. И я держу пари, что все они интересуются о частных сделках.

«Глупое недоразумение», - говорю я ему с болезненной улыбкой.

«Держу пари, - размышляет Брент.

Я втягиваю плечи. В мое личное пространство вторгаются, и это начинает меня бесить. Какую информацию, по их мнению, они могут получить от меня? Сколько Беккер готов заплатить за скульптуру? Я не знаю, и я бы не сказал, пытали ли меня за информацию.

- Итак, каково это работать на Хантов? - спрашивает Питер.

«Интересно», - отвечаю я быстро и снисходительно. Брент смеется, и я смотрю на него с презрением. 'Я сказала что-нибудь смешное?' Я спрашиваю.

Он пожимает плечами. 'Не.'

«Мальчик, я бы хотел заглянуть в знаменитый Большой зал», - говорит Питер. «Это так же великолепно, как говорят?»

'Без комментариев.' Я работаю все дальше и дальше, уклоняюсь от еще нескольких, казалось бы, безобидных вопросов и отвечая на некоторые короткими, односложными ответами, пока мне не надоест. Я не буду сидеть здесь, принимая их очевидные попытки выжать из меня информацию. Если ни один из мужчин не двинется с места, я перелезу через сиденья. Меня не держат в заложниках. Я резко встаю. Может быть, я веду себя слишком скромно, заставляя их интересоваться чем-то. - Прости... ох.

Мои ноги отрываются от земли, меня поднимают через стулья, приземляясь на ноги с меньшим стилем и грацией, чем хотелось бы. Сдувая волосы с лица, я обнаруживаю, что Беккер бросает кинжалы в Брента и Питера.

«Простите нас», - говорит он совершенно вежливо, но в его тоне звучит угроза. Он берет меня за руку и тянет в задний ряд. «Сядь», - твердо приказывает он, прижимая меня к сиденью и опускаясь на свое. Он не отпускает мою руку, и хотя это невероятно глупо, я не

освобождаюсь от его крепкой хватки. 'Ты хорошо справилась.'

'Что?' - спрашиваю я приглушенным шепотом, видя, что за время допроса комната заполнена до отказа. Потом меня осенило. - Ты меня туда посадили? - в ужасе спрашиваю я. «Чтобы проверить меня?»

Он держит свое внимание впереди. «Не будь слишком драматична. Ты прошла. Поздравляю.

Его игнорирование сложности моей ситуации поражает меня. «Ты мудака, - бормочу я, отрывая свою руку от его. Линия границы просто похоронили.

«Основные правила», - говорит он тихо и спокойно, игнорируя мое злобное оскорбление.

«Ты можете засунуть свои основные правила туда, где не светит солнце».

'Тссс. . .'

Я усмехаюсь и встаю, теперь мне нужно, чтобы дамы ополоснули мои щеки и охладили мою растущую ярость, но меня крепко прижимают к стулу. Я делаю ошибку, когда незаметно вырываюсь из его хватки.

«Оставайся на месте», - предупреждает он холодным тоном. «Ты захочешь это увидеть».

Мое любопытство сразу же разжигается, и я ненавижу себя за это. 'Что?'

«Просто веди себя хорошо и будь внимательна».

Я подчиняюсь, ища вокруг, что могло бы быть предметом моего предполагаемого интереса. Я ничего не вижу, кроме моря людей и человека в костюме впереди, который занимает позицию за трибуной и стучит в микрофон. «Добрый день, дамы и господа, - говорит он. «Добро пожаловать в Countryscape».

Из толпы раздается шквал негромкого бормотания, и несколько человек аплодируют прибытию выступающего. Только не Беккер. Его лицо остается прямым, не показывая никаких признаков его настроения. Не могу поверить, что он меня так подставил. Тест. То, что я прошел тест, не имеет значения, и я собираюсь игнорировать боль гордости, которую испытываю из-за этого. Он аморален, и как только мы уедем отсюда, я выскажу ему свое мнение.

Аукционист переходит в развернутую речь. Это продолжается и продолжается, и никто, кажется, не обращает внимания, пока он болтает об истории Countryscape. Я полагаю, что они слышали все это раньше, как и я, но я все же соглашусь на введение и внимательно слушаю, пока он рассказывает об истории здания - о том, как он стал таким плодовитым всемирно известным аукционным домом место встречи некоторых из самых известных историков искусства в мире. Построенный в 1752 году масонами - семьей, пользующейся большим уважением в аристократическом мире и известными коллекционерами антиквариата, - Countryscape славится своими жилищами и выставками некоторых из самых известных исторических находок новейшей истории.

Расположенный в сельской местности без соседей в радиусе десяти миль, он может похвастаться церковью, озером и лесом. Нынешние масоны живут в небольшом доме на территории и любезно открыли Countryscape в 1945 году для элитного мира искусства и антиквариата. Это все еще очень увлекательно, какой бы старой для меня ни была история.

«Поехали», - говорит Беккер, подталкивая меня и кивая на дверь позади аукциониста. Она открывается, и появляется мужчина в костюме в белых перчатках. В руке у него маленькая банка. Это невзрачный, простой серебряный футляр, насколько я могу

судить. Меня беспокоит, что я знаю, что это такое.

«Портсигар», - шепчет Беккер, явно чувствуя мое недоумение. «Принадлежала Мэрилин Монро. . . предположительно.

'Предположительно?'

Он мычит, оглядывая комнату. «Я скептически настроен».

- Думаешь, это подделка? - спрашиваю я шепотом.

Его палец приближается к его губам, успокаивая меня, прежде чем он успевает добавить неизбежный сексуальный шик. Но он все равно делает это. 'Тссс. . . '

Я вздрагиваю, борясь с шквалом покалывания, вызванного его жестами.

«Начальная цена по телефону - десять тысяч фунтов», - объявляет аукционист, указывая деревянным молотком на балкон, побуждая меня взглянуть вверх. Ряд мужчин в костюмах занимают место, все с мобильными телефонами у ушей. «А у нас в комнате одиннадцать тысяч». Мое внимание устремляется вниз, я вижу круглую ракетку, поднятую в воздухе на несколько рядов впереди. Я не могу понять, кто это, но красные ногти и запястья с меховыми манжетами говорят мне, что это женщина. 'Двенадцать.' Он показывает назад на балкон, но у меня нет возможности снова проследить за его молотком, потому что дама впереди кричит: «Тринадцать», прежде чем я смогу оторвать взгляд от нее.

«Тринадцать человек в комнате».

Как бы я ни старался скрыть свое удивление, у меня ничего не получается. Мой рот разинут, и моя голова постоянно поворачивается из комнаты на балкон по мере того, как ставки становятся все выше и выше. Портсигар? Я держал пари, если запрашиваемая цена каждого куска, который прошел через магазин моего отца в течение года был добавлен вместе, не подходите близко к сумме эта часть балансирует достичь.

«Двадцать пять тысяч один раз», - кричит аукционист, паря в воздухе молотком. Он смотрит поверх очков, осматривая комнату. 'Дважды.' Я напряженно жду. «Продан прекрасной мисс Депонт». Я подпрыгиваю на своем месте, когда он ударяет молотком о трибуну, и все в комнате начинают хлопать, когда женщина, заплатившая сумасшедшую сумму за серебряный портсигар, встает и кланяется. Мое изумление только увеличивается в десять раз, когда я вижу ее лицо. Она точная копия для Мэрилин Монро.

- Неужели она только что заплатила двадцать пять штук за портсигар? Я смотрю на Беккера, который набирает текст на своем телефоне. Он несколько не обеспокоен. Мое желание вытянуть шею, чтобы увидеть, кому он пишет, почти одолевает меня. Однако вместо этого я беззастенчиво оглядываюсь на Алексу, чтобы узнать, занимается ли она какой-либо мобильной деятельностью. Боже, как жалко. Я снова обращаю внимание на передний план.

«Она, наверное, самая известная в мире имитация Монро». Беккер смотрит мимо меня и что-то тянется. 'Эспрессо?'

Я поворачиваюсь и вижу, что мне преподносят поднос. Я беру маленький стакан черного кофе и улыбаюсь в знак благодарности.

«Если она купила это, это настоящая сделка». Беккер делает рюмку кофеина и выпивает ее одним глотком, прежде чем поставить свою пустую на поднос для ожидания. Я держусь за свои.

'Но все равно . . . ' У этих людей должно быть больше денег, чем здравого смысла. - Двадцать пять штук?

«Ты еще ничего не видели, принцесса». Беккер вставляет телефон обратно в его карман

и снова кивает вперед.

В течение следующего часа я просматриваю десяток лотов. Я наблюдаю, как дюжина людей расстаётся с безумными деньгами за произведения искусства и исторический антиквариат. Самым безумным является музыкальная шкатулка двенадцатого века, проданная за 400 000 фунтов стерлингов. Она была потрясающий, сделанный из розового хрусталя и окаймленный серебряной окантовкой, с белыми бриллиантами, украшающими крышку, но я все еще был поражен победой. Мои познания в области антиквариата и искусства обширны, но я забыл оценить ценность сокровищ, которыми я баловалась на протяжении многих лет. История. Это все, что для меня имело значение.

Я идеальный зритель. Я не говорю, просто впитываю все это, листая свой каталог на нужную страницу каждый раз, когда произведение представлено на сцене. Беккер не проронил ни слова. Он сидел рядом со мной, почти не обращая внимания, занят своим телефоном. Я предоставил ему это.

Кофейник снова на мгновение привлекает мое внимание, и на этот раз я беру латте, одновременно заменяя пустой стакан для эспрессо.

«Это то, для чего мы здесь». Беккер толкает меня в бок, и я резко поворачиваю голову, зная, что я найду. Шоковые вздохи, заполняющие комнату, только подтверждают это. Его не трогают изящные пальцы в белых перчатках, как все остальное, представленное сегодня. Вместо этого он находится в стеклянном ящике, который катят на сцену два довольно умных, хотя и массивных парня. Комната быстро превращается в улей болтовни, люди наклоняются друг к другу и перешептываются. Волнение ощутимо, но Беккер снова остается невыразительным на своем месте, ничего не выдавая. Я внимательно слежу за ним, пока он несколько мгновений оглядывает комнату, прежде чем позволить взгляду остановиться на потерянном сокровище. Его лицо остается бесстрастным, что, вероятно, хорошо, поскольку Brent бросает в нашу сторону взгляды. Я сжимаю пальцами свой стакан для латте, все глубже погружаюсь в кресло, как будто мне есть что скрывать. Я нервничаю. Беккер отчаянно хочет эту скульптуру. Все здесь об этом знают? Понятия не имею, но я знаю, что знает Brent.

Аукционист ждет, пока утихнет болтовня, с улыбкой оглядывая комнату. Когда становится тихо, он молчит долгое время, прежде чем начинает говорить. Это усилитель напряжения, если он когда-либо был, он работает. Все в комнате затаили дыхание, кроме Беккера. Его глаза все еще прикованы к стеклянному шкафу.

«Голова фавна», - начинает аукционист низко и драматично, медленно скользя молотком по воздуху, пока тот не указывает на стеклянный шкаф. «Утраченная скульптура самого мастера итальянского эпохи Возрождения Микеланджело». Снова раздаются шепоты, но ненадолго, прежде чем наступает тишина и аукционист продолжает. «Это было подтверждено экспертами мирового уровня по Микеланджело. Все мы знаем, что многие работы мастера были обнаружены в неизвестности. Это прекрасный пример. Я не буду утомлять вас тем, что вы уже знаете ». Он посмеивается про себя, и я впервые слышу жизнь от Беккера в форме усталого вздоха. Он может выглядеть бесстрастным, но ему очень скучно. Я улыбаюсь и подношу кофе к губам, чувствуя себя расслабленным впервые с тех пор, как они принесли скульптуру. «Настоящее открытие», - продолжает аукционист. «Я больше ничего не скажу и начну с комиссионного вознаграждения в десять миллионов фунтов».

Десять миллионов фунтов? Я резко вдыхаю, всасывая кофе, который только что набрала

в рот. Он попадает мне в горло, и я начинаю кашлять повсюду, разбрызгивая молочную жидкость во всех направлениях. Десять миллионов. Я бесконтрольно шлепаю, мои руки теперь вибрируют, остатки кофе в моей чашке опасно кружатся. Десять миллионов? Я не мог его правильно расслышать.

Я так занята, пытаюсь успокоиться и вытереть капли кофе со своего подбородка, что не замечаю, что все в комнате вытянули шеи, чтобы увидеть, кто вызывает драму.

- Спокойно, - бормочет Беккер, выхватывая платок из кармана пиджака и болтая его передо мной, не глядя на мое ужасное состояние. «Вы ведете мяч».

Я смотрю сквозь ресницы и вижу миллион глаз, все сузившиеся, смотрящие в мою сторону. Я вздрагиваю, сжимаюсь в кресле, пока практически не лежу на полу, и краснею сильнее, чем когда-либо прежде. И это достижение, учитывая мою восприимчивость окраска. Все смотрят на меня. Я чувствую себя полной дурой.

«Спасибо», - бормочу я, потянувшись за его носовым платком, прежде чем ласково и по-женски прикоснуться к своему лицу, делая вид, что я не заставлял замолчать целую комнату аристократических добродушных старичков в одном из самых известных аукционных домов в мире. Боже мой, я абсолютный позор.

Когда я заканчиваю операцию по уборке, я набираюсь храбрости и противостою своим зрителям, опустошенным, видя, что я все еще в центре внимания. Я ничего не могу сделать, чтобы искупить свою вину, поэтому я принимаю и приподнимаю подбородок, расправляя плечи. Я корчусь изнутри. Положительное умирает. Униженный. Готова поспорить, Беккер сожалеет о том, что взял меня с собой. Если аукционист не возобновит работу с того места, на котором остановился, я сбегу. Я могу сидеть здесь только до тех пор, пока все смотрят на меня.

«Одиннадцать миллионов».

Объявление из пары рядов перед нами делает свое дело. Все в комнате отвлекаются от меня, и я следую их примеру. Brent ловит мой взгляд и улыбается, качая головой. «Одиннадцать миллионов», - повторяет он, отворачиваясь от меня поднимая весло.

Я смотрю на Беккера, глядя на его реакцию. Его внимание не отошло от скульптуры.

«Одиннадцать человек в комнате. Я слышу двенадцать?»

'Двенадцать.'

Море голов поднимается на балкон, а затем быстро возвращается в комнату, когда Brent кричит: «Тринадцать».

С каждой ставкой вздохи становятся громче.

«Тринадцать в комнате от мистера Уилсона». Аукционист указывает молотком на Brenta. - У меня четырнадцать?»

'Вот.' Обрато наши головы снова идем на балкон, где парень по телефону машет своей ракеткой в воздухе. С самого начала видно, что он потеет, а его голова мерцает в свете верхнего света. Я бы тоже была, если бы предлагал такие деньги от чьего-то имени.

Болтовня в комнате усиливается, люди затыкают друг друга, некоторые держатся за руку человека, сидящего рядом, чтобы взять себя в руки. Я полностью захвачен шумихой, получаю прилив адреналина от напряжения и возбуждения. Brent снова ловит мой взгляд, его профиль ясен, когда он смотрит на балкон, хмуро глядя на своего конкурента.

«Пятнадцать миллионов». Он проталкивает слова сквозь стиснутые зубы, медленно поворачиваясь к передней части комнаты и поднимая весло. Его ставка поднимает шумиху на новый уровень. Кто-то впереди встает и оглядывается на Brenta, а кто-то выхватывает

телефон и начинает неистово стучать по экрану. Это безумие ошеломленной активности. Вы почти можете слышать, как бьется сердце каждого человека в комнате.

Я смотрю на Беккера, отчаянно пытаюсь понять, что он думает по этому поводу. Почему он не сделал ставки? Он все еще просто смотрит на стеклянный шкаф, демонстрирующий скульптуру. Я осторожно подталкиваю его колено своим, чтобы привлечь его внимание. Он не смотрит на меня, предпочитая сосредоточиться на потерянном сокровище.

«Пятнадцать», - выдыхаю я, осторожно оглядываясь вокруг, чтобы убедиться, что на меня нет никакого внимания. Мне не о чем беспокоиться. Все взгляды прикованы к двум мужчинам, участвующим в торгах.

«Люди, разговаривающие по телефону, - это музей во Флоренции», - тихо говорит Беккер, не отвлекаясь от скульптуры. «Они не могут подняться выше шестнадцати».

Я перевожу взгляд на балкон, когда человек по телефону кричит: «Шестнадцать».

Но Brent быстро кричит: «Семнадцать», выводя музей во Флоренции из игры. Я смотрю на вспотевшего парня на балконе и вижу, как он качает головой, подтверждая то, что мне сказал Беккер.

«Семнадцать в комнате». Молоток указывает на Brent.

« Беккер». Я превращаюсь в него, и тут вмешивается моя разумная сторона. «Ты не можешь тратить такие деньги». Особенно, если это война это между ним и Brentом. Это безумие. Мне все равно, Микеланджело это. «Пусть...» Я захлопываю рот, когда я ловлю его палец, медленно поднимающийся ко рту.

«Тссс». Он успокаивает меня, низкий соблазнительный свист заставляет меня замолчать в мгновение ока. «Успокойте свои штаны, принцесса. Я не такой сумасшедший ».

Все во мне расслабляется. «Хорошо, пусть идиот испортит свое состояние».

'Точно.' Беккер смотрит на меня и позволяет легкой улыбке треснуть уголки его рта, затем я в замешательстве наблюдаю, как он медленно поднимает свою ракетку в воздух. «Двадцать миллионов», - говорит он.

Мой рот открывается. Что за хрень?

Он смотрит на меня, эта мальчишеская дерзкая улыбка украшает его красивое лицо, в то время как я смотрю на него, чувствуя, как внимание в комнате переключается на нас. Люди кричат от восторга, шока, трепета.

«Двадцать миллионов в комнате».

- Беккер, что ты делаешь? - спрашиваю я, не беспокоясь о громкости моего голоса. Нет ни малейшего шанса, что кто-нибудь мог бы услышать меня сквозь суету.

Он опускает весло и наклоняется ко мне, прижимаясь губами к моему уху. Мои глаза закрываются, и все вокруг превращается в ничто. «Я ненавижу его, Элеонора».

Я хмурюсь в темноте, совершенно сбитый с толку, но когда я открываю глаза, Беккер улыбается, снова устраиваясь на своем месте. Он подмигивает мне и снова смотрит на стеклянный шкаф.

«Твоя ненависть должна быть грандиозной, если ты готовы расстаться с такой суммой денег, чтобы не дать Brentу заполучить скульптуру».

«Эпичность не покрывает это», - говорит Беккер.

С трудом сглотнув, я усаживаюсь на стул и изо всех сил стараюсь не обращать внимания на взволнованные лица, смотрящие на нас. Все взволнованы, кроме Brentа. Он хмурится.

Аукционист смотрит через очки на Brentа. «У меня есть двадцать один?»

Плечи Brentа напряжены, почти касаясь мочки ушей. Он был недоволен пятнадцатую

миллионами. Могу только представить, что в двадцать один год он совершенно обезумел от разочарования. Быть переброшенным такой огромной суммой и его заклятым врагом, не меньше? Черт возьми, я не удивлюсь, если он прыгнет через стулья и нападет.

«Двадцать один», - выплевывает Brent, протягивая руку к лицу без весла. Я думаю, он вытирает пот со лба.

«Тридцать», - холодно говорит Беккер .

Я не двигаюсь. Я не говорю ни слова. Я подражаю уравновешенности Беккера и смотрю на бесценную скульптуру. Почему Беккер так ненавидит Brentа? Его объяснение в гараже сегодня утром кажется бессмысленным. Держите врагов близко? Он предпочел бы сжечь бесценный предмет, чем увидеть, как Brent Уилсон получит его в свои руки? Что, даже если это будет стоить ему миллионов? Должно быть, есть еще кое-что, но сейчас действительно не время спрашивать.

«Тридцать один», - ревет в ответ Brent. В комнате тихо. Даже не аукционист может читать ставки до того, как счетчик ставки будут объявлены .

«Сорок миллионов». Беккер излагает это ясно и лаконично, без намека на его психическое состояние, которое я бы сказал сейчас чертовски чокнутым.

На этот раз раздаются крики. Все это проклятое место погружается в полный хаос. В этом нет ничего удивительного. Ничто не могло помешать мне отреагировать и на это. Сорок миллионов? У кого такие деньги? Надо посмеяться над своим безмолвным глупым вопросом. Хант. Вот кто. Беккер не бездельничает. Brent ползет вверх жалкими шагами в один миллион фунтов, в то время как Беккер опускает долбаные колоссальные ставки. Он действительно не хочет, чтобы у Brentа была голова фавна.

Среди безумия окружающих нас людей Brent взлетает со своего места. Он в ярости. «Пятьдесят миллионов», - кричит он. Его волосы растрепаны от резких движений. Он выглядит разбитом состоянии, тогда как Беккер выглядит идеально собранным и сосредоточенным.

Ситуация выходит из-под контроля, и я начинаю задаваться вопросом, где это закончится. Беккер хочет этот кусок, и Brent тоже. Я не ожидаю, что ни один из них уступит и потеряет лицо, поэтому я успокаиваюсь и смотрю вперед, на сокровища, которые отправили этот аукционный зал в пандемониум.

Аукционист указывает на Brentа. «Пятьдесят миллионов от мистера Уилсона».

Я жду этого. Приближается.

Любой.

Момент.

Сейчас же.

Но это не так. Беккер молчит рядом со мной, и хотя я знаю, что предлагаемые здесь деньги астрономически глупы, даже для давно потерянного Микеланджело, меня внезапно одолевает необоснованное желание, чтобы он не позволил Brentу выиграть. Может быть, это злобный блеск в глазах Brentа, когда он оглядывается. Или, может быть, это потому, что этот предмет должен принадлежать чему-то особенному, например, музею или Убежищу. Или, может быть, это просто потому, что я хочу, чтобы Беккер выиграл, и действительно хочу, чтобы Brent проиграл. Для меня это была бы лучшая пощечина, даже если я технически не доставляю ее.

«Один ».

Я смотрю и вижу, как Беккер тупо смотрит на шкаф, не обращая на него внимания,

ожидая встречной ставки. Похоже, он в трансе. Или он думает? Я не могу быть уверен, поэтому подталкиваю его колено. Он медленно поворачивается к моему лицу. «Это тебе», - подсказываю я, кивая в сторону аукциониста.

«Идем дважды». Аукционист смотрит на Беккера, как и все остальные, его молоток безвольно висит в руке.

Я понятия не имею, что делать с выражением Беккера. Он пуст, но где-то есть и любовь. 'Ты в порядке?' Я спрашиваю.

Он глубоко вздыхает и тянется к моей руке, нежно берет ее и переплетает мои пальцы. Я смотрю вниз, сбитый с толку его движением, но меня не смущает нарастающий жар крови в моих венах. Все вокруг меня снова молчит. Тишина.

«На случай, если я забуду сказать тебе, когда мы выберемся отсюда», - тихо говорит он, и я снова смотрю на него и вижу спокойное, невыразительное лицо. Но эти глаза. Они живы, танцуют и ласково смотрят на меня. «Я любил каждую секунду, которую провел с тобой сегодня». Он улыбается.

Из всего сумасшедшего дерьма, происходящего в этой комнате, именно этот момент захватывает дух, и я отказываюсь его вернуть. Он нежно сжимает мою руку и поворачивается к аукционисту. 'Я выхожу.' Он оживает, встает и поднимает меня за руку. Беккер вежливо кивает Бренту, как настоящий джентльмен, терпящий поражение. «Поздравляю, Уилсон».

«Продан мистеру Уилсону за пятьдесят миллионов».

Взрыв!

Грудь Брента надувается от гордости. 'Благодарю.' Он презрительно смотрит на наши сцепленные руки, прежде чем быстро восстановить свое превосходство, когда все в комнате теряют интерес к Беккеру и бросаются поздравить Брента. Он это сделал. Это отвратительно, и хотя Беккер, кажется, принимает поражение с совершенной грацией, я не могу избавиться от горечи.

«Давай, принцесса». Беккер тянет меня за руку, и я смотрю вверх и вижу, что он изучает меня с намеком на веселье на лице.

'Что?' - спрашиваю я, не сумев стереть угрюмое выражение лица.

'Ничего.' Он тащит меня сквозь толпу людей, вежливо прося извинений, когда люди преграждают нам путь.

«Он не должен был выиграть ее», - ворчу я, уворачиваясь от тел, следуя за Беккером .

- Он не выиграл, Элеонора. Он заплатил за это ».

Мы вырываемся из переполненной комнаты и ударяемся о мраморный пол вестибюля. «Я не имела ввиду победу в этом смысле. Я имела ввиду это только в том смысле, что Брент Уилсон чувствует, что он тебя опередил. Голова фавна принадлежит чему-то особенному. Он принадлежит Убежищу.

Беккер смотрит на мое угрюмое лицо и идет вперед. - Ты стала немного защищать своего босса, принцесса? - серьезно спрашивает он, поднимая брови и снимая очки. «Потому что это может показаться неуместным».

«Или просто преданна», - парирую я, заставляя наши сцепленные руки поднять, чтобы он мог их увидеть. «Это неуместно».

Беккер улыбается и опускает мою руку, пока мы продолжаем идти. Мне хочется, чтобы я держал свой глупый рот на замке. «Я рад, что привел тебя сюда сегодня».

'Ты?' Я думала, он пожалеет об этом после моего выступления с плевками кофе.

«Да, твоя реакция на то, что Брент выиграл скульптуру, кое-что подтверждает».

Я смотрю на него, не отставая от его шагов. "Подтверждает что?"

«Что я могу тебе доверять».

- Ты имеете в виду, проверить, как я дуюсь, когда проигрываю?

Он хихикает. - Тебе не о чем беспокоиться. Я никогда не проигрываю ».

Мои шаги запинаясь, заставили меня отстать от него, пока я не останавливаюсь. «Но ты только что это сделал».

Беккер оглядывается, когда замечает, что меня больше нет рядом, и его подошвы скользят до упора. Он сует руки в карманы и возвращается ко мне, сокращая расстояние между нами. Я внимательно наблюдаю за ним, как он медленно наклоняет голову, пока его глаза не окажутся на уровне моих. Он выглядит слишком жизнерадостным для того, кто проиграл своему заклятому врагу. Его улыбка яркая. Счастливый. Я в замешательстве.

Но потом он говорит и превращает мое замешательство в ужас. «Я не проиграла, Элеонора. Brent только что заплатил пятьдесят миллионов за кусок мрамора, который я мог бы вылепить.

Что?

Моя рука летит ко рту, чтобы остановить шоковый крик. "Это подделка?" - шиплю я.

Беккер смотрит в потолок и думает. «Да, я бы так сказал».

В этом нет никакого смысла. Зачем Беккеру предлагать цену, если он знает, что это подделка? Ответ приходит быстро и быстро и без необходимости спрашивать. - Ты его обманул. Беккер поднял ставки, вынудив Brentа заплатить намного выше. О, мои дни.

«Как ты узнал наверняка, что это подделка?» Он мог ошибаться. Это могло быть правдой.

Он выпрямляется, глядя на меня с намеком на озорство в глазах. Меня это беспокоит. Это говорит мне, что мне не понравится то, что он скажет дальше. «Потому что, - тихо бормочет он, немного наклоняясь ко мне, - я знаю, где настоящий». Он надевает очки, поворачивается на каблуках и выходит прямо из Countryscape, оставляя меня с челюстью на шикарном мозаичном полу.

Глава 21

Я все еще стою на том же самом месте, кто знает, сколько времени спустя. Беккер знает, где настоящий? Он просто предложил непристойные деньги за подделку? О Боже.

«Беккер», - кричу я, желая вернуть жизнь своим мертвым ногам и мчась за ним. Я взбираюсь на верхнюю ступеньку лестницы за пределами Countryscape и резко останавливаюсь, прежде чем упасть, черт возьми, на землю. Я замечаю его внизу. «Беккер». Я снова уйду, не в силах утолить свою потребность добраться до него и потребовать объяснений. Возможно, в этой срочности тоже есть немного паники. Я чувствую себя мошенницей, сбегаящей с места преступления.

Я бегу по ступенькам, как сумасшедшая, не обращая внимания на возможность падения и поломки шеи, что вполне возможно в этой обуви. Приземлившись на дно в взволнованном беспорядке, я обнаружил, что мой босс снял солнцезащитные очки и смотрит в чистое голубое небо, вдыхая свежий сельский воздух с выражением чистого возбуждения на своем идеальном лице. Он только что рассказал о чем-то невероятном и ушел, как будто все это было совершенно нормально. И теперь он выглядит самым счастливым, что я, наверное, его видела. Я в тупике подбираю слова. Я хмурюсь про себя, а Беккер смотрит в небо, ожидая, пока он закончит свой. . . момент.

Это несколько нервных минут. Я постоянно проверяю позади себя всех, кто может выбежать из особняка с криками о коррупции.

- Ты это чувствуешь? Он наконец заговорил, сделав последний глубокий вдох через нос, прежде чем выпустить струю изо рта.

Я нюхаю. Я фактически нюхаю воздух вокруг себя. Я такая дура. Независимо от запаха, которым Беккер в настоящее время получает огромное удовольствие, больше никто не может его почувствовать. Это личное. 'Что?' Спрашиваю, уверенный в ответе получу.

«Это, принцесса, запах возмездия». Он опускает голову в широкой улыбке. Его глаза безумно мигают. 'Ты в порядке?'

«Вообще-то нет», - плачу я, морщась от звука собственного голоса и быстро оглядываясь через плечо. Все ясно, но это не для разговора. На самом деле, это не разговор в радиусе десяти миль отсюда.

Я хватаю его за руку и грубо тащу к Глории. Он не пытается меня остановить и не жалуется на мое грубое обращение с ним. Хорошая работа для него. Мое желание сбежать из Countryside вкупе с моим стремлением к объяснению привело к одной решительной принцессе.

«Открой машину», - бросаю я, оглядывая нас. Я нервничаю. Я ничего не могу поделывать. Беккера же не волновала и очень забавляла моя нервозность.

Он не пытается выполнить мое требование и закатывает глаза, издеваясь над моим беспокойством. «Успокойте свои штаны, принцесса». Он быстро приближается, срывая меня с ног.

«О, - кричу я, хватая его за плечи, когда мои ноги исчезают из-под меня. Он идет прямо мимо Глории, и я поднимаю голову, глядя, как она удаляется. Разве мы не уезжаем?»

'Давай поговорим.' Он аккуратно кладет меня на что-то, и на секунду мне интересно, на что, пока я не замечаю сверкающий серебряный узор с крыльями Бентли рядом с моим бедром.

- Почему вы посадили меня на капот машины Брента ? - недоверчиво спрашиваю я, пытаюсь уйти. Я не уйду далеко.

Беккер снова подталкивает меня. 'Оставайся на месте.' Его ладони опускаются по обеим сторонам моих ног, сжимая меня. Затем я слышу пронзительный звук, пронизывающий меня. Металл по металлу. Мои ладони доходят до ушей, чтобы защитить их от режущего звука, и Беккер бросает на меня притворно удивленный взгляд. Я заглядываю вниз и вижу металлический ремешок его часов на «Бентли». «Ой», - говорит он, поднимая запястье и обнажая чудовищную царапину.

Я с ужасом смотрю на его самодовольное лицо. 'Почему ты это сделал?' - спрашиваю я, облизывая кончик пальца и отчаянно потирая след. Я дура. Я слышал повреждения и теперь вижу их. Это одна глубокая царапина. О, мои дни, меня арестуют за все виды преступлений. Содействие. Помощь и подстрекательство. Уголовный ущерб. Я никогда раньше не пачкал руки. Теперь я преступник. «Ты мне сегодня не очень нравишься», - бездумно ворчу я. 'Разве не достаточно того, что ты только что обманул Брент за пятьдесят миллионов, ты еще и вандализируешь его шикарную машину?'

Беккер останавливает мои бесплодные попытки заставить царапину волшебным образом исчезнуть и берет меня за руки, держа их передо мной. 'Смотри на меня.'

«Нет, ты можешь украсть мои глаза».

Он разражается смехом над моей надутой остротой, запрокинув голову, и все

такое. «Элеонора, я не преступник. Смотри на меня.»

Я неохотно выглядываю сквозь ресницы, чуть не потеряв сознание от улыбки на его лице. «Ты не имели права ставить меня в центр вашей жалкой игры с Брентом».

Его улыбка немного тускнеет, и я знаю почему. Он прочитал между строк этого утверждения и интерпретировал то, что я не сказал, но хочу сказать. Это не только сегодня. Я был постоянной пешкой для обоих мужчин, и у меня нет никаких сомнений в том, что Беккер привел меня с собой не только для проверки моего доверия, но и для того, чтобы немного покопаться в своем враге. Я его, но это не так. Он не претендует на меня в этом отношении, и я не имею к нему никаких претензий. Я это знаю. Он это знает. Миссис Поттс это знает. Дедушка это знает. Алекса это знает. Даже Уинстон, блядь, это знает. Беккеру нравилась каждая секунда, которую он провел со мной сегодня? Да, я уверена что это так, потому что я невольно играл в его игру. Дело не в невозможном влечении. Это не потому, что он ничего не может поделаться, но чертовски хочет меня.

Это о том, как он показывает мне, кто он. Позволяя мне увидеть.

Надеюсь, ты готова.

Никогда, Беккер. Никогда не готов для тебя.

Мне нужны ответы. «Откуда ты знаешь, где настоящий? А откуда ты знаешь, что это не настоящее? Я указываю на особняк. «Кто этот, всемирно известный эксперт?»

«Нет, я тот человек, который заплатил всемирно известному эксперту, чтобы тот подтвердил подлинность того». Он тоже указывает на особняк.

Боже мой. Моя ладонь достигает горла и касается моей кожи. Я чувствую петлю там. Тот, который меня повесят, когда об этом узнают власти. «Это подло».

«Нет, это умно, принцесса», - быстро поправляет он меня, хватая меня за руку, когда я поднимаю ее, чтобы показать возмущенным пальцем ему в лицо.

«Это подло», - возражаю я. - Как тебе вообще это удалось? Ни один уважаемый эксперт не станет настолько безумным, чтобы рискнуть своей репутацией».

«Жадность - ужасная вещь». Беккер в ужасе качает головой. Никакого сарказма. Он искренне верит в свое заявление, и я не могу с этим спорить, потому что он прав. Мир антиквариата настолько же коррумпирован, насколько и они. В своих самых смелых мечтах я даже представить не мог, что такая уважаемая и печально известная компания, как Hunt Corporation, окажется замешана в таком скандале. Неудивительно, что мистер Х. и миссис Поттс были против моего приезда. Этот дорогой старик и милая старушка? Они замешаны в этом? Мой разум только что взорвался.

«Но ты не хотел, чтобы Брент был здесь», - напоминаю я ему, говоря теперь уже ради этого. Все те времена Брент претендующие быть подключены в Countryscape и Беккер взял удовольствие в отказе, это было актом. - Вы просили кого-то еще поддержать его, не так ли?

«Я не был бы очень умным, если бы получил доступ к нему, зная, что он хочет того, чего я хочу, не так ли?»

«Но ты этого не хотел».

«Да, но я не хотел, чтобы Уилсон знал об этом».

Он слишком умен. Это проблема. Смарт - за того, что я дал ему кредит на проход, и я думал, что он был очень умен, во всяком случае.

«Откуда ты знаешь, где настоящий?» Я спрашиваю.

«Потому что у меня есть карта».

Я не могу сдерживать вздох. Он ищет главу фавна? Воспоминания о библиотеке, секретном отсеке, который я нашел, и карте внутри, взрываются в моей голове, но я ничего не могу сказать. Он не знает, что я нашла ту книгу или что в ней. Он подумает, что я шпион. Так что я смотрю под другим углом. "Где карта?"

«В безопасном месте».

Черт. По кислому выражению его лица я могу сказать, что он не собирается больше рассказывать мне об этом. «Почему в безопасном месте?»

«Потому что Brent...»

«Тоже искал скульптуру, - заканчиваю я за него, ясность кусает меня за задницу и вонзает свои злобные зубы. - А теперь он думает, что нашел ее». Мои глаза бегают по коленям, в то время как мой разум пытается обернуть удивительное осознание.

«Хорошо, - фыркает он. «Кто-то другой нашел это. Brent купил это ».

Я выдыхаю недоверие. «Черт возьми, это невероятно».

«Это беспроектный вариант, Элеонора», - тихо говорит Беккер, ткнув меня в щеку, как будто я ребенок, которого он пытается умиротворить.

Я смотрю на него. Он все еще улыбается. «Моя семья получает скульптуру, Сондерсы не теряют свое поместье благодаря мне, Brent Уилсон признан придурком, и я получаю от всего этого кайф». Он криво и дерзко улыбается. «Подожди. . . ' Он задумчиво смотрит вдаль. «Это беспроектный вариант».

Мое отвращение к его пренебрежению выливается в раздраженный вздох. «И если Brent решит продать его, и он снова будет аутентифицирован, - я поворачиваю руку к особняку позади меня, - все узнают, что это подделка».

'А также?'

А также? Почему для него это не проблема? Без каких-либо других инструкций, ни мыслей, ни слов, я хлопаю его по руке за его наглость. Он издает самый великолепный смешок. Мне хочется бить его непрерывно, так что мои уши навсегда затонут в головокружительном звуке.

Беккер смотрит на меня, когда звук стихает, и между нами снова остается тишина. Мы просто смотрим друг на друга. Он хотел, чтобы я все это знала. Он хотел поделиться этим со мной. Он храбрый, для начала доверяет мне, но более того, он открыт для меня, осознает он это или нет.

Он улыбается. «Соперничество между моей семьей и семьей Brentа насчитывает почти столетие, Элеонора. Я продолжаю семейное наследие. Вот и все.'

- Твой отец искал скульптуру?

Он кивает. «И мой дед, и дедушка Brentа, и отец Brentа. Но я найду это. Пожалуйста, не позволяйте морали омрачить ваше суждение. Отец Brentа ограбил моего отца за гораздо больше, чем пятьдесят миллионов ».

Я надуваю губы, не понимая такой суммы. Более пятидесяти миллионов? Но я все же спрашиваю. 'На сколько больше?'

«Чертовски много». Его улыбка быстро исчезает, и я не уверен, что делать с страданием, скользким по его лицу, заглушающим восторг, который был несколько минут назад.

Он кормит меня обедками. Я хочу обед из трех блюд. «Сколько это чертовски много?»

Он отталкивается от капота машины Brentа, сглатывая. «Не заставляй меня снова идти

по этой дороге, Элеонора. Мне просто нужно, чтобы ты знала, что у моего безумия есть метод. Он накладывает на лицо фальшивую и довольно неуместную улыбку. «Брент Уилсон думает, что его умные руки держат голову фавна, поэтому теперь я могу сосредоточиться на поиске настоящей, без того, чтобы подражатель Индианы Джонса преследовал меня по всему миру».

Каждая крупинка моего раздражения ускользает. У меня есть собственный охотник за сокровищами. Для меня безумие находить приемлемым его простое объяснение. Действительно сумасшедший. Может, Беккер Хант сводит меня с ума.

«Это стало больше о гордости и победе». Беккер стучит концом мне по носу. «Дело не в страсти к сокровищам. Брент только что доказал это там ». Он указывает на особняк. «Он не собирается продавать эту скульптуру в ближайшее время. Он оставит это себе для собственного печального удовлетворения. Он думает, что выиграл, принцесса.

«Ты сказал, что можете сосредоточиться на поиске настоящего. Я думал, ты знаешь, где это.

'Я занимаюсь этим. Как я уже сказал, у меня есть карта.

Я качаю головой, ошеломленный всем этим, но не считаю это надежным. Беккер, должно быть, подумал о последствиях. «Если обнаружится, что Брент Уилсон купил подделку, аутентификатор будет повешен, извлечен и четвертован».

«Он давно ушел с несколькими миллионами на офшорном счете. В отставке. Понимаете, это бизнес по тестированию. Он ухмыляется.

Мне нечего сказать на это, но потом я думаю о другом. «Брент захочет вернуть свои деньги. Конечно, Сондерс могут оставить себе все его деньги.

«Семья Сондерсов разорена в финансовом отношении. Они потратят деньги на погашение долгов ».

«Он подаст на них в суд», - стреляю. Господи, пятьдесят миллионов фунтов пропали? Просто так? У Брента Уилсона будет грыжа. И эта грыжа лопнет, если он узнает, что виноват Беккер .

«Они не подтвердили это», - совершенно справедливо отмечает Беккер . - И вообще, нельзя подавать в суд на кого-то из-за того, чего у него нет. Это все «если» и «но», принцесса. Уилсон никогда не поделится тем, что его обманули, если он узнает. Его это слишком велико ».

Его это слишком велико? Весело. Но я закончила. Я представила все дыры в его плане, и он быстро их заполнил. «Вы аморальны». Это все, что у меня осталось.

Он усмехается и кладет руки мне на талию, поднимает меня с машины и прижимает к себе. Мы снова в этой серой зоне. Но это не мешает моим рукам скользить по его шее.

Или мои глаза от наслаждения его непристойно красивым лицом. Или мое тело от гиперчувствительности к каждой его части, которая касается меня.

Его мягкие карие глаза светятся счастьем. Я не могу понять, почему это скрывает мое беспокойство прямо сейчас. Все, что я знаю, это то, что я чувствую, что знаю Беккера Ханта намного больше, чем час назад, и он добился этого.

«Я не аморальна, принцесса». Он целомудренно целует меня в щеку, тоже издавая небывалый шум. «Я гребаный святой».

Я улыбаюсь, и я не в силах сдерживаться. Я также не в силах вырваться из его рук, когда он несет меня к Глории. - Святой Беккер? - спрашиваю я, позволяя ему поставить меня на ноги и открыть дверь. «Я не так уверен в этом». Я проскальзываю и натягиваю ремень, а

затем подпрыгиваю, когда Беккер практически бросается через капот машины, как каскадер, его плечо сначала касается металла, а остальная часть его тела плавно движется в мастерском кувырке. Он легко приземляется на ноги с водительской стороны машины и подносит два пальца к губам. Я в ужасе качаю головой, когда он дует через их верхушки, прежде чем убрать свой воображаемый пистолет в кобуру и, напористо, направиться к двери, быстро открыв ее и упав на свое сиденье.

Он запускает двигатель и заставляет Глорию рычать от восторга. - Я рассказывал вам о том, как прыгнул с парашютом с Бурдж-Халифа?

'В самом деле?' Я саркастически ахаю, и он усмехается. Я не должна ублажать его, когда он такой безрассудный. Беккера Ханта чертовски сложно не любить, когда он полный придурок. Когда он такой игривый, смелый и плутоватый, это невозможно. Он точно индивидуалист. Сегодня это доказано. Риск, на который он идет, безрассуден, но я не сомневаюсь, что его заговор был тщательно продуман. Он тоже энергичный, как и сказал его дедушка. Дикий и дерзкий. Страстный и любящий. Сексуальная привлекательность исходит из каждой поры его великолепного тела, а его лицо настолько красивое, что его следует классифицировать как опасное. Что это такое. Я могу засвидетельствовать это.

Но если отбросить все эти безмолвные резюме, я действительно должен кое-что спросить у себя. Что-то важное.

Что означает его величественный жест?

Глава 22

Я удивлен, когда Беккер съезжает с проселочной дороги на автостоянку паба и заявляет, что нам нужно поесть. Я не спорю. Судя по всему, соучастие афериста возбуждает аппетит.

За ужином мы без перерыва болтаем о Риме, о тех двух годах, которые Беккер провел там, изучая искусство итальянского Возрождения, и я слушаю его с трепетом и завистью. Мы кратко касаемся меня, и я ловлю себя на том, что отключаюсь, гадая, что мой прямолинейный отец и весь его хлам сделают из того, во что я был вовлечен сегодня. Я должна вернуться в его магазине, пытаюсь сохранить свою живую память, оказавшись невольно втянута в махинации на рабочих мест. Потому что это именно то, что есть. Незаконно.

Похоже, что Беккер замечает мои душевные муки в этот момент, потому что он хладнокровно отвлекает меня от разговора, отправляя мою ноющую совесть в даль своими оживленными историями из его дней в Париже, Мадриде, Буэнос-Айресе, Москве. . .

Список можно продолжать и продолжать. Он был повсюду и страстно рассказывает о каждом месте. Я могла слушать его вечно. Были только шуточные подшучивания, никаких тычков или. . . Я немедленно прекращаю свое направление мысли. Были тычки. Их много, но мы оба отскочили от них улыбкой или смехом. Сегодня все по-другому. Я не знаю, что изменилось и почему, но в наших отношениях произошел огромный сдвиг, и я не могу не думать, что это к лучшему. Я полюбил Hunt Corporation, свое чувство принадлежности, свою работу, миссис Поттс и мистера Х., и даже сегодняшние события не заставили меня поколебаться, и это действительно безумие.

Я чувствую себя обновленной, и я не могу отнять это у себя. Беккер Хант захватывающий и смелый, и мне так приятно быть с ним захватывающей и смелой. Мне просто нужно пройти мимо тех моментов рапсодии, когда Беккер прикасается ко мне или подходит слишком близко. Я могу это сделать. Я могу это сделать, чтобы поддерживать во мне это волнующее чувство принадлежности и целеустремленности.

Я должна это сделать.

Могу ли я сделать это?

Поездка из паба домой идет слишком быстро, чему помогает Беккер. Вечер воздух горький, в восемь часов уже темно. Когда мы подъезжаем к моему дому, я решаю не смотреть на него, сосредотачиваясь на том, чтобы натянуть пальто и шарф на шею. Мои действия говорят больше, чем мне холодно. Говорят, я отвлекаюсь, может даже пытаюсь использовать одежду как защитный щит от. . .

Не знаю что. От него? Мое неконтролируемое и необоснованное влечение ко всему, что он представляет? Я инстинктивно защищаю свое сердце от разрыва. Потому что крошечная уязвимая часть меня беспокоится, что он снова проникнет в мою защиту.

«Увидимся завтра», - говорю я коротко, мило и, что самое главное, профессионально. На это уходит так много энергии. «Спасибо, что взяли меня. И за ужин.

- Было ли это тем, на что ты надеялась? - спрашивает он, выключая двигатель Глории.

Я смело смотрю на него, чувствуя неподдельное любопытство. Я могла засмеяться. - И многое другое, но ты это знаете, не так ли?

Кажется, он задумался, его глаза упали мне на колени. Что-то мне подсказывает, что он ищет моего одобрения. Или принятие. Могу я дать ему это? 'Кофе?' - выпаливает он из ниоткуда.

Кофе? Это кодекс секса? Будь мудрой, Элеонора. Будьте профессиональной. «Думаю, я пройду», - говорю я, одаривая его легкой улыбкой, когда он начинает покусывать губу, его мысли явно кружатся. Интересно, как он может меня убедить? Он не может. Я больше не совершаю эту ошибку. Придется дожидаться Алексы. Он может забрать ее по дороге домой. «Тебе пора идти», - добавляю я, опасаясь, что он найдет способ меня поколебать. Я не в силе, когда Беккер обрушивает на меня свое очарование. Я беру ручку двери. 'Еще раз спасибо.'

Его рука быстро сжимает мою руку, и я быстро вдыхаю, ища свою стойкость. «Пожалуйста, - тихо шепчет он. Мои глаза поднимаются, мое потрясение очевидно. Беккер Хант не говорит "пожалуйста". И я не занимаюсь случайным сексом. Особенно с моим боссом.

Взяв его руку, я кладу ее ему на колени. «Мистер Хант, я думаю, у вас сегодня свидание».

Он довольно мило нахмурился, а затем его телефон зазвонил, переводя наш взгляд на центральную консоль. Я улыбаюсь про себя, видя, как Алекса зажигает экран. «Она ничего для меня не значит», - говорит он, когда он звонит.

«О, я знаю», - заверяю я его, снова взявшись за ручку двери. «И меня не интересует это».

Его ошеломленные глаза устремились ко мне. «Я не собираюсь заставлять тебя чувствовать себя ничем».

«Твое отсутствие намерений не означает, что ты этого не сделаешь, Беккер» . Я открываю дверь и выхожу, наклоняюсь, чтобы посмотреть ему прямо в лицо. Бедняга кажется немного потерянным. - Я уже достаточно хорошо тебя знаю. Давайте сохраним профессионализм ». Я должен быть разумным, поскольку очевидно, что Беккер не может контролировать свои побуждения. Крошечная часть меня вполне довольна. Но большая часть меня знает, что в этом нет ничего, кроме побуждения. Завтра у Беккера будет чесаться зуд, и я вернусь в то место, которое называется стыдом и слабостью. Нет. «Это был прекрасный день. Давайте также позаботимся о том, чтобы и завтра было прекрасным.

Его телефон снова начинает звонить - снова Алекса - и я улыбаюсь, когда закрываю дверь, натягивая сумку на плечо, так горжусь собой и своей силой. Но не успел я сделать шаг, как Беккер оказался передо мной, подняв телефон. Я моргаю, глядя на светящийся экран, когда он принимает звонок и подносит свой мобильный к уху, глядя мне прямо в глаза. Что он делает?

«Да, привет», - говорит он и несколько мгновений молчит, без сомнения слушая, как Алекса подробно описывает, что она для него запланировала. Я заставляю себя не гадать, что это такое. 'Не боюсь.' Взгляд Беккера остается прикованным к моему. «Нет, я тебя больше не увижу».

Я снова отступаю, чувствуя себя неловко не только из-за близости Беккера, но и из-за того, что он делает. Что он делает? Я не знаю, но мне не нравится ощущение увеличения скорости моего сердца. Я шагаю в сторону, чтобы обойти его, но меня блокируют. «Беккер, иди домой», - взволнованно говорю я.

«Да, я с Элеонор», - говорит он, протягивая мою руку, чтобы удержать меня на месте. 'До свидания.' Он вешает трубку, и наступает тишина. Так что же он теперь ожидает? Что я на него наброшусь? Потащу его наверх? Поблагодарю его? я смотрю на него чтобы убедиться, что он видит мою решимость, а также слышит ее. «Это был бесполезный жест».

Это больно я вижу в его глазах? Да уж точно больно. О, мои дни, он действительно ожидал, что я осыплю его в знак признательности. За кого он меня принимает? Он ожидает, что я растаю и упаду в обморок из-за того, что сегодня ему нравится другая женщина, и эта счастливица я? Я чувствую, как закипает мой гнев. Скоро закипит.

«Это не был жест», - говорит он. 'Я имел в виду это. Честно говоря, я больше не хочу ее видеть ».

Я громко смеюсь, шатаюсь. 'Честно?' Я имитирую. «При всем уважении, Беккер, я только что провел день, наблюдая, как ты лжешь сотням людей. Я видел, как твое покерное лицо всех обманывает. Так что, пожалуйста, не говори со мной о честности ». Я вырываю руку из его хватки. «И в то же время ты использовал меня как пешку». Я проношусь мимо него. «Я больше уважаю себя, чем готовлюсь к твоей просьбе».

«Ты не пешка, Элеонора», - кричит он мне вслед, но я продолжаю идти от недоверия. Конечно, нет. 'Проклятье!' Он приземляется передо мной, преграждая путь к моей двери. «Ты не пешка, и мне действительно нужно, чтобы ты это знала».

- Тогда что я, черт возьми, Беккер? Пожалуйста, скажите мне. Сотрудник? Сообщник?

Его челюсть пульсирует от яростного прикуса зубов. Я еще больше злюсь, что мой вопрос злит его. Я никогда в жизни не встречал такого тупого человека. «Ты, блядь, не пешка», - говорит он. - Ты долбаная королева шахматной доски, Элеонора. Выше всех. Поняла?'

Я ухожу, моргая.

«Я водил тебя в Countryscape не для того, чтобы использовать тебя», - кричит он. «Ты хочешь честности, я дам тебе честность». Он обнимает меня за щеки и приближает свое лицо к моему. «Я взял тебя, потому что меня чертовски раздражает желание впустить тебя».

'Что?' Я отхожу, и на этот раз он не приближается ко мне.

Беккер вздыхает, ненадолго закрывая глаза. «Я взял вас в Countryscape, потому что хочу, чтобы ты увидела то, что никто не видел».

'Зачем?' Я бездумно бормочу, и он мягко улыбается.

«Потому что я тебе нравлюсь так, как никто раньше ».

О Боже. Вот он. Молодой человек, жаждущий признания . Мужчина, который не хочет оставаться в одиночестве. Но . . . «Ты мне не нравишься». Вранье.

«Тебе действительно нужно поработать над этим покерным лицом, принцесса», - говорит он с ироничным смехом, глядя в сторону, зажимая переносицу. Он вздыхает. «Ты любишь мою страсть, и я даже не могу сказать тебе, как сильно я люблю твою».

Мне также нужно поработать над силой воли, потому что я чувствую, как мои стены начинают рушиться. Я чувствую, как мое сердце кричит громче, чем моя голова. Мне нужно убираться отсюда. «Увидимся завтра на работе», - говорю я, быстро обходя его стороной.

'Это все?' - недоумевает он.

«Вот и все, - говорю я. - Ты сам сказал, что этого никогда не должно было случиться. Ты должен помнить почему».

«Я ни черта не могу вспомнить, когда ты рядом, Элеонора».

«Тогда попробуй», - кричу я, глядя на окно своей квартиры, думая о тихом, уединенном месте за ним. Тихо - это хорошо. Одиноко - это хорошо. Мне нужно немного места, чтобы вернуть свой разум в норму, прежде чем Беккер снова поймает мою глупую сторону. Но мои мысли прерываются, как и мои шаги, поскольку мне интересно, правильно ли я вижу.

'Что такое?' - говорит Беккер, улавливая мое беспокойство. Я тупо оглядываюсь на него и вижу озабоченное лицо. - Элеонора, что?

Он присоединяется ко мне, и я снова смотрю вверх. «Мое окно», - я хочу показать, но моя рука отказывается разворачиваться вокруг живота . 'Это . . . ' Я затихаю, когда регистрирую, что мое окно открыто. 'Ой.' Теперь я хмурюсь. Оно было закрыто.

- Что насчет твоего окна? - подсказывает Беккер, отрывая мое озадаченное лицо от здания. Он тоже хмурится.

Я качаю головой, игнорируя свою ошибку. 'Он выглядел открытым. Я, должно быть, кое-что видела».

«Ты не уверено». Он смотрит на здание и несколько раз пробегает глазами слева направо, проверяя себя.

'Темно. Я бы не увидел своей руки, если бы поднял ее перед собой ». И я определенно не думаю прямо сейчас. Я поворачиваюсь и иду вверх по тропинке, желая избежать холода. Также как Беккер и его откровения.

Мои замерзшие руки вечно берутся за ключи от двери, и как только я наконец выбрала нужный ключ, я провожу драгоценные секунды на морозе, пытаясь вставить его в замок. «Проклятье», - ругаюсь я, бросая связку на пол.

Я встаю на колени, чтобы поднять их, но Беккер опережает меня, смахивая их вверх. «Посмотрим», - объявляет он, открывая мою дверь и входя первым.

'Не нужно.' Я хочу, чтобы он ушел сейчас же, чтобы я могла упасть в свою кровать и обдумать каждую мысль, которая сейчас путает меня в голове.

«Это не было вопросом». Он выжидающе смотрит на меня, показывая выражение лица, которое определенно не собирается смягчаться. «Ты собираешься стоять на морозе всю ночь?»

Я вздыхаю долгим, усталым, раздраженным вздохом, затем делаю, как мне сказали. Беккер закрывает холод и не дает мне двигаться дальше, двигаясь передо мной и поднимаясь по лестнице. «Я ошиблась», - говорю я ему в спину, следуя за ним. «Тебе действительно не нужно этого делать».

Меня категорически игнорируют, поэтому я экономлю силы и затыкаю, черт

возьми. Пусть посмотрит. Пусть уходит. Просто.

Он идет к моей квартире, его плечи напряжены, и он быстро открывает мою дверь, толкает ее настежь и осматривает пространство.

Терпеливо ожидая позади него, я оглядываюсь через его плечо и не вижу ничего необычного. Он слишком подозрителен.

'Вот ты где!' Я оборачиваюсь и обнаруживаю, что Люси пробирается по лестнице, волоча за собой чехол для ноутбука. Это не единственное, что ее преследует. Появляется Марк в костюме и ботинках, он выглядит намного свежее, чем в последний раз, когда я видел его. Я мысленно прокручиваю неделю. В последний раз я видел его прошлой ночью. Черт, неужели прошел всего день?

'Привет.' Я улыбаюсь, приветствуя Марка, который кивает, предпочитая молчать, прежде чем я снова обращаю внимание на Люси. «Извините за ранее».

Улыбка Люси вселяет в меня необходимую уверенность. 'Это замечательно. Мы с Марком пообедали ». Ее глаза расширяются, рассказывая мне все, что мне нужно знать. Прошлая ночь могла быть неудачной для Люси благодаря мне, но похоже, что сегодня она вернет ее туда, где она хочет быть. Я злобно ухмыляюсь Марку и получаю от Люси шлепок за мою руку.

«Посмотри на себя, модные штаны» . - говорит она, осматривая мою одежду. 'Добрый вечер?' Она многозначительно шевелит бровями. Я не знаю, с чего начать сегодня, поэтому я не развлекаю ее, отвечая на услугу и хлопая ее по руке. Она хихикает, но ее веселье исчезает в тот момент, когда ее глаза пробегают мимо меня и замечают, кто сейчас ходит по моей квартире с хмурым взглядом .

'Ой?' Люси вытягивает шею, чтобы получше рассмотреть, пытаюсь пройти мимо меня. Я двигаюсь, чтобы остановить ее. Что-то мне подсказывает, что Беккер сейчас не потерпит девчачьего подшучивания.

«Он просто все проверяет». Я толкаю ее обратно в коридор и закрываю за собой дверь.

На меня бросают недовольный взгляд. "Насколько упругая кровать?"

«Безопасность», - выпаливаю я, держась за дверную ручку .

'Безопасность?' Люси повторяет, уныло и скучно. «Он проверяет безопасность? Как здорово. Как насчет проверки вашей безопасности? Она кивает в мою промежность. Мои губы поджимаются к ее щеке, и Марк издает резкий смех. О, ее крик достигнет долин Уэльса, когда я сообщу ей последние двадцать четыре часа. Во всяком случае, что я могу ей сказать. - Считается, что ты вернулись на работу? Она подозрительно смотрит на меня.

- Кофе утром? - спрашиваю я, кивая головой, говоря ей, что ответ на этот вопрос должен быть твердым «да».

Ее глаза загораются, как фейерверк, и она кивает вместе со мной, пятась. '8?'

Я все еще киваю. «Я...» Дверь распахивается, мое тело неуклюже покачивается вслед за ней. «Ого», - кричу я, сталкиваясь с высоким, слишком твердым телом Беккера. Быстро взяв себя в руки, я бросаю на него возмущенный взгляд. «Смотри».

Моя резкая угроза не имеет никакого эффекта. Он бросает взгляд на Люси и Марка, в то время как они оба молча стоят и принимают осмотр, под которым они находятся, прежде чем взять меня за руку и затащить в квартиру, захлопнув за собой дверь. Я ловлю озадаченное лицо Люси и поднимаю руку, произнося «До утра». Она не забудет, особенно теперь, когда она заметила Беккера .

- Ты так разбросали подушки? Он идет вперед и осматривает подушки, беспорядочно

разбросанные по моему дивану.

'Да.' Я не закатываю глаза, опасаясь, что меня поймают и отчитают. Он выполняет задание, но еще предстоит установить, что это за миссия. Он должен знать, что подушки были повсюду. Сегодня утром он растянулся на них.

- Ты оставила лимонад на столешнице?

Я смотрю на свою кухню и вижу много вещей, разбросанных по рабочей поверхности. Собирается ли он спрашивать о каждом предмете ? 'Да.'

- Твоя кровать заправлена сегодня утром?

Я поджимаю губы и замечаю свои запачканные покрывала. Прошлой ночью он был в этой постели. Он хоть что-нибудь помнит? «Нет».

- Дверь в ванную была открыта?

'Да.' На этот раз я вздыхаю на свой ответ, забредая дальше в свою квартиру и бросая сумку на диван.

Он стоит в центре моего пространства, смотрит вокруг, указывая на случайные вещи. - Коврик был совсем клочковатым?

Мое терпение улетучивается. Он был здесь сегодня утром. Он все это видел. «Так что мне нужно пропылесосить».

Он фыркает в знак согласия и подходит к моему окну. «Эта фотография была на полу?» Я смотрю, как он берет фотографию меня и моей мамы в рамке и кладет ее на законное место. На подоконнике.

«Нет». Я хмурюсь про себя, ища в уме любую подсказку, которая приведет меня к причине, почему он находится на этаже моей квартиры.

Беккер резко поднимает жалюзи и смотрит в темноту. «Не думаю», - тихо бормочет он.

Я снова смотрю на свою входную дверь. - Ты закрыл дверь? - спрашиваю я, но знаю, что слышал, как он гнался за мной этим утром.

«Да, я закрыл дверь». Его рука тянется к чему-то на подоконнике, и он поворачивается, играя с этим, глядя вниз. Я должен сделать шаг вперед, чтобы понять, что это такое. Мои глаза расширяются, когда я понимаю. - Оконный замок?

«Верно», - бормочет он, шагая через мою квартиру в ванную. Я не двигаюсь. Я был напуган тишиной и неподвижностью. Кто-то был здесь?

«Что-нибудь пропало?» - зовет он, и я немедленно осматриваю пространство. Не то чтобы у меня было много вещей, кроме ноутбука.

Который сейчас лежит на моей кровати. - Нет, - тихо говорю я, хмурясь.

«Мы, наверное, побеспокоили их». Беккер марширует из моей ванной с руками, полными различных бутылок и косметики. «Ты остаешься со мной». Он сбрасывает их на кровать. «Возьми сумку».

Его приказ и последующее требование вскоре выдергивают меня из мучительного беспокойства, ввергая меня в панику. «Я не могу оставаться с тобой». Это плохая идея. Глупый.

«Это не был вопрос, принцесса». Он вернулся к тому раздражающему, невнимательному, как у дурака поведению. Я хочу возразить дальше, но, осматривая свою крошечную квартирку, я очень быстро кое-что понимаю. Я не хочу здесь оставаться. Я чувствую себя уязвимой и незащищенной. «Я пойду к Люси», - предлагаю я. «Она не будет возражать».

«Ты остаешься со мной». Он дает мне выражение лица, которое заставляет меня

спорить дальше. 'Сумка.'

Я качаю головой в молчаливом отказе, заставляя его глубоко задуматься. После всего, что было сказано внизу, это плохой, плохой план. «Плохая идея, Беккер». Мне не нужно было повторять это заявление, качая головой. Он знает.

'Зачем?'

«Я не буду все снова объяснять. Ты знаешь почему.' Я поворачиваюсь и вытаскиваю сумку из-под кровати. «Я останусь с Люси».

«Ну, может, я действительно хочу все объяснения».

Я смотрю на потолок. У меня действительно нет сил повторять это снова. Или даже сила воли для поддержания моего сопротивления. Может, он это подозревает. Или чувствует это. Мои легкие сжимаются с каждой секундой, воздух медленно выходит, пока я не задерживаю дыхание. Что-то тянет все мое тело, невидимая связь между ним и мной, заставляет меня дрожать, поскольку я не позволяю этому приближать меня к нему. - Я остаюсь с Люси, - повторяю я, глядя ему в лицо.

Он делает шаг вперед. 'Я хочу чтобы ты остался со мной.'

Наши глаза держатся, как магниты, никогда не дрогнув. - Назови мне хоть одну вескую причину, Беккер. Только одну.'

Он подходит ближе. «Потому что, если я не выиграю эту битву, Элеонора, я буду чувствовать, что упустил шанс на что-то чертовски невероятное». Еще шаг. Мое сердце бьется быстрее. - Для тебя это достаточно веская причина? Я глотаю. Он сейчас на близком расстоянии. Расстояние запаха. Каждое чувство, которым я обладаю, переходит в режим овердрайва. «Пожалуйста, Элеонора», - шепчет он, медленно протягивая руку и кладя ладонь мне на шею. Он слегка водит большим пальцем вверх и вниз по моему горлу, и мои глаза закрываются, впитывая нежность его прикосновения. «Я хочу, чтобы последние секунды, которые я провел с тобой сегодня, стали незабываемыми», - бормочет он. Мой холодный кровоток воспламеняется и шипит, но моя голова все еще начинает медленно дрожать в его хватке. Мое тело умоляет о нем, но мой разум категорически отказывается позволить этому повториться. 'Да.' Его единственное слово - это едва выдох, когда он перемещает свою хватку на мой затылок и оказывает легкое давление, которое перемещает мою шею назад, открывая ему мои губы. «Боже правый, разве ты не устал бороться с этим?» Его мягкий шепот щекочет мою щеку, и мои расслабленные веки сжимаются сильнее, прячась от него.

Затем его губы касаются моих и разрушают все сомнения, потому что именно в этот момент мой разум решает напомнить мне его предыдущие слова.

Я взял тебя в Countryside, потому что хотел, чтобы ты увидела то, что никто не видит. Потому что я тебе нравлюсь так, как никто раньше .

О Боже. Я чувствую, как сомнения и осторожность сменяются верой и желанием. Его пах умело скатывается в мою нижнюю часть живота, когда он целует меня и легко скользит языком через мой рот, надежно удерживая мою голову, чтобы удерживать меня на месте. Мое отсутствие борьбы в этот момент дает ему ответ. Отвлечение было моим другом с тех пор, как я приехал в Лондон. Моя новая цель в Убежище дала мне жизнь и энтузиазм. Моя вина исчезла, и мое сердце восстановилось. У Беккера есть потенциал, чтобы все это уничтожить. Моя суровая внешность, мой закрытый подход, мое непроницаемое сердце. Это все в опасности. Он мог раздеть меня и обнажить мой хрупкий центр - отправить меня обратно в те места, куда я боюсь вернуться.

Его поцелуй восхитителен. Он мягкий, медленный и мощный. Я полагаю, что это также

стратегия, чтобы получить то, что он хочет. Так что я его сломаю. И это чертовски больно. «А что насчет завтра?» Я слегка отталкиваюсь, трусливо опуская голову, чтобы избежать его взгляда. Они будут темными. Полный тепла. Пропитанный обещанием. Все это, я не смогу устоять. Он крутится вокруг, я присоединяюсь к веселью. Он бросает оскорбление, я сразу же отбрасываю его. Я играю в игру, он придумывает правила. Он колдует, я попадаю под чары.

Попытки выяснить в своем противоречивом уме, может ли то, что здесь развивается, быть хорошим или плохим, постоянно болит голова. Противоречивые эмоции сбивают с толку. Могущественные ощущения и чувства, которые он вызывает во мне, вызывают привыкание.

Это может быть рай.

Это тоже могло быть адом.

Я пообещала себе, что этого не произойдет. Как такое могло случиться, если он заводит меня каждую секунду рабочего дня? Это его вина. Я его виню. Я люблю его и ненавижу. Я ненавижу его за то, что он не был профессионалом. Я ненавижу его за то, что он раздвигает границы. Или уничтожить их. Однако мне также нравится то, что он представляет. Я люблю его за то, что он такой смелый, такой уверенный и целеустремленный, и мне нравится его страсть и упорство в достижении того, чего он хочет. Я видел много его сторон и восхищаюсь каждой из них. Но подозреваю, что есть еще кое-что. Он многогранный человек, и я не могу избавиться от желания разгадывать загадку Беккера Ханта. За свои грехи я пленена им.

В конце концов он делает глубокий вдох и берет меня за щеки руками, прижимая мое лицо к своему. Эти глаза. Ангельские глаза. Я начинаю раскачиваться на месте. «Завтра будет завтра, принцесса». Он проводит пальцами по моим рыжим волосам. «Сегодня настало. Не зацкливайся на прошлом и не бойся будущего». Его слова задевают во мне - что-то глубокое и потерянное. Обращение к прошлому естественно и неудержимо. Но Беккер прав. Я не могу бояться неизвестного. Некоторые вещи вы не можете контролировать. Некоторые вещи, к которым нельзя подготовиться.

Похоже, я не могу контролировать свои чувства к Беккеру, и я определенно не была готов к нему.

Он сканирует мое лицо очень долго. «Ты заставляешь меня улыбаться», - просто говорит он. «Я смотрю на тебя и не могу удержаться от улыбки. Я хочу поговорить с тобой, понаблюдать за тобой, разделить с тобой мою любовь к моему сокровищу».

Комок прыгает мне в горло, удивляя меня, и я борюсь, чтобы проглотить его, прежде чем он перерастет в нечто большее.

«Я вижу твою решимость держаться на расстоянии», - мягко продолжает он.

- И я надеюсь, ты видите мою решимость доказать тебе, что я лучше, чем ты думаете. Так пожалуйста. Позвольте мне сделать это, принцесса.

Ух ты.

Я вдыхаю и задерживаю дыхание, пока мои напряженные легкие не потребуют кислорода. Боже, я никогда не хотела ничего так, как хочу Беккера Ханта. Это неуправляемо, необъяснимо. Может даже сумасшествие. Но я хочу его. Все о нем - его секреты, его страсть, его слова.

Тем не менее, среди осознания есть заблудшие клочки мудрости. Уверенность мистера Х. в том, что я не отличаюсь. Непокколебимое утверждение миссис Поттс о том,

что Беккер всегда останется в стороне от искренней и глубокой привязанности. Здесь нет счастливого конца. Он говорит, что ввел меня в круг своего доверия, но я не уверен, что он открыл эту дверь. И, если я отдам ему свое сердце, нет никакой гарантии, что он вернет его в целостности и сохранности, когда закончит с ним.

Он мог погубить меня. Но он также мог исправить меня. В какой-то степени он уже вылечил мой сломленный дух. Каждая минута, которую я провела с ним, запомнилась мне. Новый диск меня съедает; меня толкает новая неутолимая жажда жизни. Святой Беккер Бой Хант и его захватывающая харизма постепенно овладевают моим сердцем. Он крадет это, что бы я ни делала и что бы я ни сказала себе, чтобы попытаться остановить это. Сегодня был потрясающий, замечательный, безумно хороший день. Вина, с которой я постоянно борюсь, кажется крошечным пятном на горизонте моего существования, когда я с Беккером. То ли время, проведенное с ним, сводит меня к повороту или доводит до невообразимых глубин желания. Это все взрывоопасно. Каждый момент утомляет. Он меня захватил. Полностью завлек. Как будто туман испарился. Он прав. Я не жизнь, если я не могу прожить всю свою жизнь так осторожно. Это лишит меня смысла вырваться из ограничений моей старой жизни в Хелстоне. Что, если это может быть что-то чертовски невероятное? Что, если это то место, куда меня должен был привести жизненный путь? К нему?

Я смотрю Беккеру в глаза, и что-то происходит. Уровень понимание, которое медленно подкрадывается к его лицу, заставляет меня думать, что он читает мои мысли. Поглощен моими мыслями. Понимал их все. Я надеюсь, что да. Его глаза изумленно блуждают по моему лицу. «Ты не будешь и никогда не будешь для меня ничем, Элеонора Коул. Ты, мне нужно рядом. Тебя я хочу видеть каждый день. Я жажду твоих улыбок. Мне отчаянно нужен твой умный рот. Я испытываю изумление и глубокое уважение к твоим знаниям, талантам и любви ко всему в Убежище. И все, кто там живет. Я в восторге от твоего таланта завести меня. Ты держишь меня в тонусе, и мне это нравится. Для тебя каждая минута - сюрприз, я никогда не знаю, чего ожидать, и для такого искателя острых ощущений, как я, это действительно о чем-то говорит». Он тянется ко мне и обнимает меня за плечи. Он держит меня крепко, как будто нашел то, от чего никогда не хочет отказываться. «Я чертовски зависим от тебя. Мне нужно понять, что это такое».

«Значит, нас двое», - бормочу я, глядя вперед, в окно, где я вижу фотографию нас с мамой. Я тоже чертовски зависим от тебя, Беккер. И все эти слова только что сбили меня с толку.

Мне тоже абсолютно необходимо понять, что это такое.

Глава 23

Я собираю несколько комплектов одежды, чтобы отнести их к Беккеру, не зная, как долго я пробуду в Убежище, и в то же время гадаю, сколько времени ему понадобится, чтобы понять, что происходит. А что происходит, когда он это делает? Я вообще понимаю себя? Конечно, я понимаю. Я выставя себя на потенциал падения для кого - то я не должен быть падающим.

Я оставляю Беккера на диване, поглощенного его телефоном, и провожу пять минут в своей ванной, сидя на унитазе, глядя на фотографию нас с папой. Слова бушуют в моей голове. Так много слов, но извините самое сильное. Я извиняюсь перед ним, но за то, чего не знаю. Покинуть свой магазин? Бросить маму? За любовь к моей новой, захватывающей жизни в Лондоне? Или за то, что попал в сеть коррупции Беккера ?

Кто знает. Но мне очень жаль.

Собравшись с силами, чтобы выйти из ванной, я хватаю фотографию меня и мамы, проверяю, нет ли на стекле трещин, прежде чем надежно положить его в мою комнату.

Сумка с моей фотографией, на которой мы с папой. Робко отменив утренний кофе с Люси и сказав ей, что я остаюсь у Беккера, я иду на улицу, где он загружает мою сумку в Глорию. Он держит мою руку на коленях на протяжении всего обратного пути, отпуская ее только тогда, когда есть необходимость переключить передачи Глории. Его большой палец слегка поглаживает мою руку, пока трение не начинает согревать мою кожу. Он задумчивый. Я задумчивая. В атмосфере присутствует неловкость, которую мы оба хорошо знаем.

Когда механический автомобильный подъемник опускает нас в недра Убежища, я все еще думаю о том, что могут принести оставшиеся часы дня. И что это могут значить. Несмотря на здравый смысл, я открыл свой разум своему сердцу. Я невольно позволил Беккеру разрушить мою защиту. Одна часть меня, разумная часть, требует, чтобы я немедленно восстановил их. Другая часть меня, энергичная, любопытная, обнадеживающая, выбрасывает кирпичи.

'Ты в порядке?' Это вопрос, который может относиться к одной из двух вещей: я в порядке, потому что я здесь с ним? Или я в порядке, потому что в мою квартиру взломали. Поскольку очевидного ответа мне не приходит, в любом случае, я слабо бормочу: «Ага».

Я не в порядке. Кто-то ворвался в мою квартиру, но это не то, что меня пугает больше всего. Как ни странно, это откровение того, что происходит между мной и Беккером. Ненавидеть его было легче. Или было проще сделать вид, что ненавидишь его. Признание того, что я люблю то, что он представляет, слишком быстро скручивает меня от боли и удовольствия, чтобы я могла взять себя в руки. Он свободный дух, то, чем я стремилась быть всю свою жизнь, и только недавно вошла во вкус. Он умен и своенравен, умен и страстен. Он смелый и напористый. Он развязал во мне дух, интерес к жизни, и, реально, я чувствую, что он единственный человек, который может сохранить это живым.

'Ты уверена?' Он звучит обеспокоенно, и быстрый взгляд краем глаза подтверждает это. 'Ты выглядишь . . . взволнованной.'

«И ты тоже», - отвечаю я, и он качает головой, я знаю, что это разочарование, выходя из Глории.

Я следую за ним, вытаскивая сумку с заднего сиденья, а он убирает ключи. «Ты, должно быть, хочешь пить». Он берет мою сумку, обнимает меня за плечи и хмурится, когда я напрягаюсь. Я вся на нервах и ничего не могу поделать. Он мог бы заметить мою реакцию, но он не убирает руку и не упоминает об этом. - Ты уверена, что с тобой все в порядке? Он обеспокоенно смотрит на меня.

Черт возьми, я снова напрягаюсь. Что со мной? Куда пропали мои рассуждения полчаса назад? «Хорошо».

- Мне придется дать тебе пощечину по заднице?

Обычно я бы ответил на него каким-нибудь остроумным комментарием, но в голове у меня пусто. «Я не против».

На этот раз он останавливает нас. Черт. 'В чем дело?' Он прижимает меня к месту ожидающими глазами, и я замечаю, что мой ускользает от его взгляда. 'Привет.' Он крепко сжимает мои щеки, прижимая мое лицо к себе, демонстрируя

свое разочарование и привлекая мое внимание. Опять же, когда я обычно отшлепала бы его, я ничего не понимаю. Масса тупой бесполезности. 'Ответь мне.'

« Мою квартиру только что взломали», - напоминаю я ему, беззастенчиво отказываясь рассказывать правду о том, что у меня не хватает смелости. Мне это сойдет с рук. Это вполне реальное объяснение моего беспокойства, даже если это большая жирная ложь. Но теперь я думаю об этом, стоит ли мне волноваться? Были ли они там, когда я смотрела в окно? Мы им помешали? И самое главное, кто это был и чего они хотели? Моя голова начинает стучать. «Я должна позвонить в полицию».

- Конечно, - бормочет он, почти стыдясь, и отступает. Гм. . . да уж . . . мы должны это сделать ».

Я закрываю глаза и, прежде всего, желаю, чтобы наша обычная рутина подшучивания и трения друг друга неправильным образом возобновилась в ближайшее время. Я привык к этому. Я могу справиться с этим, справиться с этим. Я не знаю, как, черт возьми, справиться с этим, этим, этим. . .

Что это за хрень?

Моя голова внезапно снова кружится, моя решимость колеблется. Мне нужно знать что происходит сейчас. Я набираюсь смелости встретиться с Беккером и спросить его, что происходит между нами, только он больше не стоит передо мной. Он уже исчезает через дверь, ведущую в Убежище. Отлично. И что теперь? Я задела его чувства. Я должна быть довольна, что ему хоть что-то задело.

Я иду за ним, полна решимости уладить отношения с ним, но эта сила духа быстро сгорает, когда я захожу на кухню и вижу, что миссис Поттс и мистер Х. сидят за чашкой чая, оба смотрят на спину Беккера. В настоящее время он грубо открывает дверь шкафа за дверью шкафа и хлопает ими в угрюмом ворчании.

"Где яблоки?" - рявкает он, взмахнув руками в воздухе.

« Холодильник», - отвечает миссис Поттс, приставив чашку к губам. «Где они и всегда, мальчик Беккер» .

Он игнорирует ее сарказм и топает к холодильнику, открывает его и хватается то, что ищет. Он вонзил зубы, прежде чем закрыл дверь, и разрывает мякоть плода, когда поворачивается и смотрит на своих зрителей. Он не может говорить. Его рот полон, так что он бросает что? посмотрит на них.

Миссис Поттс и его дедушка медленно переводят на меня взгляды, ища просветления. Я не собираюсь им этого отдавать. Не умышленно. Однако я не могу избавиться от непроизвольного румянца, бегущего по моим щекам.

Виновата.

На старое лицо мистера Х. встает волна беспокойства, и он с большим усилием поднимается на ноги. Но он не сомневается в том, что происходит между мной и Беккером, как я подозревал. «Скульптура, вы перехватили продажу?»

'Да.' Беккер хмуро кивает, взволнованный вопросом.

Я хмуро смотрю на него через кухню, ошеломленный как вопросом его дедушки, так и ответом Беккера. Перехватили продажу? Вроде остановил? Беккер виновато смотрит на меня, снова обхватывая губами яблоко.

«О, слава Афродите». Мистер Х с облегчением падает на стул . «Бьюсь об заклад, это вызвало настоящий переполох».

«Было, - говорит Беккер, теперь отказываясь смотреть на меня. Да, это вызвало

настоящий переполох, но что-то мне подсказывает, что они не на одной странице.

- А есть ли у нас какие-нибудь идеи, кто создал подделку?

«Нет», - бормочет Беккер, по-прежнему отказываясь смотреть на деда.

«Ну, я, например, бушую от любопытства». Он смеется. «Я не знаю, на какой планете был этот аутентификатор. То есть, это была чертовски хорошая подделка, но даже я видел, что это подделка. Теперь у музея есть карта, мы можем двигаться дальше и положить конец этому ядовитому соперничеству с Уилсонами. Мы сделали свое дело. Мы сделали то, что правильно». Он удовлетворенно кивает, с широкой улыбкой на старом лице.

Я почти сдерживаю вздох, но не удерживаюсь от встревоженного взгляда на Беккера. Он ловит это. Я знаю, что знает, хотя он и притворяется, что нет. Я только что поняла, что здесь не так. Все просто поставлено на идеальное место.

Боже мой.

Мистер Х не подозревает, что его внук подкупил эксперта. Он думает, что Беккер объявил ее фальшивкой и передал на карту - карту что я нашла. Карта, о которой все думают, что я не знаю. Эта карта, которую я знаю, все еще находится в секретном отсеке, который я нашла в библиотеке. Я бы отдала за это свою жизнь. Соперничество с Уилсонами, которое мистер Х, похоже, считает оконченным, окончено не в глазах Беккера. Мистер Х и миссис Поттс не знают о трюке Беккера. Он их тоже обманул. И втянул меня в середину. Зачем? Он должен был помешать музею купить фальшивую скульптуру, но не должен был заставлять Брента ее купить. Но это соперничество, которое уходит в прошлое. И то, что произошло сегодня, было расплатой за ограбление его отца. Возмездие.

О Господи.

Я начинаю смеяться. Я действительно смеюсь. Он исходит из ниоткуда, удивляя меня так же, как и всех остальных в комнате, которые все бросают на меня и хмуриться. Я заткнулся и прочистил горло, неловко улыбаясь. Я скоро сдам Беккера. Я начал играть своими перчатками, и я на расстоянии наносекунды от того, чтобы начать свистеть, небрежно оглядывая кухню, слова Беккера, которые он сказал за пределами Countryside, бомбардировали меня.

Миссис Поттс сомневается. - А подделка? она спрашивает.

'Что насчет этого?' Он бросает на меня быстрый взгляд. Мои глаза умоляюще расширяются, и я беззвучно кричу на него за то, что он поставил меня в такую ситуацию.

Он хочет резервную копию или что-то в этом роде?

'Где она находится?' она спрашивает.

'Я не знаю.' Беккер пожимает плечами. Он ужасно лжет. Шокирующе плохо, и меня это как-то успокаивает. Меня беспокоило то, что он мог так легко обмануть сотни людей на этом аукционе. Его способность обманывать настораживает. То, что он изо всех сил пытается сохранить маску с дедушкой и миссис Поттс, на самом деле успокаивает меня.

Но я все еще стою здесь, съезживаясь. Беккер должен знать, что они рано или поздно узнают. Известие о том, что Brent Уилсон схватил голову фавна в ловкие руки, станет главной сплетней в мире антиквариата.

Миссис Поттс выходит вперед, ее голова опускается, глаза сужаются. 'Где она находится?'

- Купил Уилсон. Беккер признается, прежде чем съесть еще кусочек яблока.

«Из любви к Ахиллу». Мистер X снова встает из-за стола, на этот раз как молния, его гнев уносит его на годы. Он зол. Очень злой. Собственно говоря, бурлит. Его лицо стало ярко-красным. «Беккер, я же сказал, что все кончено. Древняя история. Отпусти ситуацию.»

«Я не могу», - бормочет Беккер, изо рта вылетают куски яблока. «Это безвредно. Просто шутка.»

Дедушка Беккера качается на месте, но это не имеет ничего общего с его неустойчивыми ногами. - А сколько эта безобидная шутка обошлась Уилсону?

Беккер закрывает рот и смотрит на меня. Я сглатываю, думая, что у его дедушки может случиться сердечный приступ, если он это знает. Но опять же, он наверняка так или иначе узнает. Почему Беккер вообще смотрит на меня? Это не имеет ко мне никакого отношения. «Меньше, чем они взяли у нас», - шепчет он.

Мой взгляд метался между мужчинами. Меньше, чем у нас взяли? Что тут происходит?

'Сколько?' Мистер X рычит, но Беккер даже не вздрагивает. Он смотрит на меня, и когда я мельком вижу кухню, я замечаю, что мистер X и миссис Поттс тоже внимательно наблюдают за мной. Я качаю головой, не зная, пытаюсь ли я убедить их, что не знаю, или просто не хочу им говорить.

'Что ж?' - спрашивает мистер X., кладя ладони на стол и наклоняясь ко мне.

Я смеюсь сейчас, нервничаю как дерьмо, ища помощи у Беккера. Он просто смотрит на меня.

- Вы были с ним весь день, Элеонора. Не играйте в невежество. Сколько?'

'Я... его-'

«Скажи мне, или клянусь Одиссеем, я действительно разозлюсь».

Еще нет? «Пятьдесят миллионов», - выпаливаю я, бросая на Беккера извиняющийся взгляд, отмечая недоверчивое падение его головы на

плечах. Святой греческий бог. Дед Беккера уже бурлит. Я не разжигаю его гнев, отказываясь от информации, которую он требует. Он все равно узнает достаточно скоро.

«Пятьдесят миллионов», - ревет он, как будто греческий бог кричит с небес. «Пятьдесят греаных миллионов!»

Я опрокинул его через край. Я отшатываюсь и отступаю, опасаясь за жизнь Беккера.

«Успокойся, Дональд, - говорит миссис Поттс, пытаясь толкнуть его на сиденье. «У тебя будет сердечный приступ».

Он страшивает ее, находя силы в своем гневе, и идет к своему внуку, используя свою палку, чтобы угрожающе помахать Беккеру. 'Ты мне обещал. Ты обещал оставить прошлое в прошлом. Больше никаких игр».

«Он гребаный придурок», - парирует Беккер, но его дедушка не отступает. Нет, он бьет своего внука своей палкой в гневе. Беккер в шоке отскакивает. «Бля, дедушка».

«Мы договорились», - кричит он. «Объявите подделку, отдайте музею карту и вымойте руки».

«Я не откажусь от этой карты. Я собираюсь найти скульптуру, дедушка.

«Какой ценой? Мы все искали ваши прадеды, ваши отцы годами. Его не найти. Твой проклятый отец меня не слушал. И посмотрите, что с ним случилось. Ища эту дурацкую скульптуру. Я тебя тоже не потеряю».

«Он мертв из-за Уилсонов», - рычит Беккер, дрожа от ярости. «Папу заставляли принимать глупые решения. Я не совершу той же ошибки. Уилсон думает, что скульптура у него. Теперь я могу найти ее без того, чтобы он следил за мной по гребаному миру».

Я отступаю, потрясенная, слова Беккера возвращаются ко мне.

Меньше, чем у нас украли.

Уилсоны взяли чертовски много. Как жизнь его отца? Они складываются вместе, как медленно формирующаяся головоломка, и я начинаю осознавать всю грандиозность того, что наблюдаю. Подражатель Индианы Джонса, преследующий Беккера по всему миру. Отец Brenta также следил за отцом Беккера, когда он искал скульптуру. Они думают, что Уилсоны как-то связаны со смертью отца Беккера? Как?

«Хватит», - рычит дедушка. 'Больше не надо. Ты. Будет. Забудь».

«Я, блять, не могу», - кричит Беккер. 'Как ты можешь попросить меня сделать это? Как ты можешь это сделать?»

- Потому что он съест меня живьем изнутри до конца моей забытой богом жизни, вот почему. И ты будешь».

«Уже есть». Беккер злобно швыряет яблоко через кухню и уходит.

Я чувствую себя злоумышленником. Меня здесь не должно быть. Я не должен был этого слышать. Но Беккер поместил меня сюда. Он хотел, чтобы я все это знал. Он хотел, чтобы я был здесь, когда дерьмо ударило его. Боже правый, неужели он просто хочет, чтобы хоть один человек в этом мире понял его тяжелое положение и поддержал его поиски? Я? Я думала, что поддержала, но теперь? Теперь я не уверена, насколько серьезным является это соперничество.

«Ну, теперь, Дональд». Миссис Поттс движется через комнату к мистеру Х. с ловкостью гораздо более молодой женщины. 'Будь как будет».

- Это его съедает, Дороти. Его дыхание затруднено из-за перенапряжения. «Он должен остановиться. Господи, пожалуйста, останови его».

«Он своевольный, Дональд. Черта, к которой ты, безусловно, можешь относиться».

Он фыркает. «Он такой же дурак, как и я. И его отец. Смелый сукин сын, не заботящийся ни о ком, кроме себя. Он будет растрчивать свою жизнь, как мы. И в конце ему ничего не останется, кроме сожаления. Никакой скульптуры. Нет удовлетворения. Просто сожаления». Его голова падает в руки, старое тело сдувается.

Когда я вижу старика в таком состоянии беспомощности и отчаяния, мне становится не просто больно. Он прорезает их. Я хочу утешить его, но не считаю это уместным. Это соперничество - не битва самого большого эго. Возможно, это было когда-то давно, но теперь это переросло в нечто большее. Что-то чертовски огромное. Мистер Х однажды сказал мне, что он поступил бы по-другому, если бы у него снова было время. Он имеет в виду это. Семейное соперничество. Конечно, мой разум переполнен неослабевающим любопытством, но было бы глупо и эгоистично с моей стороны мечтать о том, чтобы проникнуть в такое деликатное, болезненное дело.

Я тихонько выхожу из кухни, оставляя миссис Поттс утешать дедушку Беккера. Я останусь с Люси. Марку просто придется со мной смириться. Я бы предпочла быть причиной еще одной ночи бездействия для Люси, чем оказаться здесь, где эмоции всех так изменчивы. Я должна была держать язык за зубами, но в то же время Беккер ожидал этого вскрытия. Он поставил меня посередине, зная, с чем я столкнусь, что я увижу, что я узнаю.

Я выдуваю воздух, мой мозг все больше пылает, когда я направляюсь во двор, делая сознательные усилия, чтобы не отвлекаться на каменную лестницу, когда прохожу мимо. У меня все хорошо, я сосредоточен на своем.

Пока я его не услышу.

'Куда ты направляешься?'

Я медленно останавливаюсь и смотрю вверх по лестнице в темноту. Я не могу его видеть; он прячется в тени. «Я не хотела вызывать такой скандал», - тихо говорю я. 'Ты должен был сказать мне.'

«Он переживет это. Всегда делает.

Его отрешенность меня бесит. Как он может быть таким эгоистичным? «Ну, он не в хорошей форме. Ты должны позаботиться о нем». Я продолжаю свой путь, но останавливаюсь, когда в моей голове возникает вопрос, который я удивлен, что не подумал задать раньше. «Если у тебя есть карта, почему ты не нашел скульптуру? Ты сказал, что знаете, где это».

Я слышу движение на каменных ступенях позади себя, за которым следует глубокий вдох. «Я упускаю кусок».

Я тяжело сглатываю. Разрывы. Дыра в старой карте. Ему нужна эта недостающая часть. Он тоже этого ищет? Боже, это продолжается. Он вообще не знает, где находится скульптура. Ему нужно найти недостающий кусок карты, прежде чем он сможет найти скульптуру. Мой разум кружится по спирали.

'Элеонора?'

Я не оборачиваюсь. Какой в этом смысл? Я не могу его видеть, и мне надоело разговаривать с темнотой. Я чувствую, что делаю это с того момента, как встретил его. «Что, Беккер?»

«Не уходи». Тихое требование шепчет мне на ухо, и я вздрагиваю, оборачиваясь и обнаруживая, что он молча подкрался ко мне. Он невыразительный. Но печаль и разочарование за его карими глазами очевидны. 'Пожалуйста.'

Это последующее заявление рассекает меня пополам, его уязвимость ослабляет

меня. «Я не знаю, что я здесь делаю, - признаю я, опустив глаза.

«Ты здесь, чтобы помочь мне понять».

Моя голова кружится вверх, я раздражена. Если есть кто-то, кому здесь нужно разбираться в дерьме, так это мне. Меня накатила волна откровений. 'Понять, что? Нас?'

'Да.' Он подходит ко мне и гладит мою щеку, успокаивая щетиной на его подбородке. Я могла плакать по нему. Я тоже могла плакать по себе. Моя мораль и совесть требуют, чтобы я бежала. И все же мое сердце не позволяет мне отказаться от него. Это безумное открытие никак не повлияло на то, что я чувствую к Беккеру. Во всяком случае, это заставило меня понять, насколько он страстен и потерян. Как решителен. И какой хрупкий. Это дало совершенно другой взгляд на его терапию. Женщины - это побочный эффект. Что-то, что отвлекает его, когда он им позволяет. Потому что во всех остальных аспектах своей жизни он на охоте. Безжалостный, уединенный поиск. За эту скульптуру, но и за возмездие. Для мира. Найти то, чего не смогли его отец и дед.

Небольшая часть меня хочет уйти, потому что я знаю, что это правильно. Чтобы успокоить мою совесть. Но я не могу победить. Успокаивая свою совесть, я разобью себе сердце. Мне нужно выяснить, с кем я смогу жить.

Мой ответ приходит из ниоткуда.

Я расслабляюсь в его объятиях, принимая, насколько это правильно, моя рука поднимается сама по себе и обнимает его за щеку, прижимая к себе, успокаивая. . . все глубже погружаясь в его коррумпированный, противоречивый мир.

Я предпочитаю остаться.

Глава 24

Я терпеливо жду в офисе Беккера, пока он идет за закусками. Я не предлагал своей помощи. Я не знаю, где его дед и миссис Поттс, и я не хотел рисковать, столкнувшись с ними. Умная? Да. Безвольный? Определенно.

Беккер возвращается с подносом и ставит его на свой стол, показывая выбор разборчивых кусочков - хлеба, сыра, паштета и оливок. «Приятного аппетита», - говорит он, отряхивая руки. Он снял пиджак и вытащил рубашку из брюк. Первые несколько пуговиц расстегнуты, его галстук распушен и низко свисает, а рукава закатаны. Он выглядит небрежно расслабленным и восхитительным. «Никогда не говори мне, что я не знаю, как обращаться с дамой».

Я хмурюсь, глядя на то, что Беккер выбрал в качестве пропитания. 'В самом деле?' Он вряд ли доставил много хлопот.

Он падает в кресло, развязывая галстук гибкими пальцами. Медленно. Смотрит на меня. Тяжелый, отчетливый пульс проникает в мои нижние области со всемогуществом. Он улыбается. Эта проклятая улыбка мгновенно обезоруживает меня. И этот ублюдок это знает.

«Позвольте мне перефразировать это». Он отбрасывает галстук в сторону, тянется за оливкой, сует ее в рот и намеренно медленно жует. Мои глаза приклеены к его губам. Двойной ублюдок. «Не говори мне, что я не знаю, как обращаться с женщиной-дьяволом».

'Привет.' Я беру ручку и кидаю ему в голову, но он уклоняется, и ручка пролетает мимо его уха. Он перестает жевать, и его удивленное лицо следует за ним, пока не приземляется на пол, несколько раз подпрыгивая по часам. Его резкий вдох громкий. И подделка. Я чертовски желаю, чтобы он подавился оливкой, которую хранит во рту. «Почему, принцесса. . .' Его карие глаза, полные света и юмора, медленно открываются, когда он

сознательно сглатывает. Это расчетливый ход, призванный свести меня с ума, но не до безумия. Соблазнительно, дразняще и мучительно. «Эта дерзкая сторона выходит играть?»

«Это чертовски ...»

'Ах ах ах.' Появляется этот палец. «Тссс».

Мой рот быстро закрывается. Я не говорил об этом. Дерзкий ублюдок, сидящий напротив меня, сделал. Тройной ублюдок. Он делает все возможное, улыбку, поддразнивание, юмор, сексуальность. И я хочу поцеловать его за это. Это лучше. Обычный. Это мы.

Попытка обмануть его, заставив поверить, что его галантные попытки вернуть меня не сработают. . . ну глупо. Но я все равно знаю. Я небрежно пожимаю плечами и беру оливку себе, скользя по губам. Я даю себе время, чтобы хорошенько подумать, какими должны быть мои следующие слова. Сегодня я многому научился, почти слишком многому, чтобы осознать. Это была волна откровений.

«У меня много дерьма на тебя, Хант», - тихо говорю я.

«Может быть, дело в этом». Он внимательно ко мне относится. «Теперь ты в Круге доверия Беккера, и, попав в него, ты никогда не выберешься». Он берет яблоко. Черт. Мое тело напрягается. Если бы у меня была сила и склонность, я бы отвернулся, но я этого не делаю. Вместо этого я замечаю, что мой взгляд отслеживает медленную подачу зеленого фрукта ко рту. Попав внутрь, вы никогда не выберетесь. Я не понимаю, почему это волнует меня больше, чем пугает.

«Сколько людей было в Круге доверия Беккера?» - спрашиваю я, читая между строк его заявление.

'Включая тебя?'

'Включая меня.'

«Один», - уверенно отвечает он, откусывая большой чистый кусок яблока. Его ответ восхищает меня так же, как звук того, как он хрустит своим любимым фруктом. Так почему я? Почему сейчас? «Не смотри на меня так, принцесса».

Как, что? Испугана? Загипнотизирована? В восторге? Или я сейчас с удивлением наблюдаю за ним? Поедание яблок не должно быть эротичным, просто не должно, но каждый раз, когда я вижу, как он вонзает зубы в одно, все, что я могу сделать, это не нырнуть к нему и не слизывать сок с его губ.

- На что ты смотреть? - дерзко спрашиваю я, отбрасывая эту ошибочную мысль. Я сожалею о своем комментарии в тот момент, когда его губы изгибаются в одной из этих обезоруживающих, кривых улыбок. Колени у меня сжаты. Даже когда сажусь.

«Как будто ты хочешь, что бы я поделиться с тобой этим яблоком». Он держит его и мастерски крутит в руке.

Я щекочу губы, глядя на плод, восхищенный его блестящей кожурой и мужественной рукой, держащей его. Запретный плод. Это знак. Я Ева, соблазненная переодетым дьяволом. Является ли Беккер маскировкой? Я знаю, с кем имею дело? Привязанные к нему тайны и интриги содержат в себе определенный элемент опасности, вызывающей привыкание. Я могу эффектно упасть из красоты Убежища в адское место греха и искушений. Или я Белоснежка, которую обманом заставили принять заманчивое предложение, которое могло полностью меня уничтожить?

«Об этом соглашении о неразглашении». Беккер врывается в мои мысли.

Я восстанавливаю свое внимание . - Ты имеешь в виду тот, который плод твоего

воображения?

И это повторяется снова. Большой кусок яблока в сопровождении ухмылки. Я вынуждена терпеть болезненный отрезок времени, пока он жует его и глотает. «Больше нет», - объявляет он, доставая конверт. Он аккуратно кладет его перед собой, затем двумя пальцами неторопливо проталкивает его ко мне через стол, добиваясь максимального драматического эффекта. Мои глаза прикованы к этому. Что-то мне подсказывает, что это будет нетрадиционно. Что-то мне подсказывает не читать. Что - то еще более мощные требования я определенно не должна его подписать. Мои зубы задумчиво прикусывают губу, пока я смотрю на безобидный конверт. В то же время все, что я слышу, - это хруст, напоминающий мне о том, кто заключил соглашение о неразглашении. И, что более важно, кто это написал.

'Открой это.'

Я поднимаю взгляд и вижу на себе пылающий взгляд Беккера. Его глаза темные. Я их боюсь. Потом снова смотрю на конверт. Моя нерешительность очевидна. Я осторожна, но мне также любопытно. Но, как мне кажется, в последнее время мое любопытство прорывается сквозь мою защиту. Я обнаружила сегодня совершенно невероятное дерьмо, и я все еще здесь, ради Христа.

Я протягиваю руку и беру конверт, вытаскивая бумагу. Беккер молчит, позволяя мне прочитать и принять несуществующее соглашение о неразглашении, которого сейчас нет. Его написал Беккер, и я ожидаю, что Беккер потребует полной отдачи. Посмотрим. Я могу это прочитать. Нет контракта, в котором говорилось бы, что я должна его подписать.

Я разворачиваю сильно тисненую бумагу цвета слоновой кости и обнаруживаю логотип Hunt Corporation и сведения о компании, вышитые сверху, и все они нанесены красивым золотым шрифтом.

Я ныряю, и мои брови приподнимаются с каждым прочитанным термином.

СОГЛАШЕНИЕ О неразглашении информации (NDA)

Настоящее Соглашение о неразглашении («Соглашение») заключается между Беккер Хант («Раскрывающая сторона») и Элеонор Коул («Получающая сторона») с целью предотвращения несанкционированного раскрытия Конфиденциальной информации, как определено ниже. Кроме того, в нем должны быть изложены основные требования Принимающей стороне, заявлены Раскрывающей стороной. Стороны соглашаются вступить в конфиденциальные отношения в отношении раскрытия определенной служебной и конфиденциальной информации и с четким пониманием того, что ожидается от каждой стороны.

1. Определение конфиденциальной информации. Для целей настоящего Соглашения «Конфиденциальная информация» включает всю информацию или материалы, которые имеют или могут иметь коммерческую ценность или другую полезность в бизнесе, в котором Раскрытие Сторона участвует в письменной или устной форме.

2. Исключения из конфиденциальной информации. Обязательства Получающей стороны по настоящему Соглашению не распространяются на информацию, которая (a) становится публично известной на момент раскрытия или впоследствии становится публично известной не по вине Получающей стороны; (b) раскрывается Получающей стороной с предварительного письменного согласия Раскрывающей стороны.

3. Обязанности принимающей стороны. Получающая сторона должна хранить и

поддерживать Конфиденциальную информацию в строжайшем секрете для единственной и исключительной выгоды Раскрывающей стороны. Принимающая сторона должна тщательно ограничивать доступ к Конфиденциальной информации для всех, если это разумно требуется. Принимающая сторона не имеет права без предварительного одобрения Раскрывающей стороны использовать в собственных интересах Получающую сторону, публиковать, копировать или иным образом раскрывать другим лицам или разрешать использование третьими лицами в своих интересах или в ущерб Раскрывающей стороне, любая конфиденциальная информация. Принимающая сторона должна вернуть Раскрывающей стороне все записи, примечания., а также другие письменные, печатные или материальные материалы, имеющиеся в его распоряжении и относящиеся к Конфиденциальной информации, незамедлительно по запросу Раскрывающей стороны. Кроме того, Получающая сторона соглашается со следующими условиями этого соглашения, которые включены в интересах обеих сторон, а также для определения и разъяснения их отношений.

Принимающая сторона обязуется:

3.1 Подпишите этот контракт без суеты.

3.2. Пребывать в Убежище столько, сколько Раскрывающая сторона сочтет целесообразным.

3.3 Сон в постели Раскрывающей Стороны.

3.4 Держите вазу с фруктами Раскрывающей Стороны полной яблок. Зеленая бабушка Смит с пятнами сока.

3.5 Разрешить Раскрывающей Стороне нарушать Принимающую сторону самыми изощренными способами, которые только можно вообразить.

3.6. Ответьте на вызовы Раскрывающей стороны в течение первых пяти звонков.

3.7 Ответьте на текстовые сообщения Раскрывающей стороны в течение пяти минут.

3.8 Согласитесь, что Раскрывающая сторона назовет Принимающую сторону «принцессой».

3.9. Никогда не просите Раскрывающую сторону сказать «пожалуйста».

3.10. Никогда не переставайте смотреть на задницу Раскрывающей Стороны, даже когда он говорит об этом Принимающей Стороне.

3.11 Будьте внимательны к чувствам Раскрывающей Стороны. Они у него есть.

3.12 Сопровождать Раскрывающую сторону на ежегодном гала-концерте в Анделези и носить то, что он выберет для Принимающей стороны.

3.13 Никогда не взаимодействуйте на личном уровне с клиентами Раскрывающей стороны. Это включает, помимо прочего, прием свиданий, звонков и цветов.

3.14. Никогда и в любое время никому не сообщать информацию о Раскрывающей Стороне или его семье.

4. Временные периоды. Положения настоящего Соглашения о неразглашении остаются в силе после прекращения действия настоящего Соглашения, и обязанность Получающей стороны хранить Конфиденциальную информацию в тайне остается в силе до тех пор, пока Конфиденциальная информация не перестанет считаться коммерческой тайной или пока Раскрывающая Сторона не отправит Получающую сторону письменное уведомление об освобождении Получающей стороны от настоящего Соглашения, в зависимости от того, что произойдет раньше.

5. Отношения. Ничто, содержащееся в настоящем Соглашении, не может считаться

затрагивающим частные отношения Получающей стороны и Раскрывающей стороны.

6. Делимость. Если суд признает какое-либо положение настоящего Соглашения недействительным или не имеющим исковой силы, оставшаяся часть настоящего Соглашения должна быть истолкована так, чтобы наилучшим образом реализовать намерения сторон.

7. Интеграция. Настоящее Соглашение выражает полное понимание сторон в отношении предмета. В настоящее Соглашение нельзя вносить поправки, кроме как в письменной форме, подписанной Раскрывающей стороной.

8. Отказ от прав. Невыполнение каких-либо прав, предусмотренных настоящим Соглашением, не означает отказ от предыдущих или последующих прав.

Настоящее Соглашение и обязательства каждой стороны становятся обязательными после подписания.

(Подпись) _____

Беккер Хант _____ (имя напечатано)

Дата: 30 ноября 2019 г.

(Подпись) _____

Элеонора Коул _____ (имя напечатано)

Дата: 30 ноября 2019 г.

Я смотрю на текст добрых пять минут после того, как прочитал его три раза. Яснее быть не может. «Когда ты это написали?» Я спрашиваю. О том, что я приеду сюда, договорились только час назад.

«Пока ты сидел в ванной, борясь со своей совестью». Он поднимает брови, и я виновато поджимаю губы.

«А что, если я хочу добавить что-нибудь к вашему маленькому соглашению о неразглашении информации?»

«Если это в пределах разумного, то вперед». Он протягивает ручку, и все, что я могу сделать, это не рассмеяться. В пределах разумного? Да, потому что здесь все совершенно разумно.

Я осторожно беру ручку. «Не видеть других женщин, это разумно?»

'Ты или я?'

Теперь я смеюсь. 'Ты.' Потом задерживаю дыхание. Ожидание его ответа вызывает страх в моем животе.

«Я бы сказал, что это совершенно разумно», - тихо говорит он. «И это тоже само собой разумеется».

Воздух попадает в мои легкие и обжигает их. «Хорошо», - это все, что я могу сказать, Я смотрю вниз и добавляю собственное небольшое дополнение к его соглашению о неразглашении. Затем ручка висит над полосой для подписи.

«Подпиши», - тихо говорит Беккер, очевидно видя мою нерешительность.

'Почему-'

«Я отсылаю вас к пункту три, пункт один».

'Но-'

Он вскакивает со стула и хлопает ладонью по столу, используя ее как рычаг, чтобы перебраться на мою сторону. Я в шоке отлетаю на сиденье, мои глаза падают на колени, где покоятся его руки, его тело согнуто, его лицо близко к моему. - Ты подписываешь эту бумагу, принцесса. Ты это знаешь, и я это знаю ».

'Почему-'

Его палец встречается с моими губами, и мой взгляд падает на его рот. «Тссс». Он успокаивает меня и ждет несколько секунд, пока не убедится, что я подчинюсь. Затем он убирает палец и приседает передо мной, переворачивает контракт и нацарапывает свое имя внизу. 'Твой ход.' Он протягивает мне ручку.

Я внезапно понимаю кое-что важное. «Я не буду никому рассказывать о сегодняшнем дне», - тихо бормочу я, потому что полагаю, что здесь важны детали. Теперь я что-то имею против него. Что-то, что могло бы вызвать грандиозную бурю дерьма, скандал эпических масштабов. Все говорит мне, что существует намного больше, чем то, что я уже знаю, и я удивляюсь, когда внезапно понимаю, что мне нужны все секреты Беккера. Каждый из них.

«Я знаю». Он гладит меня по бедрам, пробуждая мое неумолимое желание к нему, еще больше разрушая мою мораль. Его челюсть пульсирует, и мой взгляд скользит от впадин на его щеках к безупречному носу, где его очки сидят так же идеально, как всегда. Но это на самом деле пункт три точки две и три точки три, что я особенно увлечен.

Мне не нужно смотреть на пункты 3.2 и 3.3. Они застряли в моей голове. «Тебе следовало попросить меня подписать это, прежде чем раскрыть некоторые из своих секретов».

'Может быть.' Он немного пожимает плечами, не обеспокоенный предположением, что я могу не подписывать его. «Но это спорный вопрос, потому что мы оба знаем, что ты подписываешь этот контракт».

«Что делает тебя таким уверенным?»

«Потому что тебе нравится здесь работать», - говорит он, делая короткую паузу, как будто ждет моего ответа. Это глупо. Он знает, как я отношусь к своей работе. «Потому что это возбуждает тебя, и потому что жизнь слишком коротка, а тебе слишком любопытно».

Я делаю долгий глубокий вдох. Он прав. Я не могу этого отрицать и не буду.

«Это соглашение о неразглашении, принцесса. Вот и все. Это стандартная деловая практика».

Я смеюсь. «С некоторыми добавленными дополнениями».

«Ты хочешь, чтобы я их удалил?»

«Нет», - отвечаю я, прежде чем мой мозг задействован, но уже слишком поздно отказываться от этого.

Он улыбается и кивает на бумаги в моей руке. - Вы уже в Круге доверия Беккера, принцесса. Это просто делает его официальным».

Я на мгновение рассуждаю с собой, потому что столько времени нужно, чтобы поговорить с собой. Я слишком много думаю. Это соглашение о неразглашении - всего лишь мера, обеспечивающая мое молчание. Я бы и не мечтал рассказать кому-либо о том, что я узнал сегодня. Я знала, что осмотрительность - это часть работы. Так что это действительно спорный вопрос. Остальные? Дополнительные услуги? Что ж, меня пугает сальто в животе. Не думаю, что Беккер осознает, насколько значительными были его ходы - секретный вход, поездка в Countryscape, аферы, семейная вражда. Он приглашает меня войти. Или тащит меня. В любом случае, я не собираюсь много бороться.

Бросив осторожность, я беру ручку и беспорядочно пишу свое имя в нижней части листа. Выполнено. Я говорю скрытно о большем, чем могла себе представить, но это не имеет значения. Я даже не беспокоюсь о том, чтобы найти то беспокойство, которое мне следовало бы искать, не говоря уже о том, чтобы проанализировать его.

Ручка вырывается из моей руки, прежде чем я могу напечатать свое имя ниже. Беккер кидает его на стол и поднимает меня со стула, прижимая к себе. «Супер», - шепчет он, беря мои губы, как будто они принадлежат ему. Прямо сейчас они это делают. Как и все остальные части меня. «Теперь я могу тебя насилловать». Он уверенно выходит из офиса, ставя меня на ноги раньше, чем я бы хотел. Я несколько раз моргаю и оглядываюсь, пытаюсь сориентироваться. «Повернись», - мягко приказывает он, беря меня за бедра и подбадривая. Я сталкиваюсь лицом к лицу с открытием каменной лестницы, которая восхищает меня с самого первого раза, когда я столкнулся с ней. Мой пульс стучит в моих ушах, и мои дрожащие руки поднимаются над руками Беккера на моих бедрах, когда я смотрю в темноту. Я сжимаю их, показывая, где я нахожусь. Я ищу утешения, и когда он приближается ко мне сзади, отвечая на мое сжатие, прижимаясь своей грудью к моей спине, я знаю, что он это понял. «Не бойся». Его дыхание щекочет мое ухо, учащая пульс.

Да, мне немного страшно. Но недостаточно близко, чтобы удержать меня. Мои мышцы задействуются, и моя правая ступня осторожно поднимается, чтобы отдохнуть на первом шаге. Он не подталкивает меня и не выражает нетерпения. Он просто манипулирует нашими руками, так что они переплетаются, все еще держатся у меня за бедра, и терпеливо ждет, пока я найду силы, необходимые для преодоления ступенек.

Я беру их одного за другим, охотно отправляясь в темноту. Мои ноги теперь устойчивы и непоколебимы, мой разум принимает, но я все еще чувствую, что натыкаюсь в неизвестность.

Мы обходим круговую лестницу, ударяя ногами о ступеньки - единственный звук, пока не появился тусклый свет, просачивающийся из-под деревянной двери.

Беккер в последний раз сжимает мои руки и отпускает их, отступая в сторону и проводя своей карточкой. Дверь распаивается, окутывая нас туманным светом и раскрывая тайну стеклянной стены, охраняющей Большой зал.

Квартира Беккера.

Глава 25

Я принимаю все это на тихом дыхании. Это редкость, огромное противоречие с остальной частью Убежища. Пол черный, с вкраплениями сверкающего стекла, разбитого и врезанного в гладкий мрамор, а стены оклеены графитово-серыми обоями за серебряными рамами разного размера. В каждом кадре - черно-белая карта страны : на меньших изображены острова и более мелкие страны, в больших кадрах показаны такие страны, как Россия, Китай и Америка.

«Я бы показал тебе окрестности, но я чувствую себя немного нетерпеливым». Он кружит меня и притягивает к себя. Мое тело разбивается о его, и я смотрю ему в глаза, мое дыхание поверхностное. Легкий кончик пальца пробегает по моей лбу и щеке, глаза Беккера скользят по нему, пока он не достигает моих губ. Затем он крепко обхватывает меня за затылок и приближается, прижимаясь к моим губам.

Мой стон удовольствия эхом разносится в пространстве вокруг нас, приглашая его сделать то, что он полностью намерен сделать. Обладать мной. Сейчас я не могу на это повлиять. Я уязвима и слаба. И все же как-то спокойно и сильно.

Мои руки нащупывают его волосы, и я испытываю величайшее удовольствие, когда он стонет от удовольствия, переплетаясь между прядями и сжимая сильнее, когда он поднимает ставку нашего поцелуя. «Кожа», - бормочет он, отчаянно теребя мое платье. Мои руки развязывают его волосы, и я поднимаю руки, позволяя и желая ему поторопиться. Мое

платье исчезло почти так же быстро, как ебаная абра-кадабра, только на этот раз оно все еще цело. Не то чтобы меня это волновало. Его слепо отбрасывает в сторону, а затем он снова приближается, зарываясь в мою шею, пока его руки находят ремешок моего бюстгалтера.

Закрыв глаза, я вдыхаю и вдыхаю его аромат, чувствуя себя опьяненным удовольствием и предвкушением. Я чувствую, как расстегивается застежка моего бюстгалтера. Я чувствую, как его руки скользят по моей коже, когда он обнимает меня за спину. Я чувствую, как его зубы слегка впиваются в мое плечо. Я чувствую, как его член прижимается к моему животу. Я чувствую, как его сердце бьется у меня в груди. Я тоже чувствую свое. «Беккер». Его имя больше похоже на мольбу, выпущенную на дрожащем дыхании.

«Шшшшшшшшшшшшш», - успокаивает он, слегка взяв мои лямки бюстгалтера и отступая, прерывая всякий контакт между нами. Я ненавижу это. Я хочу, чтобы он снова приблизился ко мне. Но у Беккера другие идеи. Он отпускает мои ремешки и наблюдает, как мой бюстгалтер соскальзывает с моих рук и падает на пол, открывая мои соски темным, благодарным глазам. Я стою перед ним в своих атласных трусиках и на каблуках. «Каблуки остаются», - хрипло шепчет он, его губа скользят сквозь зубы, когда он пробегает глазами вверх и вниз по моему телу. У меня нет желания скрывать себя. Я не стесняюсь и не колеблюсь. Даже когда он падает на колени и засовывает большие пальцы в мои трусики. Глядя на меня снизу вверх, он лениво стягивает их по моим бедрам, и я выхожу из них, как только они достигают моих лодыжек. Затем он возвращается на пятки и смотрит на мое тело, его глаза тяжелые и прикрытые. Его позу можно было принять за покорность, но я не питаю иллюзий, что так и будет. Я не получу здесь контроля. И я не хочу ничего. Что бы он ни сделал со мной на этот раз, он спровоцирует. Я не буду протестовать или препятствовать его естественному инстинкту. И его инстинкт сейчас - встать и уткнуться носом в мои бедра.

Я кричу и хватаю его за голову, зная, что меня за это накажут.

«Руки, принцесса». Он тянется за собой и убирает мои пальцы со своих волос, сжимая их, предупреждая, когда я делаю это для него как можно сложнее. Это ему не сильно мешает. 'Вот.' Мои руки лежат рядом со мной. Он просит невозможного.

Я не права. На самом деле, очень неправа. На самом деле это довольно просто, пока он не положит ладони на мои бедра и не использует большие пальцы, чтобы протянуть руку между ними и разделить мои промокшие складки. Моя голова запрокидывается, мои губы бормочут бессмысленные молитвы до потолка. А потом он переводит пытку на другой уровень и проводит языком по моему сверхчувствительному клитору. Я чуть не согнулся пополам, крича в красивой агонии. Это только начало. О Боже, я никогда не останусь в вертикальном положении для этого.

«Ноги врозь». Он по очереди стучит по внутренней стороне каждой лодыжки, и, желая новых пыток, я подчиняюсь, выхожу, расширяю свою стойку, открываясь ему - никаких возражений. Я хочу, я могу попрошайничать. В бессмысленном отчаянии мои руки берутся за собственные волосы и дергаются, готовясь к тому, что будет дальше.

Это его пальцы. Они вызывающе кружат, распространяя мою влажность, скользят взад и вперед, каждый раз едва пробивая мне вход. Это слишком много. Я могу отойти, попытаться взять себя в руки или схватить его за руку и втолкнуть в себя. Но я не знаю. Я остаюсь статуей перед ним, мои ноги укоренены, принимая все, что он мне дает.

- Тебе хорошо, принцесса? Резкость его тона усиливает ощущение его пальцев между моими бедрами, заставляя меня в ответ согнуть бедра. 'Скажи мне.'

«Да», - шепчу я, голова кружится, мои стоны наполняют воздух.

- В глаза, Элеонора. Посмотри мне в глаза и скажи мне ».

Моя голова безвольно опускается. Без второй мысли. Без колебаний. Мой разум не принадлежит мне. Как будто он устроен так, чтобы выполнять все, что он требует. Он смотрит на меня, все еще полностью одетый, но отсутствие голой кожи не кажется потерей. Я не могу пройти мимо его взгляда. Они переполнены плотскими потребностями, переполнены лучшим удовлетворением. Вот так преклонив колени у моих ног, он не должен излучать столько силы. «Никогда не останавливайся, - говорю я ему. Мой голос дрожит, но уверен. 'Когда-либо.'

Рыча, он вкладывает немного веса в свои ласки и толкает меня двумя пальцами, умело кружа, когда он глубоко ударяет меня и прижимает кончик большого пальца к моему клитору. Мои колени подгибаются, а руки вылетают, чтобы обхватить его за плечи для поддержки. Мышцы живота, о которых я даже не подозревал, сжимаются, заставляя меня сгибаться в бедрах, мои волосы падают вперед. Он не дает мне передышки, вытягиваясь и снова бросаясь вперед, покусывая мое бедро, вылизывая и крутя его языком.

«Ты чертовски хорошо пахнешь, принцесса». Его губы вибрируют на моей коже, посылая покалывание в мои пальцы ног. Я вздрагиваю, впиваюсь пальцами в его плечи и закрываю глаза. «Вкус еще лучше». Сильные пальцы вытаскивают и гладят меня по передней части, оставляя мое тело обнаженным и умоляя его вернуть свое внимание туда. «Ты собираетесь достичь кульминации», - уверенно говорит он. «Тогда ты будешь сосать мой член и смотреть, как я кончаю на твои красивые сиськи».

Я использую свои силы, чтобы поднять голову и открыть глаза, и у меня не осталось сил ответить ему. Я киваю, глядя ему прямо в глаза, тяжело дыша. Каждое нервное окончание, которое у меня есть, возбужденно кричит, и те, что в моем центре, громче всех, когда его рот начинает двигаться вперед, а его глаза не отрываются от моих.

«Ты посмотри», - шепчет он, высунув язык, чтобы поймать звенящий кончик моего клитора.

'Вот дерьмо.' Я моргаю, слишком долго не открывая глаз.

«Открой», - рывкает он, хлопая меня по заднице точной ладонью.

Мои глаза широко открываются от шока, сильный удар не только поставил меня на место, но и напомнил мне, что я уже был здесь однажды раньше. Укус мгновенный. Так это кайф.

"Делай, как тебе говорят"

- предупреждает он, проводя ладонью по нежному месту. - Или не делай того, что тебе говорят. Твой выбор.'

Выбор за мной. Получу ли я еще фунт по заднице - мой выбор. Вот что он имеет в виду. Он получает столько же удовольствия от порки моей задницы, сколько от того, что я послушно выполняю его команды. И, к моему большому удивлению, я тоже. Он говорит грязно. Он грязно трахается. Он ведет грязный бизнес.

И я люблю это. Я не должен, но хочу. Как будто до сих пор жизнь меня душила. Задушил меня. Но каким-то образом этот грязный, властный, сексуальный мужчина вдыхает в меня столь необходимый воздух.

Я понимающе киваю и с пристальным вниманием наблюдаю, как он снова приближается, но на этот раз он занимает больше времени, сводя меня с ума от нетерпения. «Поторопись», - я позволила слову сорваться с моих губ и сразу же пожалела об

этом. Потому что теперь он делает прямо противоположное. Он отстраняется, хитро улыбаясь.

Мои глаза закрываются, опустошенные, злые и безумные от отчаяния.

Черт!

«Бля», - кричу я, мои бедра стремительно устремляются вперед, а задница словно загорелась.

- Открой свои проклятые глаза, Элеонора.

«Беккер, пожалуйста».

Пощечину!

'Открой.'

«Ах!» - кричу я, вцепляясь ногтями ему в плечи и запрокидывая голову в отчаянии. Мой порочный поступок малоэффективен.

Черт!

«Я же говорил тебе, принцесса. Твой выбор.'

Мои крики не наполнены болью. Да, он жалит, как ебучая сука, каждый раз, когда загоняет меня в задницу, но разочарование. . . это заставляет меня терять рассудок. Я гуду между бедрами, истекая желанием, отчаянно пытаюсь найти взрыв. Я понимаю, что я сам себе злейший враг, но безумие мешает мне найти причину, по которой мне нужно это исправить. Я могу заплакать.

"Что это должно быть?" Он хватает меня за сосок и крутит, умножая это разочарование на миллион. «Я буду шлепать эту шикарную задницу всю гребаную неделю, принцесса. И я буду рад каждую минуту смотреть, как она нагревается и остывает между моими ударами». Он трет мою горящую задницу, и я, наконец, убеждаю свои веки открыться и заново узнать, кто передо мной.

Беккер .

Самодовольный Беккер .

На коленях, готовый подарить мне оргазм моей жизни. Все, что мне нужно сделать, это посмотреть, как он доводит меня до оргазма. Звучит просто, как пирог. Теоретически. Жаль, что теория не соответствует действительности.

Я стягиваю его и протягиваю руку, чтобы вытереть пот со лба. Мои волосы мокрые, прилипают к влажной коже. Я сексуальный беспорядок. «Я готова», - объявляю я, стабилизируя ноги и делая вдох. Я никогда раньше не доходила до этого. Мне никогда не приходилось настраивать себя на оргазм. Черт, этот приводящий в бешенство человек заставляет меня постоянно танцевать на грани безумия.

'Ты уверена в этом?' Он самоуверенно приподнял бровь, одновременно поглаживая мои разгоряченные ягодицы, прежде чем дерзко сжать каждую. «Больше никаких шлепков?»

«Больше никаких шлепков». Я говорю сквозь стиснутые зубы, мои покрасневшие щеки окрашиваются в новое измерение. Я предполагаю, что они теперь малиновые, жажда и гнев, смешанные вместе, создают яркий оттенок. «Заставь меня кончить, Беккер».

«С большим удовольствием,- говорит по расчетной ухмылке, облизывая прямо в центре моего ядра, наблюдая за мной, ожидая меня, чтобы дать ему зеленый свет, чтобы приложится к моей заднице снова. Это отнимает у меня все, но мне удается не закрывать глаза. Еще одно долгий лизание вызывает дрожь в моих ногах, а другое вызывает дрожь в моем торсе. Я дрожу, чувствуя мучительное медленное нарастание давления в нижней части живота. Мне нужно это схватить. Мне нужно сконцентрироваться. Мои бедра

начинают раскачиваться от движений Беккера, перекатываясь ко рту в идеальное время с его твердыми долгими облизыванием.

Закрывать глаза - это естественно, но угроза того, что он остановится, помогает мне в борьбе. Как и его карие глаза, которые все еще смотрят на меня, наблюдая, как я разваливаюсь перед ним. Освобождение, ожидание.

Моя кульминация поражает меня с силой, которую я не могу понять. 'Боже мой.' Я развязываюсь, когда он цепляется за мой клитор и нежно сосет, но все же не отрываю взгляд от Беккера, благодарность и чистое удовлетворение, глядя на меня, облегчают мне задачу. Мое тело содрогается, каждый мускул затвердевает. Сжимая мои ягодицы, он подталкивает меня ко рту, чтобы прикончить меня, высасывая мою отдачу из самых глубоких частей моего тела. Он течет и течет, удовольствие, крик, напряжение. Я медленно заморожена его языком кружащимся, быть настолько нежным, насколько это возможно, когда я пульсирую против него. «Идеально», - выдыхаю я, скользя руками вверх по его шее к его голове, теребя его растрепанные, как мышьяк, волосы. Боже правый, у этого человека серьезный дар языка.

Наш зрительный контакт остается неизменным, пока он нежно целует мои бедра, пробираясь вверх по моему животу, когда он поднимается на ноги, его руки крепко держатся за мою задницу. «Я заявляю об этом». Он зажимает мою задницу, и что-то внутри меня умоляет его заявить права и на все остальные части меня. «Это все мое, принцесса. Шлепать, ласкать, восхищаться. Все мое.' Отбросив хватку после окончательного сдавливания моей плоти, он отступает на шаг, заставляя меня ослабить хватку. «Иди, стань у стены». Он кивает через мое плечо и тянется к пуговицам рубашки. Он собирается раздеться. Он собирается восстановить потребность, которую он обуздал, раздевшись передо мной, и, что хуже всего, он настаивает на том, чтобы я стояла слишком далеко от него, чтобы не могла дотронуться до него, если мои нетерпеливые руки захотят поторопить его. 'Сейчас же.'

Я отступаю, прежде чем узнаю, что произошло, мой зашитый разум не подвел его. Я ненавижу расстояние между нами, но взгляд его груди, когда его рубашка распахивается, облегчает удар. Твердая плоть. Высечена и гладкая. Загорелый и колышущийся мягкими волнами, он стряхивает белую ткань со своего тела и позволяет ей стечь на пол. Моя спина с силой ударила о стену. Мои ладони следуют. Невидимая сила прижала меня к краске. Он изнуряет. Все о нем. Непреодолимая сила этих сонных ангельских глаз, подкрепленных ртом, который, похоже, готов в любой момент расплыться в дерзкой улыбке. Это лишает меня каких-либо когнитивных мыслей и, что хуже всего, желания вернуть их.

«Поиграй сосками».

Я на автопилоте. Как будто была нажата кнопка, мои руки отрываются от стены. Чувствительность моих твердых шишек меня не удерживает. Первое нежное прикосновение заставляет меня немного шипеть, но я пробиваюсь сквозь них и крепко сжимаю их, перекатывая сквозь сжатые пальцы.

То, что его обнаженная грудь находится вне досягаемости, - это прекрасная жестокость, которая заставляет меня задуматься, в панике, как я буду вести себя с ним полностью обнаженным. Его руки медленно доходят до пояса и агрессивно его открывают. В результате усиливается хватка моих сосков. Затем он выхватывает его из шлевок и с силой отбрасывает в сторону. Я сжимаю сильнее. Затем он расстегивает ширинку и расстегивает брюки, обнажая толстый красный пояс боксерских шорт. Я хнычу, сжимая все сильнее, как будто я наказываю себя за то, что я такая слабая и отчаянная. «Красные боксеры»? Я хриплю,

опуская соски и бьюсь головой о стену, слышу, как мой пульс начинает стучать в ушах, тупой свист крови вызывает у меня головокружение и дезориентацию.

«Красный цвет». Он соблазнительно улыбается и хлопает по поясу, сохраняя полное самообладание. Силовой красный. Бля, держу пари, он чувствовал себя ужасно сильным сегодня, и держу пари, он чувствует себя довольно сильным сейчас.

Как он может так поступить со мной? Моя голова снова сталкивается со стеной. Я не знаю, зачем я это делаю. Я могу пойти к нему, искушать его, заставить его отступить под напором его равной нужды во мне. Понятия не имею, как он это контролирует. Он спокоен и уравновешен, ему доставляет удовольствие играть со мной. Он чертов помешан на контроле, вот какой он. Большой бабник, сбивающий с толку. Но вот я стою, прижатый к стене, и не собираюсь двигаться, пока он не скажет. «Черт побери», - ругаюсь я вслух, наказывая свой череп еще одним резким стуком о стену.

- Борьба, принцесса? Он стягивает брюки и скидывает их. И я чуть не упал в обморок. Его шея, его грудь, его плоский живот. Материал его боксеров самым греховным образом облегает верх его толстых бедер, но они получают лишь мгновение моей признательности. Очертания его члена тоже могут светиться. Он пульсирует, говорит со мной. Он говорит мне, что там можно найти часы удовольствия. Я облизываю губы, когда Беккер крадется ко мне, останавливаясь достаточно далеко, чтобы я все еще могла любоваться выпуклостью, которую он набирает. Я хочу потрогай это. Я хочу чувствовать, целовать и ласкать его. Сейчас, завтра, послезавтра и послепослезавтра. «Вставай на колени», - выдыхает он мне в лицо, кладет ладони мне на плечи и толкает меня вниз. Ему не нужно очень стараться. Я охотно скатываюсь по стене, пока не сталкиваюсь лицом к лицу с пахом Беккера. «В свободное время», - говорит он, приподнимая мое лицо, чтобы увидеть его, и кладет руку на стену позади меня. 'Как сейчас.'

Мои пальцы скользят красный пояс своих боксеров быстрее, чем мой глаз упадет обратно к его промежности, и они перетащив материал вниз его мускулистых бедер в быстрой последовательности. Чудо, что мужское достоинство Беккера свободно, кончик почти задевает мой нос.

«Разве ты не слышишь меня, принцесса?» Он берет себя в руки и отступает, затем скользит мокрой от спермы головкой по моим губам. – Я сказал сейчас. Соси. Давление его твердости давит на мои губы за долю секунды до того, как мой рот открывается, и я практически проглатываю его целиком, хватая его за задницу и толкая вперед. 'Сукин сын.' Его шокированный лай только подбадривает меня. Я впиваюсь ногтями в его плоть и отстраняюсь, обводя языком кончик, прежде чем снова взять его полностью. Я никогда не любила делать минет. Вкус, ощущение удушья, но это. . . Член Беккера? Я не могу насытиться. Мне мало.

«Милая мать гребаного бога». Его свободная рука находит мои волосы и болезненно тянет их, борясь с моими локонами. «Помедленнее».

Я не уверена. Не планируй и дальше. Я колюсь и сосу, как голодный лев, решивший применить пытки, чтобы посоревноваться со своим собственным. Я уверен в победе. Его резкое дыхание говорит мне, что я, возможно, уже выиграла. Высвобождая одну когтистую руку из его задницы, этой чертовски восхитительной задницы, я пробираюсь между его ног и нахожу его яйца, наслаждаясь хныканьем и стонами, прежде чем упиваться более удовлетворяющим звуком пронзительного визга. Я хватаюсь. Наверное, слишком сильно, но постоянные твердые движения моего рта по его тугой плоти достигают идеального

сочетания удовольствия и боли. Его тело дрожит от удовольствия и напрягается от восхитительной боли между ними. Он распутывается передо мной. Я быстро почувствовала себя к звукам и ощущениям от него, изменив свое прикосновение с мягкого на грубое. Я глажу и щекочу его тяжелый мешок, а затем крепко сжимаю его. Я провожу гладкими губами вверх и вниз по его члену и округляю его твердым прикусом - не слишком сильно, ровно настолько, чтобы он напрягся от неуверенности.

«Черт, Элеонора. Как, черт возьми, ты это со мной делаешь?»

Я смотрю, чтобы видеть его глаза сжались и закрыты. Вернемся к тебе, Хант.

'Ты . . . Блядь. Блядь, блядь, блядь, блядь ». Его голова опускается, а с его влажного лба стекают капли пота. Он трясет головой, разрываясь, стиснув зубы и издавая грубый вопль. Затем он начинает биться в конвульсиях, его живот сгибается, чтобы контролировать захватывающие его ощущения. Он идет. Моя хватка за его яйца ослабевает, и мой язык расслабляется, моя рука начинает работать в унисон с моим ртом. 'О Господи.' Он разбивает стену надо мной кулаком, затем откидывает голову и кричит в потолок, взывая о помощи к богам. Он сходит с ума. Он рушится. «Я, блядь, ничего не вижу». Его голова безвольно опускается и неконтролируемо крутится, его бедра теперь принимают собственные мысли и встречаются с моим приближающимся ртом. `` Я иду ", - он штаны. «Я, бля, иду». Он грубо отталкивает меня от себя и берет верх, его рука срочно летает по его стволу. Моя спина упирается в стену, мои легкие кричат, чтобы вдохнуть, когда я вздрагиваю, потея и задыхаясь. А потом он кончает длинными горячими рывками, стонет и направляет свои выделения на мою грудь. Я принимаю все это, закрывая глаза и растворяясь в твердой стене позади меня, чувствуя, как его тепло скользит между моими сиськами, вниз к моему животу.

«А-ебаные мужчины», - задыхается Беккер, упав передо мной на колени и хлопнув ладонью по моей груди. Затем он следит за тем, чтобы каждый дюйм моего тела был покрыт его сущностью.

Опустив подбородок на грудь, я смотрю, как его рука с легкостью скользит по моей коже, и, чувствуя, как он смотрит на меня, смотрю сквозь ресницы. Он полуулыбается, показывая проблеск этого мальчишеского обаяния. И я улыбаюсь в ответ. «Ты долбаная дьяволица, Элеонора Коул».

«А ты, - пыхчу я, - гребаный святой».

«Святой, который теперь будет трахать тебя, как грязную принцессу, которой ты являешься». Он берет меня за руки и поднимает меня, когда встает. 'Как твоя задница?'

Я надулась. «Болит».

'Хорошо.' Он переворачивает меня и толкает вперед, так что мой лоб упирается о стену. «Мне очень нравится этот цвет». Он слегка чмокнул меня по правой щеке, не болезненный как таковой, но напомнивший мне о хрупком состоянии моей бедной измученной плоти. Он вдавливая свое тело в каждый изгиб моей спины, объединяя нас вместе. Клянусь, он должен быть заряжен, потому что моя плоть шипит, как будто металлический стержень с напряжением в тысячу вольт прижимается к моей коже. Затем он берет меня за руки и упирается ладонями в стену. «Я буду много работать, чтобы сохранить ее в таком цвете».

Я вздрагиваю от самой мысли. Я буду вздрагивать каждый раз, когда присяду несколько хороших дней. Слегка взяв меня за талию, он отступает, прихватив за собой мои бедра и согнув меня. Затем я слышу разрыв пакета с презервативом, за которым следует легкое шипение, когда он его наматывает.

«Я постоянно чертовски тверд для тебя», - задыхается он, хватаясь за мое бедро и направляя себя ко мне. «Насколько ты грязная, принцесса?» Он водит кончиком члена вверх и вниз между моими опухшими губами, вонзившись зубами в мое плечо.

Трахни меня, я на грани самовоспламенения. «Грязная», - шепчу я, как будто мне стыдно в этом признаться. Средний секс. Именно такой, который видит свою работу. Это все, что у меня было.

Этот? Эта и вчерашняя ночь так же далеки от моих предыдущих сексуальных контактов. Все это незаконно, грязно и чертовски хорошо.

Он проскальзывает с гортанным стоном, звук вырывается из его живота. - Как чертовски грязно, Элеонора? Он держится глубоко, и мой разум снова начинает покоряться.

- Грязно, - кричу я. «Я грязная гребаная шлюха». Я не понимаю, о чем говорю. Господи, с каждой секундой я все больше опускаюсь. Его похотливость, его извращение, его секреты. Я влюбляюсь во все это. И мне было наплевать. «Трахни меня», - умоляю я, давя в ответ, пронзая его и надеясь, что это навсегда сплотит нас. Все забыто - все - мое имя, моя история, все, что сделало меня мной. Все это исчезает, теряется в приливной волне потворства своим слабостям и возбуждению. Это прозрение, в подавляющем большинстве случаев декадентское, которое я хочу продлить до конца своей жизни. Беккер Хант нашел меня - не в физическом смысле, но обнаружил меня, раскопал, кто я есть - женщину, которая преуспевает в волнении и держится. Кто-то уверенный и энергичный, готовый покорить мир. Кто-то смелый и крепкий. Как бы странно это ни звучало, когда он врзается в меня, как отбойным молотком на скорости, но, черт возьми, чувство безудержной самоотдачи, чувство контроля, когда у меня его еще нет, оживляют меня.

Беккер толкается снова и снова, каждый фунт сильнее предыдущего, каждый удар по моей заднице становится все громче и громче. Протягивая руку, чтобы почувствовать мои груди, когда они подпрыгивают и танцуют под силой, которой он меня подвергает, он нетерпеливо сжимает руки вокруг каждого ноющего холма. «Как сильно моя грязная девушка любит, когда мой член долбит ее?»

'О Боже.' В животе у меня сжимается, скручивается от возбуждения, когда контрольное давление падает. Мои глаза закрываются, готовясь. Приближается. Я буду кричать. Громко.

'Как сильно?' - рычит он, резко крутя мои соски.

Мои глаза открываются, и моя голова болтается вверх, мой кулак стучит по стене, сильно ударяет по ней, выбивая из нее вечно любящее дерьмо. «Никогда не останавливайся!» Я кричу эти слова, когда звезды начинают формироваться на краях моего зрения, уходя внутрь, затуманивая мое зрение.

«О, детка, мы собираемся много этим заниматься», - кричит он и сильно врзается в меня. Он выбивает из моих легких дыхание, вызывая одурманивание. Он не смягчается, возвращая руки к моим бедрам и крепко держа меня, как будто он чувствует возможность того, что я рухну на пол. Это вполне реальная возможность. Мои кости, должно быть, расплавились, распались, раскололись; Не знаю что, но я внезапно теряю способность держаться. - Считай, Элеонора.

И я делаю, используя свой последний кусочек разума и энергии, чтобы схватить оргазм, который надвигается, и позволяя ему овладеть мной, как сам дьявол, все мое тело воспламеняется диким пламенем.

Я кричу столько, сколько позволяют мои легкие, не обращая внимания на царапанье в горле, которое кажется, будто я глотаю ногти. Мои руки - бесполезные куски ничего,

упирающиеся в стену, моя голова вращается, и когда я слышу, как Беккер делает глубокий вдох и задерживает дыхание, я понимаю, что он тоже вот-вот перевалится. Его внезапное молчание бросает вызов грубой силе, с которой он все еще дает меня, многократно ударяясь о мою задницу, вышибая из меня каждый крошечный кусочек удовольствия. Затем он выдыхает и делает еще один длинный вдох, не давая мне отдохнуть от атаки, которой подвергается мое безвольное тело. Я растерялась, принимаю, все еще переживаю высвобождение тысячи накопленных оргазмов.

Его затрудненное дыхание перекрывает хлопанье наших вспотевших тел, и я прижимаюсь к нему без особых усилий. Он стонет и понижает уровень, теперь сильно измельчая. И я это чувствую. Набухание, грохот его сердца и облегчение, когда он находит выход, бормоча бессвязные слова в тяжелом воздухе.

Ради любви ко всем существующим греческим богам. Черт.

Мой оргазм лишил меня способности давать инструкции моему мозгу. Это лишило меня способности думать, говорить, двигаться. Он падает на мою спину, и я падаю на пол, Беккер следует за мной.

«Трахни меня», - поднимается он, перекатываясь на спину, оставляя мне рядом с собой кучу потной бесполезности. «Это было лучше, чем. . .»

'Что?' Я тяжело дышу, перекатываюсь на спину и скидываю туфли, когда он замечает, что они все еще украшают мои ноги.

Его грудь поднимается и опускается от долгих напряженных вдохов, его мокрое лицо хмурится. «Это было лучше, чем увидеть лицо Брента, когда он узнает, что потратил пятьдесят миллионов на кусок мрамора».

Все остальные мышцы подвели меня, но тут же у меня на лице подергиваются мышцы. Потому что я знаю, как бы Беккеру понравилось это лицо. 'Это было хорошо.'

'Хорошо?' Он откидывает голову набок, пока не находит мои глаза, поднимает колено так, чтобы ступня упиралась в пол, а ладонь лежит на животе. Его волосы растрепаны, чертовски сексуально. «Это было нехорошо, принцесса. Это просто взорвало мой долбаный мир надвое».

Подергивание рта превращается в расплывчатую улыбку. Я хорошо себя чувствую. И так, чертовски хорошо, как будто я могу бегать по Лондону голой и насрать. Потому что я, Элеонора Коул, только что разнесла мир Беккера Ханта пополам - человека, которого, как я полагаю, разнесла половина Лондона, прежде чем он разнес их мир пополам и до дурака трахнул их.

«У нас с тобой есть что-то чертовски феноменальное, принцесса». Как будто он знает, что мне нужно это услышать. Как будто он говорит мне, что ни одна женщина не сравнится. Химия. Он говорит о химии, и у нас с Беккером она полным-полно. Тонны материала. Мысль о том, что кто-то испытал то, что только что было с ним, застревает у меня в горле, как старый дуб. Огромный гребаный дуб. Мой нос морщится от отвращения.

'Все в порядке?' Он перекатывается на бок и дерзко щиплет мой сосок, отвлекая меня от моих непрошенных мыслей.

'Вполне.'

Он усмехается. 'Конечно же. Вы только что набрали десять баллов по шкале удовольствия».

Я усмехаюсь и отбрасываю его руку, зарабатывая рычание и более жесткую настройку. «Ой».

'Моя.' Он поднимает брови, призывая меня поправить его. 'Все это.'

Я не спорю. Я бы и не мечтал об этом, потому что безумно и совершенно неожиданно я хочу, чтобы этот нахальный индивидуалистский улюдок взял все на себя. И так, я лежу здесь и позволяю ему прикоснуться к тому, что он считает своим. Мня. И я без всякой надежды надеюсь, больше всего на что я когда-либо надеялся, что Беккер может принять себя как моего. Это инопланетная перспектива с кучей осложнений, связанных с ее задницей. Я и Беккер. Беккер и я. Секреты, Беккер и я. Убежище, Беккер и я. Вот. Мы. Рабочий и прикрученный и. . . любящий.

Любящий?

'Все в порядке?' Он снова задает тот же вопрос, прижимая подушечку пальца к моему подбородку и поднимая его, ища мои глаза. Его наблюдение за моими глубокими мыслями меня беспокоит, и я обнаруживаю, что моя трусливая задница уклоняется от любопытства в его взгляде и, что более важно, от направления моих мыслей.

Глупые мысли.

'Я хорошо, - пискнула я. Я похож на испуганного кота.

'Ты уверена?' Он подозрительный. Понятно.

Я решаю, что, вероятно, будет разумно держать язык за зубами, прежде чем я сообщу ему о каких-либо глупых мыслях, жалящих меня, как рой медуз. Несколько раз. Вновь и вновь. Безжалостно. Ой. 'Да.'

'Хорошо.' Он посылает целомудренный, почти любящий поцелуй, хлопает меня по губам, мягко прикусывает, прежде чем отстраниться, потянув за собой мою нижнюю губу. Он усмехается и отпускает, затем быстро переворачивается и посылает мне косоглазие, когда он медленно встает надо мной, как Посейдон, разбивающий морские волны и поднимающийся. Он выглядит великолепно. Мощный и сильный. Аппетитный. Съедобный.

«Устраивайся поудобнее. Я пойду в ванную ». Он пытается повернуться, но делает паузу, надувая губы. - Ты еще не видела мою голую задницу, не так ли?

Наблюдение Беккера служит спусковым крючком и заставляет меня приподниматься на локтях, заинтересованно и, скорее всего, взорвусь от восторга, когда я это увижу. Его задница. Голый. «Нееееет». Я растягиваю слово навсегда, заглядывая в его промежность, видя прямо мимо красоты его члена и воображая красоту его прекрасной задницы. Я чувствовала это голым. Я выжила. И это было чертовски хорошо. Я закусываю губу, когда собираюсь с силой воли отвести взгляд.

Его губа изогнулась в одном углу. «Наслаждайтесь», - говорит он нагло, дерзко и со стопроцентной уверенностью, что я это сделаю, поворачивается и уходит.

О боже, я верю. Моя голова наклоняется набок в восхищении, моя губа дрожит сквозь зубы, когда я впадаю в транс. Мои глаза не могут решить, на что смотреть. Его невероятная задница или эта великолепная татуировка на его сильной спине. Удивительно, учитывая мою любовь к его заднице, мои глаза останавливаются на его спине и этой колоссальной татуировке. Я прищуриваюсь, пытаюсь разглядеть все линии и тени в тусклом свете, но он исчезает в ванной прежде, чем я успеваю приблизиться. Я надуваюсь и провожу несколько минут, заставляя свое сердцебиение вернуться в безопасный темп.

Наполнив ноги жизнью, я поднимаюсь на ноги и оглядываюсь вокруг, гадая, где мне устроиться поудобнее. Для меня это также возможность окунуться в пространство. Серый и черный - общая тема даже на потолке. Если бы не крошечные прожекторы, окутывающие пространство туманной пылью, оно было бы черным как смоль.

Территория небольшая, но прекрасно оборудована. Это пространство открытой планировки с зоной, разделенной огромной книжной полкой, служащей перегородкой, которая отличает спальню от остальной части квартиры Беккера. Есть кухня, небольшая, но функциональная, и два негабаритных угловых дивана, расположенные в форме буквы U, напротив колоссального телевизора с плоским экраном, который занимает большую часть одной стены. Серые коврики разбросаны, смягчая ощущение сверкающего мраморного пола и добавляя столь необходимое тепло. Балконы Джульетты, которые можно увидеть со двора, находятся здесь, и я отчетливо помню, как смотрел на них в первый же день, когда я прибыл в Убежище, и мне хотелось, чтобы я мог их распахнуть и стоять на утреннем солнце.

Я улыбаюсь про себя, бросая взгляд на место, где только что исчез Беккер. В стенах ванной построены с толстыми стеклянными кирпичами, свет от внутреннего греется пространство в мягком свете. Подойдя к книжной полке, разделяющей спальню, я провожу взглядом по рядам книг, отмечая, что многие из них являются биографиями разных художников. Я улыбаюсь, когда замечаю одну на Микеланджело и снимаю книгу с полки.

«Твоя задница светится».

Я поворачиваюсь и вижу Беккера, стоящего в дверях своей ванной, его плечо упирается в раму, все еще обнаженного. Великолепно обнаженный. «Это также нежно». В моем заявлении нет обиды. Наоборот, на самом деле. Это ощущение тепла и утешения, напоминание о том, что он был там. Немного похоже на мои бедра. Я небрежно листаю книгу, но захлопываю ее, когда ко мне что-то приходит. «Полиция», - говорю я, сдвигая книгу обратно на полку. «Мне нужно позвонить им. Не возражаешь, если я воспользуюсь твоим телефоном? Ты знаешь, поскольку у меня сейчас его нет. Потому что кто-то его уничтожил».

Его хмурый взгляд игриво. «Я им уже звонил».

'Ой. Разве я не должен был это сделать?'

«Ну, у тебя нет телефона». Он пожимает плечами, а я все еще не получаю извинения за его взрыв и последующую кончину моего мобильного. «В любом случае, это не срочно, и ничего не было взято, так что они дадут мне знать, когда смогут вызвать офицера».

'Ой.'

Он отталкивается от плеча и подходит ко мне, быстро взглянув на книгу, которую я только что положила на полку. "Читаешь?"

«Просто просматриваю». Он стоит рядом со мной, плечом к плечу, и я сжимаю глазницы, чтобы снова увидеть его спину, на этот раз крупным планом. Я вижу гребень. . . Я не уверен, что это такое.

Беккер смотрит краем глаза и замечает, что я хмурился, но он игнорирует это, и я подозреваю, что это потому, что он точно знает, на что я пытаюсь смотреть. 'Позволь мне показать тебе что-то.' Его теплая ладонь скользит по моей голой спине, пока его рука не оказывается на моих плечах. Нисходит восхитительное тепло, охватывая мое обнаженное тело. 'Сюда.' Он держит меня близко, ведя нас в дальний конец комнаты, где стеклянная стена простирается от одного конца до другого и от пола до потолка. На нашем подходе все, что я вижу, - это старую кирпичную стену на открытом воздухе, но когда мы приближаемся, Большой зал внизу начинает появляться, пока мы не стоим у подножия стены, глядя на огромный сундук с сокровищами, антиквариата и искусства.

«Вау», - выдыхаю я, принимая все это. Я был там внизу, заблудился среди организованного хаоса прекрасной мебели и сокровищ, но отсюда это выглядит

невероятным. Я вижу все, за исключением секции прямо под ней, ведущей в главное здание. Этот антресольный этаж является поздним дополнением к этому грандиозному старому зданию и, несомненно, построен в соответствии со спецификациями Беккера, чтобы он мог охранять то, что считает своим сокровищем. Это впечатляюще.

- Довольно круто, а?

«Это действительно так», - согласна я, дотрагиваясь к стеклу, чтобы проверить, есть ли оно там, чувствуя себя так, как будто парю над комнатой. Посмотрев вниз, я вспоминаю, как неуклюже ерзаю среди бесценных предметов. Я также вижу, что смотрю туда, где сейчас стою, и вижу тень человека. Мужчина, стоящий рядом со мной. «Как долго ты наблюдал за мной?» Я смотрю на него и обнаруживаю, что он уже смотрит на меня сверху вниз, с легкой улыбкой на его губах.

'Каждую секунду.'

'Зачем?' Я знал это. Я это чувствовал. Такое же восхитительное чувство я испытываю, когда он рядом.

Он обдумывает мой вопрос на мгновение, его губы надуваются от размышлений, но его глаза никогда не отрываются от моих. Он смеется себе под нос и поворачивает меня на руках, чувствуя мои сексуальные красные локоны, прежде чем задумчиво сканировать мое лицо. Затем его голова немного наклоняется в сторону, говоря мне, что он действительно думает об этом. «Я стою здесь, - начинает он, глаза все еще блуждают по моему лицу, - и смотрю вниз на свой большой зал, часто задаваясь вопросом, как я мог когда-либо выбрать там самое красивое». Его карие глаза скользят по моим. «Я никогда не мог. Ничто еще не выделялось как нечто более невероятное, чем что-либо еще». Кончик его пальца слегка касается моей брови, когда он глубоко вдыхает воздух. «Потом однажды я посмотрел вниз и увидел тебя».

Я вдыхаю и задерживаю дыхание, пытаюсь оставаться неподвижным, пока его палец нежно обводит контуры моего лица, не желая мешать его потоку. Ничто не могло меня к этому подготовить. Мое сердце просто растаяло, и мои надежды взлетели до небес.

Его прикосновение перемещается, скользит к моему затылку, а другая рука присоединяется к нему. Я чувствую, как его пальцы переплетаются, а затем моя голова откидывается назад, и он закрывает небольшой промежуток между нашими туловищами, сводя нас вместе, герметизируя нашу кожу. Он смотрит на меня решительным взглядом и лишает меня воздуха, заставляя меня несколько раз сглатывать, чтобы попытаться вернуть его. Искренность, сияющая в его глазах, переполняет меня.

«Ты, должно быть, был удивлен», - тихо говорю я.

«О, я был». Он мягко смеется. «Я знаю, что ты не веришь в Судьбы, но я не переставал думать о тебе, о твоём раздражающе красивом лице и ослепляющих рыжих волосах с тех пор, как я впервые увидел тебя на улице. Потом ты пришла сюда.

«Это потому, что я преследовала тебя».

Он улыбается, и его губы опускаются на мои, поглощая меня мягким, обожающим поцелуем, мои глаза закрываются от удовлетворения, мои руки обнимают его широкие плечи.

«Может, я начинаю верить в судьбу», - говорю я ему в рот. «Если бы ты не украл мою машину, я бы успел на собеседование вовремя, и тогда, возможно, я бы получил там работу». Я отстраняюсь, и он улыбается, хотя это немного напрягает.

«Может быть», - бормочет он.

'Ты в порядке?'

'Супер.' Он покусывает мою губу. «Как я мог не быть с тобой в моем Убежище? Все чертовски идеально».

Я не знаю, что сказать. Он ошеломил меня своими нежными словами. Поэтому я ничего не говорю, но много думаю. Слишком много для меня, чтобы попытаться разгадать все это сейчас. Мне нужно место и тишина, может быть, даже слушающее ухо. Первой на ум приходит Люси. Мне нужно позвонить ей завтра.

«Позвольте мне показать тебе, где ты будете спать». Он опускается и поднимает меня, закидывая обеими руками, и несет в спальню. Его руки крепко прижимают меня к груди, внушая мне чувство безопасности, к которому было бы слишком легко привыкнуть. Моя голова безвольно падает на его плечо, внезапно становится слишком тяжелой, чтобы удержаться, вероятно, из-за тяжести всего, что у меня на уме.

Когда я встаю на ноги, Беккер отступает и позволяет мне лечь в его кровать. Я сплю в его постели. С ним. Более серый в виде мерцающих простыней из бронзы. Я могла потеряться в этой постели; она огромна, но досадно, что детали кровати - мимолетная мысль. Однако неизгладимая мысль, и самая тошнотворная, - сколько женщин в ней было. Я съезживаюсь перед собой. Держу пари.

«Ты собираешься лечь или будешь стоять там всю ночь и гадать, сколько женщин у меня там было?»

Я смотрю на него, смело и вместе. 'Что ж?' Я могу принять это.

«Не так много, как ты думаешь». Он кивает в сторону кровати, и я немного наклоняю голову, удивленный его ответом, хотя и не нажимаю. Кроме того, мне нужна конкретика?

Не говоря ни слова, я проскальзываю между мягкими простынями, и меня ударяет его запах, пронизанный нитками, смешанный со сладко пахнущей стиральной силой. Это опьяняет.

Беккер подползает ко мне и начинает расставлять подушки именно так, а затем несколько раз оглядывает мое напряженное тело. Он хмурится. Что я сделала? Он вздыхает и отталкивает меня от себя. «Убедись, что ты остаешься на своей стороне».

Я ранена. «Хорошо», - подтверждаю я, переворачиваясь так, что моя спина находится подальше от него, увеличивая расстояние между нами. От хрена всей жизни до этих завораживающих слов? Он перескакивает с одного персонажа на другого быстрее, чем я ожидаю, что его Ferrari разгоняется с нуля до шестидесяти. «Держи руки при себе, - бормочу я.

Я хватаюсь за тихий смех и втягиваюсь обратно в его грудь, сжимая меня до такой степени, что, как мне кажется, мои кости могут рассыпаться в пыль под давлением. «Думаешь, я смогу держать руки при себе, пока ты голая в моей постели?» Он посмеивается, целует меня в затылок. «Подумай еще раз, принцесса».

Во мне столько же борьбы, как и у Евы, когда тот змей предложил ей соблазнительное яблоко. Совсем не много. Если быть в объятиях Беккера - это прекрасное чувство, то быть заключенным в его крепкие объятия под простынями - это мечта. Каждый его твердый дюйм прижимается к моей спине, наши тела восхищенно ласкаются. Это добавляет к удовольствию совершенно новое измерение.

«Хм», - говорит он, прижимая меня к себе. «Обнаженные объятия».

Я улыбаюсь, закрывая глаза и смакуя его. «Тебе стоит помириться со своим дедушкой»,

- тихо говорю я в темноту. Он был так расстроен, и не следует тратить время на плохие чувства, когда жизнь так дорога. Беккер должен это знать.

Он молчит несколько мгновений, глубоко вдыхая мои волосы. «Перевернись», - шепчет он, отпуская меня и нетерпеливо потянув за плечо. Я подхожу к нему лицом. Его голова покоится на подушке, ладонь находится под щекой, а его карие глаза блестят в мягком свете. Простыни немного притянули вниз по моему телу, пока не обнажились мои груди. Он изучает мои соски, пока его палец слегка кружит вокруг темного круга одного из них. Они ожесточаются до пуль, и он одаривает меня дерзкой ухмылкой. «Я же сказал тебе, он переживет это».

Я пытаюсь скрыть свои сомнения. Он выглядел явно разъяренным. 'А также Миссис Поттс с этим справится? Я небрежно качаю пальцем между нами. Подозрение заставило ее немного вздрогнуть. Подтверждение может привести к тому, что я столкнусь с Невероятным Халком .

Он останавливается, играя моим соском, и вздыхает, перекатываясь на спину. 'Возможно нет. Я не приверженец обязательств. Я разбиваю сердца, Элеонора. Помимо работы, это то, в чем я лучше всех ».

Его признание жгло, как сука, заставляя мой мозг набухать от шквала сомнений, самые тревожные пробивались вперед, отказываясь быть проигнорированными. «Ты разобьешь мне сердце?» Я не могу забыть, что его дед кричал на него. Прекратите использовать женщин в качестве терапии. Он видит во мне терапию?

Его голова опускается в сторону, и он пристально смотрит на меня. «Это зависит от того, достаточно ли ты глупа, чтобы влюбиться в меня». Он почти вздрагивает от своего грубого ответа, слегка покачивая головой и возвращая свое внимание к темному потолку. Я бесконечно благодарена, потому что теперь он не видит боли, которая искажает мои черты. Я перекатываюсь на спину и смотрю вверх, учитывая преимущества ухода, прежде чем позволю ему еще раз проникнуть в мое сердце. Слезы наворачиваются на мои глаза, когда я неохотно признаю, что уже слишком поздно.

«Не влюбляйся в меня, принцесса», - шепчет он. «Потому что я буду вечно ненавидел себя, если причинил тебе боль».

Я сжимаю глаза, чтобы сдержать слезы, которые угрожают вырваться наружу. «Тебе не о чем беспокоиться», - уверяю я его с притворной твердостью. Его просьба труслива - как будто он ограничивает контроль за ущербом, уверяя, что вину нельзя возложить на его плечи. Он сказал мне не влюбляться в него, так что если я влюблюсь, это полностью моя вина, если он разобьет мое сердце. Тот факт, что его нежные жесты и прекрасные слова помогают мне на пути к падению, не останется в памяти Беккера, и возникает вопрос, почему он такой милый. Он сказал мне не заикливаться на прошлом и не бояться будущего. Он лицемер. Но я медленно его изучаю. Не думаю, что он знает, что делает, но ничего не может поделать. Проходит ли его легкая привязанность ко мне естественно? Он не может остановить это? Потому что, если так, это может стать новаторским для Беккера. Было бы глупо с моей стороны думать, что я могу все изменить? Он сам это сказал. Это могло быть что-то чертовски невероятное.

«Вы когда-нибудь любили женщину?» Я спрашиваю прямо.

«Я любил свою мать и бабушку».

- А больше никого?

«Нет», - решительно отвечает он. Я ему верю. «Любовь - пустая трата времени».

«Ты никого непустишь», - порывисто выдыхаю я, озадаченный собственным автоматическим ответом. Он боится любить - или любить снова, даже если это другая любовь. Это все еще привязанность.

'Зачем мне?' - спрашивает он с раздражением в своих словах. Это не сулит ничего хорошего, но, опять же, он уже впустил меня. Он это знает. У меня нет возможности напомнить ему, потому что он продолжает, его раздражение разгорается с каждой секундой. «Мне никто не нужен. Они умирают, только когда вы привязываетесь. У дедушки была Нана, и она умерла. Он был раздавлен. С тех пор не было прежним. У моего отца умерла мама. Другой мужчина раздавлен. Потом умер папа и практически прикончил дедушку». В его голосе есть яд. Чистая ненависть.

Кусочки головоломки встают на свои места. Он не сказал так много, но потери, которые пережили его дед и отец, - не единственный его мотив для того, чтобы отгородиться от возможности получить травму. Это и его собственная боль. Дедушка потерял жену, а Беккер потерял бабушку. Отец Беккера потерял жену, но Беккер потерял маму. А потом Беккер потерял и своего отца. У него была своя изрядная доля потерь. Слишком много для мужчины лет тридцати. А его защитное одеяло, его самосохранение - это полное избавление от всех чувств. «Значит, у вас есть собака», - бессмысленно бормочу я, пытаюсь собраться с мыслями.

Он саркастически вздыхает от злого смеха. «Да, и даже его лояльность означает дерьмо». Он одаривает меня грязный взглядом, который я предпочитаю игнорировать, учитывая деликатность разговора.

- А ваши дедушки? - осторожно говорю я, ища тот крошечный самородок, который скрепит сделку, вставлю все на свои места.

«Он умрет, разобьет мне сердце, и тогда некому будет оставить меня».

Даже не я? 'Ты будешь одинок, - шепчу я.

Он перекачивается на бок и натянуто улыбается мне. Я совершенно ясно вижу, что после Беккера Ханта слишком много боли. «Я буду в безопасности от горя, принцесса».

В безопасности от горя. Потому что его сердце заперто с другими его сокровищами. Это его убежище, но это также и его крепость.

Он действительно все для контроля повреждений.

Я чувствую, что сорвала джекпот, но я не чувствую себя удовлетворенной из-за того, что мои подозрения подтвердились. Я чувствую себя раздавленным, потому что ясность только что ударила меня по лицу. Он никогда не полюбит меня, потому что не позволит себе этого. Он разбил мне сердце, даже не осознавая и даже не пытаюсь. Он думает, что он не приверженец обязательств, но ошибается. Он стремится найти это потерянное сокровище, и ничто его не удерживает. Как семья. Как женщина. Как любовь. Нет риска оказаться вовлеченным в эмоциональную или моральную битву с самим собой. Это только он. Беккер и его одержимость поисками того, что не смогли найти три поколения его семьи. Он хочет избежать ужасающего чувства вины, которое так явно тяготит его дедушку.

Я опустошена, но понимающе киваю ему, переворачиваюсь и закрываю глаза. Но я не ложусь спать. Я лежу без сна часами, размышляя, хватит ли у меня сил и смекалки сделать это с собой. Его слова противоречат самим себе. Но его сердце никогда не будет. Я совершил ужасную, ужасную ошибку?

Глава 26

Я не должна в него влюбляться.

Я не должна в него влюбляться.

Я не должен в него влюбляться.

Я чувствую его запах.

Я его чувствую.

Я сонно моргаю, чувствую, что задыхаюсь и теряю ориентацию. Я лежу на спине, и он растекся по мне, поймав меня в ловушку под собой. Одна моя рука прижата к его заднице, другая моя рука вытянута над моей головой, а мой подбородок лежит на его плече. Он глубоко дышит, его татуировка поднимается и катится с каждым вдохом. Мои глаза блуждают, пытаюсь понять, на что я смотрю, и мой палец мягко касается его кожи, прослеживая путь толстой серой линии, огибающей одну из его лопаток. Он вздрагивает, и его дыхание картина меняется.

'Что это?' - тихо спрашиваю я, проводя пальцем по его коже.

«Татуировка», - серьезно отвечает он хриплым от сна голосом.

Мой палец снова останавливается, и я толкаю его, чувствуя, как он улыбается мне в шею. 'Какая?'

'Мир.'

Я хмурюсь и наклоняю голову, пытаюсь сосредоточиться. Это не хорошо. Единственный раз, когда я это видел, он был слишком далеко, а сегодня утром он слишком близко. Интрига берет верх надо мной, и я скоро извиваюсь, чтобы освободиться. Мне нужно внимательнее ее рассмотреть.

Беккер неохотно скатывается с меня на спину и устало смотрит на меня. «Я хочу увидеть», - говорю я, потянув его за плечо. «Перевернись».

Он колеблется несколько мгновений, но делает то, что ему говорят, лениво перекатываясь. Я замечаю, что он напряжен, когда я оседлаю его и припарковавшись на его идеальной заднице, его мышцы спины сводятся, когда он поднимает руки и кладет щеку на них.

Мир.

Моя способность ровно дышать покидает меня.

Карта мира. Я видел это раньше.

Мой рот открывается, мои глаза бегают по его коже, впитывая все это. И есть что поглотить. Тонкие линии переходят в толстые, изогнутые - в прямые, края стран заштрихованы глубже. Мой палец парит над деталями, прослеживая миллионы контуров, не касаясь их, как будто я могу размазать их и испортить, если прикоснусь к ним. Детали не только в физическом изображении карты. Это также связано с богатством встроенной информации - компас на его правом плече, сетка, скрывающая всю его спину по карте, отображает часовые пояса, долготу и широту. Каждая страна помечена, каждое море названо, каждый континент назван. Каждая географическая информация отмечена где-то на спине Беккера, как личная ссылка. Пока что я без вопросов знаю, что он будет знать все здесь, даже не заглядывая в него. На спине или на скрытой карте. Каждая замысловатая деталь была применена в различных оттенках серого, что сделало ее почти трехмерной, а кожу под ней можно было принять за состаренную бумагу, из-за чего карта выглядела старинной. Прямо как настоящая. Это захватывает дух. Я могу смотреть на это часами.

Я вожу губой сквозь зубы, миллион вопросов бомбардируют по моему мнению. Он не знает, что я видел эту карту где-то еще. 'Это красиво.'

«Она еще не закончено», - тихо говорит он. «Еще несколько сессий, чтобы завершить»

Европу».

Я нахожу Европу, вижу огромное пространство с отсутствующими странами. Тот же кусок отсутствует на той древней карте, которую я обнаружил случайно, но я знаю карту. Черт возьми. Когда Беккер сказал, что он хранится в безопасном месте, он не шутил. «Ты можете передать музею карту», - говорю я, все еще разглядывая тщательно продуманные детали. «У тебя все еще будет копия». Не то чтобы ему нужен оригинал, чтобы найти то, что он ищет. В любом случае, держу пари, он сфотографировал это на хранение.

«Назовите меня собственником», - тихо бормочет он.

Я улыбаюсь, удивленно качаю головой, снова изучаю его спину. Я касаюсь на этот раз, мой палец путешествует через Атлантику в Канаду. Ему нужна недостающая часть карты, прежде чем он сможет закончить татуировку и найти то, что ищет. 'Где недостающая часть?' Я спрашиваю.

Он молчит несколько мгновений, и я знаю, что это потому, что он не знает. Недостающий элемент является частью Европы. Италия находится в Европе. Микеланджело был итальянцем. На этой карте отсутствует самая важная часть, и я чувствую, что это сводит Беккера с ума.

«Не знаю», - тихо говорит он. Я внимательно слежу за его профилем, ищу грусть на его лице, которая соответствовала бы его тону. «Но я уже близко».

'Как близко?' - спрашиваю я, почти взволнованно за него.

«Пугающе близко».

«Почему это страшно?» - спрашиваю я, хмурясь.

«Потому что это приводит меня в места, куда я даже не ожидал попасть», - шепчет он, пока я продолжаю воспринимать все это.

Я улыбаюсь его задумчивости. 'Где я?' - спрашиваю я, указывая пальцем на Штаты.

«Америка», - сразу же отвечает он, улыбаясь. «Техас, если быть точным».

Мой рот разинут. Как, черт возьми? 'Сейчас?' - спрашиваю я, пробегая через Тихий океан.

«Гавайи».

'Шутки в сторону?'

'Я прав?' Он дерзкий. Он чертовски хорошо знает, что прав.

Я рискну отклониться на несколько дюймов вправо. 'Как насчет сейчас?'

«Вы тонете, принцесса». Он смеется. и я задыхаюсь, глядя вниз и вижу, что кончик моего пальца находится посреди Тихого океана.

На этот раз я убираю палец с его спины, думая, что, может быть, он догадывается по ощущению моего прикосновения, проходящего по его коже. И я кладу это прямо на край чистой плоти, где должна быть часть Европы.

«Чешская Республика», - просто говорит он, зевая после этого. Это фальшивый зевок, который говорит мне, что ему надоела эта игра.

Без этой конкретной части карты, нарисованной на его спине, нет веских доказательств его правоты, но я знаю, что это так. 'Как?' - спрашиваю я, пораженный его способностью определить любую страну по прикосновению моего пальца.

Он переворачивается подо мной, заставляя мое тело сменить положение, прежде чем усадить меня себе на пах. Его член не твердый, но и не совсем мягкий. Я проглатываю неизбежное тепло, поднимающееся с пальцев ног и оседающее на животе. «Я много путешествовал».

«Это странно», - говорю я, кладя ладони ему на живот и поглаживая широкие круги.

«Или подарок». Он хватается мои руки, останавливая их исследование своего острого живота.

Я внимательно смотрю на него и пытаюсь сдвинуть их, но никуда не денусь. Он ухмыляется, и я пытаюсь снова. Ни малейшего движения.

«Расскажи мне, что ты чувствуешь», - говорит он, нерешительно глядя на меня внимательно.

'Что я чувствую?'

«Ты многое узнала обо мне».

- О, ты имеешь в виду, что для тебя есть нечто большее, чем просто быть более святым ублюдком?

Он кладет руки на верхнюю часть моих бедер и игриво сжимает их, заставляя меня улыбаться. «Я святее большинства», - дерзко заявляет он. «Но не тебя, принцесса». Моя улыбка становится шире, и он немного смеется, как будто не совсем веря, что только что это сказал. «Скажи мне, - толкает он.

Мой ответ приходит естественно. «Я чувствую себя привилегированной».

- Не испугалась ?

Я качаю головой. Меня только пугало, что он может сделать для меня. Я вхожу в свою раковину, глядя в сторону, не зная, следует ли без сомнения подтвердить то, что он уже должен знать.

«Я доверяю тебе, принцесса», - выдыхает он, ударяя меня по ноге, чтобы привлечь мое внимание. Я даю ему это, но мой разум кружится, пытаюсь понять, что он имел в виду под этим. Доверяет ли он мне свои секреты? Или он верит, что я не влюблюсь в него?

'Почему?' Я спрашиваю вместо этого.

Он молчит, ясно мыслит. «Мой инстинкт - мой лучший друг. Я этому верю».

- Ты никогда ни с кем не делились, не так ли? Я не лгала. Я действительно чувствую себя привилегированной, даже если я все еще немного озадачен его готовностью довериться мне.

'Никогда.' Его губы складываются в небольшую застенчивую улыбку. «Ты должен думать, что тебе повезло».

Мои глаза закатываются эпично. «И есть святее, чем ты...»

'Тссс. . . ' Его брови изгибаются, и он берет меня за руки, предупреждая сжимая.

'Что ж-'

'Тссс. . . '

«Перестань меня затыкать». Я пытаюсь высвободить руки, но прежде чем я могу понять, что я сделала, пытаюсь вернуть их обратно, они оказываются позади меня, а я впереди, Беккер сидит на моей заднице. Моя щека прижалась к подушке. Я беспомощна.

Он перекладывает оба моих запястья в одну из своих рук и ласково поглаживает ладонью по моему позвоночнику, касаясь моей задницы. Я застываю. «Все еще светится», - размышляет он, дуя мне в ухо прохладным воздухом. Я крепко зажмуриваюсь и беру себя в руки. «Но недостаточно красный». Его ладонь опускается вниз и сталкивается с моей левой щекой, гладкая и острая.

«Ты».

Он смеется и освобождает меня, кружит и крепко целует мои губы. «У меня встреча», - шепчет он, и все, что я могу сделать, это не хватать его и не цепляться, чтобы он не смог

сбежать. «К полудню положи мне на стол папку» Макдональдс ».

«Хорошо», - выдыхаю я, и он ухмыляется волчьей улыбкой. Он видит мою борьбу.

'Супер. Увидимся позже, принцесса. Игриво взъерошив меня за волосы и целомудренно поцеловав меня в лоб, он вскочил и устремился в душ. Мой взгляд падает на его задницу.

«Перестань смотреть на мою задницу», - кричит он и исчезает в ванной.

Я улыбаюсь и опускаюсь в кровать. Еще десять минут. У меня есть еще десять минут.

Глава 27

'Элеонора.' Меня зовут далекий зов, пробуждающий меня ото сна. «Элеонора, проснись».

«Десять минут», - сонно бормочу я, перекатываясь на живот.

«У тебя был час, дорогая».

Я хмуро смотрю в темноту, проигрывая последнее слово. Дорогая? Мои глаза открываются, я переворачиваюсь и вижу миссис Поттс, склонившейся над моим распростертым телом. То, которое удобно расположилось в постели Беккера. Голой.

«О боже», - говорит она, ее лицо нахмурилось от разочарования.

Вот дерьмо.

Ее суровый взгляд похож на туманный рог, который приставили к моему уху и злобно взорвали, чтобы разбудить меня. Я не выберусь из этого. «Доброе утро», - неловко хриплю я, собирая одеяло до подбородка, чтобы скрыть как можно больше меня.

«О боже, - повторяет она . «О, дорогая, дорогая моя».

Я не хочу показаться непочтительным, но с меня уже достаточно «о, боже мой, я вздыхаю и закатываю глаза». «Извините, что ввела вас в заблуждение, миссис Поттс», - бормочу я, наблюдая, как она ставит поднос на шкаф рядом с кроватью. С таким же успехом я могу избавиться от неизбежных отговорок.

- Ты имеешь в виду фальшь, дорогая. Она кладет руки на пухлые бедра.

Я съеживаюсь под простынями, желая, чтобы они чудесным образом превратились в невидимое одеяло и помогли мне избежать ее неодобрения. «И это», - уступаю я, замечаю на подносе яркий фруктовый салат и кружку кофе. Мой рот начинает слезиться.

« Беккер послал меня разбудить тебя». Она отряхивает руки и передает мне кофе.

'Он сделал это?' Я сажусь и стратегически засовываю простыни под мышки, чтобы прикрыть свое достоинство, прежде чем принять кружку. Он сказал ей?

'Да.' Ее двойной подбородок ударяется о грудь, и она смотрит на меня, пряча губы. Ее фиолетовые волосы светятся, и я прищуриваюсь. Сегодня особенно ярко, что говорит о недавнем походе в салон . 'Сказал, что вы могли случайно упасть в его кровать. Когда он упомянул об этом, у него была улыбка на этом красивом лице ».

Я пылаю красным, глядя в сторону. «Хорошо», - пискнула я, поднося кофе ко рту, чтобы заняться чем-нибудь, кроме как сидеть как идиотка, ожидая большего осуждения. Я могу представить эту ухмылку. Я также прыгаю по поводу того факта, что миссис Поттс, по крайней мере, разговаривает с Беккером после вчерашней разборки. А что насчет мистера Х? Он сейчас разговаривает с Беккером ? Или, что еще более тревожно, знает ли он, где меня можно найти сегодня утром?

«Сожалею, я слышала твои ужасные новости».

Ужасные новости? Какие ужасные новости? У меня нет возможности попросить ее рассказать об этом подробнее. Она, должно быть, поймала меня, тупо уставившегося в кружку с кофе.

«О взломе твоей квартиры, дорогая».

«Ой, - говорю я. 'Да, конечно. Беккер вызвал полицию. Ничего не забрали, даже мой ноутбук. Думаю, мы их побеспокоили.

"Мир, в котором мы живем"- размышляет она, тревога и неподдельная печаль подкрадываются к ее старому лицу. «Как заботливо Беккер пожертвовал своей кроватью ради тебя». Она смотрит на мою статичную фигуру с понимающим взглядом на старом лице. - И оставил тебя нагой.

Я хочу нырнуть в свой кофе и утонуть. «Хм», - напеваю я, потому что мне нечего сказать, и она бы не захотела этого слышать, если бы я сказал. Игра окончена.

«Примерно вчера», - начинает она. «Я уверена, что вы цените осторожность».

«Я понимаю», - без колебаний говорю я, слегка улыбаясь. Я не буду упоминать NDA.

«Должна признаться, я удивлена, что он охотно показал вам эту сторону себя».

Она имеет в виду его уязвимость. Его больно. «Я тоже», - согласилась я. Может я другая. Я знаю, что она также имеет в виду тот факт, что Беккер поставил меня в центр семейной истории Хантов. Он не просто раскрыл себя, он раскрыл свои секреты.

Она вздыхает и поворачивается, чтобы уйти, в то время как я погружаюсь в сон наяву, наконец уделяя своей другой ситуации то внимание, которого она заслуживает. Сегодня утром мне нужно найти время, чтобы проверить свою квартиру. И забрать мой новый телефон. - Миссис Поттс, - зову я, ставя кружку на поднос. Мне нужно убедиться, что она с ней в порядке. Я пойду к ней, стану храброй девушкой, и посмотрю на нее так, чтобы она увидела мою искренность. . . если бы я не был голый под простынями Беккера.

Она останавливается у двери, но не оборачивается. «В этом нет необходимости, дорогая», - говорит она мне, на самом деле не давая мне ничего, но давая мне все этими тремя короткими словами. 'Только . . . быть осторожна.' Еще три, за исключением того, что они переполнены искренним беспокойством. «Твоя сумка в ванной, дорогой». Она оставляет меня одну.

Быть осторожна. Со Святым Мальчиком Беккером Хантлом легче сказать, чем сделать .

Я падаю на спину и пытаюсь сформировать хоть какое-то чувство из взлома. Но я борюсь. Меня снова нарушили.

Я чувствую, как спускаюсь по каменным ступеням, но не могу найти выключатель, который мог бы мне помочь. Что там с темными коридорами и переулками? Я беру свою жизнь в свои руки, просто ношу здесь каблуки. И сегодня они особенно высоки. Мои купированные брюки обезжиривают мои лодыжки и супер-пушистый крем прыгун свитер держит мое тело в тепле.

Когда я дохожу до низа, я иду в библиотеку, чтобы взять файл McDonald. И снова мой взгляд обращен на секретное отделение, где я знаю, что эта карта спрятана, но теперь я знаю ее значение. Я смотрю на секцию книжного шкафа, гадая, где могла быть пропавшая часть. Беккер сказал, что он близок. Я закусываю губу, когда из ниоткуда возникает волна возбуждения. Карта сокровищ. Охотник за сокровищами. Я удивленно качаю головой и отталкиваюсь от книжного шкафа с потайным отделением, хватаю папку Макдональда и направляюсь к двери. Меня останавливают, когда я слышу телефонный звонок, и беглый осмотр комнаты показывает, что это мобильный Беккера на диване. Я тороплюсь отвечать, видя, что меня приветствует имя Паулы. «Привет, Паула. Это Элеонора. Беккер, должно быть, оставил свой телефон в библиотеке.

- Элеонора, как дела?

'У меня все в порядке, спасибо. Чем я могу вам помочь?

«О нет, в этом нет ничего важного. Я слышал, что Беккер ввязался в некую войну с Брентом Уилсоном. Просто интересно, как раненый солдат после поражения.

«О, голова фавна». Я смеюсь. «Новости распространяются быстро. Он это хорошо воспринял. Уехал из Countryscape с улыбкой на лице. Дерьмо. Я немедленно ругаю себя. Я не должен был этого говорить. - Я имею в виду, я думаю, это было вынуждено, но...

- Он взял тебя с собой?

Я хмурюсь. 'Да.' Несколько мгновений воцарилась тишина, и после того, как Паула ни с чем не вернулась, я чувствую себя обязанным спросить ее о чем-то, хотя бы для того, чтобы убить болезненную тишину. - Вы занимаетесь искусством? - небрежно спрашиваю.

«Нет», - холодно отвечает она. «Я просто энтузиаст итальянского Возрождения. Вот и все. Может, Беккер позвонит мне ?

'Конечно.'

Она вешает трубку, и я смотрю на телефон Беккера. Что ж, это было странно, но я не трачу много времени на анализ разговора. У меня есть работа.

Когда я выхожу из библиотеки, я иду прямо на кухню. Мне нужно еще кофе.

- Привет, мальчик, - говорю я, замечаю Уинстона в его собачьей постели в углу. Он вскочил, как молния, и взволнованно устремился ко мне. Я смеюсь и приседаю, открывая руки к нему. Но он резко останавливается в футах от меня. Он может быть собакой, но я ясно вижу, что он смотрит на меня подозрительно. «Давай, мальчик», - подбадриваю я его смехом, похлопывая себя по бедрам.

Он вытягивает шею вперед, не отрывая лап, вытягивая шею, чтобы дотянуться до меня. Я могу только наблюдать, сбитый с толку его внезапным холодным подходом ко мне. Он меня обнюхивает. Потом фыркает. Он чертовски фыркает, орошая мою протянутую руку липкой собачьей слюной. «Фуу». Я стряхиваю ее, и Уинстон включает свои медвежьи лапы, сует задницу мне в лицо и уносится прочь, надменно покачиваясь всем задом.

Хриплый смех наполняет воздух, и я поднимаю глаза и вижу, что мистер Х. за столом ест яйца-пашот. 'Ой.' Он посмеивается, вздрагивая. «О, это меня пощекотало».

Я позволила старику воспользоваться моментом и прошла через кухню, чтобы вымыть руки. «Я не знаю, что на него нашло», - бормочу я, выдавливая немного мыла себе на ладонь.

«Он что-то чувствует на тебе», - сообщает мне старик, поправляя тонкие губы, когда я вопросительно смотрю на него. «Или кто-то».

Баккер.

Я не могу лгать, и теперь я точно знаю, что миссис Поттс поделилась с мистером Х. тем, что она нашла сегодня утром в постели Беккера. «Нет, милый, пожалуйста, - умоляю я, ополаскивая руки. Я даже не могу найти в себе силы покраснеть. Это то, что есть, и это именно то, что предсказывали миссис Поттс и мистер Х. Я смотрю на Уинстона, который теперь снова устраивается в своей корзине. Я принял душ. Конечно, он не чувствует на мне запаха Беккера.

«Я ничего не говорю». Дед Беккера наблюдает, как я споласкиваю руки, и подносит яйцо к его губам, словно набивает себе рот, чтобы заговорить невозможно. Может, он не может доверять себе, потому что я бы отдал свою жизнь на то, чтобы он мог сказать гораздо больше.

Я беру кухонное полотенце и прислоняюсь задницей к столешнице, пока вытираю руки, вздрагивая, когда моя нежная кожа ложится на твердую поверхность. Затем я вспоминаю

клятву, которую дала себе вчера. «Я собираюсь пригласить тебя на обед», - объявляю я, подходя к нему и садясь напротив него.

Он перестает жевать и смотрит на меня так, будто я спросила секрет вечной молодости. 'Простите?'

«Мы с тобой», - говорю я, кладя кухонное полотенце и протягивая мистеру Х. салфетку, когда замечаю немного яичного желтка в уголке его рта. 'Вместе. Где угодно.'

Он осторожно берет салфетку и вытирает рот, с сомнением глядя на меня. Я улыбаюсь ему в ответ, забавляясь его настороженностью. "Для чего?"

'Только . . . потому что.'

'Потому что что?'

'Потому что я хочу.'

- Неужели ты собираешься поговорить о моем тупом внуке-индивидуалисте? Потому что, если так, я не уверен, что это хорошая идея ». Он возвращает свое внимание к своей тарелке и разрезает еще одно яйцо, качая головой в подтверждение своего увольнения.

Я отступаю в кресле от имени Беккера, потому что уверен, что если бы он был здесь, это бы его ужалило. Очевидно, они еще не очистили воздух. Кажется, мистер Х не может даже думать о своем внуке, не глядя, как будто он сосет лимон. Он хорошо и искренне обижен. Но, может, я смогу это исправить. Я открываю рот, чтобы что-то сказать, но он прерывает мою предполагаемую речь по исправлению ошибок.

- И он только усугубил ситуацию, наложив на вас свои чары. Я думал, ты умнее этого, Элеонора. В отличие от остальных безмозглых пирожков. Мистер Х. раздраженно фыркает, и я снова ухожу. Он называет меня безмозглым пирогом ? Ой. - Кстати, сожалею о вашей квартире. Он машет вилкой в воздухе, не отрывая внимания от яиц. Я держу рот на замке. Я имею дело с двумя людьми, которые настроены против Беккера. После прошлой ночи лицом к лицу я знаю, что утренние откровения, что я в постели Беккера, только усилили горечь. Но он прав. Я под чарами Беккера . Я - смесь сбитого с толку и взволнованного этим. И я также очень немошна. Но бороться с тем, что кажется таким невероятно правильным, чертовски сложно, даже если вы знаете, что это неправильно. Я должен немного расслабиться. Это мощное заклинание. «Мужчина думает своим пенисом», - рывкает мистер Х.

Я удивленно кашляю, не то чтобы это заметили. Затем я наклоняюсь через стол, чтобы заверить его, что знаю, что делаю, даже если понятия не имею. Я просто хочу попытаться облегчить его беспокойство, но мне остается только открыть рот, прежде чем он снова говорит.

- Позвольте мне кое-что уточнить, Элеонора.

Я снова сижу настороженно, и он вздыхает.

«Моя Мэгс, это бабушка Беккера, заболела, когда я искал этот чертов пропавший кусок карты. Рак. Прошли недели, но она мне не сказала. Она оставила меня скитаться по свету, а сама страдала дома ». Он печально качает головой, глядя вдаль. Мое сердце разбивается из-за него. «Я вернулся домой и нашел половину женщины, которую оставил. Прошло всего несколько недель. Это было агрессивно. Он разорил мою красивую девушку. Его голос срывается. Я должна проглотить ком в горле, думая об отце. Так же, как жена мистера Х., мой отец скрыл от нас свои страдания, пока не стало слишком поздно.

'Мне так жаль.'

«Мне тоже», - бормочет он. «Мне жаль, что я убедил ее, что мои поиски этой благословенной карты и скульптуры важнее, чем она».

«Я уверен, что она так не думала», - предлагаю я, что угодно, лишь бы облегчить ужасающее чувство вины, с которым он явно живет.

Он заставляет смеяться. «Спасибо за сострадание, каким бы потраченным оно ни было. Я никогда не прощу себе, что потратил драгоценное время на поиски этой чертовой карты. Позвольте мне сказать вам вот что, Элеонора. Беккер не позволит себе привязываться ни к кому».

- Он не хочет, чтобы его сдерживали?

'Или разбить ему сердце. У него нет сентиментальности, когда дело касается жизни и дыхания, Элеонора. Не позволял себе этого с тех пор, как потерял так много важных для него людей. Черт возьми, он почти не проявляет ко мне привязанности. Он одержим поисками этой скульптуры и не будет привязываться ни к чему, что помешает его поискам». Я сдуваюсь и знаю, что он это видит. Любовь - это неудобство, в котором Беккер не нуждается и не хочет. Это только добавит риску вины к его миссии, вины, с которой живет его дедушка. Если Беккер сам по себе, ему не нужно беспокоиться о потребностях и желаниях другого человека. «Итак, дорогая девочка, этот спор между тобой и моим внуком может закончиться только плохо. Он одинокий рейнджер, дорогая. Было бы глупо думать, что вы можете это изменить».

«Спасибо за совет», - уныло шепчу я, у меня крутит живот.

«Я люблю своего мальчика Беккера всем сердцем, но когда дело касается женщин, мужчина - придурок. Он эмоционально неспособен. Ты мне нравишься, Элеонора. Мне не хотелось бы видеть, как ты превратился в отчаянный кекс, отварного кролика. Не думайте, что вы можете заставить его так же сильно относиться к вам, как и к своему сокровищу».

Господи, пожалуйста, перестань. «Я так не думаю». Я опускаю взгляд на стол. Я осознаю, что моему тону не хватает плавучести. Я также знаю, что внук этого дорогого старика уже отправил меня куда-то, почти в безумие. Он должен знать. Я все еще здесь, все глубже погружаюсь в его мир. Но я не могу остановиться. У меня сильная схватка с Беккером. Не то чтобы я с ним боролась.

Я отчаянно ищу в своем извращенном уме, что сказать, что-нибудь, что могло бы успокоить старика, но дверь кухни открывается, и мы оба отвлекаемся на то, кто входит.

Сам вундеркинд.

Взгляд Беккера метается между мной и его дедушкой. Мистер Х не надолго благословляет своего внука своим вниманием, приняв меня и возвращаясь к своему завтраку, в то время как я, несмотря на душераздирающий разговор, который у меня только что был, не могу не впасть в жалкий сон наяву, когда мои локти касаются стола и мой подбородок опирается на них. Он выглядит буйно, я бы обычно не использовал это слово, но в поношенных джинсах и черной футболке, которая облегает все нужные места - а есть много правильных мест - у Беккера. Выглядит как обычно, но по-другому. И вместо обычных туфель на нем ботинки. Крепкие коричневые кожаные ботинки, и его джинсы случайно зацепились за голенища. Не предназначено, что делает его неопрятный наряд еще более сексуальным. Не заставляйте меня начинать про очков. Или щетину. Черт, я в глубоком и сложном дерьме.

- Дед, - официально приветствует Беккер с прямым лицом и сжатыми губами.

«Беккер», - отвечает мистер Х. совершенно вежливо, но как можно более раздражительно.

О, Боже. Я хочу спрятаться под столом. «Доброе утро», - пою

я, зарабатывая недоверчивые взгляды обоих мужчин в комнате.

Беккер раздраженно вздыхает. Это наполняет меня надеждой, но это разбито когда он подходит ко мне и берет папку и телефон, прежде чем уйти. «В моем офисе, принцесса». Дверь хлопает, и я подпрыгиваю, и морщинистый лоб мистера Х.

«Принцесса?» - спрашивает он.

Мои щеки горят. «Я ненавижу когда он называть меня так».

Мистер Х выглядит серьезным. И очень недоволен. - Тебя вызвали, принцесса.

- Итак, обед? - спрашиваю я, игнорируя его очевидное презрение и двигаясь вперед.

Подозрительные глаза устремлены. Меня это беспокоит, но я не боюсь их пристального внимания в надежде на его признание. Я хочу поговорить с мистером Х., чтобы побудить его помириться с внуком, поскольку Беккер - упрямый придурок. Проблема в том, что Беккер получает от кого-то такое упрямство, и я совершенно уверено, смотрю на него.

«Продолжайте, мистер Х., позвольте мне вас вывезти».

«Я так не думаю, Элеонора, но спасибо за предложение».

Я подозреваю, что он избегает этого не только потому, что думает, что я выберу его мозг из-за Беккере, но и потому, что он чувствует, что я предлагаю из сочувствия. Он чувствует себя обузой. Тот факт, что я хотел бы услышать его рассказы о давно минувших временах, когда он путешествовал по миру, не понравится мистеру Х. Я подозреваю, что воспоминания возвращают сожаление и душевную боль.

Дверь снова распахивается, и появляется Беккер, нетерпение вырывается из каждой поры его лица, делая его юную, мальчишескую красоту грубой и вымученной. Он смотрит на меня выжидающе и указывает на коридор. 'Работа.'

«Я иду», - говорю я. - Увидимся позже, мистер Х. Надеюсь, он не думает, что это конец. Я вытащу его на обед, даже если это меня убьет. Я бы с удовольствием ковырял его мозг, но не про внука. Я не закончила университет, но история все еще моя страсть, и я уверена, что Мистер Х будет отличным учителем.

Беккер недовольно смотрит на меня, когда я встаю со стула. «Это не социальный клуб», - бормочет он.

Я игнорирую его, потому что я на работе, и мне нужно добиться этого равномерного баланса, что означает, что иногда его мерзкое отношение соскальзывает с моей спины, как масло. Прямо сейчас я даю ему преимущество в сомнениях из-за семейной вражды.

Мистер Х, однако, кусается. «К тому же это не магазин, - бормочет он себе под нос, но достаточно громко, чтобы его услышал внук.

Я вздрагиваю, но не потому, что его дедушка меня оскорбил. Он просто напомнил мне о многочисленных женщинах, которые могли прийти до меня. Может быть? Я не знаю, кого я пытаюсь обмануть. Определенно это, безусловно, правильное слово.

Как мне не смотреть на это? Как мне не заметить неуважения со стороны миссис Поттс и мистера Х.? Я думала, ты умнее этого, Элеонора. В отличие от остальных безмозглых пирожков. Да, я тоже так думала, мистер Х. Но я могу надеяться. Это все, что у меня есть, но в какой момент я признаю поражение? Мне нужно будет признать поражение? Могу я изменить его, доказать, что все они неправы? Надеюсь. Я знаю, что борюсь здесь, но, конечно, я могу цепляться за его слова прошлой ночью, когда он умолял меня поверить в него.

Я хочу поговорить с тобой, понаблюдать за тобой, разделить с тобой мою любовь к моему сокровищу. Надеюсь, ты видите мою решимость доказать тебе, что я лучше, чем ты думаешь.

Я должна попробовать. Он умолял меня попробовать.

Я чувствую, как дурные флюиды передаются между дедом и внуком, я не смею пискнуть ни слова из страха опрокинуть кого-нибудь из них. Беккер выглядит немного растерянным, его рот постоянно открывается, как золотая рыбка, явно не понимая, что сказать. Не могу не пожалеть его. «Работай», - наконец рявкает он, обращая на меня свои обиды. Я отпущу его, только на этот раз. Я не подписывал ничего, что давало ему право использовать меня в качестве своей словесной боксерской груши.

Я прохожу мимо него, пытаюсь понять, насколько он зол на самом деле. Это занимает наносекунду. Он в ярости. Яброжу по коридору, чувствуя себя уязвимой, когда он идет за мной. Я разрываюсь. Я знаю, что это не мое дело, но что я действительно хочу сделать, так

это сказать ему, чтобы он бросил это и помирился со своим дедом, но как раз когда я думаю, что могу осмелиться затронуть эту тему, Беккер протягивает руку к моей затылок и наматывает на кулак мои волосы. Это самая сексуальная угроза на свете. «Я думаю, нам очень скоро нужно повторить прошлую ночь», - шепчет он мне на ухо.

Мои мысли разбегаются, в голове остается только одна.

Бля, да.

Но я этого не говорю. Вместо этого я собираюсь с мыслями и убираю его руку с шеи. «Работай», - говорю я как можно стабильнее, что совсем не стабильно.

Этот баланс может быть непростым.

Я вошла в его кабинет, дрожа в ногах, и резко остановилась, когда замечаю Брента, терпеливо сидящего за столом Беккера. Моя дрожь достигает новых высот, и я отступаю, паника разгорается. Какого хрена? Я снова отхожу к Беккеру, и он подталкивает меня в комнату. Я вздрагиваю, когда за мной хлопает дверь. Ублюдок. Я чувствую, что у меня на груди большой толстый знак: «Беккер надул твою задницу».

Черт возьми, он это уже знает? Поэтому он здесь?

'Элеонора.' Бодрое приветствие и широкая улыбка Брента говорят мне «нет», но это не мешает мне переступить с ноги на ногу, как будто мои ноги в огне.

'Здравствуй.' Мой голос высокий и болезненный. Не могу поверить, что Беккер поступает со мной так. 'Чай?' Мой инстинкт срабатывает и замышляет побег. Теперь я знаю историю соперничества, мне еще больше неуютно в их совместном присутствии.

'Нет, спасибо. Беккер рассказал мне о вашей квартире. Он встает и подходит ко мне, с отвращением покачивая головой. «Как ужасно для тебя».

«Она останется здесь на время», - говорит Беккер, кладя руку мне на плечо. «Я должен обеспечить безопасность своих сотрудников».

«Конечно», - соглашается Brent.

Я чувствую, как пальцы Беккера сгибаются на моем плече, как будто он готовится схватить сильнее, если понадобится. Надеюсь, этого не должно быть. Его хватка уже довольно крепкая. И ему следует очень вольно использовать термин «персонал». Я не уверен, как теперь называть меня. Домашний секс? Или внутренний мозг? Последнее точно. Особенно после вчерашней ночи. И слова его деда безжалостно крутятся в моей голове. Они все еще жалят.

Не сдавайся, принцесса.

Brent смотрит на руку Беккера на моем плече с легкой улыбкой на лице. «Мы живем в дьявольском мире, когда одинокая женщина не может даже оставаться дома и чувствовать себя в безопасности».

Одинокая. Это одно слово явно было подчеркнуто. Зачем он здесь? Злорадствовать по поводу своего приобретения? Тыкать носом Беккера? Что за трата времени.

Пальцы Беккера сгибаются, и я с шипением втягиваю боль, выпрыгивая из его хватки. Он притягательный. Разметка его территории. И какого черта Brent вообще здесь?

Я пытаюсь призвать свою дерзость и огонь в животе, но когда они мне нужны больше всего, они покинули меня, и нервы взяли верх. Комбинация суровой проверки реальности мистера X. и неприятной истории между Уилсонами и Хантами, о которой я теперь знаю, заставляет меня нервничать. Что мне сказать? Что я делаю?

«Поздравляю». Я поражаюсь своей восторженной грацией. Я понятия не имею, откуда это взялось, и, конечно, не знаю, стоит ли мне упоминать выигравшую заявку Brentа и

последующее приобретение фальшивого сокровища. И когда он смущенно смотрит на меня хмурым взглядом, я понимаю, что моя односложная вспышка была не очень конкретной. - Голова фавна, - говорю я более спокойно, напрягаясь, жалея, что не держала рот на замке. Это Беккер виноват. Я говорю ради этого и говорю о вещах, о которых мне действительно не следует говорить.

«А». Brent смеется, самодовольно глядя на Беккера. Моему боссу это не повредит. У него есть преимущество. Он на пункт впереди, даже если Brent Уилсон этого не знает. «Да, вполне. К сожалению, мое празднование было прервано, когда я нашел царапину на капоте своего Bentley».

Я загорелся. Буквально. Каждый след кожи на моем теле соответствует моим волосам в течение секунды. «О нет, - хлюпаю я, слыша мысленный смех Беккера, вой, катающийся по полу. Я, однако, хочу нырнуть в окно. «Это шокирует», - восклицаю я, думая, что мне нужно заткнуться прямо сейчас. «Ужасно». Но я этого не делаю. «Это пародия. Дьявольский. Я качаю головой и продолжаю. «И такая красивая машина». Я превращаю свое лицо в нечто близкое к отвращению. «Я не знаю, куда катится мир». Я подсакиваю вперед в результате резкого толчка в спине, любезно предоставленного Беккером, и начинаю нервно смеяться, изо всех сил стараясь смягчить свое спотыкание, изменяя положение, небрежно перенося свой вес на правое бедро. Он говорит мне подстегнуть его. Конечно, нет. «Кто будет делать такую бессмысленную вещь?» Просто сделай мне смертельную инъекцию и покончим с этим.

«Я подумал о том же». Недоверчивые глаза Brentа наблюдают за мной, ожидая, что я перейду к делу и разобьюсь. Я чувствую, что практически уже это сделал.

«Вандалы», - выдыхает Беккер, засунув руки в карманы и вздыхая. «Этого достаточно, чтобы ты захотел убить».

«В самом деле», - тихо говорит Brent, встречаясь взглядом с Беккером. Боже правый, в этой комнате сильна неприязнь. Достаточно, чтобы ты захотел убить? Иисус. 'Элеонора.' Brent возвращается ко мне. «Насчет того ланча».

Что?

Мои глаза кружатся, и изо рта уходит вся слюна. Что, черт возьми? Я наклоняю голову, и мне не хватает слов, когда Brent смотрит на свои часы.

«У меня есть пара свободных часов, прежде чем я вернусь через город в Стейтон». В чем его игра? Он должен знать, что мы с Беккером. . . участвует? Если нет, то он совсем тупой, а если и нет, то это явно не имеет значения. Я не уверен, что меня больше всего раздражает, и та дерзость и огонь, которых я искала, внезапно находит меня. Но Беккер говорит, прежде чем я успеваю его раскрыть.

«Мне очень жаль», - говорит Беккер небрежно и невозмутимо. «В контрактах с сотрудниками Hunt Corporation указано, что запрещается общения между клиентом и сотрудником».

«Я не клиент», - парирует Brent, и на его лице мерцает хитрая улыбка.

Зубы Беккера сжимаются, он фактически рычит, но не сопротивляется, потому что не может. Brent на самом деле не клиент. Он враг .

Я смотрю туда-сюда между двумя мужчинами, мой гнев растет. С таким же успехом они могут иметь по одной моей руке и играть со мной в перетягивание каната. Мальчики!

«Спасибо за предложение, Brent», - ласково улыбаясь, я получаю резкий тычок в спину благодаря любезности моего босса. Я игнорирую это и выхожу из его

достижимости. Он такой собственнический, и я не получаю от этого особого удовольствия. Во что, черт возьми, я ввязалась? Когда что-то трется о материал моих брюк, заставляя меня вздрагивать. Беккер . Я связана с Беккером Хантом, его грязным сексом и его грязными деловыми отношениями.

Он оцетинился рядом со мной, как медведь с разбитой головой, и Бренту это нравится каждую секунду. Он действительно думает, что я хочу с ним встречаться ? Укол. Но в то же время я злюсь на Беккера за то, что он поставил меня в такую ситуацию.

«Но это нет». Я поворачиваюсь и ухожу, слыша хихиканье Беккера. О, он нажимает на мои кнопки. Я останавливаюсь и поворачиваюсь. - Во всяком случае, не сегодня. Может быть завтра?' Я поднимаю брови, и Брент победно улыбается. Беккер, однако, выглядит так, будто его голова может оторваться от шока. Возьми, Хант. Двое могут играть в вашу игру.

«Завтра», - говорит Брент с широкой улыбкой, которую так и просит пощечины.

Я стискиваю зубы. «Сказочно». Я захлопываю за собой дверь и иду на кухню. Мистера Х больше нет, и я игнорирую чувство вины за то, что я благодарна, что я один. Мне нужно взять себя в руки.

Я пять минут бродил по кухне, пытаюсь остыть, одновременно играя с бессмысленной бессвязной болтовней о машине Брента, беспокоясь о том, не посеял ли я семена подозрений в его голове. Может быть, я знаю, что касается его машины, но я не мог дать ему никаких оснований полагать, что скульптура - подделка.

Я стягиваю джемпер с груди, вся в потная. Черт возьми, я чувствую, что впадаю в обморочное состояние . Мне не сказали, что обман будет частью моей работы. Или сила воли противостоять моему боссу. Я гад в обоих случаях.

Уинстон смотрит на меня, его собачий мозг, наверное, гадает, что на меня нашло. Вчера, я уверена, он пришел бы меня утешить, но сегодня он просто сонно наблюдает за мной из своей корзины. Он даже немного высунул нос, пытаюсь уловить меня, не вылезая из постели, чтобы узнать, сплю ли я с врагом . «Я все еще чувствую его запах», - рявкаю я.

'С кем ты разговариваешь?'

Я оборачиваюсь и вижу, что Беккер смотрит на меня с легким беспокойством.

Я говорю себе, идя упорно вокруг большой кухни, потянув за мою одежду , чтобы попытаться облегчить клаустрофобию чувства и гнев. «У тебя хватило смелости, Хант», - кричу я, и он смеется, но это на 100 процентов саркастично.

«И ты тоже». Его лицо быстро застыло, все веселье ушло.

"Почему он был здесь?"

- Очевидно, чтобы пригласить тебя на свидание.

- А ты егопустили?

«Да», - просто отвечает он, поражая меня еще больше. «Я не мог устоять перед тем, как ты ему отказала». Его лицо опасно скручивается.

Хорошо. Его план провалился. В любом случае, что он пытался доказать? «Ну, извини, что ты разочарован».

«Я не разочарован, потому что ты не поедешь. Я знаю, что ты только пытаешься меня задеть, но это не сработает. У тебя есть это ». Он указывает вниз на свою переднюю часть, указывая на совершенство всего этого. - Зачем тебе что-нибудь еще?

Надменный ублюдок. И я не получаю от него подъем? Конечно. 'Прошу прощения. Мне нужно позвонить кому-нибудь, чтобы уточнить дату ». Я пытаюсь двинуться с места и меня перехватывают, прежде чем мои ноги оторвутся от земли.

«Ух ты». Он смеется, но в этом есть нервозность. Это наполняет меня всевозможным самодовольным удовлетворением. «Не будь злобной».

'Я не.' Я двигаюсь влево, чертовски хорошо зная, что он сделает то же самое. Он всегда так делает. Как будто он подключен к моему мозгу, знает каждое движение, которое я собираюсь сделать. Это нехорошо. Я поднимаю взгляд и смотрю на него мятежным взглядом. «Ты на моем пути».

Волосы Беккера встают дыбом, его ботинки приближают его ко мне. 'А также?'

Его раздражение вызывает у меня улыбку. 'Ты в порядке?' - спрашиваю я, наблюдая, как он раздраженно пузырится.

'Как никогда лучше.'

'Ты уверен?'

'Да, конечно.' Он равнодушно машет рукой в воздухе, но не может избавить свое лицо от напряженного хмурого взгляда.

«Тогда это хорошо».

«Ты не пойдешь с ним на обед!»

Я захихикал. - Я не получаю от тебя никакого удовольствия?

«Ты, блядь, бесишь меня».

«Вступай в клуб, босс», - тыкая ему в плечо. «Я лучше пойду в гробницу с миллионом крыс, чем пойду на свидание с Brentom Уилсоном, но ты никогда больше не поставишь меня в такую ситуацию».

Он сразу же успокаивается. «Извини», - более или менее ворчит он.

- И я имею в виду не только собственническую чушь. Тебе не следовало бросать меня ко львам. Я едва не рассказала про машину или скульптуру. Я не была готова»

Беккер снисходительно закатывает глаза и подходит к холодильнику. Я знаю, что он делает. Он открывает дверь и быстро закрывает ее, глядя на меня с яблоком, приставленным ко рту. «Уилсон знает, кто поцарапал его машину». Он откусывает большой кусок, делая долгую затяжную интрижку поедания. Мой живот сжимается. Нервы у меня покалывают. Я просто не могу их остановить, и у меня нет никаких иллюзий, что каждый мускул в моем теле, укрепляющийся, будет сдерживать их. Беккер улавливает мою внезапную жесткость, его мерцающие глаза опускаются на мою промежность. Я яростно борюсь, чтобы игнорировать его. «Ты прекрасно справилась», - говорит он с тайной улыбкой.

Он слышал мою бессвязную болтовню? «Мне нужно продолжить».

Он заканчивает жевать и глотает, направляясь к двери. «Да, ты действительно собираешься поработать сегодня?»

Я хмуро смотрю ему в спину, идя за ним в кабинет и сажусь напротив его стола. - Вы что-нибудь слышали от полиции?

Он колеблется, опускаясь на стул. «Нет».

Я сдуваю. Нет ничего лучше, чем немного срочности. «Что ж, полагаю, я должен быть благодарен, что не было хуже».

Беккер снимает очки и начинает чистить линзы низом футболки. «Я устроил слесаря для дополнительной безопасности».

- Ой, - бормочу я. Это очень хорошо с его стороны. 'Как что?'

- Для начала, лучше запирать окна. Он бросает на меня обвиняющий взгляд, будто это моя вина, что оконные замки не в целости и сохранности. Заменяя очки, он берет ручку и начинает делать несколько заметок в блокноте. «А теперь давайте продолжим этот список»

дел, - говорит он по-деловому, вставая и подходя к копии часов Шеперд-Гейт, глядя на стрелки. «Мне нужен файл Cashwell, чтобы я мог просмотреть его перед встречей на следующей неделе».

Я скрещиваю одну ногу с другой и, не имея мобильного телефона для заметок, беру блокнот и кладу его себе на колено, начиная писать.

- Приготовьте констебля в смотровой в два пятнадцать в четверг. Лорд Демонтфорд этого хочет. Он тянется к циферблату и проводит пальцем по толстой черной оправе. «Это требует очистки. Принимать меры!»

Моя рука работает быстро, записывая его инструкции. «Ой», - говорю я, и мне что-то приходит в голову. - Звонила Паула.

'Она звонила?'

- Да, спросил, как у вас дела в Countryscape. Она казалась удивленной, когда я сказал ей, что я пошел с тобой ».

'Держу пари.' Он смеется себе под нос. «Ей это понравится».

'Зачем?'

«Шаги, а не прыжки», - говорит он себе, куда-то плывя.

'Что?'

«Я отказался брать ее. Она увлеченный историк. Любит все итальянское и старое ».

'Кто она?'

«Мой терапевт».

Я застываю в кресле. - Твой терапевт? Я в шоке по двум причинам. Во-первых, я несколько раз невольно разговаривал с ней по телефону, и в один из таких случаев Беккер попросил меня ответить на звонок. Он фактически завязал этот разговор. Какая была цель? Чтобы она могла попытаться понять меня? Проведите ее исследование? Я снова чувствую себя оскорбленным, и опять же не очень хорошо. Вторая причина, по которой я сижу здесь в тишине, заключается в том, что Беккер сам только что сказал мне, что он на терапии, и я не знаю, как реагировать. Да, я знал, но он этого не знает. «Для чего ты проходишь терапию?»

На меня направлен усталый взгляд. «Правда, принцесса?»

«Ну, не знаю, что еще сказать, - раздраженно восклицаю я.

«Мы ничего не говорим. Вот почему я лечусь. Чтобы поговорить. Он закатывает глаза. - В любом случае, чертова трата времени.

Ой? Так вот почему он на днях позвонил ей в службу экстренной помощи? Я не могу не задаться вопросом, что я могу сказать Пауле в следующий раз, когда я отвечу на ее звонок. Спросите ее, какой приговор вынесен Беккеру и мне? У нее есть мнение? Я про себя смеюсь. Конечно, есть. Но вряд ли она мне расскажет. Боже, как бы я стал мухой на стене во время одной из их сессий.

'Ой.' Беккер поворачивается ко мне лицом, и я быстро стираю все следы кружения моего любопытного ума. «Позвоните в Сотбис. Ходят слухи, что на рынок поступят несколько произведений Пикассо ».

«Конечно, я сделаю. . . ' Я угасаю . 'Дерьмо.'

'Что?'

«Мой новый телефон будет доставлен сегодня, а меня там нет».

Подойдя к своему столу, Беккер открывает ящик . «Хант спасает положение». Он скользит iPhone по столу . «Я запрограммировал твою новую SIM-карту с твоими данными,

потому у вас все еще есть тот же номер и все ваши контакты с момента последнего резервного копирования телефона».

Я смотрю на него несколько секунд, немного опешив. - Ты заменил мой телефон?

'Да.' Его ответ быстрый и снисходительный, но я все еще не знаю получаю извинений за то, что он разбил мой старый на куски. «Все готово к работе».

'Как?' - спрашиваю я, глядя на него. «Тебе понадобится мой пароль для передачи всех данных».

«У меня свои пути».

- Перси, - выдыхаю я. «Он взломал мою учетную запись».

"Доступно".

- Он взломал, Беккер. Незаконно. Он действительно вундеркинд. Во имя любви Господа. Я вздыхаю и пролистываю. Я не звонил маме несколько дней. Мне нужно это сделать. Но, опять же, он взломал мою чертову учетную запись?

"Кто такой Дэвид?"

Мой большой палец останавливается на экране при упоминании моего бывшего парня, и я смотрю на Беккера, обнаруживая на лице встревоженное. - Ты тоже просмотрел мой телефон? - в ужасе спрашиваю я. Боже мой. Тексты? Он видит текстовые сообщения?

«Ему очень жаль».

Это ответ на мой вопрос. «Конечно, ему жаль», - плюю я. «Его поймали за брюки вокруг лодыжек с моей лучшей подругой». В тот момент, когда я вижу жалость на его лице, я сожалею об этом. Мне не нужна его жалость. Мне не нужна ничья жалость.

- Ей тоже очень жаль.

Я отшатываюсь. «Ты прочитали все мои сообщения?»

«Он очень расстроен».

'Он.'

«Он не знает, где ты?»

«Нет», - рываю я. Упоминание его имени меня возмутило. Я начинаю стучать по телефону, пытаюсь изгнать часть своей ярости, пока прохожу мимо, удаляя сообщения и контакты. Не знаю, почему не сделал этого раньше. Давно пора. Но пока я пролистываю свою телефонную книгу, я кое-что замечаю. Я недоверчиво смотрю на него. - Ты удалили номер Брента?

«И заблокировал его». Он проявляет полное безразличие. Я ошеломлена.

«Это заходит слишком далеко».

«Тебе не нужны его контактные данные» .

'Не в этом дело. Ты нарушили мою частную жизнь.'

«Я купил этот телефон, так что технически это работа. Это означает, что я как ваш работодатель имею полное право контролировать деятельность. Напомню NDA ». Его серьезное лицо на грани юмора, а мои глаза скользят по его щеке. В этом нет ничего смешного. Это слишком много контроля. - А если мы будем говорить о нарушении...

«Нет». Я поднимаю руку, прежде чем он идет по этой дороге.

'Это все?'

«Нет. Мне понадобится химчистка моего смокинга для гала-концерта в Анделезе. Договоритесь с Джайлсом в Фостерсе.»

Анделесский гала. Это одно из крупнейших ежегодных событий в мире искусства. Он всегда проводится в Countryscape и обычно демонстрирует какое-нибудь впечатляющее

произведение искусства или сокровище. Я киваю и провожу черту под своим списком. 'Поняла.'

'Хорошо.' Беккер снимает очки, потирая глаза. Он внезапно выглядит встревоженным, как будто он думает о весе тысячи слонов. Я про себя смеюсь. Присоединиться к клубу. Я открываю рот, чтобы спросить, в порядке ли он, но подхожу, когда вспоминаю, что у меня рабочее время. Баланс . Я мысленно кричу на себя и на Беккера тоже. Я не знаю, как подойти к этой ситуации; не знаю, какой он хочет, чтобы я была. Мне нужна помощь .

- Мистер Хант, - начинаю я, и он пораженно смотрит на меня. Я только что прервал некоторые глубокие мысли. Надеюсь, он беспокоится о том же, что и я. Нравится, как мы поступаем. Что произойдет дальше? Мы с ума сошли?

- Мистер Хант? он говорит. «Правда, принцесса?»

"Ну, в том-то и дело, не так ли?" Я плюхаюсь на стул , раздраженный и измученный тяжестью своих забот.

'Что такое?'

«Это», - я машу ручкой между нами, - «после вчерашнего дня, вчерашней ночи. . . Все . . . и . . . с моей работой. . . и то, что произошло ». Я сдаюсь, пытаюсь сформулировать свою проблему. Он не дурак. Он должен понять.

Беккер тоже плюхается в кресло, измученный моей бессмысленной болтовней. «Ага», - тихо говорит он, кладя ладонь на затылок и массируя. «У мне тоже в голове».

О, слава богу. Я чувствую облегчение, и воздух, струящийся с моих губ, тому подтверждение. «Нам нужно установить некоторые границы», - говорю я. Это глупая просьба. Границы с тех пор, как я здесь, всегда были размыты.

«У нас есть это». Он выглядит слишком довольным собой, когда поднимает над головой соглашение о неразглашении, прежде чем надеть очки и взглянуть на него. «Может быть, мы могли бы добавить еще несколько вещей».

Моя челюсть ударяется о блокнот на колене . 'Ты серьезно?'

Он ухмыляется документу. «Совершенно».

«Серьезно, Беккер . Нам нужно провести линии. Большие, толстые, черные, прозрачные как день ».

«Наверное, мудро», - соглашается он, кладя перед собой NDA. «Что бы вы хотели добавить к третьему пункту?» Он вооружается ручкой и выжидающе смотрит на меня. Он действительно серьезен. «Ой, - он берет перо с бумагой, - нет. . . флирт. . . с участием . . . файл. . . враг . Эффектная точка добавляется, когда он протыкает бумагу острием пера.

«Тогда перестань пускать его в Убежище». Я в основном вздыхаю через свои слова. «Итак, нам ясно, где в NDA говорится, что не должно быть никаких отношений между клиентом и сотрудником, вы имеете в виду в целом или только Брента Уилсона в частности?»

«Брент не клиент», - устало выдыхает Беккер .

'О да. Конечно. Он враг. В таком случае, - продолжаю я, прекрасно понимая, что мои следующие слова могут нажать на опасную кнопку , - вы имеете в виду отказ от флирта с какими-либо врагами или только с Брентом в частности? А если первое, то не могли бы вы подтвердить, есть ли у вас другие враги, такие же горячие, как Брент, потому что в этом случае мне, возможно, придется уйти ».

Я был неправа. Я не просто нажал кнопку, я надавила на нее. Ноздри Беккера раздуваются, черты лица становятся резкими. Он выглядит убийственно. «Даже не думай об

этом», - предупреждает он.

Вот оно снова. Собственничество. Беккер хмурится, и я усмехаюсь. Я не могу этого отрицать, я получаю от этого огромное удовольствие, тем более что я знаю, что Беккер Хант не испытывает собственности ни к чему, кроме своего сокровища. Так, правда, разве это меня уже не отличает? «Хорошо», - вздыхаю я. «Никаких шуток с врагами. А как насчет баловства с коллегами? Я спрашиваю.

- Вы хотите познакомиться с миссис Поттс?

Я поджимаю губы. - А как насчет того, чтобы скакать с моим боссом?

'Ой.' Он симулирует осознание, усмехаясь. «Это разрешено».

'Конечно, это разрешено.' Я закатываю глаза и пытаюсь вернуть нас на серьезную почву. «Нам нужны основные правила».

Он отодвигает NDA в сторону и, наклонившись, кладет руки на стол. Он наклоняет голову, чтобы я подошел ближе, поэтому я втягиваю свой стул и отражаю его. «Это просто, принцесса». Он тянется вперед и убирает прядь волос с моего лица, и я смотрим, интересно, что это так просто в этой куче сложности. «Теперь я владею тобой профессионально и лично».

'Что?' Я заикаюсь. «Ты не владеешь мной».

Намек на улыбку прорывается, и он медленно приближается, сокращая разрыв между нашими ртами, вставая со своего кресла, и упирается своими крепкими руками о стол. Он навис надо мной, и я смотрю на него, как на достойного бога, терпеливо ожидаю. Его губы нежно встречаются с моими, и я ошеломлен самым благоговейным поцелуем в истории поцелуев. Каждое горе и беспокойство бледнеют под нежным вниманием его рта. Вражда с Брентом исчезает из моей памяти, и предупреждения его бабушки исчезают. - Целовать босса, принцесса? он бормочет мне в рот, замедляя поцелуй, пока наши губы не соприкасаются. - В рабочее время? Он отстраняется и бросает на меня искренний неодобрительный взгляд, который возвращает меня к жизни. Он сидит, берет телефон и набирает кто-то. «Я владею тобой», - уверенно заявляет он.

Звонок соединяется, и я слышу знакомый голос, приветствующий его. Паула. Его терапевт. Возможно, мне скоро понадобится психотерапевт, потому что мой разум становится все хуже и хуже. Он не может быть настоящим. Но, как ни странно, он такой. Все реально.

Сузив глаза на него, я встаю со стула, беру блокнот и новый телефон, затем тихонько иду к Беккеру сидящему за столом. Я наклоняюсь и приближаюсь к нему лицом, достаточно близко, чтобы Паула могла слышать. - «Я тебе не принадлежу, Хант». Посмотрим, что думает об этом его терапевт. 'Никогда не буду.' Я ухожу с прямыми плечами, высоко поднятым подбородком и поворачиваюсь, закрывая за собой дверь. Его улыбка вернулась, а его глаза темные, с капюшонами, полные секса, они прибиты к моей заднице.

Кто кем владеет, Хант?

Глава 28

В течение следующих нескольких дней Беккер доказывает свою точку зрения. Он действительно владеет мной. Эта идея не вызывает у меня отвращения, меня больше волнует. Но он заблуждается, если думает, что полностью контролирует ситуацию.

Когда рабочий день закончен, меня уносят по каменным ступеням в небо. Я потерялась в облаках. Его улыбки, его слова, его желание насиловать меня - все это заставляет меня падать еще сильнее. Серые области еще никогда не были такими серыми. Но серый цвет еще

никогда не был таким ярким и живым. Да, он владеет мной. Но я никогда не признаюсь в этом эгоистичному придурку. Я просто буду повторять ему, что он этого не делает. И он будет продолжать улыбаться в ответ.

В четверг, после того как я проводил лорда Демонтфорда, душевного, дородного мужчину средних лет с блуждающим взглядом, в демонстрационный зал, Беккер поздоровался с ним крепким рукопожатием и молча встал, пока он хлынул и потерял сознание над великолепным констеблем, который изображает красивую английскую сельскую местность. Выражение лица этого человека, когда он смотрел на него, можно описать только как чистый экстаз. Через две секунды он попросил Беккера назвать свою цену. Я тихонько подошел к двери, чтобы предоставить ему возможность заняться делами, но Беккер бросил на меня взгляд, который сказал, что хочет, чтобы я осталась. Я так и сделала, и когда я стояла там и смотрела на него, я могла упасть глубже. Беккер Хант - сексуальный ублюдок при нормальных условиях, обстоятельствах ; когда он продает одно из своих сокровищ, он смертельно опасен. Он был спокоен, хладнокровен и собран, как и в Countryside, тогда как лорд Демонтфорд не мог сдержать своего волнения. Это дало Беккеру необходимые боеприпасы. Не было никаких встреч или обсуждений по взаимоприемлемой сумме. Беккер назвал свою цену и дал понять, что переговоров не будет. «Я позвоню в Sotheby's», - сказал он, когда Демонтфорд решил, что собирается попробовать свои силы. Конечно, этого звонка не было, и никогда не произойдет.

Я впал в тихий транс, мои глаза были не готовы покинуть Беккера , и когда он с восхищенной улыбкой провел пальцем по картине, у меня буквально перехватило дыхание. Я знаю, каково быть в центре его пристального внимания. В тот момент я завидовал картине. А потом я ушла, потому что завидовать картине - это смешно, и я достаточно вменяема, чтобы признать это.

К вечеру пятницы я разбита после долгой, непрерывной недели. Мой постоянно кружащийся ум, несомненно, способствовал моему истощению. С монументальным поворотом событий непрекращающееся беспокойство между Беккером и его дедом, полная ебля разума, связанная с моими отношениями с нечестным торговцем антиквариатом, безумное количество секса и пугающий факт, что я влюбляюсь в своего босса, я чувствую себя в ловушке, но свободна. Взволнована, но встревожена. Положительно, но неуверенно.

Я иду в библиотеку, чтобы поговорить с Люси после того, как пообещал сделать это всю неделю через текстовое сообщение. Ее бодрый голос, когда она отвечает, некоторым образом восстанавливает стабильность в моем трясущемся мире. «У меня начинается комплекс», - говорит она, когда я устраиваюсь на кушетке.

«Мне очень жаль, - вздыхаю я. «Я была так занята, и сейчас не могу отличить свою задницу от своей головы». Это ироническая фигура речи, так как моя задница болит после очередного сеанса порки прошлой ночью - я точно говорю, где она - и моя голова тоже стучит, так что я определенно знаю, где это.

«Больше ничего не говори», - приказывает она, и я слышу, как хлопает дверь, а на заднем плане - несколько потасовок. «Я только что пришла с работы. Дай мне устроиться поудобнее.

«Поздняя ночь в офисе?» - спрашиваю я, из меня вырывается сарказм. - Или поздно ночью в типографии?

«Ты веселая, Элеонора, - говорит она. - Ты уже получила известие от полиции?»

Нет. Ничего не пропало, и это не срочно. Беккер разговаривал с ними вчера. Но я звонил не поэтому».

'Ой? Интересно. Мне для этого нужно вино?

«Да, - признаюсь. «О пиздец».

«В физическом или ментальном смысле?»

'И то и другое.'

Она задыхается от удара стекла о стекло. «О, черт возьми. Я выпью из бутылки. Лучше чтоб э то сочным. Из-за этого я пропускаю улицу Коронации.

Сочным? Господи, она понятия не имеет . Я закрываю глаза и тяжело думаю о том, чем могу поделиться, о неразглашении, материализуемся в моей тьме, как будто оно напоминает мне о своем существовании. Моргая открытыми крышками, я думаю о библиотеке и книжной полке, где я нашел секретное отделение. Где карта. Или почти все. «Он насилует меня самыми изумительными способами, которые только можно вообразить».

«Иэк».

- А в моей квартире он установил дополнительную охрану .

«Это хорошо с его стороны».

«Но я все время спрашиваю его, было ли это сделано, а он все время повторяет, что они заняты».

Люси смеется . «Даже я знаю, что слесаря можно найти в течение часа».

'В яблочко. Так что это значит?'

«Это не сложно. Это означает, что он трахает тебя и явно наслаждается этим, поэтому хочет, чтобы ты осталась ».

Я качаю головой. «Я надеялся, что ты скажешь что-нибудь еще».

«Что, как будто он, должно быть, влюблен в тебя?» В ее тоне есть веселье, которое чертовски больно, и я съеживаюсь, когда наступает тишина. Пока Люси не сломает его. «О, - выдыхает она.

«У меня проблема, - признаю я. Устранение проблемы означает признание того, что проблема есть. У меня очень большая проблема. «Я думаю, что влюбляюсь в него, Люси».

Несколько секунд тишина. Тихо, что меня немного злит. Я слышу, как Люси тяжело сглатывает, и мысленный образ, как она держит бутылку с вином у губ, вторгается в мой разум. «Скажи это», - нажимаю я. «Что бы ты ни думала, Люси, просто скажи это».

Связь приглушается ее выдохом. - Он опасно красив, Элеонора.

«Ты думаешь, я этого не заметила, Люси? Что ты пытаешься сказать? Что я бьюсь выше своего веса? Я закипаю от негодования.

«Нет». Ее защитный вздох не уменьшает моего раздражения. - Если ты позволишь мне закончить, я говорю, что ты многое можете сказать по внешнему виду мужчины и по тому, как он его носит. Твой босс носит свою внешность, как оружие.

'О чем ты говоришь?' Я щелкаю, полностью осознавая, что моя реакция чрезмерна. Тем более, что я знаю, что она права.

- Он бабник, Элеонора. Ты сам так сказал. Я полностью за то, чтобы ты брала все, что можно, и наслаждались этим, даже если это рискованно, но, эй, риск - это захватывающе. Просто нужно войти с широко открытыми глазами ».

Я смеюсь. О, мои глаза так широко открыты, что их ослепляют. Буквально. « Я точно знаю, во что я иду».

'Он?'

Я закрываю рот. Я не могу упомянуть NDA. И она все равно рассмеется, если я ей расскажу. Но чего она не знает, чего она не знала, так это того, как Беккер и мистер Х. очень четко сообщили, что единственной любовью Беккера Ханта будет его страсть к сокровищам. Я не могу игнорировать слова мистера Х. о Беккере : он не позволяет себе привязываться к кому-либо и не проявляет сентиментальности, когда дело касается жизни, дыхания.

Не думайте, что ты можешь заставить его так сильно переживать, как он это делает для своего сокровища.

Но я не знаю, как объяснить это Люси. «Он сказал, что больше ни с кем не встречается».

«О, это мило с его стороны».

Я закатываю глаза. Я полностью понимаю сарказм Люси, и хотя Беккер уверял меня, что не хочет других женщин, я, честно говоря, не могу стереть этот страх из головы.

Ты не похожа на других женщин, Элеонора Коул. Ты, мне нужно рядом. Тебя я хочу видеть каждый день. Я жажду твоих улыбок.

«Он так много открыл мне, и, по словам его деда, этого никогда раньше не случалось».

«Открылся о чем?»

Я чертовски зависим от тебя.

Я извиваюсь на диване, закусывая губу. «Много. Я скажу тебе, когда увижу тебя. Нам нужно как-нибудь выпить».

«Есть, - соглашается она. 'Эти выходные?'

'Я тебе позвоню.'

Мы прощаемся, и я откидываю голову назад, говоря себе, что у меня будет пять минут тишины, прежде чем я закончу каталогизировать остальные файлы. Беккер вернется позже. Я подозреваю, что он идет к своему терапевту, хотя он этого не подтвердил. В моей работе много разных аспектов, но, поскольку я не веду календарь Беккера как таковой, я не всегда в курсе его ежедневных перемещений.

Я закрываю глаза и пытаюсь очистить свой ускоряющийся разум от мыслей, захлестывающих его, проводя свой небольшой сеанс терапии.

Я чувствую, что двигаюсь. Идея мягкого покачивания, вероятно, заставила бы меня заснуть, если бы я еще не дремала. Мои глаза открываются и приспособляются к мягкому свету, окружающему меня, и сосредотачиваются на его лице рядом с моим. Он смотрит прямо перед собой, не подозревая, что я проснулся. Я перекинута через его руки, когда он шагает по коридору, мои руки обвились вокруг его шеи, мое тело реагирует и держится за то, что ему нравится, без моего ведома.

- Мальчик Беккер? Приглушенный шепот миссис Поттс достигает моих ушей, и я снова бесстыдно закрываю глаза и притворяюсь, что сплю. Я не хочу терпеть еще один неодобрительный взгляд или быть вовлеченным в новые разногласия. Спать в объятиях Беккера - лучший способ притвориться, будто меня здесь нет.

Я чувствую, как он мягко поворачивается к ее голосу. «Нашел ее в библиотеке», - говорит он тихо, почти шепотом. «Я заберу ее, тогда буду в своем офисе».

«Хорошо», - говорит она без всякого намека на то, что, по ее мнению, это может быть плохая идея, а я знаю, что она это делает. Я видел молчаливое неодобрение миссис Поттс и мистера Х. каждый раз, когда они замечали, что я крадусь в квартиру Беккера или крадусь

обратно по уграм. - Вы хотите, чтобы я надел ее пижаму ?

И вот оно. Тонко, но оно есть. Если бы я мог видеть ее, ее брови переходили бы в фиолетовую линию волос.

«Думаю, я справлюсь», - тихо говорит Беккер со смехом. «Не волнуйся. Я закрою глаза, когда раздену ее ».

«Ой, перестань», - шепчет она, и Беккер начинает дергаться подо мной, посмеиваясь. Во мне нужно все, чтобы не улыбнуться. - Беккер, она здесь хорошо вписывается. Ваш дедушка любит ее. Я люблю ее.' Она делает паузу, и я улыбаюсь как сумасшедшая внутри, чувствуя тепло и сильное чувство принадлежности. Это чувство взаимно. Я тоже люблю их обоих. Миссис Поттс почти уныло вздыхает. «Не разбивай ей сердце».

Моя тайная улыбка исчезает, и я, затаив дыхание, жду ответа Беккера. Его сердце бьется обо мне, сильное и устойчивое. «Я буду изо всех сил стараться не делать этого», - наконец говорит он почти дрожащим голосом. «Мне тоже нравится, когда она рядом».

«Думаю, я могу попросить только об этом».

Я чувствую кивок Беккера, прежде чем мягко дергаться в его объятиях, когда он поворачивается, направляясь к своей квартире, и мне интересно, как сильно он будет стараться. Я держу пари, что он пытается, что трудно. Но миссис Поттс права. Это все, о чем может спросить любой из нас.

Всю дорогу я притворяюсь, что сплю, мой разум полон. Беккер укладывает меня на кровать и осторожно снимает с меня туфли, а затем тянется к верху моих брюк. Это будет пытка.

«Это будет пытка». Он озвучивает мои мысли, и мои губы весело подергиваются. "Почему ты настаиваете на том, сделать мою жизнь такой трудной? - спрашивает он меня так, словно ожидает ответа от моей якобы бессознательной формы. Он начинает осторожно стягивать мои штаны по ногам, и я разваливаюсь на части, когда он рычит себе под нос.

«Даже когда ты спишь, я хочу тебя задушить». Я внезапно освобождаюсь от брюк, и мои руки легко просовываются сквозь рукава. «И насиловать тебя». Мои бедра дрожат. «Но это было бы неправильно». Он начинает с другой руки, и я уже почти сдерживаюсь, чтобы не крикнуть: «Я не буду удерживать тебя».

Как только он убрал мои руки, он осторожно подтянул меня, и я продолжал имитировать мертвую рыбу. «И я не знаю, почему дедушка и Дороти так тебя любят». Он несколько раз кряхтит, пытаясь управлять моим гибким телом, прижимая меня к себе и поднимая мой джемпер через голову. Когда он закончил, он просто надолго прижал меня к груди, глубоко дыша. «Или, может быть, знаю», - шепчет он, нежно целуя мои волосы. Его запах, его твердость, когда он прижимает меня к себе, эти слова. Это переполняет меня, и я несколько раз сглатываю, чтобы прочистить горло эмоции, которая нахлынула на меня.

Я уже влюбился в него.

Его обаяние, его индивидуальность, его страсть ко всему, что он делает. Он заставил меня выйти за рамки моих границ и нормального поведения . И я начинаю понимать, что, возможно, он давит, потому что верит в то, что я справлюсь со всем, что в меня бросают. И меня это почти утешает. Беккер нашел меня, вселил в меня безжалостную жажду жизни, и в то же время он проник в мое сердце и прочно удержал меня. Я люблю его. Я люблю все, что есть в нем, а этого много.

О, Боже, как это вообще произошло?

Я все еще остаюсь в объятиях Беккера, молясь, чтобы он скорее освободил меня, чтобы я могла начать паническую атаку. Мое тело тяжело в его хватке, и я уверена, что он должен чувствовать мое поверхностное дыхание.

Когда он, наконец, отпускает меня, он опускает меня на кровать, плотно прижимая к себе. Он кладет свои губы на мою щеку и удерживает их там дольше всего, нежно лаская мою голову. «Не влюбляйся в меня, Элеонора, - бормочет Беккер. 'Пожалуйста.' Он встает и выходит из комнаты.

Я слышу, как закрывается дверь, и целую вечность лежу в темноте, пытаюсь смириться со своей ситуацией. В этот момент я не услышал в его словах ничего, кроме боли. Я не совсем наивна. Я верю, что всегда буду удерживать внимание Беккера, но мне больше известно, что его любовь к своему искусству может погубить нас. И да, я вижу иронию в том, что одна из вещей, которыми я больше всего восхищаюсь в нем, то что мы разделяем, может быть тем, что вызывает самый острый клин.

Он одинокий рейнджер, дорогая. Было бы глупо думать, что вы можете это изменить.

Я могу размышлять о том, какую боль он может причинить, воображать и оценивать последствия, но я никогда по-настоящему не осознаю ущерб, который он может причинить, пока не испытаю его на себе. Я собираюсь торчать и ждать, пока это произойдет? Это случится?

Я охотно натыкаюсь в неизведанное, и хотя каждый здравый смысл предостерегает меня от этого, у меня нет желания останавливаться. Отматываю на несколько шагов. Нет, это не неизвестность. На самом деле я иду в известное. Я точно знаю, куда я направляюсь. Теперь я знаю, на что он способен в бизнесе, но что еще страшнее, я знаю, что он способен разбить мне сердце. Разбитое сердце ужасно. Это агония. Но вы должны чувствовать свое сердце, чтобы оно не болело. Вы должны знать, что оно там, бьется у вас в груди. Мое сердце сейчас гремит, разбиваясь о мою грудную клетку, как чудовище, пытающееся убежать. Моя проблема в том, что я понятия не имею, потому, ли это потому, что он отчаянно пытается избежать боли, которую я готова причинить ему, или это просто так счастливо снова чувствовать себя после столь долгой смерти.

Глядя в потолок, словно разреженный воздух может дать мне ответ, я складываю руки вокруг себя и обнимаю себя. Попытка удержать себя физически - жалкая попытка. Я встаю с постели и иду искать свой телефон. Мне нужно перезвонить Люси. Надеюсь, она сможет дать мне совет в моей плачевной ситуации.

Она отвечает после двух звонков. «Я люблю его, Люси, - признаюсь. «А теперь мне страшно, потому что я не уверен, что он способен меня любить».

«Голова короля?

Полчаса?»

Я улыбаюсь. «Я уже в пути». Я кладу трубку и быстро одеваюсь, прежде чем броситься вниз по каменным ступеням из квартиры Беккера. Космос. Мне нужно какое-то пространство подальше отсюда, хотя бы на несколько часов с моим другом, чтобы поговорить, чтобы излить мое сердце. Чтобы попытаться получить некоторую перспективу. Чтобы снова почувствовать себя собой.

Остановившись внизу, я задаюсь вопросом, стоит ли мне хотя бы сказать ему, что я ухожу. Не почему, но я должен сказать ему, что собираюсь увидеть Люси. Я не хочу, чтобы он волновался.

Мои ноги несут меня к его офису, но я замедляю шаг, когда слышу его слова. «Я не знаю, Паула». Слова Беккера расстроены, натянуты. Он разговаривает со своим терапевтом? «Часть меня отчаянно не хочет облажаться», - продолжает он, теперь уже подавленным. «Но другая часть знает, что я буду».

Я кладу руку на стену и закрываю глаза, прерывисто дыша. Пожалуйста, не надо, Беккер. Но если он не верит в себя, как я могу верить в него?

«Я уже сказал ей слишком много», - продолжает он болезненно. «Я все время говорю себе, чтобы молчал, но когда я с ней, дерьмо вылетает, не задумываясь о последствиях». Тишина, а затем он смеется. 'Инстинкт? Нет, Паула. Я бы назвал это глупостью».

Я вздрагиваю и сглатываю, молча умоляя себя уйти. Идти. Прежде, чем я услышу больше слов, которые разобьют мое сердце.

Больше тишины. А потом еще более жестокие истины. «Я не влюбляюсь в нее». Еще один смех, но на этот раз без энтузиазма. Жалкий. Здесь есть все причины для моего беспокойства. А теперь я еще больше запаниковал. Потому что, если он чувствует себя так же, как я, он никогда в этом не признается. Потому что любовь для него препятствие. Связка, которую он никогда не захочет и не понадобится.

Я ставлю одну ногу перед другой, мои ноги дрожат, и мое горло сжимается каждый раз, когда я проглатываю свои эмоции. Я беру ключ-карту дрожащими руками, подхожу к двери в Большой зал и замираю. В воздухе вокруг потрескивает знакомое электричество. Он рядом. Я чувствую его. Вот как я чувствую с ним связь. Вот какие у меня проблемы.

Я слышу, как закрывается дверь его офиса. 'Куда ты направляешься?' Он звучит встревожено.

Мое сердце внезапно становится свинцом, давит на меня. Я поворачиваюсь к нему лицом. Он выглядит самым неуверенным, что я когда-либо видел, и я знаю это потому, что он знает, что я его слышал. «Просто чтобы увидеть Люси».

- Не сказав мне?

Я закусываю губу и смотрю в сторону, с таким же виноватым видом. Слишком долго проходит без слов, и в конце концов я рискую взглянуть на него. Ноздри его идеального носа раздуваются, плечи поднимаются и опускаются от тяжелого дыхания.

«Ты меня слышала», - говорит он, делая шаг вперед, как будто готовится преследовать меня, если я убегу.

Я качаю головой, не желая признавать то, что он знает. - Что слышала?

Беккер с сомнением смотрит на меня. 'Что не так?'

Я люблю тебя, и ты никогда не позволишь себе полюбить меня. «Ничего», - говорю я тихо, яростно игнорируя ту часть меня, которая требует признаться в своих чувствах. Его жалкое предупреждение не влюбляться в него - чушь собачья. Он должен это знать.

Его адамово яблоко выпирает при резком глотке, мышцы челюсти тикают, пока он продолжает двигаться вперед. 'Ты врешь.' Он достигает меня, вторгаясь в мое столь необходимое личное пространство. «Ты не в порядке».

Я не собираюсь этого делать, но я понимаю, что отступаю от него.

Он игнорирует мою попытку убежать от него и продолжает приближаться ко мне, а я продолжаю делать обратные шаги, пока моя спина не прижата к стене, и у меня больше не будет места для отступления. Я трясусь, мое отчаяние стало сильнее теперь, когда он передо мной, и он этого не пропустил. Сумка и телефон выпадают из моих безжизненных рук и с

коллективным стуком падают на пол. Он нависает надо мной, выглядит одновременно угрожающим и подчиненным. Его тело кричит о силе. Но его глаза полны слабости. Я источник этой слабости, я знаю это вне всякого сомнения и быстро понимаю, что это его пугает. Я его пугаю.

Опершись ладонями о стену позади меня, он наклоняется, рассматривая мое лицо. У него есть привычка делать это. В ловушке меня. Я закрываю глаза, пытаюсь выключить другие чувства.

Кончик его пальца встречается с моей рукой и скользит по моей коже к моему плечу, а потом моя шея. Он оставляет за собой путь пламени. Холодная кровь в моих жилах превращается в опасное пламя. И мое сердце взрывается безнадежными осколками любви.

Я кладу руки ему на грудь и собираю все силы, чтобы оттолкнуть его. Он трясется, но это все. Секунду спустя меня схватили за запястья и прижали к стене позади меня. «Беккер, остановись, пожалуйста. Оставь меня в покое!»

Его лицо опускается ко мне, как можно ближе, не касаясь, его дыхание становится ровным. «Посмотри мне в глаза и повтори это еще раз», - мягко приказывает он. «Если ты действительно этого хочешь, ты посмотри мне в глаза и скажи это». Мои щеки схвачены, а мое лицо обращено к нему. Он силен, но нежен со мной. Я создана, чтобы противостоять глубокому великолепию. Мои глаза наполняются слезами, мой живот трепещет от бабочек, и моя кожа покалывает от желания. Его карие глаза - самые темные из тех, что я когда-либо видел. 'Скажи мне.'

Слова собираются на моем языке, но отказываются покинуть мой рот.

«Скажи мне оставить тебя в покое, Элеонора. Скажи мне отвали и никогда больше не беспокоить тебя. Скажи мне, что ты не хочешь, чтобы мое тело превысило твое. Наша кожа не соприкасается, наши рты не соприкасаются, наши гребаные души не соприкасаются. Скажи это, - шепчет он.

«Я не могу», - хнычу я, дрожа. Сама мысль о том, что эти вещи никогда больше не повторится, ощущается как нож, постоянно вонзающийся мне в живот, каждый раз его выкручивают. Я смотрю ему в глаза и позволяю ему увидеть, что творится в моих. Страх. Люблю. Надежда. «Я не могу. Так же, как ты никогда не можешь позволить себе любить меня».

Мои слова, кажется, злят его, вспышка гнева в его глазах подтверждает это, но я точно знаю, что он зол на себя. Не на меня. Он зол, потому что я права. 'Ты хочешь уйти?'

Я чувствую, как он стискивает челюсти. 'Да. Но я не могу, да? Потому что ты не позволишь мне уйти со своими секретами.

«Это не имеет ничего общего с моими долбаными секретами и все связано с тем фактом, что я не хочу, чтобы ты уходил. Понимаешь?'

Мы смотрим друг на друга; его карие глаза - огненные шары, горящие в мои.

'Понимаешь?' - мягко спрашивает он.

«Нет», - признаю я. «Я ничего не понимаю».

«Тогда, может быть, ты поймешь это». Он нападает на меня, как лев, быстрый и свирепый, дергает меня за одежду, как будто она враг. И я с ним. Я зола и растеряна, но я с ним.

Наш поцелуй дикий и безумный, отчаянный и страстный. Его возбуждение является железом, нажав на мой живот, заставляя меня откинуть мои бедра, чтобы облегчить пульсацию, который угнал каждый кусочек меня. Мое тело действует инстинктивно. Мой

разум сосредоточен на принятии его карающей атаки. Я не знаю что делать я не знаю, что и думать.

Так что я делаю единственное, что у меня осталось - единственное, на что я способен с Беккером .

Я подчиняюсь.

Моя одежда срывается с моего тела, его руки быстро работают, пока он поддерживает наш маниакальный поцелуй. «Кожа», - умоляет он, посылая мои руки на задание снять с него одежду. Его футболка исчезла первой, мои руки дернули ее над его головой и сняли очки. Ему все равно. Он сбрасывает ботинки, застегивая молнию на моих брюках, а я начинаю стягивать его джинсы.

Это быстро и неуклюже.

Это отчаянно и беспокойно.

Руки - это размытое движение, а рты жадные и непослушные. Мне нужно дольше переживать это расстройство, растягивать его и получать удовольствие от его тяги ко мне, потому что чувствовать его нужду так приятно. Но моя собственная потребность убегает со мной, давление в паху увеличивается с каждой секундой. Терпение не входит ни в один из наших планов. Он нужен мне внутри меня, мне нужно, чтобы он двигался и заставлял меня чувствовать себя хорошо.

« Беккер » , - тяжело дышу я, кусая его грубую щеку, толкая пояс его боксеров, чтобы найти свою цель. Я обнимаю его член и сжимаю.

'Блядь.' Его проклятие задушено и слабо, и мой бюстгальтер отброшен в сторону, открывая мою грудь прохладному воздуху. Мои соски твердые и готовые, а его рот покидает мой, обволакивая мою мягкую плоть, его язык быстро кружится. «У тебя ни на что не похожий вкус». Он прикусывает мой сосок, и я вскрикиваю, запрокидывая голову и опуская его член в пользу его волос. Я грубо дергаю за него, затем прижимаю его голову к груди, тяну и нажмите.

«Мне нужно трахнуть тебя, принцесса». Он сильно прикусывает и целует меня в губы. «Мне нужно тебя так сильно трахнуть тебя, ты никогда не забудешь, что я был здесь». Он протыкает меня двумя пальцами, стоя от влаги.

Мои жадные мускулы хватаются и держатся, делая ему как можно труднее отстраниться. «Пожалуйста, - заикаюсь я. 'Пожалуйста пожалуйста пожалуйста.'

«Шшш, детка».

Я задыхаюсь ему в рот.

Он кусает мою губу.

'Ты готова?' - настойчиво спрашивает он, взяв меня за плечи и повернув лицом к стене. Я киваю, потому что речь покинула меня. «Руки на стене». Он берет их за меня и кладет туда, где хочет, а затем скользит мягкими ладонями по моим бедрам. Я вздрагиваю. «Назад», - мягко говорит он, дергая меня за талию.

Мой лоб встречается со стеной, когда он рисует идеальную линию вдоль моего позвоночника, отслеживая складку моей попки. «Прекрасно», - размышляет он. «Моя грязная маленькая принцесса сильно хочет меня». Он толкает пульсирующую головку своей эрекции к моему отверстию, сводя меня с ума, и я начинаю бормотать бессмысленные молитвы в пол, катая лбом из стороны в сторону. «Как сильно ты меня хочешь, Элеонора? Скажи мне, как сильно ты хочешь, чтобы я был внутри тебя ». Моя задница летит в ответ, зарабатывая резкую пощечину.

«Ааааа».

«Блять, скажи мне».

«Трахни меня», - умоляю я отчаянным и ломанным голосом. «Пожалуйста, трахни меня».

Его рычание чистое, резкое и болезненное. «Ты хочешь этого, да? Так хочешь, что ты прибегаешь к попрошайничеству? Он раздвигает мои лодыжки и вдавливаются в меня наполовину. Я кричу, отталкиваясь, пытаюсь достичь полного проникновения. Мне отказывают в трении, в котором я так остро нуждаюсь. Я могла заплакать - плакать от разочарования, плакать от восторга. Он меня лишает, заставляет осознать, насколько мне это нужно. Как сильно он мне нужен. Приближение. Мне нужно проникновение ; Я знаю, что это приближается, но долгая, затяжная история, которую он затягивает, намеренно трахая мой разум и чувства, доводит меня до истерики. Нерационально.

'Кто владеет тобой?' - кричит он. «Кто, черт возьми, владеет тобой?»

«Ты», - кричу я.

Он неудержимо трясется и, как одержимый, пронзает меня исполненным боли ревом. Я задыхаюсь, мои глаза открываются от шока, когда он тяжело дышит, отстраняется от меня и снова входит в сознательный, сильный толчок. Мой разум начинает дико кружиться. Затем он снова выскальзывает, восхитительно поглаживая мои внутренние стенки, и с силой вонзается в меня. Я задыхаюсь, толкая мои бедра обратно к нему в принятии, как он кричит и снова повторяет свой мощный толчок.

Я могу рыдать, охвачена своими чувствами. Мои эмоции берут верх, мое тело вибрирует от блаженства. Он неумолим, наказывает, но мое тело приветствует его, жаждет его.

Он замедляется и тщательно кружит, даря мне удовольствие. Полнота невероятная, глубокая и доставляющая удовольствие. «Только запомни одну вещь». Он плавно выскальзывает и медленно откатывается, и я хнычу, опустошенной, но еще живой. «Ни одна другая женщина никогда не сводила меня с ума от нужды». Одним быстрым движением он отступает и наносит удар, и я кричу, у меня перехватило дыхание от этого жестокого движения. Мои руки скользят по стене, ища за что бы держаться, но ничего не находя. Его темп увеличивается, врезаясь в меня, каждый раз проникая как можно глубже. Наши тела мокрые, покрытые потом и неистово сталкиваются друг с другом. - Никакой другой женщины, Элеонора. Это все о тебе!

Я собираюсь расколоться на тысячу частей. Моя кульминация безжалостно рвется вперед, захватывая мое тело, еще больше беспокоя мой разум.

'Ты там?' - задыхается он, сгибая пальцы, а затем глубоко и глубоко вздыхает .

«Да», - кричу я, впиваясь зубами в губу. Беккер стонет, выдыхая, звук чистой эйфории тянется целую вечность.

'Ты можешь меня подождать?' - кричит он еще сильнее.

Я плачу, сжимая мускулы вокруг его безжалостного члена, чтобы попытаться задержать оргазм от выхода пара.

«Бля, ты сжимаешься». Он сильно бьет меня бедрами и начинает бессмысленно выкрикивать слова.

Я не могу больше сдерживаться. Я могу потерять кульминацию, и это приведет меня к психозу. Я не могу рисковать. Мне нужно это. Мне нужно кричать, у меня болит горло, заставляет мое тело дрожать от удовольствия, которое оно мне приносит. Я взорвался, запрокидывая голову.

Никакой другой женщины, Элеонора. Это все о тебе.

Мое тело пульсирует, меня охватывают волны удовольствия, мои мышцы начинают расслабляться от истощения и облегчения.

Но потом я о чем-то думаю и напрягаюсь.

«Презерватив», - выдыхаю я, пытаюсь пошевелиться.

«Я вытащу», - лает он, продолжая работать.

Он все еще безудержном удовольствии позади меня, неистово толкаясь в поисках собственного освобождения. Потом случается, последний выдох в долгом стоне, и, верный своему слову, он выскальзывает и кладет свой член в складку моей задницы, медленно толкаясь, его пальцы сгибаются на моих бедрах.

«О Боже, помоги мне», - выдыхает он, дергаясь и дергаясь за мной. Его освобождение ударяет по моей голой спине, покрывая меня широко и высоко, тепло символизирует то, что я чувствую внутри.

Он замедляет свои толчки, пока не останавливается и не падает на меня, но я больше не могу оставаться в вертикальном положении. Мои ноги бескостные. Я опускаюсь на пол, забирая с собой Беккера, и он ерзает как раз вовремя, чтобы смягчить мое приземление, перекатываясь на спину и прижимая меня к груди.

«Обнаженные объятия», - бормочет он. «Мне нужны обнаженные объятия».

Конечно. Он может никогда не полюбит меня, но я ему нужна.

Мои глаза закрываются, и я теряю сознание, измученный, насыщенная. . . и беспомощно влюблена.

Глава 29

Меня разбудило легкое прикосновение к ребрам, и я прихожу в себя, растекаюсь по груди Беккера, его влажная кожа все еще скользит по моей. «Твой телефон, принцесса», - сонно бормочет он. 'Останови это.'

Я вылезая из его тела и немного ползу по коридору, нахожу телефон там, где уронила его раньше. Я убираю с лица свои растрепанные волосы всеми пальцами и большими пальцами, пытаюсь поправить их, чтобы увидеть, кто меня зовет. 'Вот дерьмо.' Имя Люси светится на экране почти угрожающе. Я смотрю на время в углу - уже почти девять. Я должен был быть в Королевской голове более получаса назад. Вот дерьмо, дерьмо. 'Здравствуйте.' Мои плечи скользят по мочке ушей, когда я отвечаю, мое лицо морщится.

'Ты в порядке?' - выпаливает она.

«Да», - пишу я.

'Ты уверен? Ты звучишь . . . запыхавшись » .

На самом деле, через час после того, как Беккер трахал меня, как тряпичную куклу. И мое сердце все еще бьется, как трещотки. Я подбираюсь к своей заднице и сажусь у стены, совершенно голая. . . в коридоре Убежища. 'Я в порядке.' Я понижаю голос. 'Мне надо поговорить с тобой.'

'Ну, да. Разве ты не ехали сюда больше часа назад?

«Что-то произошло».

Она кашляет и хрипит. «Что-то произошло или что-то поднялось вверх?»

«Люси», - выдыхаю я, глядя на обнаженное тело Беккера, растянувшееся по коридору. Он лежит на спине, широко раскинув руки, в мирном сне слегка закрытые глаза. Он похож на гребанного ангела - восхитительного, соблазнительного и опасного

ангела.

«Все еще хочешь поговорить?»

«Да», - хриплю я, снова сжимая горло. Мне нужен друг, который поможет мне разобраться в моем запутанном уме, чтобы понять и сказать, что все будет хорошо, чтобы выслушать и не осуждать меня.

«Я встречу тебя в своей квартире», - вздыхает Люси. «Я уже полчаса сижу в пабе одна. Я уверен, что все здесь думают, что меня продинамили со свиданием».

'Ладно. Увидимся там.'

Мы кладем трубку, и мой телефон выскальзывает из моей руки, стуча по полу рядом со мной. Я сижу несколько минут, закусывая губу, и изучаю своего голого босса. - Ублюдок, - бормочу я, поднимаясь на ноги. Мои мускулы протестующе кричат, когда я выпрямляюсь, каждая часть меня становится жесткой и напряженной. Я чувствую, что пробежал марафон без тренировок. И моя задница. Это тоже все еще больно. «Почему я позволю тебе сделать это со мной?» Я спрашиваю его спящую форму. Это чувство - эмоционально и физически, потому что мне повсюду больно - похоже на то, что у меня адское похмелье, и я не уверена, стоила ли сенсационная ночь, которая стала причиной этого, мучительных последствий .

Беккер зашевелился, издавая милый стон, его глаза широко открываются. Он хмурится, глядя на меня, стоящего над ним, затем оглядывается. «Это не моя кровать».

Я собираю трусики и надеваю их. 'Я ухожу.'

Верхняя половина его тела поднята и в мгновение ока опирается на локти, его лицо встревожено. 'Куда?'

«Я должен был встретиться с Люси в пабе полчаса назад».

'Ой.' Он сдувается на моих глазах от разочарования. «Я подумал, ну, подумал я. . . '

«Я вернусь», - заверяю я его, потому что знаю, что вернусь . Несмотря на все, что я слышала, и постоянное колебание от восторженного к грустному, я вернусь. Причина этого проста: надежда. Надежда среди моего хаоса. Надеюсь, что Беккер Хант позволит себе расслабиться, влюбится в меня.

Я сомневаюсь, когда Я иду, чтобы натянуть брюки, думая, что действительно смогу принять душ после того, как Беккер со мной справился и излился по всей моей спине. Но у меня нет времени. Я вздрагиваю от небольшой гримасы, когда роюсь в сумке в поисках салфетки и протягиваю руку вокруг своей спины, чтобы стереть его остатки.

Я натягиваю брюки, а затем бюстгальтер и джемпер. Потом снова полезу в сумку и опрыскиваю себя духами . Когда я закончу, Беккер все еще сидит на полу и смотрит в потолок. - Беккер?

Он смотрит на меня, и в этих ангельских глазах я вижу настоящее беспокойство. «Я буду изо всех сил стараться не разбить тебе сердце, принцесса». Он поднимается на ноги и кладет ладонь на сердце. Я улыбаюсь его милому жесту. «Клянусь, я не хочу причинять тебе боль».

Я киваю и подхожу к нему, поднимаюсь на цыпочки и обнимаю его за шею . Он отвечает мне в объятия, придерживая меня за затылок и толкая меня к себе в плечо. «Увидимся позже», - тихо говорю я.

Он сильно сжимает меня, прежде чем резко позволить мне отстраниться, как будто он срывает пластырь, вместо того, чтобы снимать его и продлевать боль. ' Как долго ты будешь?'

- Полагаю, пару часов. Зависит, как долго примет меня Люси, чтобы убедить меня , что

я не сошел с ума. . . если она сможет.

Он натянуто улыбается мне с глубокой ямочкой. 'Ладно.'

«Хорошо», - передразниваю я, отвечая на его улыбку и быстро направляясь во двор, прежде чем смог убедить себя остаться.

Он выглядит действительно потерянным, и я это ненавижу.

Я добираюсь до Люси в рекордно короткие сроки и обнаруживаю, что она протягивает мне бокал вина, когда открывает дверь. Привет, я быстро поднимаю бокал в знак благодарности, а затем продолжаю глотать сладкого. Я продолжаю с удовлетворенным вздохом.

«Это не сулит ничего хорошего». Она смотрит, как я падаю на диван. 'Это плохо?'

'Да . . . нет. . .' Моя голова откидывается назад. «Я не знаю, что происходит, Люси».

- Давай, Элеонора. Ты влюбились ».

Я не чувствую, что упал. Я чувствую, что разбилась приземляясь. Он обманул меня. Ударил меня по моей неожиданной заднице. Поглотил меня страстью, которую он вкладывает во все, что он делает, даже проверяя мое терпение. 'Я люблю свою работу. С Беккером или без него в уравнении.

«Но он в уравнении», - указывает она, присоединяясь ко мне на диване.

Я киваю в молчаливом согласии. «Мне нужно посмотреть, к чему это может привести, Люси. Если я уйду сейчас, я никогда не узнаю. Он особенный. Смешной. Захватывающе. Такой страстный и энергичный ». Я не упоминаю аморальность, хитрость и задницу. Я могу сказать себе, что могу уйти, пока не посинею, но я солгу. Я не могу. Нет, пока мне действительно не нужно, а я еще не там. Это так просто. Я сейчас в игре. Я не могу повернуть время вспять.

Ее рука берет мою, успокаивающе сжимая. 'Я буду здесь. Что бы ни случилось, я буду здесь ради тебя ».

'Спасибо.' Я так благодарна за ее сумасшедшую задницу.

«Добро пожаловать». Она опускает мою руку. «Кроме того, я рассчитываю, что ты сделаешь то же самое для меня».

'Ой? Что произошло?'

Она гримасничает, глядя на свой стакан. - Ничего, но знаешь, когда у тебя возникает ощущение, что это может быть?

Я почти смеюсь. Слушала ли она сказанное мной слово? Гм. . . да уж.'

Она не оценила мой сарказм, когда я окунул палец в вино и щелкнул им мне в лицо. «Девушка из типографии обнюхивает».

'Ой . . .' Я сдуваюсь ради Люси.

«Грязный шлюха», - бормочет она, мерзко глядя на свое вино, прежде чем выпить остальное. Взглянув на меня, она ловит мое сомнительное лицо прежде, чем я успеваю его скрыть.

«Почему она грязная шлюха?» Мне не нужно напоминать Люси, что грязная пощечина была не одна в типографии, но на всякий случай, если она забыла, мой тонкий вопрос служит хорошим напоминанием. Я слегка улыбаюсь и падаю на диван, когда Люси возмущенно смотрит на меня.

«Я был на четырех свиданиях с Марком. Думаю, я заслужил право называть любую женщину, с которой он спал до меня, шлюхой.

«Хорошо», я смягчился, ухмыляясь. - А что ты почувствовала, когда поймали ее на

охоте?

Волосы у Люси встают дыбом, и я знаю, что у нее самой проблемы. «Как будто я хотел подержать ее лицо на копировальном аппарате, разбить крышку, взять копию, а затем стереть ее бородавками и усами».

Резкий взрыв смех раздражается, заставляя меня быстро кашлять.

«Да, вот так». Она прижимается лбом к моему плечу. «Зависть. Уродливое качество».

«Теперь ты понимаешь».

«Ради бога», - бормочет она, драматично вздыхая. - Ты останешься с ним сегодня вечером?

- У Беккера? Да.'

Звонит интерком, Люси вскакивает с моего плеча и бросается к телефону, висящему у ее двери. «Марк», - говорит она, глядя на меня широко раскрытыми глазами. «Да, поднимайся». Телефон бьет о стену, и ее руки тянутся прямо к светловолосому бобу. «Черт, как я выгляжу? Блин, мне нужно побрить ямки и кустик».

Я громко смеюсь, когда она распахивает дверь. Появляется Марк с улыбкой на лице, но она слегка ускользает, когда он отслеживает меня. 'О привет.' Неловкая рука поднимается в знак приветствия. «Думал, ты снюхалась со своим боссом».

Моя челюсть отвисает, круглые глаза обращаются к моей тупой подруге. Люси слишком занята распущенными волосами, чтобы заметить мое оскорбленное состояние. «Я не снюхалась», - говорю я сквозь стиснутые зубы, натягивая улыбку на Марка.

'Конечно.' Он переминается с ноги на ногу, вертит ключами от машины. «Я не хотел. . . Я не предлагал. . .'

'Это замечательно.' Я избавил его от смущенного страдания. Кроме того, я как бы встряхнулся. Он не виноват, что Люси жестоко резка.

Он неловко улыбается и наконец смотрит на Люси. Она быстро превращается в холодную, непринужденную персону. 'Все в порядке?' она спрашивает.

'У меня все отлично. Хотите выпить?'

«О, я бы с удовольствием, но мы с Элеонор немного поговорим по душам». Она смотрит на меня с застенчивой улыбкой. «Я не могу оставить свою подругу прямо сейчас».

Бог любит ее. Она бы осталась, если бы она мне действительно была нужна, но я не хочу. «Нет, ты иди». Я допиваю вино и встаю с дивана. «Я позвоню тебе утром».

Ее личико загорается. 'Ты уверена?'

«Уверена».

Люси немедленно хватается за пальто и сует ноги в сапоги, следуя за мной в коридор. Марк улыбается мне на прощание и направляется к лестнице, оставляя нас с Люси позади. Она натягивает пальто, улыбаясь моему ухмыляющемуся лицу. «Я рада, что мы обе выбрали Лондон», - тихо размышляет она, обнимая меня. «Я знаю, что наши головы сейчас немного облажались, но я все еще рада, что мы здесь».

'Я тоже.' Я прижимаюсь к ней, благодарена за своего сумасшедшего друга. Я действительно рада, что выбрала Лондон. Когда я отхожу, я замечаю, что что-то торчит из-под моей входной двери. «Мне нужно кое-что достать из квартиры. Иди и развлекайся, - говорю я, вытаскивая ключи из сумки.

'Я позвоню завтра».

Она отплясывает, и я вхожу в свою квартиру, встаю на колени и беру открытку. Карточка "извините, мы пропустили вас". «Мой телефон», - говорю я себе, кладя его в сумку и делая мысленную пометку, чтобы позвонить и перенести доставку

утром. Не то чтобы мне сейчас нужен новый телефон.

Решив отнести еще кое-что к Беккеру, так как я понятия не имею, как долго я останусь, я вытаскиваю рюкзак из-под кровати и собираю одежду, прежде чем отправиться в ванную, чтобы взять другие вещи. Я рылся в корзине под раковиной, чтобы найти новое лезвие для своей бритвы, и когда я стою, что-то бросается в глаза в отражении зеркала, висящего над раковиной.

Окно в моей гостиной.

Открыто.

Сердце колотится до горла, я бросаю сумку и медленно поворачиваюсь, глядя прямо в свою квартиру. Я неуверенно ползу вперед, осторожный и раздражительный. Мои глаза дико бегают по моему маленькому пространству. Внезапно стало так холодно. Морозно. Но это лишь малая причина, по которой я вздрагиваю. Каждый волосок на моем теле стоит поосторожнее, предупреждая меня, говоря, чтобы я был настороже.

Я пытаюсь представить очевидную причину, по которой оно было открыто. Я не могу. Даже со сломанным замком он не будет широко открыт. Если только кто-то его не открыл .

Чувствуя себя уязвимым и запаниковала, я бегу обратно в ванную и хватаю сумку, но не могу вернуться. Дверь сдвигается , когда я неумело врезаюсь в нее в моем безумном состоянии, и я смотрю на зеркало , видя его перемещение фракции .

Только совсем чуть-чуть.

Но достаточно, чтобы увидеть, что за ним кто-то стоит.

Кровь течет из моей головы и я разворачиваюсь, пятясь назад, пока не врезаюсь в раковину, и бутылки и банки падают на пол. «Боже мой», - выдыхаю я, мой разум кричит, сбивая меня с толку двумя противоречащими друг другу инструкциями.

Борьба.

Или побег.

Инстинкт берет верх, прежде чем я могу решить, заставляя меня хватать сумку с пола и с грубой силой тащить ее через пространство. Он сталкивается с дверью, отталкивая ее назад, скрывая присутствующего на долю секунды, прежде чем резко отскакивает от его тела и захлопывается. Я отступаю, пока моя задница не упирается в стену, кровь течет в холодной крови.

Мое опрометчивое решение заставило меня запереться в ванной и посмотреть на злоумышленника, одетого с головы до ног в черное - черные боевые брюки, черный свитер с круглым вырезом, черные перчатки, черные ботинки . . .

И черная балаклава.

Ужас охватывает меня, берет в свои злые тиски и сжимает до тех пор, пока мне не кажется, что мои кости могут сломаться. Я не могу дышать. Не могу думать. Не могу двинуться. Я смотрю на его злое тело, просто смотрю, ожидая, что он нападет на меня.

Но он не шевелится. Он стоит неподвижно. Единственное свидетельство жизни - это то, что его грудь немного поднимается и опускается. Он у двери. Он знает, что поймал меня в ловушку. Мои глаза постоянно переводятся с его высокого угрожающего телосложения на единственный способ спастись.

Затем он начинает двигаться. Это внезапно и отрывисто, и это возвращает меня к жизни. Я бросаюсь к двери и хватаюсь за ручку, но мое тело, мои руки, все так трясется, что я не могу контролировать свои движения и крепко держаться за ручку. Он хватает меня за

руку.

«Нет», - кричу я, размахивая руками. Тыльная сторона моей руки ударяется о его голову с силой, на которую я никогда не думал, что способен, заставляя его голову треснуть. Он рычит, и я отступаю, потрясенный собственной силой. От его тела пахнет мощью, очертания напряженных мышц отчетливо видны под плотной тканью свитера. Я никогда не буду бороться с ним. Он раздавит меня.

Но у меня сильный инстинкт выживания. Я хватаю все, что попадаю в руки, и начинаю стрелять в его голову, надеясь ошеломить его и выиграть достаточно времени, чтобы сбежать. Он просто проходит сквозь предметы, летящие к нему, и хватается за меня, обвивая рукой мою грудь и открывая дверь. «Нет», - плачу я, борясь со всем, что у меня есть, кричу, пока он борется с моим вздымающимся телом, крича каждый раз, когда я вырываю ногу и ловлю его. Я не скоординирована, бесцельно бьюсь, дергаю и рву его свитер, а он пытается схватить меня за руки. Я ему не позволю. Я не могу ему позволить. «Отойди от меня», - кричу я, запрокидывая голову, когда он обнимает меня за талию и тянет вверх. Боль, которая обжигает через мою голову не похожа ни на что, что я чувствовал раньше, заставляя мой мозг мгновенно пульсировать. Но громкое шипение боли, которое доносится сзади, говорит мне, что он не уворачивался от моей трясущейся головы, и это придает мне больше решимости. Сбор каждого клочка силы и энергии, я ушла, я коготь на его руки и бросить мою пятку спину, лоя его чисто в голени.

Он задыхается, и секунду спустя мы падаем на пол, моя голова скользит по краю раковины. Удар был жестоким, и я хрюкал, когда моя спина ударялась об пол, выбивая из моих легких каждый воздух. Мои глаза моргают снова и снова, пытаюсь сосредоточиться. Мое зрение затуманилось, но руки все еще работают. Я протягиваю руку, вонзаю ногти в его спину и дергаю, разрывая его свитер и издавая тихий стон боли. Он резко хватается за руки и пихает их на пол над моей головой.

А потом я беспомощен. Мои руки были захвачены, и он лежит поперек меня, фактически прижимая меня к полу ванной. Его гневные вздохи наполняют воздух, и он поворачивается, чтобы лучше удержать меня, его голова низко опущена к моему плечу, его твердые мышцы врезаются в мою плоть. Я хнычу, ужасные слезы, сдерживаемые чистым адреналином, теперь рвутся вперед и текут из моих глаз.

«Пожалуйста, не делай мне больно», - рыдаю я. «Пожалуйста, я не знаю, чего ты хочешь».

Он мучительно долго не двигается, вероятно, пытаюсь вызванным им страхом. Затем он медленно поднимает голову, пряча лицо, и мое страдание усиливается, просто от вида угрожающей черной балаклавы крупным планом.

Мой живот скручивается, зрение размывается, слезы нарастают, и я дрожу под ним от ужаса. Мои руки немеют из-за того, что он крепко сжимает мои запястья, но остальное мое тело физически пульсирует от крови, текущей по моим венам. «Пожалуйста, - слабо шепчу я, моя мольба сочится с моих губ на прерывистом дыхании.

Я закрываю глаза и молюсь. Пожалуйста пожалуйста пожалуйста. Я повторяю свои безмолвные молитвы снова и снова, отворачиваясь, когда чувствую, как он смотрит на меня сверху вниз, наблюдая, как я прячусь от своей судьбы.

Мое дыхание замедляется, и я расслабляюсь. Мой разум сдаётся. Все сдаётся. Затем меня охватывает чувство свободы, мое тело становится невесомым. Чтобы понять почему, нужно время.

Мои глаза резко открываются. Мои руки свободны. Он двигается быстро, поднимается с моего тела и бросается к двери ванной. Жизнь пронизывает меня, и я быстро поднимаюсь на ноги, видя, как хлопает дверь ванной. Срабатывает инстинкт. Я бросаюсь к двери и распахиваю ее, мои ноги чудесным образом работают. Я их не чувствую. Я ничего не чувствую. Но я вижу. Он у окна. Я заикаюсь и смотрю, как он взбирается на подоконник, а затем в мгновение ока он уходит.

Адреналин внезапно уходит из моего тела, и я рыдаю, мое тело начинает конвульсии, когда я теряю контроль над своими эмоциями. Я хватаюсь за дверной косяк, чтобы не упасть, каждый мускул расслабляется, и я начинаю глубоко дышать, зная, что мне нужно вдохнуть немного воздуха в легкие. Мой телефон. Я бросаюсь в ванную и роюсь в сумке, крича о своем разочаровании, когда не нахожу ее. Затем я вспоминаю, как он упал на пол в коридоре в Убежище после того, как я ответил на звонок Люси. «Нет», - кричу я, хлопая сумкой по раковине. Мне нужно убираться отсюда. Собирая вещи, я вылетаю из квартиры, как порыв ветра.

Я неуклюже спускаюсь по лестнице на холод, как сумасшедшая. Моя голова кружится, сердце бешено колотится, и в чистом порыве и отчаянии я роюсь в сумке, нахожу и вытаскиваю изодранную старую фотографию меня и отца. Это не дает мне ни капли комфорта. Его лицо, смеющееся надо мной, не успокаивает мои нервы. Я рыдаю в холодном ночном воздухе, когда иду по улице к станции метро, мой порыв отправляет меня туда, где я сделал свое убежище, и к человеку, у которого мое сердце.

Глава 30

Вид внутреннего двора в Убежище не захватывает меня, как обычно. Умиротворяющая атмосфера, окружающая это пространство, меня не успокаивает. Меня не охватывает обычное тепло. Я думала, это поможет мне успокоиться, но этого не произошло. Но я знаю, что Беккер поможет.

Бегая по мощеным камням в Большой зал, я небрежно пробираюсь сквозь пространство, не раз слыша, как что-то шатается, когда я прохожу мимо. Я смахиваю карту и ухожу оттуда прежде, чем мой разум догнал мое тело. Затем я стою у входа в коридор, пытаюсь отдышаться.

Я обдумывал свой следующий шаг, гадая, где он может быть. «Беккер», - кричу я, но не получаю ответа. Я не знаю, где искать: его кабинет, кухню, библиотеку. Мое бешеное состояние не дает успокоиться. Но потом я взбираюсь по каменным ступеням, как летучая мышь из ада. Моя ключ-карта дает мне доступ в квартиру Беккера, и когда дверь за мной закрывается, я бросаю сумку и заставляю себя оставаться неподвижным, прислушиваясь к любым звукам. Мое дыхание мне мешает. Это громко и хаотично. Кровь свистит вокруг моей головы, вторгается в мой слух, у меня кружится голова. Я двигаюсь к стене из стеклянного кирпича, прежде чем какие-то чувства срабатывают, что-то влечет меня туда, говоря, то что я ищу, можно найти за мерцающим кирпичом. Звук текущей воды начинается тихо и тихо, пока я не у двери, и становится громким и резким. Я ничего не вижу. Ванная Беккера окутана паром, горячий воздух прилипает ко мне, делая меня влажной. Мне нужно, чтобы он обнял меня, сказал, что все в порядке.

«Беккер» .

Его имя на моих губах - хныканье.

Вода сразу отключается. Теперь единственный звук - это мои беспорядочные вздохи. Он

появляется, как мираж, заставляя мои ноги дрожать. Он выглядит серьезным, его обнаженное тело становится мокрым и источает настороженность. 'Элеонора?' Он хватается полотенце и оборачивает его вокруг талии, приближаясь ко мне. «Черт, детка, что случилось?»

Я пошатываюсь с кротким криком, и он ловит меня, прижимая к своему телу. «Черт побери», - проклинаят он, прижимая меня к себе, поднимая с ног и вынося из ванной. Усаживаясь на край своей кровати, он ведет мое тело, пока я не прижимаюсь к нему на коленях, и он шепчет мне на ухо успокаивающие слова. «Шшшш». Он берет меня за голову своей большой рукой и качает меня. «Элеонора, принцесса, расскажи мне, что случилось».

'Кто-то.' Я икаю от своих слов, сжимая его обнаженную грудь, как одеяло. «Кто-то снова был в моей квартире».

Его хватка меня сжимает еще больше, грудь вздымается. - Ты вернулся? Он задает это как вопрос, хотя уже знает ответ.

Я киваю ему в грудь. «Чтобы достать чистые трусики», - говорю я ему.

«Черт, Элеонора. Почему ты туда пошла? Ради бога. Он действительно зол, и из-за моего испуга мне удается понять, почему.

Я отрываюсь от его груди и замечаю, что он внимательно смотрит на меня. «Почему ты так зол на меня?»

Он снимает меня с колен, ставит на мои все еще неустойчивые ноги, и пятится от меня, проводя рукой по мокрым волосам. «Тебе не следовало возвращаться».

'Почему?' Мне не нравится его пораженное лицо. Совсем.

'Это небезопасно.'

'Почему?' Я снова требую, сосредотачиваясь на его напряженном лице, видя перед собой разорванную душу. Он странно себя ведет. Что он знает? Он что-то скрывает?

«Это просто небезопасно», - кричит он, хватая серые брюки для отдыха и натягивая их. «Никогда не возвращайся туда, ты меня слышишь?» Он бросает на меня решительный взгляд, эффективно удерживая меня на месте.

'Почему?' Шепчу я. Это все, что у меня есть. Почему он так зол, так взволнован? Что он знает?

Он смотрит на меня так, словно весь мир лежит на его плечах, и выражение его лица колеблется между силой и поражением. Он зажмуривается на несколько мгновений, набираясь силы духа, затем осторожно подходит ко мне, как кто-то может приблизиться к испуганному животному. Он берет меня за плечи, и тепло его рук через мою одежду делает все намного лучше. Он прижимается губами к моему лбу, вдыхая. «Поверь мне», - хрипло шепчет он. Его предплечья обвивают мою шею и втягивают в себя, его подбородок лежит на моей макушке. «Успокойся, - успокаивает он. «Просто успокойся, я объясню». Он крепко прижимает меня к своему телу, как будто никогда не собирается меня отпускать.

«Я в порядке», - лежу я, немного извиваясь, пока он не ослабляет хватку, освобождая меня.

Мои руки скользят по горячей плоти его спины, когда я отстраняюсь. «Ты весь мокрый», - кротко говорю я, обводя руками, показывая ему свои влажные ладони.

Беккер задыхается, его лицо опускается, он отступает, глядя на мои руки.

Я хмурюсь и смотрю вниз.

И отступить.

Кровь.

- Элеонора. . . ' Он едва шепчет, когда я смотрю на него. Почему он дистанцируется? Его рот снова открывается, но ничего не выходит. Он просто смотрит на мои руки, покрытые разбавленной смесью крови и воды.

«Я не понимаю...» Мои слова исчезают, мой взгляд снова падает на ладони, когда что-то настолько невероятное врежется в мой мозг, как пуля, настолько сильно, что это невозможно игнорировать. Я вскидываю глаза и делаю выпад вперед, хватая Беккера за плечи и дергая его тело. Он сопротивляется, его лицо искажается, но я полна решимости. 'Повернись!'

Я теряю из виду его испуганные карие глаза, когда он сжимает их, и он вяло отворачивается от меня, его татуировка медленно раскрывается. Линии, серый цвет, тени, фигуры и надписи - все здесь. Карта доминирует над его спиной.

Но между красотой его татуировки мамонта притаилось кое-что еще. Что-то новое. Мои легкие ни на что не сжимаются. Рваные раны. Четыре длинных удара, истекающих кровью. Четыре длинных царапины от плеча до середины спины.

Царапины от ногтей.

Бля.

Нет, пожалуйста, нет

Мои ногти.

Возвращаюсь обратно в память меня царапины на спине моего атакующего, разрыв на его свитере. «Нет». Я отталкиваю его, отступая, пока мои икры не касаются его матраса, и я теряю равновесие.

Я неуклюже приземляюсь на кровать и инстинктивно качаюсь назад. Беккер медленно поворачивается, и его лицо говорит мне все, что мне нужно знать. Я этого не представляю. «Нет». Я качаю головой, словно могу отряхнуться отсюда.

«Элеонора, послушай меня».

«Нет». Моя спина ударяется о изголовье кровати. «Нет». Если я буду кричать достаточно громко и достаточно долго, я могу вырваться из кошмара. Это должен быть кошмар.

«Это не то, что ты думаете». Беккер приближается осторожно, подняв руки в знак капитуляции. «Пожалуйста, просто послушайте меня». Его грудь вздымается. Затрудненное дыхание, которое я считал результатом гнева, на самом деле является результатом напряжения. Он бежал. Убегал из своего секретного подземного гаража после гонки по городу на одной из своих многочисленных машин. Чтобы попытаться опередить меня. Пытаться притвориться, будто он был здесь все время.

Мое тело сливается с деревом позади меня, мои ноги упираются в матрас, как будто если я приложу к этому достаточно усилий, стена позади меня может поглотить меня и увести от этого дурного сна. 'Это был ты?' Я задыхаюсь от вопроса и задерживаю дыхание, тупо надеясь на чудо. Не знаю, почему спрашиваю. Я видел царапины на его спине, царапины, которые я там оставила, и я анализирую его личность, его реакцию на мою ясность. Он выглядит травмированным. Полностью сломан.

Виноват.

Он останавливается у изножья кровати. Его голая грудь дрожит, а руки опущены по бокам. Сейчас я смотрю на настоящую капитуляцию. «Это был я», - бормочет он, не сводя глаз с моей дрожащей фигуры. - Ты сказала, что встречались с Люси в пабе. Тебя там не

должно было быть.

Воздух покидает мои легкие с отчаянным криком, и я взлетаю с кровати, как ракета, хватаю сумку и вылетаю в дверь. Мне нужно было, чтобы он признал это, сказал это вслух, и теперь мне нужно бежать. Мое бедное сердце бьется под моим потрясением, и мои ноги теряют всякую чувствительность, когда они спускаются по лестнице.

'Элеонора.' Шлепки босых ног по камню эхом разносятся вокруг меня, бьются в голове, у меня кружится голова. «Ради Бога. Элеонора.'

Мое плечо врезается в стену на углу лестницы, сила отбрасывает меня в стену вниз. Мои ладони бьют по плоскости, но жгучая боль в моей коже в результате даже не затрагивает агонию моего разбитого сердца. Я иду по коридору, безумный и неменяемая, мой разум наводнен слишком многим, чтобы разобраться.

Я вижу свой мобильный телефон, лежащий на полу, и забираю его, когда прохожу мимо двери Большого зала. Я нащупываю карту и открываю ее, потом бегу во двор, как будто от этого зависит моя жизнь. Теперь я могу пройти по темному переулку с закрытыми глазами, но я останавливаюсь на выключателе у входа и пользуюсь светом, надеясь, что он вытащит меня отсюда быстрее.

Он идет. Я слышу, как его ноги стучат по бетону позади меня, но на этот раз он меня не остановит. Смахиваю карточкой и выхожу на главную улицу с облегчением, когда приземляюсь на оживленный тротуар. Меня никто не замечает; они просто укорачиваются от моего тела, когда я кручусь на месте, пытаюсь собраться с мыслями. Темно, холодно, и я не знаю, куда бежать.

'Элеонора!' Рев Беккера громко эхом разносится от входа в переулок.

Я оборачиваюсь и сталкиваюсь с ним лицом к лицу, когда он останавливается. Выражение его лица напряжено, обнаженная грудь пульсирует. 'Элеонора.' Он тянется к моей руке, но я уклоняюсь от него и ухожу.

"Почему ты был там?"

Он закрывает глаза, его щеки впали от стиснутых зубов.

«Скажи мне, почему?» - кричу я.

'Блядь!' Он разворачивается и ударяет кулаком о стену, пробираясь сквозь боль, которую он вызывает. Я подпрыгиваю, пораженная его яростью.

Подойдя ближе, он протягивает руку, делая один маленький осторожный шаг за раз, пока не дышит на меня. Его близость не производит обычного эффекта. Я не дышу вожделением, желанием или потребностью в этом мужчине. Теперь мое глубокое дыхание подпитывается исключительно страхом. Я его боюсь. 'Сволочь.' Мой голос дрожит от волнения, и моя рука летит вперед, моя ладонь наносит жестокий удар по его лицу. Его голова резко поворачивается в сторону, его челюсти напрягаются. «Держись от меня подальше».

«Поверь мне, Элеонора. Пожалуйста, поверь мне».

«Ты напал на меня», - кричу я, пятась.

«Я, бля, не напал на тебя», - рывкнул он в ответ, хватая меня за плечи и толкая меня к стене. Удар до сих пор меня шокирует. «Я сдерживал тебя». Он выглядит в панике. «Пожалуйста, ради всего святого, пожалуйста, просто поверь мне».

«Вот и все, Беккер. Я сделала. Я чертовски доверял тебе. И ты его уничтожили». Я с трудом выговариваю слова из-за боли, которая меня калечит. «Не пытайся найти меня». Я изо всех сил отталкиваю его и мчусь через дорогу, веду себя по глупости безрассудно, не

проверяя пробки. Я перехожу на другую сторону, не обращая внимания на громкий визг раздраженных автомобильных гудков.

'Элеонора!' Беккер многократно кричит отчаянно.

Я оборачиваюсь и вижу его на другой стороне дороги, с обнаженной грудью, его глаза отчаянно пытаются держать меня в поле зрения, пока он ныряет между машинами, хлопая капотами и крича, чтобы люди остановились. Но его крики стихают, когда между нами останавливается автобус, и я исчезаю в переулке. Я не знаю, куда иду. Не знаю, что делать.

Мой новый старт, моя новая жизнь, свободная от горя, вины, боли и предательства, была украдена.

Беккер Хант украл мое сердце.

Вырвал это из моей груди.

Как это возможно, что мои небеса превратились в худший вид ада?

Предательство.

Как мой дух мог быть обнаружен, а затем снова потерян?

Украден.

За красотой его ангельских глаз скрывается опасность.

Горе.

Мой святой действительно грешник.

Я никогда не забуду этого.

Агония.

Но история Элеоноры и Беккера еще не закончена. . . Продолжите страсть и драму в потрясающем сиквеле Джоди Элен Малпас, Wicked Truths.